

Виктор Андриянов Анатолий Москаленко

ДОКЛАД

Přihlášen
v Praze

Přihlášen
v Praze

Přihlášen
Praze, dne

Odhlas
v Praze

zaměstnaním

jest

a že není námitek proti
slovenské republiky, jakož
hranicích. Pobyt v Praze
ního ředitelství.

Přukaz má platnost
ode dne vydání
V Praze, dne

Průkaz

Ministerstvo zahrani

Konstantin

Nájemník

narozen 20. kvě

v Kyjeve

zaměstnaním

jest

a že není námitek proti
slovenské republiky, jakož
hranicích. Pobyt v Praze
ního ředitelství.

Přukaz má platnost
ode dne vydání.

Виктор Андриянов
Анатолий Москаленко

**Танго
узников**

ПОЛИТИЧЕСКИЙ
РОМАН

Москва
Издательство «Правда»
1987

ББК 66.3(0)

А 65

А $\frac{4502010000-1507}{080(02)-87}$ 1507-87

Стань чуждым

ПОЛИТИЧЕСКИЙ
РОМАН

ПРОЛОГ

«...Что ж, ушли годы — я узнал, что такое голод и холод. Я встречался со всякими житейскими неурядицами. И выпил сполна горькую чашу разочарований, несбывшихся надежд. Познал предательство соотечественников-оборотней, так называемых друзей, готовых утопить ближнего в ложке воды и пойти по чужим костям ради мелких личных выгод.

Меня переставляли, выгоняли взашей, предавали хуле хозяева и их прихлебатели. Но никто не снимал меня с должности Человека.

У меня сжималось сердце при виде ползающих на коленях бесхребетных гомо сапиенс, выпрашивающих у «владык», как милостыню, теплое местечко, дерущихся у корыта за обглоданную кость с барского стола и ожидающих получить вместо пинка под зад одобрителный кивок очередного хозяина. Ах, как же вы были правы, древние брахманы, когда говорили: поистине, солгал тот, кто сравнил службу с собачьей жизнью, — пес бродит, где ему вздумается, слуга — там, где прикажет повелитель.

Я с омерзением слушал демагогов, распинающихся за «родимое отечество» — и тут же бессовестно оскверняющих его.

Мало осталось у меня друзей...

Словно рыбы в мелководье, метались люди, строя козни друг другу, — страшно мне было глядеть на это!

Нужно ли, спрашиваю себя, было все это пропускать через свое сердце, чтобы на нем оставались рубцы? Ведь все это шелуха, тлен. Пройдет еще время, сотрутся лаки и кудрева — и подгримированные лица уродцев расплывутся, а их имена и вовсе выветрятся из памяти.

...Подлые твари. Вы всю жизнь ходили по моим пятам, я не мог от вас отделаться, как от собственной тени. Вы залезали с сапогами в душу и гадили там. Вы разрывали на куски мое незащищенное сердце и досыта напивались моей кровью.

Бледные недоноски! О, вы знаете, куда и когда направить свои ядовитые стрелы. И знаете, как это делать: один — вдохновитель, другой — провокатор, а третий — мастер плести лапти. И все, говорите, ради «родимого отечества»?

Теперь меня не проведешь. Увы, прозрение наступило поздно. Что ж, живите, здравствуйте, захлебывайтесь в своих испражнениях, переплетайтесь своими спирохетными извилинами, размножайтесь.

И все равно вы только тени.

Тени...

Тени...

Сквозь тени я вижу только пляску смерти, уравнивающей всех в этой брэнной жизни, исполняя самый высший, самый справедливый в природе закон.

Заходит солнце и уносит с собой остатки моей и их жизни. Что пользы от того, что они рыли колодец, когда дом охвачен пламенем? И я обращаюсь к тем, кто придет после нас: не совершайте ничего, что будет мучить на смертном одре. Ибо жизнь мгновенна!

Годы, годы... Почему же вы не остановитесь, не зависнете в лете, чтобы нам, человекам, получше задуматься над ценностями жизни и попытаться переоценить их? Вы же, годы, не только уносите, но и что-то даете.

Только сейчас, в пору своей последней зимы, отчетливо понимаю: непонятна, непостижима жизнь смертных; она горестна, кратковременна, полна зла. От этого острее всего боль обжигает мое уставшее сердце.

Сердце ли болит?

Душа болит...»

(Из записей в дневнике Кости Найдича)

Глава первая

ВЗГЛЯД С ТОЙ СТОРОНЫ

Сколько человеческих жизней на земле — столько и дорог людских. И каждая — неповторимая — влечет ищущего свою судьбу. Ту судьбу, о которой кто-то сказал, что она — как призрак, как удаляющийся зов, что его сердце может услышать или потерять.

Как-то в лесу под Киевом, в Пуще-Водице, нам довелось наблюдать смешной случай с малышом. Его увлекал за собою броско размалеванный мотылек, порхая в разнотравье на большой поляне. Вот, казалось бы, малыш уже достиг свою манящую жар-птицу, но она, словно играя с ним, снова взлетала. За поляной — густой лес, затерялся в нем мальчонка. Мы — в поиск. Почувствовав, что кто-то крепко держит его за руку, бедняжка поднял на нас глаза в слезах. Рубашонка и коротенькие штанишки на нем были в колючках, лицо в царапинах. Шуткой («Что же ты, мужичок?..») удалось вывести обманутого мотыльком мечтателя из оцепенения. Подумалось вдруг: не так ли и в жизни порой манящие перья жар-птицы предательски оборачиваются пестрыми крыльцами мотылька?

На далеких чужих дорогах нам приходилось встречаться с теми, кого бог велел куда увели от родного дома «розовые» и всяких иных цветов «мотыльки», обокрав разум и сердце. Да, среди потерявших родину — всякий люд: и просто жертвы разных иллюзий, и зло брызжащие политиканы. Но, но...

Во время одной из зарубежных поездок мы с земляком-киевлянином, сотрудником представительства Украины при Организации Объединенных Наций, шли, беседуя, по пля-

жу в Балтиморе. Остановились возле киоска с мороженым. Когда, обращаясь к нам, земляк заговорил по-украински: «А що — холоднэнькэ нэ завадыть!» — рядом стоявший мужчина с девочкой-подростком вдруг застонал и, теряя сознание, начал клониться на киоск. Растерянная девочка пыталась подхватить и удержать мужчину. С ее уст слетало скороговоркой: «Та що з тобою, таточку, що?»

Нам все было понятно: услышанное на чужбине родное слово прозвучало для отца до боли дорогим зовом отчизны. Когда мужчина пришел в себя, мы спросили его:

— Звидкы вы?

— З-пид Чернивцив. И зовсим недавно лышыв батькивське гниздечко на свою та ии муку, — показал на дочь.

У себя дома черновчанин работал учителем. Имел собственный домик, усадьбу, жил без нужды. И родное солнышко заглядывало в окна, согревало сердце. И вот, по выражению эмигранта, сам черт попутал ему все карты. Американская судьба искателя «райских берегов» посмеялась над ним. Долго не мог найти себе никакого дела, чтобы зарабатывать на пропитание. Нашел наконец «дело» — стал отлавливать для одной фармацевтической фирмы разных жуков...

Говорят, человеческие неудачи всегда идут в паре с недомыслием. Почему-то стало жаль человека, жизнь у которого не состоялась. Этого жаль, других — враждебных, злобных — нет. Пусть испивают свою чашу. Бывший профессор ходит по двору богача с метлой, инженер — водовозом на ферме, художник наклеивает этикетки на чулки, скрипач играет на тротуаре, подставив шляпу для подаяний. Конечно, кое-кому, бывает, и повезет — вцепится он в «выгодное дело». Но даже при всех везениях там, далеко от отчего дома, полынь чужбины нестерпимо жжет сердце.

Сколько их по свету — «отпадышей», не понявших революции, нашего нового мира, самоуничтожающих себя в гневе на все, что нам дорого. А вот наша страна ничего не потеряла, развеяв всякий туман!

1

На одной из окраин Праги, неподалеку от массивной, увенчанной шпилем гостиницы, приютился шестиэтажный дом, ничем не выделяясь среди соседей. И справа, и слева, и напротив, за трамвайными рельсами, к которым прижались ладошки пассажирских островков, стоят такие же дома: поседевшие от копоти стены, высокие этажи, в первых — сплошь

витрины. Они зазывают на кружку пива или чашечку кофе, демонстрируют по сезону «казачки» или босоножки, рдеют круглый год апельсинами... Когда по городу развозят уголь, у этого дома тоже останавливается грузовик. Водрузив на плечи, прикрытые давно потерявшей цвет мешковиной, глубокие корзины, угольщики разносят по квартирам брикеты. Все обычно. Кроме одного. На дверях здесь частят русские фамилии...

Это — «русский дом». Построили его в начале двадцатых годов эмигранты из России. Старожилы Праги знают и другие «русские дома» — в микрорайоне Дейвице, в другом конце города, в Страшнице... Один из них с рассрочкой выплаты на шестьдесят лет заложили в 1922 году бежавшие профессора. Над ними, говорят, смеялись: какая рассрочка! Советская власть через год или два опрокинется... Профессора слушали и — устраивались основательно.

Русские, украинские, белорусские дома, улицы, колонии появились в те годы в Чехословакии и Германии, США и Франции, в Польше, Турции, Югославии, Болгарии — всюду, где оседали развеванные бурей революции эмигранты.

Через десять лет после Октябрьской революции, в конце 1927 года, белогвардейские центры провели перепись эмиграции. По данным журнала «Русский голос», выходившего в Нью-Йорке, статистика была такова: в Германии — 446 654 человека, во Франции — 389 450, в Югославии — 38 865, в Китае — 76 000, Польше — 90 000, в Литве, Чехословакии, Болгарии, Испании — по 20—30 тысяч... А всего свыше полутора миллионов человек.

Видимо, эти данные близки к действительности. По оценке В. И. Ленина, сделанной в 1921 году, в эмиграции оказались полтора-два миллиона.

Среди «отпадышей» — представители всех эксплуататорских классов и групп царской России, всех ее сословий, всех враждебных революции партий, белогвардейцы... За границами Советской России образовалась другая, по выражению Ленина, эмигрантская Россия. Осколок ее — «русский дом» на пражской окраине, близ трамвайного кольца...

Случай помог нам познакомиться с теми, кто и сейчас в нем живет.

Был День Победы. На окнах трепетали красные флажки, с плакатов и фотографий смотрели родные лица победителей. Ребята в пионерских галстуках стояли в карауле у мемориальных досок — их так много в Праге. Мы останавливались у них,

читали, но видели в эти минуты Москву, сквер у Большого театра, фронтовиков в выгоревших добела, вытуженных годами гимнастерках. Видели Савур-могилу, курган в донецкой степи, куда в дни Победы сходится чуть ли не весь Донбасс. Вспоминали Вечный огонь на горе Митридат в Керчи и площадь у знаменитого ЧТЗ — Танкограда с последним ИС на пьедестале, сработанным золотыми руками Урала, и преклонивший колени в честь павших Владивосток... С памятью о нашей Победе мы шли на Ольшаны — красноармейское кладбище в Праге.

Геометрически строгие ряды серых надгробий с красными звездочками, живые цветы на плитах — всегда живые, когда бы сюда ни приходил. Советские открытки за табличками с именами — их оставляют наши туристы. Пожилая женщина в черном платке на чистейшем русском языке рассказывала обступившим ее нашим ребятам, как после Победы хоронили на Ольшанах русскую медсестру, и чешская ровесница укрыла ее своим подвенечным платьем... Мы оставили гвоздики у обелиска, на котором были высечены только два слова: «Неизвестный солдат», и, заинтересовавшись, подошли поближе.

— Так вы, значит, русская? — спрашивала девушка в ярком пуховом берете, по которому за версту узнаешь на чужих перекрестках своих. — У вас здесь кто-то похоронен, да?

— Здесь все мои, — тихо отвечала женщина. — И кутузовские офицеры вон под тем памятником, и советские солдаты — Геночка, Димочка, Ванюша, и те, возле Успенского храма.

Когда туристы, подарив собеседницу значками и открытками, потянулись к автобусу, мы втроем пошли к русской церквушке. По обе стороны дорожки, устланной солнечными бликами, томились унылые ангелочки, кое-где теплились бледные в свете дня свечи. Неподалеку за оградой, густо обвитой свежей зеленью, дышал проспект Винограды, не раз на своем веку переименованный в угоду времени и получивший в конце концов старое название.

— Когда-то мы там жили, — кивнула в сторону проспекта Надежда Павловна, — на Виноградах.

— А давно вы в Праге?

— Почти шестьдесят лет уже, — ответила она. — А приехала двадцатилетней.

«Сколько же вам?» — хотелось спросить, но Надежда Павловна предупредила вопрос:

— Я ведь родилась еще в прошлом веке, в 1898 году, в городе Порхове.

«Больше восьми десятков — и такие чистые, умные глаза, свежий, звонкий голос, отличная память...»

Среди чешских фамилий, выведенных латиницей, вдруг пошли сплошь русские имена — только почему-то с «ятями», с непривычными нам титулами и званиями: статский советник Александр Николаевич Смирнов, есаул Всевеликого войска Донского Василий Васильевич Пухляков, штабс-капитан Павловского полка, генерал от инфантерии, старейшина Рады Белорусской Народной Республики, казак станицы Нижнечирской, княгиня...

В Праге под березами лежат они. И под обветренными холмами Галлиполи, под выжженным песком Исмаилии, под крестами Белграда, Сент-Женевьев де Буа близ Парижа, в Берлине. Повсюду, куда бежали...

Вспоминается примечательный разговор шолоховского Григория Мелехова с поручиком Щегловым, переводчиком при английском офицере во время отступления деникинской армии к Новороссийску. Поручик заметил, что в их положении далеко не уедешь.

«Григорий внимательно посмотрел на поручика, спросил:

— А вы далеко собираетесь ехать?

— Нам же по пути, о чем вы спрашиваете?..

— Дорога-то у нас одна, да едут все по-разному... — снова заговорил Григорий, морщась и тщетно стараясь поймать вилкой скользивший по тарелке абрикос. — Один ближе слезет, другой едет дальше, вроде как на поезде...

— Вы разве не до конечной станции собираетесь ехать?

Григорий чувствовал, что пьянеет, но хмель еще не осилил его; смеясь, он ответил:

— До конца у меня капитала на билет не хватит... А вы?

— Ну, у меня другое положение: если даже высадят, то пешком по шпалам пойду до конца!»

Вот их конец — покосившиеся кресты, проржавевшие оградки... Барон... Еще донской казак... Прима-балерина императорского театра... Министр и посол Украинской Народной Республики... Генерального штаба генерал-майор... Генералы без армий, послы без государств...

Как доживали они свой век?

Из канувших в Лету персонажей выберем наугад. Свидетельствуют заокеанские газеты наших дней, взятые из архива журналиста-эмигранта Кости Найдича.

«...Во время первого посещения репортерами Юрия Никитича, 83 лет, и его жены Лидии Николаевны у хозяина жилища было просветление. Он рассказал, что в начале гражданской войны он и его отец за вооруженную антисоветскую деятельность были арестованы в их имении, находившемся вблизи Чудского озера.

— Нас повезли в город Гдов. Но меня там взяла на поруки одна актриса, которая... — Юрий Никитич прерывает свой рассказ и хитро взглядывает на Лидию Николаевну, — которая была мной увлечена. Представьте, не успели меня выпустить, как к Гдову стали подходить части генерала Булак-Булаховича. Гдов был взят, и я присоединился к одному из его кавалерийских отрядов. Но меня мучила мысль о том, что в имении остались моя мать и младший брат. Я достал розвальни и отправился в имение. Оставив розвальни за оранжереей, прокрался в сени дома и тихо позвал брата Сергея. Мать и брат выскочили мне навстречу. Наше имение находилось в прифронтовой полосе, нужно было немедленно их вывозить. Я усадил их в розвальни и пустил лошадь во весь опор в сторону Гдова. Минут через десять я услышал за собой конную погоню. Со мной был кольт и в нем, к моему ужасу, всего три заряда. Двое конных настигали наши розвальни, открыли по нас стрельбу. Я повернулся к ним и стал отсчитывать: сто шагов, восемьдесят, пятьдесят, сорок. На тридцать девятом шагу я выстрелил в одного из конных, он свалился. Второй продолжал стрелять. Тогда я выстрелил навскидку и сбил его с лошади. Я целил ему в голову, а попал в грудь.

— О боже... Юрий Никитич, вы убили двух людей?

— А то как же? На следующий день наш разъезд нашел двух убитых в пяти верстах от нашего имения.

...Спустя некоторое время репортеры опять навестили чету Д. К ним присоединился супер дома.

В гостиной, заваленной всяческим барахлом, стоял ужасающий смрад. Хозяин, лохматый и обросший, встретил гостей у порога. Брюк на нем не было. Перегаром от него разило, как из бочки.

— Прикритесь, мистер, — закричал супер. — К вам пришли!

Он схватил валявшуюся на полу тряпку и кое-как обмотал ею старика. Тот бормотал что-то бессвязное пьяным голосом. В глубине комнаты сидела растрепанная, грязная старуха с измученным лицом.

— Осторожно, — предупредил супер. — Они выпивают три кварты виски в день, не могут дойти до уборной и справляют нужду здесь, на ковре, а потом прикрывают газетами.

Старушка была тоже пьяна. Супер сказал, что муж нарочно ее спаивает, чтобы она не могла никому рассказать о происходящем и попросить помощи.

Старый мистер пробормотал, что, мол, жена помешанная, что только большие порции виски помогают ему справляться с ней, когда она буйствует.

— Ты врешь, — неожиданно совершенно четко произнесла старуха. — Ты не хочешь меня лечить, потому что жалеешь денег.

— У вас есть средства, мистер? — спросили репортеры.

— Кое-что есть, я сорок два года работал на Уолл-стрит. Зачем мне тратить на нее свои сбережения? Все равно она скоро умрет!

Через несколько дней мистера Д. хватил удар, и он умер, не приходя в сознание.

А старуху увезли в старческий дом, в эту скучную ожидальню перед могилой, где задыхаются от смрада, где чужие люди, чужой язык...»

Но вернемся на Ольшаны.

Вдруг, как вспышка, звездочка среди крестов: «Мамроцкий Михаил Иванович, инвалид Великой Отечественной войны, гражданин СССР». Какая судьба стоит за этими строками? Какая жизнь продиктовала последнюю волю: и после смерти, как при жизни, остаться под красной звездой?

Надежда Павловна прочитала вслух надпись.

— Мамроцкий, Мамроцкий... Нет, не знаю о нем ничего.

Вокруг, вплоть до самой церквушки и дальше, за ней, густо толпились кресты. У одного из них Кочергина остановилась: «Дмитрий Павлович Кочергин...» Родился в Киеве в 1898 году, умер в Праге...

Под березами в Праге сошлись они, уроженцы Москвы и Киева, Новочеркасска и Ростова, Полтавы, Пскова, Одессы, неприметных станиц, деревень, городков... Вот она, подумалось, эмигрантская судьба. Прошрое под могильным крестом. А будущего и не было.

Будущее у нашей Родины — Советской страны, у Союза Советских Социалистических Республик. Страны Красного Знамени. Страны Красной Звезды.

В ту пору, которую учебники истории называют годами наступления реакции, у Феликса Эдмундовича Дзержинского словно из самого сердца вырвались слова глубочайшей веры в судьбу человечества, озаренного звездой социализма, звездой будущего.

Не каждому дано почувствовать грядущий день. Некий бухгалтер Торопов, затратив «пять лет усидчивой ночной и праздничной работы, издал в Казани в канун Октябрьской революции карманный календарь «Звезда». До середины тридцатых годов спланировал создатель из Кошачьего переулкa будущее с однодневными постами и многодневными, с вербными воскресеньями, пасхами и троицами...

Но мир уже жил по другому календарю — по календарю революции.

Звезду будущего зажгли над миром большевики. Под этой пятиконечной звездой мы росли.

Пятиконечная красная звезда сияет над нашим гербом. «В народе сложилось понятие, — вспоминал В. Д. Бонч-Бруевич, — что мы, строящие социалистическое государство, освещаем все народы, находящиеся в пяти частях света, — почему и сияет на нашем гербе пятиконечная звезда. Красноармейцы говорили: наша звезда на пять частей мира светит. Это объяснение звезды сейчас же было подхвачено, и оно очень понравилось Владимиру Ильичу».

С буденовки конармейца звезда перешла на фуражки и погоны солдат и офицеров нашей армии. Ее несли крылья Гастелло, Талалихина, Кожедуба, Покрышкина, несла от полей Подмосковья до Победы броня наших танков, поднятых благодарной памятью поколений на пьедесталы Европы. Красный стяг с пятиконечной звездой мы поднимаем над Первомайскими и октябрьскими колоннами.

Ты помнишь свой самый первый Первомай, товарищ? Каким он остался в памяти? Наверное, видением бескрайней кулачковой площади, распахнувшейся вдруг с отцовских плеч. И новым, неизведанным прежде чувством локтя, когда, старательно подравняв ряды, мы подходили к трибуне на главной улице родного города, начинающейся от проходных металлургического завода, и просто радостью большого праздника... Потом был наш первый Май с комсомольским значком, парадный марш в строгой шеренге однополчан, митинг в горняцком поселке над крутым склоном лесистой балки, где в начале века собирались первые в этом краю маевки, — сначала нелегальные,

потом открытые, гордые, с красными флагами и революционными песнями:

Лейся вдаль, наш напев, мчись кругом!
Над миром наше знамя реет
И несет клич борьбы,
Мести гром,
Семя грядущего сеет...
Оно горит и ярко рдеет —
То наша кровь горит огнем,
То кровь работников на нем...

Напористый ветер — всевластный хозяин кряжа — рвал знамена нашей шахты. У них стояли постаревшие стахановцы в парадных горняцких мундирах, участники восстановления освобожденного от фашистов рудника, наши друзья — ребята из первых бригад коммунистического труда... Может быть, на этом митинге, где слова весомы и жарки, как уголь, ты впервые задумался, какой это праздник, как сплавился он с нашей жизнью.

В старых словарях между «мадригалом» и травой «маеран», «мастой» и «маем» — весенним, пятым в году, месяцем — мы не нашли «маевки». Тогда само это слово было под запретом. Маевку в словари вписал молодой рабочий класс, но сначала — под нагайками и пулями — утвердил ее в жизни: на окровавленных мостовых Чикаго, в Петербурге, Нижнем Новгороде, Юзовке...

В той жизни правила еще банкиры и помещики, жандармы и архиереи, и праздники у них были свои — господни и царские, были свои годовщины и юбилеи, разъединяющие людей труда. Спустя полгода после Октябрьской революции Александр Блок писал: «...той России, которая была, — нет и никогда уже не будет. Европы, которая была, нет и не будет... Мир вступил в новую эру. *Та* цивилизация, *та* государственность, *та* религия — умерли».

Сбежав после революции за границу, осколки старого строя увезли с награбленными капиталами и свои праздники.

Эмигрантский еженедельник «Дневник», выходивший в тридцатые годы в Праге, приглашал на храмовые праздники и отмечал годовщины: «учреждения Всероссийского правительства в Сибири» (колчаковского), вступления на киевский престол Владимира Мономаха, романовской династии...

А мы считаем годы по Октябрю. Празднуем наши, советские праздники. И среди них один из самых любимых Лениным — День международной солидарности трудящихся.

Первого мая 1917 года Владимир Ильич Ленин шел во главе колонны рабочих Выборгского района, выступал на Марсовом поле и Дворцовой площади. Н. К. Крупская позже вспоминала, что Ленин «вернулся домой глубоко взволнованный. Рассказывал мало, да и трудно ведь словами было передать то, что в этот момент было пережито. Но лицо было взволнованное, изменившееся какое-то».

О таких мощных рабочих демонстрациях Владимир Ильич мечтал в Шушенском, после маевки ссыльных социал-демократов, такие демонстрации он видел на Красной площади.

— ...заложенное нами здание социалистического общества — не утопия, — обращался Ленин к демонстрантам 1 Мая 1919 года. — Еще усерднее будут строить это здание наши дети.

Первомай — продолжение и начало лучших традиций рабочего класса. В нем — истоки наших субботников, этапы соревнования, он — живая летопись международной солидарности трудящихся.

Что отстаивал твой первый Первомай, товарищ?

Наш нес над колоннами портреты Николаса Белоянниса, греческого коммуниста, казненного с гвоздикой в руке, — и мы жалели, что опоздали ему помочь. Наш Первомай, согретый гагаринской улыбкой, тревожился о Кубе. «Патриа о муэрте! Родина или смерть!» — грохотало над улицей Артема так же, как над Гаваной. Чувства солидарности незримо перелились в наши ряды из отцовских колонн, над которыми плыли портреты Георгия Димитрова, освобожденного из гитлеровских застенков, над которыми эхом отзывалась клятва республиканской Испании: «Но пасаран! Они не пройдут!»

А мы, в свою очередь, научили сыновей думать не только о себе. Для них Вьетнам, Никарагуа, Кампучия, Сальвадор близки так же, как для нас Куба, для отцов — Испания. Никогда не забыть ребят во Владивостокском морском порту с их посылками для вьетнамских ровесников — тетрадками, ручками, карандашами, предназначенными для «Корабля солидарности». Никогда не забыть знакомую по фучиковскому «Репортажу с петлей на шее» камеру № 267 тюрьмы Панкрац. В зарешеченное окно под потолком виднелись клочок неба и крыши других корпусов Панкраца. Солнце над ними мелькает лишь в середине лета... Все, что видишь вокруг, хранит память о Фучике, его товарищах, известных и неизвестных. Дощатый, истертый пол тюремной камеры помнит их шаги. Коричневая, в потрескавшейся краске подвесная полочка хранит счет дней — они выцарапаны на боковой стенке. На двери вырезана большая пятиугольная звезда — свидетельство их воли. Кто вы-

царапал ее — Фучик, папаша Пешек или рудокоп Карел Малец? Стойкость и мужество она придавала всем узникам фашизма.

Здесь первого мая 1943 года Юлиус Фучик сердцем слушал Москву. «...Девять часов. Сейчас часы на кремлевской башне бьют десять, и на Красной площади начинается парад. Отец, мы с вами. Там сейчас поют «Интернационал», он раздается во всем мире, пусть зазвучит он и в нашей камере. Мы поем. Одна революционная песня следует за другой, мы не хотим быть одинокими, да мы и не одиноки, мы вместе с теми, кто сейчас свободно поет на воле, с теми, кто ведет бой, как и мы...»

Сегодня также слушают Москву, чувствуют энергию нашей солидарности узники фашистских тюрем в Чили, Парагвае, Южной Африке... Диктаторы в страхе запрещают Первомай. Но разве им, отпадышам истории, под силу остановить историю!

...На исходе августа 1935 года хроникер города Оломоуц, известного в истории как Ольмюц, зафиксировал следующий факт. Городской музей, писал он, посетила делегация украинских эмигрантов и попросила принять на сохранение знамя полка, с которым они воевали против большевиков. «Просьбу эмигрантов удовлетворили», — меланхолично заметил хроникер и поставил точку, зафиксировав закат эмигрантских надежд, эмигрантской звезды.

3

— Приходите, пожалуйста, в гости, — сказала, прощаясь, Надежда Павловна. — Думаю, найдется кое-что интересное для вас.

До самых последних лет перед выходом на пенсию Кочергина заведовала кафедрой иностранных языков. С 1948 года — гражданка СССР. Страстно любит и знает русскую и советскую поэзию, литературу, устраивает домашние вечера нашей поэзии у проигрывателя...

Но мы встретились, чтобы поговорить о другом. Рядом с чашечками, в которых стынет чай, лежат потемневшие фотоальбомы с застешками, стопка блокнотов, исписанных бисерным почерком...

Хозяйка раскрывает слежавшийся альбом.

— Это генерал Кутепов, это Марков...

— Снимок с автографом — подарок вашему мужу?

— Да-да. Это марковский полк в Галлиполи, которым командовал муж. Вот это, посмотрите, памятник в Галлиполи.

Каждый, кто там жил, должен был принести камень. Так и собирали на памятник. Думаю, что он уже развалился. А это — Врангель. Типичный барон...

«Черный барон», откинувшись в кресле, надменно смотрит перед собой... Но падает тяжелая крышка альбома, и он отправляется в ящик.

— Вы ведь попали в самое гнездо, — говорит Надежда Павловна. — Вот эти блокнотики — дневники Кости Найдича, друга Дмитрия Павловича, моего мужа. Быть может, вам будет интересно. К нам они попали вместе с другими бумагами по завещанию Кости. Вот полковые документы, письма мужа. Эти вот блокноты — самые систематизированные. Костя имел привычку жечь свои дневники. Но некоторые оставались. — Она помолчала, а затем продолжила: — Трудной судьбы этот человек. Закончил в Праге мединститут, но многие годы работал в эмигрантских газетах. Исколесил весь мир. Открытки его приходили то из Англии, то из Канады, то из других стран. Последние бумаги пришли из-за океана. Вот эту кипу, честно говоря, я еще и не разбираю. Кажется, это его последние записи. Сейчас о нем ничего не знаю, очевидно, его нет в живых. Он всегда имел привычку, повторяю, исчезать надолго. И много я о нем не знаю... — И добавила после паузы: — Да, он был прирожденным журналистом. Да, заблуждался. Но никогда не клеветал на свою родину. Оттого и не приживался долго ни в одной эмигрантской газете. После войны сотрудничал в прогрессивных изданиях. Он был полиглотом, знал не только славянские языки. Это ему помогало в работе. Жаль, что такой талант растрочен зря.

Груда документов заполнила весь стол, чашечки давно перекочевали на сервант... Старые удостоверения — «в воздаяние воинской доблести и отменного мужества в боях...», награды в потускневших коробочках — «Знак отличия Первого Кубанского похода», Георгиевский крест, письма, вырезки из газет... На одном конверте бросается в глаза московский адрес...

— Это от сестры, — замечает хозяйка. — Будете в Москве, загляните к ней, пожалуйста... — И после короткой паузы: — Не думали ведь, что будем за границей десять, двадцать, тридцать лет... Все время возвращались, все время надеялись — вот-вот вернемся...

Со стены на нас смотрят красочные малявинские молодки: в цветастых полушалках, в шубейках, идут они по снежной улице, такой далекой от этого одинокого дома...

— Еще в Галлиполи муж начал, как говорится, переоценивать ценности. Приехав в Чехословакию, порвал с белым

движением, — продолжает Кочергина. — Он понял совершенно ясно, что путь, по которому мы шли, губителен, что правда там, в Советском Союзе. То же самое было и с его другом — Костей, да и со мной.

Надежда Павловна легко подходит к шкафу и достает красный паспорт:

— Вот что у меня есть!

— Что же на вас повлияло больше всего?

— 22 июня 1941 года нас всех перевернуло... Самые дорогие мои воспоминания — приход Красной Армии. И потом — конец войны. Победа! Победа! Когда поют эту прекрасную песню «День Победы порохом пропах...» — любите вы ее? — я не могу сдержать слезы. Самый дорогой это день — Победа. А самые горькие дни? Много их, горьких, было. Я скажу вам точно: последняя глупость — уезжать со своей земли. Говорю это потому, что знаю по собственному опыту. Эмигрант нигде не дома.

4

Мы прервем нашу беседу с Надеждой Павловной и обратимся снова к документам, сохранившимся в личном архиве Найдича.

Свидетельствует заокеанская эмигрантская печать наших дней.

НАПАДЕНИЕ НА ЭМИГРАНТА ИЗ СССР

В понедельник 12 ноября вечером в Нижнем Манхэттене произошло бандитское нападение на недавнего эмигранта из Советского Союза Александра Тылова, бывшего клиента НАЙАНЫ.

43-летний Александр Тылов два года назад прибыл в США из Киева вместе с женой и сыном. По профессии дантист, он занимается на курсах зубных техников в Дентал Инститьют Магна. Жена также учится на курсах. Оба супруга в настоящее время не работают и, будучи стеснены в средствах, охотно приняли предложение Джуйш Комьюнити (235 Бродвей) взять два матраца. 12 ноября около 5 час. вечера А. Тылов, взяв тележку, вместе с 6-летним сыном Феликсом отправился за матрацами по указанному адресу (они живут по адресу 154/156 Брум-стрит, недалеко от Дилэнси-стрит).

Вернувшись с поклажей, отец поднялся наверх, чтобы позвать для помощи жену, а сына оставил у тележки. Когда су-

пруги Тыловы спустились вниз, они увидели группу подозрительных лиц. Матрацы были порезаны ножами, а 6-летнего плачущего Феликса хулиганы, хохоча, швыряли на матрацы. Когда Александр Тылов попытался вмешаться, его ударили сзади по голове и, свалив наземь, стали зверски избивать. У почти потерявшего сознание А. Тылова вынули из кармана деньги — около 180 долларов, приготовленных на оплату квартиры, — после чего бандиты бросились бежать. Несмотря на крики жены, на помощь не пришел никто из прохожих, не услышали призывы о помощи и из полицейского участка, находящегося в двух кварталах от места происшествия.

Александр Тылов едва добрался до полиции, откуда его доставили в больницу по адресу 170 Виллиамс-стрит в Нижнем Манхэттене, где он находится и сейчас с серьезными травмами. Поскольку делом о бандитском нападении занялась полиция, А. Тылов опасается — видимо, не без основания — мести хулиганов и собирается переехать на новое место жительства.

Комментарий эмигрантской газеты: «Подобные случаи и судьбы забытых людей — эмигрантов, доживающих свой век, — мягко говоря, вызывают уныние среди новых эмигрантов.

Вот мнение одной недавно приехавшей из СССР:

«Говорят, что вроде бы это единичные случаи, но им нет конца. Пишут, что и о забытых людях кто-то заботится. Но часто эта забота приходит слишком поздно, да и помощь нередко бывает малоэффективной. Вот и думаешь все время: неужели и мне придется доживать свой век забытым человеком?»

Эмигрантская газета по-своему ищет выход из тупика, подсовывая сказочки про жар-птицу:

«Боимся, что далеко не одна эта эмигрантка впадает в уныние. К ним мы и обращаемся с нижеизложенным.

Рассматривая проблему забытых людей, надо прежде всего определить: все ли они действительно забыты? Безусловно, есть среди них такие. Это люди, отдавшие жизнь воспитанию своих детей, а потом, когда от старости или болезней силы оставили их, оставшиеся одинокими. Дети «подкинули» их в старческий дом и забыли о них. Они действительно забыты. Забыты не посторонними, а самыми близкими — родными детьми. Это страшная трагедия. Оказаться в таком положении не пожелаем и заклятому врагу. Но и в таком случае далеко не всегда следует винить только детей. Иногда сами родители бывают причиной трагедии.

В остальных случаях забытые люди чаще всего оказываются забытыми самими собою. Мы уже не говорим о пьяницах

и бродягах. Их тоже, конечно, жаль, но кто, как не они сами, во всем виноваты? Верно, теперь принято винить в этом общество. Дескать, нездоровые социальные условия заставляют человека пить водку или превращаться в наркомана. Но ведь все мы варимся в одном котле «социальных условий», и тем не менее не забывающие о себе люди ищут утешение в чем-то другом, а не в алкоголе и кокаине.

А что сказать об одиночках, ни к водке, ни к героину не пристрастившихся, а просто из-за болезней и старости потерявших способность общаться с людьми и обслуживать себя? Часто про них просто некому помнить. У них нет никого. И, что хуже всего, они сами о себе очень долго не вспоминали. С приближением глубокой старости они не позаботились о себе, не устроились заблаговременно в старческом доме или в ином подходящем месте.

Известно и то, что человек даже весьма слабого здоровья или весьма преклонного возраста не хочет и слышать о переселении в старческий дом — эту коллективную могилу.

Все это верно, но что делать? Жизнь идет своим чередом, совершенно не считаясь с нами. Нам хотелось бы весь свой век прожить на родине, в кругу родных и близких людей. Но пришлось покинуть все и здесь, в чужих странах, среди чужих людей строить и обживать свой новый домашний очаг. Так же и с приходом старости: хочешь не хочешь, надо пускаться в «эмиграцию», и по возможности заблаговременно. Надо бросать насиженное место и там, в старческом доме, устраивать свое последнее жилье.

Но и в старческом доме, даже самом хорошем, можно тоже оказаться и забытым, и заброшенным. Чтобы этого не случилось, чтобы не оказаться оторванным от мира, надо тоже позаботиться самому. Надо сделать так, чтобы люди вас помнили и навещали не только по долгу, но и по желанию. Вот как это делается.

Нина М. живет в нашем городе. «Юридически» она совершенно одинока, но фактически у нее больше близких друзей, чем у самых многосемейных. Недавно после сложной операции она долго лежала в госпитале. Кровать ее всегда была окружена посетителями. Тут были и соприхожане, и совсем далекие от церкви люди, и американцы, и украинцы, и негритянки (сослуживцы), и урвавшие свободную минутку больничные сестры. А по телефону к ней было так же трудно позвонить, как в железнодорожное справочное бюро. Всегда занято!

Не подумайте, что она какая-нибудь знаменитость или «буржуйка». Нет. Служит она в больничной лаборатории, выполняя самые простые работы, и никаких лишних капиталов у нее нет и не было. Но есть у нее особый «капитал», который она не покладая рук копила все эти десятилетия. Вот этот-то «капитал» и притягивает к ней и близких, и далеких.

Скопила она этот «капитал» так. Приехав в США, пошла работать в средней зажиточности семью няней. Прожила там, пока не вырастила порученных ее попечению ребятишек. Воспитывала она их не только руками, но и сердцем. Теперь у них свои дети, но няню они не забывают. Чтут ее как родного человека.

Закончив эту миссию, она устроилась в лабораторию. Работенка не денежная, зато не только не мешала ее главному делу — общению с людьми, но даже способствовала этому. В свободное время она не сидела, уставившись в бестолковый телевизор, а все кому-то помогала, кого-то навещала. Под ее покровительством всегда находится какое-то количество немощных одиноких старушек. То сбегает за продуктами или лекарством, то, вызвав такси, отвезет свою подопечную в церковь к службе, то к врачу. Да мало ли дел у немощных людей!

С ее «капиталом» добрых дел она никогда не останется забытым человеком. Теперь, когда пришла пора выписываться из больницы, ей не было нужды искать квартиру. Люди наперебой предлагали ей поселиться у них на время, пока не поправится окончательно. Она и сейчас живет в старческом доме у старушки, которую много лет опекает.

Иногда люди умудряются не только скопить такой «капитал», но и передать его по наследству. Жили-были старички педагоги К-ие. Она тоже все хлопотала о других. Была ласкова, обходительна. Учила эмигрантских ребятишек грамоте родной. Помогала людям чем могла. А в свободное время писала незамысловатые, но душевные рассказы.

Она тоже никогда не оказалась бы на положении забытого человека, но умерла раньше мужа, и накопленный ею «капитал» как будто остался ни к чему. А муж ее, будучи суховатым, педантичным человеком, большой любви среди окружающих сыскать не мог и, оставшись в одиночестве, мог бы попасть в число забытых. И вот тут «капитал», накопленный женою, пригодился. Из любви и благодарности к покойной люди не оставляли ее мужа до последней минуты его жизни.

В общем, впадать в беспросветное уныние не стоит. Помните о забытых людях и по возможности помогайте им. И когда придет ваше время, люди добрые не забудут вас.

А добрых людей еще много на свете. Они заботятся об одиноких людях не по долгу службы, а по велению сердца. Такая помощь всегда приятнее, теплее, душевнее. Но ее, как любой капитал, надо заранее самому заработать.

Прибыли ли вы только что или живете здесь давно, молоды ли вы или уже в преклонном возрасте — никогда не рано и не поздно приняться за накопление этого «капитала», который не утратит своей ценности ни при какой инфляции.

Вот и вся-то недолга! Рецепт прост, подумалось, как грабли: накапливай особый «капитал»!

...А волны между тем несут вкрадчивые, поношенные голоса с разными акцентами, порой и без акцента — не набрали еще. Вот толкует о парижских магазинах дезертир из окопов Сталинграда. Вот колдует на архипелаге ненависти сын царского офицера, наследник крупных скотопромышленников, о котором даже его хозяева говорят, что он «правее царя». Вот плачет над «несчастливым» русским языком какой-то бывший спец: не по душе ему слова «комсомолец», «красноармеец», «стахановец», «ударник»... Неудивительно!

Слова ведь не сами по себе живут, они отражают и выражают мир людей. Один старый чешский коммунист рассказывал нам, как комсомольцем в тридцатые годы он, словно стихи, повторял: пятилетка, колхоз, стахановец, ударник.

«Фашизм» и «интербригада» стояли по разные стороны баррикад в Испании 37-го года. Как в гражданскую красноармейцы и белогвардейцы. Продотрядовцы и кулаки. Буденновцы и деникинцы. Сегодня другие баррикады. И другое соотношение сил. По одну сторону — народ. По другую — труха отщепенцев, эмигрантские осколки.

Они еще грозятся — подкладывают бомбы в наши зарубежные представительства. Проводят разные «слушания» и «конгрессы». Издают журналы и газеты, подрывную литературу...

Об одном таком издательстве писала газета «Известия»: «Христианская Россия» владеет под городом Бергамо виллой Амбивари. Там проводятся курсы, как две капли воды, похожие на курсы разведчиков, сотни раз описанные в документальной и художественной литературе. Читаются там русский язык, методы пропаганды. Один из преподавателей, некий Стюарт, сам признался в печати, что в свое время состоял в американских разведывательных службах, дислоцированных в Мюнхене. Другой сотрудник, Пьетро Модесто, некогда организовал фонд помощи кровавому вьетнамскому диктатору Тхиеу и одной чилийской радиостанции, психологически готовившей

путч Пиночета. Третий лектор курсов на вилле Амбивари — Джон Бенси — бывает там лишь наездами. Основное время он трудится на радиостанции «Свободная Европа».

Как писалось в еженедельнике «Панорама», на тайных совещаниях на вилле Амбивари было решено «готовить и отбирать элементы, способные проникать в страны Восточной Европы». Одновременно там занимаются выпуском периодического бюллетеня на русском языке, печатаемого «на четырех страницах тонкой бумаги». Это издание вручается туристам для распространения в СССР вместе с карманными библиями.

Такие же издательства имеются в ФРГ, США, Канаде, Франции... Под крылышком подчиненной ЦРУ радиостанции «Свобода» распространением антисоветских изданий занимается так называемая «Международная литературная ассоциация». На содержании госдепартамента США находится и пресловутый «Толстовский фонд», образованный в 1938 году.

После войны при прямом участии американских служб всевозможные «комитеты борьбы за свободную Россию», «за освобождение от большевизма», «советы освобождения народов России» стали плодиться, как поганки в дождливую погоду. По инициативе украинских националистов в 1946 году в Западном Берлине основался «Антибольшевистский блок народов». Генеральными секретарями АБН побывали переводчик дивизии вермахта и зондерфюрер Владимир Томащук, начальник полиции в Минске, позже командир полицейских сил в Брянске, Смоленске и Могилеве, майор фашистской армии Дмитрий Космович... Ныне в секретари пробился бандеровский подручный Стецко, о котором мы расскажем подробнее позже.

Галерея союзов была бы неполной без НТС и крайне правой антикоммунистической организации «Общество защиты прав человека». В них заправляют пособники германских фашистов, выученики школы ЦРУ.

5

Надежда Павловна аккуратно собирает блокноты, тетради, письма, выписки из газет — они заполняют большую коробку, — и протягивает нам:

— Буду рада, если все пережитое нами поможет кому-то в жизни.

В одной связке десять разноформатных блокнотов в клеточку, исписанных мельчайшим почерком. Прочитали — дневник. Что это такое? Летопись жизни человека. В них — годы гражданской войны, бег белой армии, врангелевский лагерь

в Галлиполи... Взгляд с той стороны, изнутри интересен сам по себе. Но в этих дневниковых записях есть нечто большее. Карандашные, отточенные строки сохранили до наших дней исповедь человека чести и долга, брошенного в круговорот гражданской войны, его душевные терзания и муки, вызванные разладом между идеалами и той реальной исторической целью, глубоко чуждой трудовому народу, которой служила его армия, а значит — и он. Порядочность Константина Найдича при доходящей до исступления ненависти к Советской власти, к большевикам была органически неприемлема для белого движения. У него увлажнялись глаза, когда кто-нибудь читал:

Белая гвардия, путь твой высок:
Черному дулу — грудь и висок...

Он верил, что воюет за ту Россию, которую защищали ратники на Калке, на поле Куликовом, в Полтавской битве, на Сенатской площади под царской картечью... И не мог понять главного — правда на другой стороне.

Первые записи — январь 1919 года. Бои в нашем родном Донбассе.

«24.1.1919. Около 9 ч. утра батальон под командованием полковника Наумова повел наступление в направлении ст. Соль (Бахмутская). Наступление неудачно. Со стороны противника действовали крупные силы, состоявшие из рабочих, шахтеров-добровольцев. Под давлением противника 3-й батальон к вечеру отошел...

3—6.IV. 2-й и 3-й батальоны расположены в железнодорожных составах на путях станции Рассыпная. В ночь на 7.IV получены и розданы подарки — куличи, сало, ветчина и многое другое.

11—12.V. Идут приготовления к наступлению. Прибывает артиллерия, вооруженная английскими орудиями, подтягивается конница. Получено английское обмундирование.

В батальоне царит радостное, праздничное настроение — чувствуется перелом в ходе событий. В ночь на 13.V. получен приказ генерала Деникина о переходе в наступление на Москву!

4.VI. В приказе комдива говорится о доблестном наступлении: «Большевики разбиты, теперь осталось их добить».

Дневник еще многое не договаривает, опускает... Осень девятнадцатого года. Наступление белой армии на Москву провалилось. В записках Найдича — бег.

«23.X. Тревожное положение не улегается — конница красных бродит в нашем тылу.

3. XI. На 2-й батальон в 21 час внезапно налетела конница противника — один из полков Буденного. Часть батальона попала в плен, остатки двух рот спешно отходят...

Едва выставили охранение, неожиданно раздалась сильная ружейная стрельба. 3-я стрелковая советская дивизия, латыши и конница красных снова обтекли полк с севера и атаковали с. Долгая Клюква. Некоторые роты и эскадроны пытались оказывать сопротивление, остальные, объятые паническим ужасом, в абсолютной тьме ночи начали метаться по селению в поисках спасения. Кухни загородили дорогу, обозы врезались друг в друга, артиллерия все давила на своем пути. Свирепствовал снежный буран, все тонуло в море снега. Латыши с криками: «Держи штаб Наумова!» — бросали ручные гранаты в светящиеся окна изб... О сопротивлении думать не приходилось — надо было спасать уцелевшее. Отход начался по единственной дороге через плотину у мельницы. Всюду громадные снежные сугробы...

8.XI. За период с 26.X по 8.XI полк потерял 40 % убитыми и ранеными, 20—25 % без вести пропавшими и пленными, 18% обмороженными, больными тифом... Люди почти голы — приказано отбирать теплые вещи у населения. Эта мера переполняет чашу терпения населения, оно озлоблено, ропщет и провожает армию проклятиями... Начался «великий отход».

24.XI. Еще затемно полк выступает далее к югу. Дороги забиты обозами, пехотой, артиллерией, повозками беженцев. Стоит туманная влажная погода, снег начинает таять, кое-где земля обнажена — обозы идут на санях. По пути отступления брошена масса груженных саней и др. имущества, бродят обесилевшие лошади. Полно мародеров. Все села по пути «великого отхода» армии переполнены отступающими частями армии, чинами ее учреждений и беженцами. Отступление неорганизовано. Связи ни с кем нет. Население провожает слезами и проклятиями.

16.XII. Противник весь день обтекает с флангов, стремясь к югу от станции и села Дебальцево, — конные части Буденного движутся большими колоннами с севера в юго-восточном и юго-западном направлении.

18.XII. Село Алексеево-Леоново расположено по скатам громадного оврага. По дну протекает ручей с отвесными берегами. Вся центральная, главная, улица — путь отхода — запружена людьми, обозами, артиллерией и пулеметными тачанками в несколько рядов. Конница красных, видя, что части марковской дивизии втянулись в селение, решила атаковать ее. Части Буденного расположились по буграм к востоку

и юго-востоку от селения, в колоннах позаскадронно. В 8 ч. противник повел энергичное наступление на Алексеево-Леонново...

2-й и 1-й батальоны решили пробиться, перейдя через овраг, на западный его скат и присоединиться к 3-му батальону, но конница красных ворвалась в село и начала рубить. Ввиду узости улицы и глубокого оврага обороняться не представлялось возможным — пехота рассыпалась по избам. Все улицы заняты противником. Бегством спасаются лишь одинокие пешие и конные, прорвавшиеся через части красных.

Дивизия ген. Маркова потеряла в этом бою сто с лишним пулеметов, 90% боевого состава, почти всю артиллерию».

«Февраль 1920 г. Полк подошел к Ростову. Настроение крайне подавленное. Здесь в первом походе сформировался 1-й офицерский полк ген. Маркова... Колыбель добровольцев — надежда России... Грядущее темно, но я верю в будущее счастье, в победу... Необходимо искупление за грехи прошлого.

17.02. Конница Думенко охватила нашу дивизию под Ольгинкой. Красные врываются в редкие цепи отходящих частей, расстривают их, забирая в плен, отрезая совершенно путь отступления 2-му офицерскому ген. Маркова полку и забирают его полностью в плен. Спасается лишь командный состав на конях.

Многих нет в живых, иные по малодушию сдались, добровольцы зарублены. Мобилизованные офицеры что-то слишком заметно вянут... Потеряли веру... Их нет — тем лучше. Останутся лишь самые мужественные, стойкие. Мы разбиты, но мы победим! Вера в себя придает силу».

Жаль, что не увидит эти строки славный комдив Борис Макеевич Думенко. Память о нем живет на Дону. Вот какое письмо прислал в «Комсомольскую правду» из Ростова после публикации очерка «В Праге, под русскими березами» Иван Георгиевич Войтов, любитель истории Дона, как он сам представился, коммунист, конструктор завода «Россельмаш»: «Большое спасибо Вам за несколько строк о Борисе Макеевиче Думенко. Доблесть его подтвердили даже наши враги. Посылаю Вам фото Думенко. У меня собраны почти все его прижизненные снимки, документы. Переписываюсь с его дочерью Мусей. Поддерживаю связь с конармейцами. На Дону много молодых людей, которые чтут память героев гражданской войны».

В дивизии Думенко в начале девятнадцатого года командовали полками Ока Городовиков и Олеко Дундич, заместителем его был Семен Михайлович Буденный. Орлиное гнездо!

О наших конармейцах сложены песни и написаны книги. Михаил Иванович Калинин называл красную конницу «главным оплотом и крепостью» нашей армии. Летом 1920 года Председатель ВЦИК возвращался в Москву. Его поезд «Октябрьская революция» исколесил тысячи километров. Прошли сотни митингов. Аудитория небывалая — миллион человек. Восемь месяцев, с мая по декабрь 1919 года, каждый день, а то и два, и три раза в день выступает Михаил Иванович Калинин. В мае 1920 года поезд «Октябрьская революция» снова на фронте, в Первой Конной армии. И вот на пути в Москву его попросили выступить на городской конференции беспартийных рабочих, открывавшейся в Харькове 4 июня 1920 года.

Михаил Иванович говорил о красной коннице, о грядущих поединках...

Польскими войсками командует некто Карницкий, бывший командир кавалерийской дивизии, где служил теперешний командир красной конницы вахмистром. Таким образом... мы встречаемся с царскими генералами, у которых наши командиры служили когда-то в качестве... слуг. В настоящее время Буденный борется со своим командиром Карницким. Увидим, кто кого победит, у кого больше стратегических способностей — у бывшего царского генерала, имеющего все военные степени образования, или у простого унтер-офицера, фельдфебеля. Буденный уже побил много бывших генералов. Есть много оснований думать, что он побьет и своего бывшего командира.

Та давняя речь М. И. Калинина отыскалась спустя почти полвека в Харьковском областном госархиве. «Комсомольская правда» попросила Семена Михайловича Буденного ее прокомментировать.

«Эту речь Михаила Ивановича Калинина я, к сожалению не слышал. Когда он выступал в Харькове, Конармия уже вышла на боевой рубеж. Сейчас, спустя сорок семь лет, я с большим вниманием прочитал стенограмму, сохранившую выступление Председателя ВЦИК, большого друга Первой Конной моего товарища. И снова вспомнил, как разгромили мы кавдивизию генерала Карницкого и кавбригаду генерала Савицкого»

Михаил Иванович часто бывал у конников — и тогда, когда действовал только корпус, и позже, в армии, перед рейдом на польский фронт, на Южном фронте. Конечно, через столько лет трудно вспомнить подробности, но впечатление от встречи с ним — и в гражданскую войну, и после — осталось навсегда. И я очень рад, что именно сейчас найдены его такие хорошие

такие искренние слова о нашей армии, моих товарищах-конармейцах, о братстве рабочих и крестьян, русских и украинских.

Помню, освободив в 1919 году Донбасс, мы не нашли там ни одной целой шахты. Не работали ни одна из 65 домен.

Кто поднял их из руин, кто украсил землю садами?

Те самые рабочие и крестьяне, к которым летом 1920 года с призывом, верой, убеждением обращался Михаил Иванович Калинин, их дети, сомкнувшие руки с серпом и молотом.

В тот день к Семену Михайловичу Буденному приехали красные следопыты из Киева. Все — в конармейских шлемах.

— Это был самый лучший подарок ко дню рождения, — говорил маршал.

Следопытам он передал от имени Реввоенсовета Первой Конной одно из боевых знамен. Значит, знамя, как прежде, в походном строю.

— И об одном я думаю сейчас, — говорил Семен Михайлович, — пусть никогда не остывает древко, пусть всегда руки новых знаменосцев чувствуют тепло рук тех, кто поднял знамя.

6

Вернемся к дневнику Найдича.

18.02. Великое отступление началось. Всюду злоба населения. Ждут красных. Чем хуже, тем лучше! Скорее отрезвление настанет, восстанут казаки весной, и снова побегут красные.

29.02. Новороссийск. Грязь и хамство... Офицеры-патрули, ловчи́лы, спекуляция. Мы капля в море — в море грязи.

13.03. Сегодня уезжаем с кавказского берега в Крым. Громадный, грязный транспорт «Маргарита». Борьба продолжается! Слабые духом оставили нас и ушли к зеленым, красным... Тем лучше. В голове стучит одно: чем хуже, тем лучше. Где-то там, далеко-далеко, все близкое, любимое...

13.03. 12 час. 15 мин. ночи. Новороссийск пылает. Горят склады, элеваторы. Толпы мародеров мечутся в пламени. Где-то кричат о помощи. Стоят составы поездов, и люди копошатся на крышах, не теряя надежды попасть когда-либо на пароход. Снаряды изредка шлепаются у берега... Мажут красные. Ползет красный кровавый туман и заволакивает труп родины.

Горсть людей, сильных духом, решила продолжать борьбу! Начинается вновь «первый поход». Поют: «Как один, прольем кровь молодую».

Жажда мести всем, разрушившим наше счастье, не дает покоя, нет сна. Мысли вихрем носятся в голове... Близок рассвет, мы в открытом море. Вся марковская семья на одном па-

роходе. Как нас мало! Это все, пожелавшие плыть, — немного же людей, любящих Россию.

14.03. «Носятся чайки над морем, крики их полны тоской». Постепенно исчезают берега Кавказа... Берега, где все осталось. С собою лишь надежда в конечный успех и гордость сознания борьбы за все, что есть самого лучшего в жизни. Будь покойна, родная, придет время, и мы увидимся вновь, прошедшие через нечеловеческие страдания, но сильные духом и не склонившие головы перед торжествовавшими хамами. Не будь уверенности в себе, не будь такой сильной любви к прошедшему счастью и надежды на него в будущем — не стоило бы жить.

Мы будем строить свое счастье так, как сами того хотим.

15.03. Крым. Ранняя весна. Какой-то весенний шум стоит в воздухе. Мчатся стаи перелетных птиц к милому северу, к прекрасному далеку... Страдание очищает... Мы придем опять с теплыми, летними лучами солнца, растопим льды равнодушия массы и поведем ее к светлому счастью — восстановлению родины!

25.03. Скука невероятная — все мысли где-то растеряны по родным степям... В голове одна мысль — скорее бы на фронт! Скорее бы взять Ростов... Сегодня уезжаем на передовые позиции на Перекоп.

26.05. Щемиловка (на Перекопском валу). Поздний вечер. Тяжелый, но радостный день. Сделаны распоряжения, отданы приказания. Сегодня ночью решится вопрос: быть или не быть России. Настроение у всех, как перед пасхальной заутреней, светлое, радостное, уверенное. Через несколько часов все узнают, что сделала горсть людей, решивших умереть, но победить.

26.05. Высота 9,3. Противник разбит. Россия накануне дня освобождения...

28.05. Первоконстантиновка. Медленно, но уверенно движемся на север. Поражает здесь все — обилие зелени, продуктов, хорошая вода, даже воздух кажется легче, чем там, в Крыму, — шире даль, простору больше, начинается необъятная южная степь... Харьков... Ростов...

24.06. Каховка-на-Днепре. Прошел месяц. Где мы только не побывали за это время...

26.06. Нас перебрасывают на соединение с корпусом в район севернее Мелитополя. Яркие солнечные дни... Жгучая степь Таврии. Движемся по ночам с невероятной быстротой. С грустью покидаем места, где пролито столько крови...

Вспоминается прошлый год, и столько горя, грусти поднимается из глубины души. Неужели же нельзя было в прошлом году идти без поджогов, грабежей — без ошибок, сгубивших

святое дело ген. Корнилова, Маркова, Деникина, обливаемых теперь ушатами грязи крымской камарильи. Когда наконец прекратится все это, разве сверху не видно, что подобные взгляды растлевающе действуют на отношение к власти низов, деморализуют армию, поднимают бурю и негодование в наших сердцах! И этим пользуются люди с грязными руками. Они сгубили нас в прошлом и, возможно... боюсь писать... сгубят и в будущем!»

Пройдет время, и Найдич по-другому оценит роль Корнилова, Маркова, Деникина. И содрогнется перед палаческой жестокостью Корнилова, который ради спасения России, по словам его приближенных, считал возможным сжечь пол-России или залить кровью три ее четверти. Так он и делал. Во время так называемого Ледяного похода он приказал: «...пленных не брать. Ответственность за этот приказ перед богом и русским народом беру на себя».

Пленных не брали. Стреляли, добивали, вешали. Монархически настроенные офицеры — а таких в белой армии было до 80 процентов — клеймили как «гнусных изменников» и «сознательных предателей» не только большевиков, но и декабристов, Белинского, Герцена, Михайловского, Успенского, Салтыкова-Щедрина, Ключевского...

«2.07. Михайловка. Из тыла идут недобрые вести. Спекуляция возросла до невероятных размеров, охватила все общество, наделение крестьян землей не проводится в жизнь — население о земельном законе даже не слышало. Пропаганда наших идей отсутствует. Большевики не дремлют и, отходя, оставляют брошюры в обложке точно такой, как и земельный закон ген. Врангеля, изданный нашим правительством, а внутри — беспощадная критика, ложь и агитация против нас. Кровь ежедневно льется во имя спасения родины, а кто-то в тылу руководит работой на руку большевикам. Проклятый, преступный тыл — опять мы задыхаемся от его смрада. Ужас за будущее тревожит душу. Неужели правительство слепо? Промедление смерти подобно. Чему же тогда подобно бездействие власти? Забвение в боях... Успокоение может дать лишь смерть... Можно сойти с ума!!!

11.07. Сегодня ночью мы выступаем, впереди появились новые части противника — интернациональные части красных.

Идем по заснувшим деревням и хуторам. Противника нет. Но разведка наша уже нащупала его — красные в Щербаковке.

13.07. Яковлевка. 12 час. Пришли, наконец, после упорного боя с интернациональными частями в деревню большую, хохлацкую, родную.

2 часа. Темная звездная ночь... Истома и нега разлиты в ночном мраке. Кажется, сама природа шепчет о любви, страсти. Я продолжаю жить схимником-затворником, наблюдающим жизнь со стороны... Далеко-далеко, там, за целым морем непроглядной тьмы, горит моя путеводная звездочка, все помыслы мои и мечтания там... Неужели пройдут еще месяцы, годы нашей борьбы, а личной жизни и личного счастья не будет? Все кругом живет по формуле «лови момент» — грязные, жалкие наслаждения, мотыльковая жизнь... она не по мне. Жизнь прекрасна своей борьбой, страданием за благо народа, недостижимым стремлением к своей звезде, которая, как светлячок, гаснет, когда достигаешь ее... в руках остается червячок, маленький, невзрачный, потерявший свой загадочный, фосфорический блеск.

Предраассветная мгла... Ночь уходит... Спивают пивни... Устал от бессонной ночи, и какая она по счету — не знаю... сколько бессонных ночей... И так всю жизнь?

23.07. Щербаковка. Период с 13 по 23 будет памятен всем марковцам. Мы его называем «периодом танцев». Дня не проходит спокойно, почти нет времени отдохнуть, что-нибудь записать в свой маленький дневник... Нов. Яковлевка, Эрастовка, Щербаковка — заколдованный круг, из которого нет выхода. Кавалерия противника просачивается то там, то здесь... Будет время, надо записать подробнее... для потомков, если таковые обнаружатся когда-нибудь... что-то не верится в это. Слишком уж «аховые номера» в боях за последнее время... Хотя бы ранило скорее, так хочется отдохнуть... спать, спать без конца... Еще неделю таких переплетов, и если не от ранения, то от переутомления придется отдать душу красным!

27.07. В 14 час. 20 мин. я ранен в бою под дер. Эрастовка шрапнелью в правую стопу. Без стопа я перенес все, без наркоза.

7.08. Джанкой. Боли в ноге усилились. Ночью в темноте на раненую ногу наступил санитар. Валяемся на полу товарного вагона на жидкой соломенной подстилке. Вагон бросает из стороны в сторону, толчки невероятные — везут тяжелораненых. В вагоне — сплошной вой. Когда приедем и куда? Скоро ли кончится эта обыкновенная история?

28.08. Завтра еду домой, в полк. Рана еще не зажила, гноится, но разве это важно, когда едешь к своим, к себе? Авось заживет же когда-либо. Больше быть здесь не могу — все надоело и опротивело, все больше и больше убеждаюсь в негодности нашего тыла, боюсь катастрофы, и если бы не стоял во главе армии генерал Врангель, то я бы сказал, что это «начало конца».

8.09. Вчера взят Александровск (Запорожье. — *Авт.*). Захвачены эшелоны на станции. Идет грабеж имущества и ценностей у комиссаров и из вагонов. Командир корпуса грабит со всеми. Новороссийск повторяется... Бедная Россия! Неужели и в этом году ты не дождешься освобождения?.. Здесь все в грязи, не только руки — мысли и те грязны!

Припоминаю историю полковника Д. — появление у него бриллиантового кольца, колец из платины, золотых зубов — 86 шт., зубоврачебного кабинета и ящиков с хирургическими инструментами — все это результаты «работы» в Таврии. Имущество казненных, обвиняемых «в коммунизме»... Выкрутился. С помощью холуйствующих дружков свалил на «кобылку», настрочив грязный донос. Впрочем, все знают, как Д. нечист на руку. Вот уж верно: сколько ни отмывай задний проход — он не станет глазом».

И вдруг дневник проваливается на несколько лет. Но тем же бисерным почерком на вклеенных, совсем свежих листочках читаем:

«13 мая. Привожу полностью переведенную из эмигрантской газеты заметку о посещении Аркадия Николаевича Дрюкова.

...Этот очень опустившийся человек болен и нуждается в срочной помощи. Дверь otvorил человек в галстук и пальто поверх нижнего белья, заросший, небритый и, конечно, очень давно не мытый.

— Пожалуйста, пожалуйста в мою келью, — радушно приговаривал он, пробираясь по длинному темному коридору.

«Келья» оказалась берлогой, забитой хламом. В изголовье раскладного дивана валялась грязная подушка блином, не было ни простыни, ни одеяла. На столике стояла сковорода с объедками яичницы, на бумаге были разбросаны какие-то огрызки и объедки. Повсюду бегали тараканы.

— Как вы можете так жить, Аркадий Николаевич?

— А что?

— У вас не человеческое жилье, а логово.

— Я знаю, я знаю! Но ведь я старый холостяк, нет заботливой женской руки! Вот я вас и пригласил, чтобы узнать, не

можете ли вы мне помочь убрать мою комнату и готовить для меня?

— Я вам могу прислать уборщика, чтобы он вычистил вашу комнату, а потом пришлю женщину, которая будет делать для вас покупки и стряпать.

— А сколько она возьмет? Я человек бедный, не могу платить больше чем доллар в час. И так у всех занимаю. И не всегда отдаю.

— За такую плату к вам никто не пойдет. А не хотели бы вы поселиться в старческом доме?

— Ни под каким видом!

Мы распрощались, после чего зашли к клиентам, живущим этажом выше. Они рассказали мне, что в квартире Аркадия Николаевича живут еще два человека, оба они работают и производят самое милое впечатление.

— Этот Дрюков какой-то странный,— говорила одна из жилищ.— Он видел, как я делаю покупки, как-то остановил меня и сказал, что согласен ходить вместо меня на базар, но взамен я должна буду кормить его два раза в день.

— Надеюсь, вы отказались?

— Конечно!

На прошлой неделе мне позвонил один из сожителей Аркадия Николаевича, Иван Соломонович. По его словам, Аркадий Николаевич сильно расхворался, у него полное недержание, и обитатели квартиры убирают за ним уборную и коридор. Запах в квартире ужасный, больной еле держится на ногах, но не хочет ехать в госпиталь.

В тот же день один из сожителей позвонил мне домой:

— Аркадия Дрюкова увезли в госпиталь. Он потерял сознание, и я вызвал машину «скорой помощи».

В госпитале Аркадий Николаевич лежал в общей палате.

— Вот это очень хорошо! Вы поможете мне найти украденные у меня сорок тысяч.

— Кто у вас украл эти деньги?

— Один тип. Он живет вместе со мной на квартире.

— Как же он смог украсть у вас такую крупную сумму?

— А так. Из кармана вытащил.

— Но как вы могли носить в кармане сорок тысяч? Почему вы не положили эти деньги в банк?

Аркадий Николаевич ухмыляется и шевелит пальцами.

— Это вопрос, так сказать, абстрактный! — отчеканивает он.— И я отказываюсь на него отвечать.

В это время к нам подходит сестра милосердия, гаитянка.

— Пожалуйста, скажите, что я никогда не крала у него 40 тысяч,— говорит она.— При нем не было никаких денег, ни одного гроша!

— Тут их целая банда,— бормочет Аркадий Николаевич.— Но я их выведу на чистую воду! Я донесу на них.

К больному подходят врач и старшая сестра, занавеска задергивается, и я выхожу в коридор. Там меня ждет Сю Бэйкер, работница социальной помощи госпиталя. Она сообщает, что Аркадию Дрюкову нужен будет приют для хронических инвалидов. Пока мы обсуждаем возможности и процедуру устройства, доктор выходит из палаты. Сю и я подходим к постели больного.

— Вот она, вот она,— объявляет больной, выпучив глаза на Сю.— Она и есть главная воровка! Это она сперла у меня сорок тысяч!

— Аркадий Николаевич! В уме ли вы?

— Я-то в уме! А вот вы определенно с ней сговорились и разделили между собой мои деньги. Но не на такого напали! Я напишу донос начальству! Я вас всех заложу. Всем пушу нож в спину! Бандеровцы паршивые.

Приходит второй врач, за ним сестра, которая катит столик с препаратами. Мы опять уходим в коридор.

— Что он вам говорил? — спрашивает Сю.

— Он говорит, будто мы с вами украли у него сорок тысяч и разделили их поровну. Что мы будем делать с нашей добычей, Сю?

— Я сразу же куплю себе меховую шубу у Эмилио Гуччи. Там сейчас распродажа. А вы что сделаете на свою часть?

— Я? Я сниму квартиру в Джаксон Хайтс, между 79-й и 86-й улицей, на 35-й авеню. Это моя мечта!

Слыша, как мы хохочем, дежурные сестры смотрят на нас с недоумением.

— Мы только что украли у одного больного сорок тысяч и решаем, что нам с ними делать,— объявляет Сю старшей сестре.

— Мы работой заняты, а вы несете всякий вздор,— сердится сестра.— Нам не до вас и ваших глупостей!

— Был ли этот неумняемый Аркадий Николаевич Дрюков тем полковником-мародером? И знал ли он тогда, мародерствуя, предавая всех и вся, какой его ожидает конец? В конце заметки лишь стояла приписка, сделанная рукой автора дневника: «Трое всегда мертвецы, хоть и живут: завистник; лишенный рассудка; предавший друзей и родину...»

В своих дневниковых записях Найдич осуждал грабежи, не умея понять главного: другой его армия не могла быть по самой своей природе. Отсюда — виселицы, мародерство, разложение... Вера и храбрость одиночек не меняли положения. Потому что не было веры, героизма, самоотверженности масс. Это было на нашей стороне. Вчитайтесь в прощальные письма и записки коммунистов — малую толику дошедших до нас из пламени борьбы.

Из деникинских застенков передала родным письмо подпольщица Дора Любарская: «Славные товарищи! Я умираю честно, как честно прожила свою маленькую жизнь. Через 8 дней мне будет 22 года, а вечером меня расстреляют. Мне не жаль, что погибну, жаль, что так мало мною сделано для революции». В грозненской тюрьме написал последнюю записку боевым соратникам красный командир Андрей Февралев-Савельев: «Сегодня я буду повешен, но смерть мне не страшна. Жаль только, что мало поработал на благо нашего дорогого свободного Советского Отечества». В последнюю минуту они думали не о себе. Как не о себе думали всю жизнь. Историческая правда была на их, на нашей стороне. О них написаны книги, поставлены фильмы, сложены песни. И все же мы еще очень мало знаем о них. Сколько подвигов остались неизвестными, сколько славных имен поглотило время. Вот одно из белогвардейских, генеральских, свидетельств:

«— А ты помнишь, как курсантов захватили? — спросил однажды генерал Манштейн своего собеседника.

— Еще бы, — отозвался Туркул. — Их-то не щадили. Да они и сами не просили пощады.

— Они очень хорошо дрались, — продолжает Манштейн. — И еще мальчишки-коммунисты. Одного, помню, повели на расстрел, а он смеется и поет: «Вставай, проклятьем заклейменный».

Нам не узнать их имен. У них одно имя на всех: большевики.

«30.X. Обозы отходят по всем направлениям к югу... Паника овладела штабами, которые проносятся мимо тех, кто плетется, бросая по дорогам все, обременяющее их движение и теперь не нужное. Все опустылено. Полная неизвестность».

Следующий раз Найдич откроет свой блокнотик в клеточку с истершейся первой страницей — где-то потерялась облож-

ка — уже на борту парохода «Херсон». Через месяц и три дня. О том, что случилось в этот месяц, он будет часто вспоминать, переживая день за днем...

Лагеря в старинной чехословацкой крепости Йозефов, ряды палаток на берегу Босфора близ турецкого Галлиполи, казармы в Болгарии и Польше, богатые особняки в Варшаве, Париже, Берлине — все это эмигрантские адреса. Оттуда, из эмиграции, разносились сплетни и небылицы, фантастические слухи и надежды, там замышлялись новые походы и союзы... Возникали десятки и сотни журналов и газет всех направлений. Они были заполнены предсказаниями о скором падении Советской власти, клеветой, рассказами об ужасах ЧК, стенаниями бывших, вроде баронессы Врангель, оставшейся — подумать только! — без прислуги...

«И вот начались мои мытарства, — вздыхает баронесса. — В семь часов утра бежала в чайную за кипятком. Напившись ржаного кофе без сахара, конечно, и без молока, с кусочком ужасного черного хлеба, мчалась на службу, в стужу и непогоду, в рваных башмаках, без чулок, ноги обматывала тряпкой. Вскоре мне посчастливилось купить у моей сослуживицы «исторические галоши» покойного ее отца, известного архитектора графа Сюзора, благо сапоги у меня тоже были мужские — я променяла их как-то за клочок серого солдатского сукна... Питалась я в общественной столовой с рабочими, курьерами, метельщиками, ела темную бурду с нечищеным гнилым картофелем, сухую, как камень, воблу или селедку, иногда табачного вида чечевицу или прежуткую пшеничную бурду... В пять часов я возвращалась домой, убирала комнаты, топила печь, варила на дымящейся печурке, выедавшей глаза, ежедневно на ужин один и тот же картофель. После ужина чинила свое тряпье, по субботам мыла пол, в воскресенье стирала. Это было для меня самое мучительное...»

Куда уж тут до переживаний о судьбах России, если самой приходится стирать. Кстати, она жила в Петрограде все годы гражданской войны, даже и тогда, когда ее сын командовал «вооруженными силами Юга России».

После она бежала в Финляндию. А врангелевцы — в Турцию. Среди них был и Найдич.

«2.XI. Пароход «Херсон».

Вчера с болью в душе смотрел на скрывающийся вдали Севастополь. Что-то болезненно обрывалось внутри... Нет под ногами родной земли. Идем в изгнание. Но с верой, что вернусь когда-то на родину победителем. За себя я еще постою... Опять

проклятые, истеричные вопли сверху: «На правый борт!» Духота, грязь, вши — вечные спутники.

11.XI. Порт Галлиполи.

Из огня попали в полымя. Дома, разрушенные во время турецкого погрома, ни одного окна, нет света, сыро, холодно. Люди всю ночь бегают вдоль улицы, спать ночью нет возможности — днем дремлют, греясь на солнечной стороне. Нас, голодных людей, обкрадывают и здесь. Мы не получаем и трети французского пайка!

13.XII. Давно уже торчим в лагере. Тяжелая, кошмарная жизнь — холод, голод, теснота, вшивость... Что еще сказать? Все плохо, чего ни коснешься. Полная подавленность окружающих передается и мне, хотя я с этим борюсь всеми силами. Мы живы и надеемся продолжать борьбу.

14.XII. Второй холодный день. Ветер свободно гуляет по палатке, леденит тело и душу. Опрошение Льва Толстого — мальчишеская забава в сравнении с фактическим нашим положением, у нас — полное озверение. Что бои в сравнении с нынешним положением!

Вспоминаю теплую, уютную жизнь, радушное отношение близких, и грусть безысходная поднимается откуда-то из глубин души... Единственное желание — дать знать о себе родным и близким, чтобы успокоить оставшихся в живых, чтобы знали, что живы мы и что борьба еще не окончена, что мы верим в освобождение родины.

16.XII. Есть «мы», и есть «они»! «Они» — которых армия винит в орловском разгроме, в новороссийском позоре и, наконец, в крымской катастрофе. В прошлом году они отыгрались на ген. Деникине, а в этом... Не хочется верить, чтобы то же проделали с единственным пользующимся неограниченным доверием строевых ген. Врангелем... Французский паек в виде одной трети нормального, полагающийся нам, доходит в половинном размере. Люди ослабели окончательно... На Шипке все спокойно... «Народ безмолвствует», тая в себе ненависть, жажду мщения.

16 часов. Во рту сегодня еще не было ни крошки хлеба. Чай без сахара и немного похлебки — все, что сегодня ел. Табак выкурил. Мерзну отчаянно.

Слухи без конца. Признали или не признали нас союзники. «Ген. Краснов перешел границу с войсками, сформированными в Германии, и идет на Киев». Позже: «Взял Киев и предъявил Советской России требование об очищении Украины, Дона и Кубани». «К рождеству нам уплатят по 200—300 франков, возможно, раньше». «Посадят за проволоку, как воен-

нопленных...» Опять «не признали, но предлагают поступать рядовыми в иностранные легионы...»

Однако, как хочется есть и курить...

19.XII. Вчера перед вечером весь лагерь облетела радостная весть: приезжает ген. Врангель. Посещение его никого не удовлетворило. Ожидали большего — большей информации относительно видов довольствия, главное — денежного, а по этому вопросу не было сказано главнокомандующим ни одного слова.

«Верьте, орлы, недалек тот день, когда мы снова будем продолжать борьбу с красными, будем на родной земле», — сказал сегодня ген. Врангель.

Хотя бы скорее настал этот момент!

27.XII. Лунная, морозная ночь сменилась ясным, солнечным днем. Из палаток вылезли погреться на солнышке люди... худые, бледные, заморенные русские люди, у которых отняли все, кроме доброго имени.

Вчера вечером удалось достать 50 грамм табаку, и я вновь щедр, как Крез, делюсь со всеми алчущими покурить... Сегодня табак уже на исходе, но я отдал «загнать» свой бинокль. Больше не могу терпеть, не могу унижаться, прося закурить. Еще много сидит во мне «буржуазных» предрассудков...

Сегодня хоронят одного застрелившегося офицера-артиллера. Интересует повод... Вероятно, голод, холод и полнейшая неизвестность будущего.

У кухонных отбросов ходят люди и выискивают кусочки лука, вылизывают пустые консервные банки... Что-то напоминающее картинки в германском плену.

31.XII. По старому стилю сегодня 18 декабря. Памятный день для марковцев — разгром красными нашей дивизии под Чистяково (Алексеево-Леоново) в 1919 году и громадные потери командного состава: зарублен полковник Данилов, застрелился полковник Наумов, командир 3-го марковского полка. Год тому назад в этот день скончался старейший из марковцев — ген. Тимаковский. Помню, именно в этот день в прошлом году я только начал подниматься после сыпного тифа. Мне разрешено было выкуривать по одной папиросе в день и читать газеты. Я прочел утром о болезни ген. Тимаковского, об отходе нашей армии, а вечером зашедший меня навестить поручик Пашковский сообщил слухи о бое под Чистяково, о смерти Тимаковского... Сообщения меня крайне взволновали, явилось смутное предчувствие рокового исхода.

Принес ли прошедший 20-й год счастье кому-либо из оставшихся близких в Совдепии и говорит ли им что наступив-

ший Новый год? Ждали ли они чего в прошлом году и не утратили ли последние обрывки, клочки надежды? Живы ли, здоровы ли, сыты ли?

Жду от Нового года возрождения родины, ея успокоения, торжества права... Все же хочу и я себе немного пожелать невозможного — увидеть близких в обновленной России, освобожденной нами. Час ночи. Спокойной ночи, милая родина! Желаю тебе в 21-м году радостного пробуждения. С первыми весенними лучами прилетим и мы. Терпи и жди.

1.1.21. Первый день Нового года принес новую «утку»: Ленин и Троцкий арестованы в Москве ген. Бонч-Бруевичем и Брусиловым, которые приглашают нас возвратиться в Россию и поддержать там восстановившийся строй и порядок. Фантазия у людей, очевидно, работает сильнее, чем обычно.

2.1. По проливу с юга идут, дымя, пароходы, возможно, в Одессу, Севастополь, Новороссийск... На родину! Снился мне сон, будто я приехал в Харьков, иду с вокзала домой, а по Екатеринославской мчится ландо. Человек, развалившийся в нем, останавливает экипаж и машет мне рукой — оказывается, это капитан Чеботарев заделался комиссаром и живет всласть: «Все наши у власти, поступай и ты!» Прекрасно одет, мое же имущество погибло при отступлении — как ни стараюсь забыть, и все же не удастся. Английский офицерский костюм и масса обмундирования! Будем живы — все будет!

7.1. Тихо прошел вечер сочельника, не слышно было песен, все предались какому-то грустному настроению, воспоминаниям.

В ровиках обнаружено большое количество пятидесятирублевого достоинства украинских «карбованців» — показатель падения курса ставок на гетмана Скоропадского и Петлюру!

Рождественский «подарок» — пачка старых, пожелтевших от времени писем... Сколько наслаждений доставляют они мне... Сердце вновь щемит при воспоминаниях о пережитом счастье. Часами буду сидеть, не двигаясь, пропуская перед собой волнующие ряды прошедших переживаний, читать свою жизнь, делать ей осмотр — остался ли я человеком, который когда-то любил и которого любили? Боже, каким же я был тогда дураком, тогда, в Порхове, в тот тихий вечер, когда мы спрятались от всех в душных полутемных сенях сельской церковноприходской школы. Были каникулы. В школе никого. Я совсем «потерял рули». И она тоже. А потом я бежал от своего счастья, испугался ее молодости, одевал на себя маску эта-

кого пресыщенного прожигателя жизни. Теперь все это кажется нереально фантастичным, совсем неземным.

Ее письма. Вчитываюсь в каждое слово. Неужели когда-то это было со мной? Неужели это ее голос?

«...Любимый мой! Позволь мне в письмах называть тебя на «ты». В нашем Порхове супруги всю жизнь называют друг друга на «вы». Но мы ведь не обвенчаны. Не представляю, как можно в постели говорить любимому: «Я вас люблю». Я даже просто в мыслях не могу тебя так называть вообще, женская любовь — странная штука. Я намного моложе тебя, а я часто про себя говорю о тебе: «Дитя мое». И умиляюсь чему-то смешному в тебе... Я схожу с ума. Я ничего не могу делать. Все время думаю только о тебе. Неужели суббота была только сном? А может, и правдой, но горькой. Ты, кажется, избегаешь меня. Что ты: испугался — или меня (наверное, я показалась тебе распушенной какой-то), или себя, или этих всех проклятых обстоятельств. Боже мой, ну почему у меня все так нелегко в жизни, что, даже, наконец-то, полюбив, я не могу любить так, как все, — свободно, легко...

И еще эта ужасная неуверенность. Я не верю, что хотя бы только нравлюсь тебе. Наверное, я поступаю очень гнусно, просто — вынуждаю (-ала) тебя уделить мне внимание. Я просто настырная девка, да? Что с того, что я люблю тебя? Разве это повод для каких-то изменений в твоей жизни?! Ты не представляешь, что ты значишь для меня. Ты перевернул всю мою жизнь.

Я как-то говорила тебе, что у меня прошлый год, до осени, был очень тяжелым. Все соединилось — всякие неприятности, я очень печально рассталась с одним знакомым. Я была унижена, разбита. Мои комплексы дошли до грани. При всем моем страхе перед смертью (а я ужасно боюсь ее) в некоторые моменты я бы отнеслась к ней совершенно безразлично. Долгое время я ни с кем не встречалась. Правда, летом, в Прибалтике, я все-таки вспомнила в какой-то момент, что я женщина как-никак (чисто психологически, никаких интимных или, как говорят, дорожных отношений с «опекающим» меня мужчиной у меня не было), немного отошла... Но будущее рисовалось, однако, в весьма мрачных красках, и вдруг — ты... мне оказываешь какое-то внимание. Нет, тогда я еще не полюбила. Но мне стало приятно просыпаться — и это было уже многое, стали забываться комплексы, исчезла страшная, буквально убивающая меня неуверенность в себе — и по внешности, и в уме, и в способностях... Мне вновь захотелось стать женщиной, меня вновь стали интересовать взгляды мужчин на улице... Коро-

че, я изменилась — и это, конечно, все заметили, хотя, кроме Нади, вряд ли кто догадывался о причинах.

...Сегодня ты не зашел к нам. И, наверное, уже вообще не зайдешь. Я уже теряю надежду. Чем дальше суббота, тем нереальнее она мне кажется (и тебе, наверное, тоже), тем все более я понимаю, что продолжения быть не может, что для тебя это — просто досадный срыв, о чем ты наверняка жалеешь, как жалел, кажется, и о каждом (увы, из немногих) поцелуев. А я просто идиотка, возомнила о себе бог знает что...

Но если бы ты знал, как это тяжело: ждать встречи с любимым. Конечно, ты знаешь, ведь и ты любил когда-то.

Представляю, как для тебя это все наивно, по-детски звучит. Но мне не хочется с тобой играть, быть какой-то взрослой, рассудительной, умной и т. п. Мне хочется быть с тобой как можно более естественной, без вранья. Ведь наврать про себя в принципе можно кому угодно (даже самым проницательным), кроме себя. Хотя и себе порою трудно рассказать, понять себя. Верно ведь: вся жизнь человека — это масса ролей (для себя, для других), без ролей нас нет, пустота. Только экстремальные ситуации поэтому могут, освобождая до предела инстинкты, чувства наши, рассказать даже нам самим о самих себе. Подбросить этакое новенькое — чтобы не расслабляться, поразмышлять. Хотя экстремальных ситуаций бывает не так уж много у обыкновенных людей (поэтому они так мало и думают «за жизнь», да?). Вот, кстати, и за это еще мне нравится любовь — за ее экстремальность (я имею в виду, как говорят, «любовь не в смысле койки, а в смысле чувства»). Уж когда хочется кого-то видеть, слушать, целовать — то в этом не сомневаешься, не рефлексируешь, желание убивает разум с его сомнениями и анализами.

А ты много играешь. И, как ни странно, особенно это почувствовала я в последнюю встречу. Поэтому так трудно мне тебе верить, трудно понять, где ты искренен (где в тебе говорит *нуфр*), а где ты придумываешь себя — то ли для других (для меня в том числе), то ли для себя самого.

Знаешь, сама чувствую, как перескакиваю все время с одного на другое, пишу без логики. Просто часто отвлекаюсь, а потом уже становится неинтересно писать о начатом.

Мне хочется любить тебя сильно и нежно. Я бесконечно вспоминаю, как все было тогда, в субботу, что ты говорил мне и каким ты был в некоторые моменты смешным — и чудесным, может быть, даже одновременно. Я так соскучилась по тебе, мне так хочется поцеловать тебя, прикоснуться к твоей немного шершавой щеке, и чтобы твои руки — нежные, ласко-

вые — трогали меня, и чтобы у меня замирало все внутри. В субботу ты был большим ребенком, я, девчонка, впервые, честно говоря, в подобной ситуации ощущала себя взрослее (!) взрослого человека. В этом было, конечно, и что-то ненормальное, и оно мешало мне, но все равно было хорошо, и ничуть (плохо, да? неприятно?) не стыдно. А только хочется еще и еще. Еще немного — и я умру, я так хочу тебя (или быть твоей — так надо говорить, да?). Интересно, посещают тебя иногда подобные крамольные мысли или им нет места среди мыслей и дел повседневных?

...Ну вот, после вчерашней встречи с тобой у меня остался какой-то осадок. Тогда мне было хорошо с тобой, а вчера... Ты извини, что мои письма все чуть ли не мелодраматичны. Просто я пишу их обычно не в самом радужном настроении. Кстати, мне вчера было неприятно твое удивление, когда я сказала, что написала тебе. Впрочем, может, действительно оно вызвано тем, что среди вас не принято писать друг другу. Но как же вы обходитесь? Неужели обо всем говорите? И ничего больше не остается на душе?! А может, популярность такого рода общения среди нас, порховцев, вызвана иронизацией. При встречах мы слишком изощраемся в «доставках» (и не дай бог — ни-ни — сентиментальности) друг друга, ну а человек — он же всегда остается человеком, со своими проблемами, сложностями, огорчениями, с желаниями теплоты, понимания... Вот и пишем друг другу... У меня скопились многометровые письма, записки, да и сама я грешна — тоже люблю писать письма, вести дневники.

Но это — отступление. А осадок... Пытаюсь объяснить себе, чем он вызван, и не могу вот так назвать одной причины. Ты дразнишься (насчет «подходим ли мы друг другу», скажем так), и я понимаю, что ты просто дразнишься (кокетничаешь?). Но все равно завожусь, ибо голос — тот, внутренний, как ему и полагается, не дремлет, а нашептывает: а вдруг — все всерьез? Но тогда — зачем? Зачем ты идешь на какие бы то ни было отношения со мной? Знаешь, вся эта история напоминает мне историю с горячим пирожком. Пирожок — это я. Тебе вроде бы и хочется откусать (ну не так, чтобы очень уж, но попробовать тянет), да горячо (из-за многих, надо полагать, причин). И вот ты никак не решишься на что-то. Увы, я не смогла тебя зажечь (помнишь, ты говорил), наверное, тебе бы нужна какая-то другая женщина, которая бы смогла это сделать. И с ней бы ты не сидел битый час под липой, а был бы настойчивым и... горячим. Но это — уже моя беда, ты здесь ни при чем. А может, все-таки опыт твой, не знаю.

Но зачем тебе так много играть при мне? Что это, откуда? Или от уверенности в себе, или от неуверенности, что все же мне трудно допустить. Ты же не такой. Пойми, что, может, и хорошо мне было с тобой тогда, в школе, потому, что ты был естественным, ты был самим собой. И таким я тебя люблю.

Знаешь, раньше я думала, что у тебя было много женщин, связей и т. д. А сейчас почему-то мне кажется — конечно, я могу вполне ошибиться, — что ты больше говоришь об этом, чем было на самом деле. Но зачем? И даже если было — зачем же говорить об этом? Подчеркивание — оно отдает школярством. Но вот, к примеру, твой вопрос: «Сколько порховских мужичков тебе нравились?» И дело даже не в том, что если бы они действительно мне нравились, то, может, мне о ком-то из них было бы и неприятно вот так, как «о мужичке». А дело в том, что вот такой стиль общения — он безвкусен, понимаешь, пошловат и безвкусен. Этаким словесный мусор. Мне трудно объяснить — почему, да и, думаю, тебе не надо объяснять этого. Я знаю, что он, этот стиль, принят сейчас во многих компаниях, в том числе и светских. И ты привык к нему. Привык к фельдфебельству — вот видишь, из твоего же репертуара. Принято сейчас даже среди интеллигентных женщин вставлять крепкое слово! А я этого не приемлю совершенно, остаюсь деревенщиной. Но ты не почувствовал, что со мной — не надо так. Думаю, что меня трудно обвинить в пуританстве, я весьма свободно отношусь к чему бы то ни было. Но — чтобы это было не пошло. Безвкусие — оно хуже грязи. Грязь виднее, ну а безвкусие — его и сейчас многие покупают и даже хвастаются. Ты, возможно, спросишь: а что, разве среди молодежи так не принято? Почему же — и среди нее есть такое, хотя молодежь — она ведь тоже, как вообще-то известно всем, разная. Среди тех, с кем общаюсь я, — нет, не принято. Но у других даже подобное все же подается по-другому (может, дело тут в иронии, довольно, надо отдать многим должное, тонкой) и потому смотрится тоже несколько иначе, чем примерно такой же стиль взрослых людей. Пожалуйста, разговаривай так с женщинами своего круга (мне несколько раз приходилось слышать, как это ты делаешь), да и где бы то ни было, мне все равно. Но не со мной. Тем более, что ведь на самом деле ты не такой. И — все решают мельчайшие нюансы. Ведь, к примеру, ты можешь мне говорить, что тебе хотелось бы меня раздеть (боже, услыхала бы маменька), и... (извини за такие подробности) — и это меня не коробит, а вот когда ты говоришь мне, что хотел бы меня «съесть» или «растерзать, как волк», — это, извини, уже немного не то, это звучит для меня примерно так

же, как если бы кто-то в постели меня называл персиком. Естественность — она всегда рядом с простотой (высокой!) и души, и чувств, а значит, и слов. К чему же ею пренебрегать, общаясь с — ну, не близкими, так себя назвать я не рискую, но, во всяком случае, любящими тебя людьми?

Плохо зная тебя, не предполагаю, как воспримешь ты это письмо (а я решила тебе его отдать обязательно). То ли рассмешит тебя моя глупость, то ли возмутит нахальство или самомнение, или что-нибудь в этом роде... Итак, немного рискую я (романтично, не правда ли?). Но, повторяюсь, не хочу быть с тобой какой-то иною, чем есть на самом деле. Тем более, на бумаге это легче. С тобою мне труднее гораздо быть самою собой. Тон разговора в основном предлагаешь ты, а мне его приходится принимать, и часто твоя игра вызывает или ответную мою игру, или же некоторую мою растерянность и подавленность (я же еще ко всему прочему и тугодум!). Мешает также привычка в разговоре быть скорее ироничной или, во всяком случае, сдержанной в смысле эмоций, чем сентиментальной.

Рискую я еще в одном. Прочитав (если хватит духу, конечно: ну, может, по частям как-нибудь) все мои эти писания, ты непременно поймешь серьезность моего увлечения тобою. И это тоже — я знаю — может тебя испугать. Ведь ты явно ко всей нашей истории относишься несколько иначе, проще, облегченнее, так — по-мужски. И что-либо иное тебя может просто, наверное, не устраивать (к чему, мол, эти лишние заботы?). Но... Что поделаешь? Любовь — это всегда ва-банк. И только тогда она — любовь.

Ты скоро уедешь, и опять — пустота, и... ничего веселого на горизонте. Да, вспомнила еще одну твою прелестную фразочку: «Повстречаешь еще своего порховского мужичка и успокоишься, ничего». Да, в истинно мужском ощущении мира тебе не откажешь. Увы, у женщин все идет через психологию.

И еще: тонкость и, если позволишь, шарм — мужественности не помеха. Напротив, очень выигрышно оттеняет ее. У кого-то я читала (не знаю, уместно ли и не слишком ли смело по отношению к тебе это звучит): «Я люблю тебя и хочу, чтобы ты был себя достоин».

Все это было со мной, Костей Найдичем. Было с нами.

А сейчас я смело смотрю грядущей жизни в глаза. Жизнь моя принадлежит не мне — родине и той, которую безумно люблю. Несутся звуки песни «Повій, вітре, на Вкраїну»... «Де ти бродиш, моя доле?». Население палатки — на 75% украинцы...

Разговорились о Кубани, Доне, о покинутой нами родине... Созревает мысль о партизанских действиях на Дону, Кубани, о поднятии там восстаний...

Подполковник Сагайдачный закончил свои шахматы. Белые — ген. Врангель, ген. Алексеев и др. Черные, они же красные, — Ленин, Коллонтай, комиссары — будем играть!

11.I. Встал перед рассветом, затопил печь, сел у огня и так просидел до «подъема». В 7 час. рожок сыграл «повестку»... Пошли греть чай и сейчас, отлив положенную кружку рубинового, крепкого до горечи чаю, принялись за сны, кому что снилось.

Сегодня ночью я был в Совдепии. Ехал электропоездом с инициалами «РСФСР». Новая дорога по старым, родным местам: Черемошная, Замостье, Змиев, Архипереевка, Соколово, Тарановка... Мчится сигарообразный вагон с окнами-иллюминаторами... Знойный, ликующий летний день. Степь дышит накаленным добела воздухом, всюду золото созревших хлебов, пьянящий остропрямый их запах... Всюду цветы — на межах, у железнодорожного полотна, приветливо наклонившись, стоят подсолнухи. «Родина-мать, по равнинам твоим я не ездил еще с чувством таким», — вспоминаются слова любимого поэта. Анархии как будто не было. Покой, довольство. Но почему же на вагонах «РСФСР»? Забыли стереть? Осталось по недосмотру?! Говорила покойница-тетя, что «во сне все наоборот...»

20.I. Перехожу в своей истории полка к борьбе за каменноугольный район, когда я принимал активное участие в борьбе с красными, — самому тяжелому периоду, богатому впечатлениями, кровавыми эпизодами и жертвами.

Перед отъездом на фронт был проездом в дождливый зимний день в Новороссийске — «к счастью дождь». В середине января 1919 года в яркий, теплый день приехал с братом в Екатеринодар. На вокзале масса публики, вооруженных казаков, на стенах воззвания формирующихся частей, громадные плакаты «Освага»... Впервые видел 22-летнего полковника-летчика. У громадной витрины «Освага» с линией фронта в числе многих я долго рассматривал карту, гадая, где мне придется воевать... Всего два года прошло с тех пор, и как все изменилось, к чему мы пришли. Галлиполи, изгнание!

Когда-то в мои годы у человека еще не было прошлого, а теперь у меня осталось только прошлое.

Перед обедом сегодня были похороны двух офицеров-дроздовцев... Первый умер от болезни, второй убит на дуэли... За что убит? Чтобы внести в жизнь своей жены красивую

фразу: «Мой первый муж убит на дуэли!» Ложное представление о чести, когда она давно уворована...

Строчки, строчки, строчки. Страшные, как стон заживо погребаемого, давящие своим могильным мраком. Их нельзя читать без передышки.

Автор дневниковых записей как бы анатомирует самого себя — свой живой труп, отзываясь болями своей разрушаемой психики. Червю не летать, орлу не ползать — говорят в народе.

На офицерских крылышках автор дневника надеялся высоко взлететь в царстве-государстве Романовых, но...

Фатальная невысотность реальных его «горизонтов» здесь прослеживается воочию. Уходит сама жизнь, все потеряно. Однако где-то, на самом доньшке его души, что-то еще сохранилось.

Путь бегства «Добровольческой, белой». Того бегства, в котором все, пропагандистски прикрываемое «идейными» пудрами и лаками, так или иначе «выворачивалось наизнанку», обнажало «жалкие душевные лохмотья» уходящих из жизни оборотней, предавших родину и себя. Их «след» в истории — кровь, кровь, кровь...

1.II. Заходил после 19 ч. поручик Бунин — вспоминали вместе лазарет в Евпатории, вспоминали бои... Ужасы гражданской войны — расстрел генералом Туркулом 120 красноармейцев в возрасте 17—19 лет по обвинению их в коммунизме: под пулеметами заставили выдавать из толпы пленных коммунистов, детей избивали перед расстрелом дубинками, деревянными молотками... Размозжив кости черепа и лица, достреливали в канаве. И это на глазах населения, пленных и своих солдат...

«Детей избивали перед расстрелом дубинками, деревянными молотками... Размозжив кости черепа и лица, достреливали в канаве...» Детей! Вот вечная же пока что штука: никто из убийц не сочтет себя за убийцу, никогда, ни за что. И тут послушаем великого Достоевского. Как-то на званом обеде у одной петербургской графини он говорил: «Души не всех человеков на земле разрушают уродства жизни, но они увеличивают число тех, кто наполняет человеческий мусорник. А на нем-то и подбирают подходящих в разную палаческую службу».

И еще: «Личности» из мусорника. В головы тех, кого из мусорника извлекли, легко напускается туман, заслоняющий мучения и кровь, туман из «патриотической веры, высших целей». Русский царизм был малоподрозаем в палачестве и в «обхаживании» своих служителей из аппаратов одурачивания и подавления».

Начиненные «высшими целями» царские обломки барахтаются в реках крови, держа путь к «спасителям» в Европе.

Новые и новые записи в дневнике.

«...Стремление к власти, кружащей голову, грызня из-за костей родины, дележ шкуры не убитого еще медведя и мародерство, преступления высшего начальства — сгнили верхи. Покатилась армия к морю, полились невинная кровь и слезы, понеслись проклятия вдогонку нам, уходившим. Так было и, не дай бог, еще будет!

20 час. В Галлиполи появились русские рестораны, закусовые, кое-где играет музыка, русские женщины торгуют своим телом из-за куска хлеба... По приезде в Галлиполи одна из медсестер на мой вопрос, откуда у нее лиры, ответила: «От турка, грека, негра — не все ли равно откуда?! Не умирать же с голоду. Все они одинаковы. Только различаются по весу». Теперь в городе много лавочек, магазинов, парикмахерских обслуживаются русскими... Юркие греки, строя сладострастные рожи, предлагают: «Карош мадам рюсс». Дальше идти, кажется, некуда!

Свадьбы, свадьбы без конца — женятся офицеры на сестрах милосердия, спешат жить, а жизнь ушла — и ее не поймашь.

Я не живу в настоящем — живу прошлым, черпаю в нем силы... Сейчас я тяжело болен тоскою по родине.

4.II. Прочел радостные сведения о том, что продовольственный аппарат в Совдепии не налаживается... Надвигается голод! Голод — это громадное счастье для России, голос желудка заставит население смести ненавистную власть, в этом я убежден и свой взгляд всегда доказываю.

Представляете: испытывает радость оттого, что в стране, тоской по которой он болен, голод, и в голоде видится ему спасение России... Не бред ли? Нет, это всерьез. Совершенно всерьез они уже подсчитывали, сколько губерний выкосит косящая рука, прикидывали, когда смогут по трупам вернуться на родину...

Как угодно можно назвать это чувство, но только не любовью. Любовь созидательна. Владимир Ильич Ленин писал о патриотизме людей, которые будут лучше три года голодать, но Советскую Родину спасут.

В те же дни, когда Найдич корпел над своим дневником, в Киеве вышел первый номер новой газеты. Называлась она — «Война голоду». Номер подготовили «на принципе коммунистического воскресника Союз рабочих полиграфического производства и сотрудники «Вістей», «Пролетарской правды»

и РАТАУ». Он открывался обращением: «Ко всем полиграфистам Киевщины». «Мы, печатники,— говорилось в нем,— как и весь мировой пролетариат, не имеем большого количества денег, ни золота, ни драгоценных камней, которые мы могли бы пожертвовать тем, кто голодает, и дать мы можем только то, что в наших силах,— наш труд».

Одни в воскресенье шли в типографию, другие спускались в забой, третьи в составе продотряда ехали в село.

Созданные из рабочих продотряды спасали Советскую страну от голодной смерти. В продотряды по ленинскому указанию отбирали так, чтобы ни единого пятнышка не нашлось потом на имени тех, кто пойдет на село бороться с кучкой хищников-кулаков во имя жизни и созидательного труда миллионов.

Таковыми они были, безымянные герои революции: петроградские, харьковские, донбасские рабочие. В июне 1918 года в продотрядах насчитывалось около трех тысяч добровольцев. В 1919 году их было уже 30 тысяч.

Кулаки устраивали на них засады, истязали и убивали их, набивали половой животы... Как реквием, звучат строки, посвященные им: «В дыму и пламени, под грохот орудий, под треск пулеметов, под свист пуль гражданской войны строилось продовольственное дело... На этом пути многие из вас стали жертвой своего долга. Ваша работа в историю революции вписана кровью тех, кто пал, и негасимым огнем энтузиазма живых». Так писала в 1923 году «Продовольственная газета».

А в Галлиполи надеялись, что голод вызовет восстание,— и «затем нагрянем мы и добьем ненавистный большевистский режим».

«... Чем хуже — тем лучше! Ожидаются заносы, шпалы держатся лишь морозом, транспорт разрушен! Музыкой в душе отдаются эти новости, несмотря на то, что вполне сознаю ужас положения близких, пусть даже так, но зато скорее разрушится коммунизм, который все равно грозит им гибелью.

17.II. Прочел книгу «Я требую суда общества и гласности» ген. Слащева. Много неопровержимых истин, но много и вздорного, пустого. По-моему, не запрещать ее надо, а самому начальству давать всем возможность ознакомиться с нею.

Два года назад 4 февраля (ст. стиля) я прибыл в туманное зимнее утро в Енакиево... Грязь стояла непролазная, еле добрался до штадива, откуда был направлен в 1-й офицерский полк генерала Маркова. Фронт меня несказанно удивил — так все просто: ухает артиллерия, базар торгует, как всегда, на пло-

щади перед Петровским заводом болтаются на виселице «очередные» большевики.

Сдал на почте письмо-открытку и наконец нашел штаб полка... Я получил освобождение на трое суток. Отдыхал с дороги, писал письма среди веселого смеха молодежи, играл с маленькой дочерью хозяйки.

20.II. Павел рассказывает сейчас, сидя у печки, о своих взглядах на вещи: «Сначала трудно было резать куренка, поросенка, а теперь и человека убиваю все одно, что муху... Надо только подальше становиться, чтоб мозгами не обрызгало, а то голова так и разлетается, как черепок». Глаза косят, и хищный блеск загорается в них. «Коммунистов много знал в Курске, как зайдем, надо будет всех пустить в расход», — апатично продолжает он свои мысли вслух.

3.III. Здесь жизнь каждого вдруг вывернулась наизнанку и показали жалкие душевные лохмотья. Помню истерические возгласы на пароходе: «Довольно колбасы», «Нет больше дураков» и т. п. И как приходилось мне убеждать офицеров, что они не правы, что с потерей территории не гибнет наше общее дело, что в руках у нас осталось еще могущественное средство — террор. Нас много, и если найдутся люди в полном смысле этого слова, то, несмотря ни на что, мы все воскресим родину.

Много доказывал, спорил, переносил насмешки... И вдруг теперь эти, кричавшие «довольно колбасы», — начальство... Смотришь на них с отвращением. Страшно становится за судьбы родины!

Таает армия. Все меньше остается идейных людей. По блестящей полоске пролива мчится из Европы пароход... Жизнь проходит мимо нас, горсти людей, оторванных от родины и народа «мечтателей-фанатиков», оставшихся в одиночестве. Где же помощь Антанты, спасенной нами от германского рабства? Где совесть и честь людей, воюющих у нас последнюю веру в справедливость? Где же наши герои, где русские богатыри, где та былинная «живая вода», воскрешавшая нацию от смерти?

5.III. Сегодня после бани, сидя у печи и греясь, вспоминали великий день в истории нашей родины, великой России — день освобождения крестьян от крепостной зависимости. А у нас этого даже никто не вспомнил. Тяжело и обидно за себя: куда я попал, разве мы не дети своего народа? Или это какая-то дореформенная Россия, не видящая, что творится, или же совершенно слепорожденная?

Если не будут быстро и решительно приняты меры для переброски нас на какой-либо участок польского или иного фронта против красных — весной армию не удержать, она потечет сама, туда, куда влечет ее долг перед родиной, перед своим народом.

15.III. За день сделал все схемы боев в Донецком бассейне. Прочел статью в «Общем деле» — «Расцвет тяжелой индустрии». В ней меня поразили не выводы автора, что гибнет Донецкий бассейн, что добыча угля со 150 миллионов упала до 25 млн., — ужаснули условия труда и жизни интеллигентов — инженеров, техников, находящихся в рабстве у торжествующего хама, голодающих, глядящих на умирающее дело, продающих последние вещи за кусок хлеба.

21.III. Тяжелые вести — Кронштадт пал, и с ним пало настроение. Мысль о скорой возможности быть в России откладывается в долгий ящик.

Д-р Крамарж в своем письме к ген. Врангелю высказывает тревогу и опасение, «чтобы чины армии не сделались яркими противниками антибольшевизма вследствие тяжелых условий, в которые они поставлены». Государственно мыслящий человек видит то, что здесь происходит, а те, которые здесь... ослепли?

27.III. Желаящим ехать в Совдепию и Бразилию предложили немедленно записаться. В полку нашлось 40 бывших красноармейцев запасных батальонов, людей, поверженных в уныние, мучимых тоскою по родине, готовых «хоть умереть, но дома, в России». Едет наш повар Петр Никулин, бывший идейный большевик, но в то же время с садизмом, заложенным в его душе, расстреливал коммунистов-пленных...

Ушли отправляющиеся в Совдепию... В палатке соседей — шумная драка из-за карт, взаимные оскорбления действием и площадной бранью. Ссорятся офицеры.

31.III. Пришел пароход с тремя тысячами казаков с о. Лемнос, пожелавших ехать в Совдепию. Терпения не хватило — люди идут на верную гибель, потеряв всякую веру в будущее и, главное, в самих себя.

У штакора вывешено объявление о том, что в Советороссии пожар восстаний...

7.IV. Сегодня большой христианский праздник — благовещение, праздник освобождения птиц из клеток в дни детства. Роли переменялись — мы в клетке, в изгнании. Но с надеждой когда-нибудь вновь быть орлами и рвать тело своих врагов, лить кровь, создавая Россию.

27.IV. Встретил вчера знакомого капитана-артиллериста. Живут надеждой на будущее, мечтают о походе в Россию. Слабая вера в жизненность нашей организации еще теплится, еще остались клочки веры в главкома. Генерала Кутепова ненавидят сильнее, чем раньше».

Официозные перья изображали Кутепова «сильным человеком, не знающим сомнений. Он шел по крови. Он рубит в клочья. Виселиц не боится. За нами чудится зарево пожара».

Это — правда. Пожары, расстрелы, виселицы, провокации сопровождали все его действия против революционной России — с февральских дней 1917 года.

27 февраля Кутепова, полковника лейб-гвардии Преображенского полка, назначили командиром ударного карательного отряда. Отряд расстреливал рабочих на улицах Петрограда. Но ничто уже не могло остановить восставший народ. «...весь Литейный проспект был заполнен толпой, которая хлынула со всех переулков, — признавался позже сам каратель. — Большая часть моего отряда смешалась с толпой, и я понял, что мой отряд больше сопротивляться не может».

К этому дню — 27 февраля 1917 года — они будут возвращаться с маниакальной настойчивостью. Спустя десятилетия, в 1962 году, в Нью-Йорке выйдет многотомный труд «Великая война и Февральская революция. 1914—1917». И бывший жандармский генерал А. И. Спиридович, переквалифицировавшийся в историка с густомонархическим оттенком, обвинит высшую военную власть, которая «растерялась в этот день не меньше гражданской и также не сумела найти правильную линию поведения, чем и помогла успеху революции».

Еще два «героя» Галлиполи — генералы Туркул и Манштейн — организаторы, по признанию белогвардейской литературы, «беспощадных массовых расстрелов».

«Пленных из советских воинских частей он любил допрашивать лично, — рассказывали о Туркуле очевидцы. — После допроса он ударом кулака по лицу сбивал свою жертву с ног, а когда эта жертва поднималась с земли, приканчивал ее выстрелом из нагана... Число лично расстрелянных им после боя пленных часто измерялось за один вечер многими десятками».

Этого садиста, издавшего в 1948 году в Мюнхене книжонку «Дроздовцы в огне», американские спецслужбы прочили после второй мировой войны в вожди «Объединенной русской эмиграции».

Туркул не зря полюбился заокеанской искательнице «человеческих жемчугов». Ей по карману мировая скупка туркулов и других международных «драгоценностей» для пополнения «номенклатуры» спецслужб. Американские спецслужбы никогда не увлекались популяризацией техники своих деяний, своих кадров и их поставщиков. Из «кое-чего», что просачивалось и просачивается к широкой публике, видно: американский разведпаук оплел своей сетью разные уголки планеты, он всегда и всюду там, где надо подготовить «неспокойствия» в государствах, чтобы потом воспользоваться ими.

Легко проследить связи американских спецслужб от выноживания агентурных кадров среди белогвардейцев до современной контрреволюции в Польше, Афганистане, в других уголках планеты.

Однажды в большом американском городе наше внимание привлекла необычная ресторанный вывеска — необычная своим русским исполнением. Как только мы появились в этом заведении, будто из-под земли выросла перед нами миловидная, не старая еще официантка. Указав на небольшой обособленный стол, она на русском языке, улыбаясь, сказала:

— Я в вашем распоряжении, приказывайте. — И подвинула ближе к нам красочно размалеванное меню.

И то меню, как и сам ресторанчик, было необычным. Мы не могли скрыть свой смех, приступив к освоению названий питья и еды. Посудите сами: вам аппетитно предлагают армянский «княжеский коньячный напиток», «щи Керенского», украинские галушки «а ля Петлюра», цыплята с «подливой Деникина», «десерты Врангеля», «шоколад Пилсудского». Такая открывается кухня, что дух захватывает и слюнки текут, так и хочется все проглотить сразу...

А миловидная, весьма даже наблюдательная официантка уже заметила ваше состояние. Не торопит она с заказом. Наоборот, любезно упрасивает: побудьте у нас подольше. Полуоткрытый ее ротик показывает хорошенькие зубки: «А что бы вы хотели послушать?» И поворачивается картинно в сторону оркестра.

Для полноты юмора в неповторимой харчевне мы вносили, как говорится, свои «добавки»:

— Армянские княжеские градусы, щи Керенского, петлюровские галушки, деникинскую подливу мы отведаем. Но хорошо, чтобы все эти блюда шли под звуки какого-нибудь «белого галопа», скажем, «Через Перекоп»...

Но угождающая нам почти красotka не из тех, кто «по мелочам хмурится, гневается». Искусна она в налаживании душев-

ных контактов. Это не какая-нибудь там просто официантка, она, оказалось, дочь генерала, в свое время приближенного к гетману Скоропадскому, закончила один из американских университетов.

Начинаем замечать: с деликатной осторожностью кружит хозяйка вокруг нашего стола, чтобы поближе познакомиться. Мы это поняли, и, опережая ее дальнейшие проявления «любопытства» не моргнув бровью один из нас отрекомендовался:

— Бывший адъютант Скоропадского подполковник Чудылко.

В каком-то неудержимом, сладостном хохоте она свалилась на рядом стоящее кресло.

— Благодарю вас,— сказала, задыхаясь от смеха.— Наше близкое знакомство состоялось.

Абсурдность наших притязаний на чины у гетмана «всея Украины» была очевидна.

— За какого-нибудь правнука Скоропадского вы могли бы еще сойти по возрасту,— заметила хозяйка, справляясь с собой.— А знаете, вы остановили всякое мое желание дальше стучать в ваше самоличное «справочное бюро»... Нечасто бывают у нас похожие посетители.

Стучать... стучать... стучать... Емкое слово, с большим диапазоном смысловых оттенков и значений...

В свое время первым в двери особнячка, в котором потом откроется ресторанчик, постучал один из беглых белогвардейских офицеров. Приправляемый всякими соусами, питейный и питательный притончик постепенно превращался в действительного зазывалу эмигрантов из России, Украины, Белоруссии, Польши, из широкой среды славянства, да и не только славянства. Постепенно ресторанчик-зазывала становится и вербовочной базой американских спецслужб: «Ваше согласие — наш хлеб с маслом...» До чего же развита деловитость у американцев!

А что же американская красotka?

Прощаясь тогда с ней, один из нас поднял руку к потолку ресторанного зала, на котором были нарисованы дьявол и господь, сказал при этом:

— Вас соблазнил дьявол, а я весь в плену праведного господя-бога. А если серьезно, то еще великий Бальзак говорил, что все провокации бывают примитивны, однозначны.

Если бы можно было перенести это американское политическое ископаемое в нашу советскую среду (не будем зря пересказывать все ее, так сказать, «политическое кредо»), ее представления можно было бы вывести на любую советскую цирковую

вую арену для смеха. Создавалось впечатление, что и сама она понимала, что своей глупостью уничтожила в нас всякое желание в ее «советской» обработке. Ведь все мы в ее представлении «одурачены», «безмозглые», «стандартно-догматически» воспитаны.

Говорят, обезьяна слепнет, когда перед ее глазами появляется радуга, она привыкла в основном к цветам черно-белым. Да простит нам такое сравнение красotka из притона, но она воспринимала еще меньше красок. Ведь выросла на «щах Керенского», галушках «а ля Петлюра», цыплятах с «подливой Деникина»; ослепленная, начиненная американскими мироощущениями, она решительно не могла сделать ни одного шага в сторону, осознать нечто другое, чем то, что ее по-американски духовно сотворило.

Вспоминается еще одна встреча — с профессором в Канаде. Беседа прошла вроде бы хорошо, слушатели — студенты, которые пришли на встречу с советскими литераторами в рамках Шевченковских чтений, были внимательны и заинтересованы. Корректен, в меру приветлив был и сам профессор, вот только иногда он почему-то запинаясь, и в глазах его мелькало что-то такое, будто его протыкала шпильками нечистая совесть. Вскоре прояснилось: так и есть, в канун нашего прибытия в город он опубликовал в буржуазно-националистической газете «Новый шлях» антисоветскую — да еще какую нахальную и крикливую! — статью, в которой, нарисовав страшную картину на его неньке-Украине («людей находят потопленными, зверски замученными и повешенными — для страха»), чуть ли не прямо призывал к вооруженному походу против Советского Союза...

Вот здесь и возникает вопрос: чего хотят и кому служат в нынешнем тревожном мире такие деятели, как этот профессор, как «официантка» из того трактира?

Служат они тем, кто толкает мир к войне.

Так и в поисках более тесных контактов с международным сионизмом украинские буржуазные националистические центры за рубежом делают главный акцент на «общность интересов» на антисоветской почве. При этом они рассчитывают, что сближение с сионистами может дать им возможность опираться на финансовые источники последних, выйти на буржуазные средства массовой информации и поднять свой жиденький «политический авторитет» среди правящих кругов США.

Но сближение затормозилось после демонстрации по западному телевидению документального фильма «Холокауст» («Истребление»). Фильм разоблачил буржуазных национали-

стов как палачей еврейского населения во время второй мировой войны. Стремясь скрыть свою роль, националистические центры за рубежом развернули бешеную пропагандистскую кампанию. Своей конечной цели — «отредактировать фильм или изъять из него неточности и неправды, что представляют собой неуважение к самой большой нерусской нации в Восточной Европе», — им достичь не удалось.

Но эта кампания стала новым толчком для оживления в националистической печати дискуссии об «украинско-еврейских взаимоотношениях». Причем националисты не утаивают, что эта дискуссия, или, по их терминологии, «фундаментальная коллективная студия», рассчитана и на сионистов. «Такая студия, — отмечал мюнхенский националистический журнал «Сучасність», — окончательно вынесет этот болезненный вопрос из рамок внутриукраинской полемики» и заставит, мол, определенных деятелей пересмотреть свои предубеждения по отношению к украинским буржуазным националистическим центрам за рубежом. Может быть, и вынесет, да что из этого? По признанию самих националистов, «сотрудничество» зашло в тупик. Украинские буржуазные националисты открыто призывают сионистов «благородно похоронить прошлое» и строить новые взаимоотношения в рамках провокационных антисоветских кампаний...».

Однажды нам довелось увидеть живописную картинку этих «новых взаимоотношений». С разных сторон к зданию Советского посольства в Вашингтоне одновременно подошли две группки платных манифестантов: сионисты и бандеровцы. Не обращая внимания на «соратников», они начали выкрикивать свои лозунги, однако быстро заметили, что мешают друг другу. Пришлось поднапрячь голоса. Получилось еще хуже. Тогда бандеровцы рывкнули на сионистов: убирайтесь отсюда, не путайтесь под ногами. Им ответили той же монетой. Словом, через несколько минут антисоветчики сцепились между собой. Перебранка, к удовольствию прохожих, перешла в кулачный бой. Сионистов было больше, но бандеровцы держались кучнее и под улюлюканье погнали противника с поля боя...

Не думаем, чтобы, скажем, тот же профессор сам порывался отправиться на «освобождение» Советской Украины во имя какого-то там «универсала», какой-то там «Центральной рады», о которой и память давно исчезла на украинской земле, не говоря уже о более широких мирах. Быстрее всего, он просто хотел кому-то прислужиться.

Но разве наставнику и воспитателю юношества, мужу науки и культуры невдомек, что подобными выступлениями он

непосредственно включается в психологическую подготовку войны, о которой грезят распаленные пентагоновские стратеги и которая стала бы губительной по своим последствиям для целого мира (в том числе и для народов США и Канады)? Разве не в силах понять, что подстрекать каким бы то ни было способом атомных безумцев, руки которых и так тянутся к злоевающим кнопкам, — значит брать на себя тяжкую моральную ответственность перед всеми людьми, вплоть до собственной семьи, собственных сыновей и внуков?

Что и говорить, в определенных украинских кругах той же Канады (главным образом из среды бывшей политической эмиграции) можно найти немало трубадуров «холодной войны», ослепленных антисоветизмом и воинствующим буржуазным национализмом. Они, видите ли, очень любят украинскую культуру, язык, памятники старины и т. д. — и от такой, извините, «любви» сеют каинову злость и ненависть к единой Украине, которая существует в мире, к Советской Украине, неотъемлемой части великого Союза братских социалистических республик. Так «любят» Шевченко, что готовы накликать злоевающий пожар на Шевченкову родину. Иуда пайку отработывает...

За многие годы довелось нам в зарубежных путешествиях, в частности по Америке и Канаде, собственными глазами увидеть недобитых гитлерчуков-запроданцев, которые в своем буржуазно-националистическом, сионистском и клерикальном болоте квакают что есть мочи и думают, будто их слышно на весь мир.

Анатомируя «агиографию» этих предателей, всевозможных недобитков, подпевал заокеанских хозяев, известный украинский поэт, публицист Борис Олейник в своем памфлете «Убийца в ...конгрессе» очень метко сказал обо всех этих стецьках и «иже с ними», которые не имеют ни отчизны, ни будущего: «Украина их навеки прокляла... Они бродят как legionеры, для которых убивать — ремесло, которым они зарабатывают свой хлеб иуды. Таким образом, у стецьков отсутствуют какие бы то ни было морально-этические критерии: кто нанимает, тому и буду служить».

Отработывают свою иудейскую пайку «заплечных дел мастера», нашедшие приют в грязненьких эмигрантских газетках и «независимых радиостанциях, финансируемых конгрессом США», — «Свобода» и «Свободная Европа».

За жалкий кусок вынесли на панель свою совесть иудины последыши — лжеисторики, которые в своих рептильях тужатся обелить омерзительную деятельность в годы прошлой

войны гитлеровских наемников — украинских буржуазных националистов.

Продало душу черту за кость с барского стола «святое семейство Варваривых», во главе с отцом Василем, который утонул, как выражались его прихожане, в делах мерзких (вместо «мирских»); черным предательством обозначен путь и преподобного батюшки и его сынков-головорезов.

В сети идеологических диверсий против нашей страны случается, увы, попадают те, кто верит инсинуациям буржуазных националистов всех мастей, сионистам, функционерам подрывных антисоветских организаций — ОУН, НТС и др.

Знали мы когда-то в Донецке врача Давида Бергмана, который, приняв за чистую монету мракобесные политизованные догмы иудаизма, поверил обещаниям сионистских зазывал и променял советское гражданство на прозябание, безработицу, притеснения и издевательства на «земле обетованной».

Уже по дороге в Израиль он начинает понимать свою роковую ошибку. Драматичен финал этой истории: кандидат медицинских наук устраивается на израильское судно «Дебора», чтобы хоть изредка, попадая за границу, встречаться с бывшими соотечественниками — советскими гражданами; позже переезжает в ФРГ, где с большими трудностями находит место продавца сувениров...

Еще в начале 1976 года тель-авивская газетенка напечатала сообщение агентства Франс Пресс под заголовком «Советский корреспондент разоблачает израильских шпионов». Тут признавалась правдивость публикации в «Комсомольской правде», в которой публицист Юзеф Эрлих, описывая события, в которых он сам принимал участие, показал настоящие намерения, методы и формы действия разведцентров империалистических держав, агентов-вербовщиков сионистской организации «Сохнут».

Систематизировав свои дневники, письма, документы, которые частично были использованы в заметках «С меня хватит...», Юзеф Эрлих дополнил их новыми материалами — так родилась книга «Битые ставки». Главный ее персонаж — Абрам Шифрин. Рассказывая о встречах с ним в Одессе, а когда тот выехал в Израиль, и за рубежом, автор штрих за штрихом рисует омерзительную физиономию этого проходимца, который встал на путь предательства, был осужден за шпионаж советским судом, а после отбытия заключения «совершенствовал» свои уголовные способности под руководством израильских спецслужб и агентов ЦРУ. Открытая ненависть А. Шифрина ко всему советскому «роднит» его с такими заклятыми врагами

нашей страны, как «председатель исполкома» так называемого Народно-трудового союза Е. Романов и оуновец С. Мудрик. Оба они еще сорок лет тому назад заслужили кровавую репутацию подручных палачей-гестаповцев. Теперь они неплохо чувствуют себя в ФРГ и из кожи вон лезут, угождая своим новым хозяевам — заокеанским подрывным и разведывательным ведомствам.

Место сионистов шифриных, энтеэсовцев, романовых, оуновцев, мудриков давно уже за дверью истории, а оттуда, по словам Ярослава Галана, один только путь — путь презрения и вечного забвения.

Душевно нищие, опустошенные, с паразитическими вирусами, обкрадывающие и отдающие гнилью, они оказались в бросовых ямах, на мусорнике истории. В Нью-Йорке, Вашингтоне, Филадельфии, Монреале, Оттаве, Торонто, Виннипеге мы не раз встречали эмигрантов со стажем. От многотрудного стажа у них повыпадали зубы, вылезли волосы, в нервном тике перекашиваются лица. В беглецах, видно, изменилось все, по-звериному ожесточилось. Среди этих со стажем — тузы из белогвардейского отребья, продажные шкуры, холуйски угодничавшие фашистской мрази во время нашествия коричневой чумы на советскую землю. Не люди, а тени, призраки.

Откуда они? Почти библейская легенда поведает нам.

Когда возненавидевший господа-бога черный дух решил, что на земле, кроме всякой прочей твари, нужна особого рода падаль: изменники, предатели, убийцы, разного рода политические шулера, — он прибегнул к неслыханной в веках аванюре. А точнее, занялся селекцией беспрецедентной: решив, что на земле угодных ему готовых черных моделей в обличье человеком нет, он занялся выведением уродцев по образу и подобию своему — все из нравственного растления, смрада. Человечьего недоноска скрестил со свиньей, лисицей, змеей, шакалом, стервятником, обезьяной и мокрицей.

Гибрид? — он известный.

Судьба как-то свела нас с подобными. В Нью-Йорке на Бродвее — этой, быть может, мировой витрине капитализма богатого и нищего — повстречали бывшего генерала бывшей деникинской армии. Судьба его достойна и сожаления и презрения. Он был еще только молодым ротмистром, когда вместе со всей деникинской сворой драпал к спасительным берегам Черного моря. Берега эти еле спасли ротмистра, можно сказать, случайно, комедийно. Уходящий к Турции корабль был уже переполнен, и посадочный трап убрали. Смертельно испуганный ротмистр заметил, что из какого-то иллюминатора

что-то свисает — не так высоко от морской волны. У страха, говорят, ноги длинные — и ротмистр в рискованном прыжке достигает последней петли какого-то веревочного плетения. Оно, потом оказалось, свисало из галюна. Как только судно двинулось, офицеришко поднял неистовый крик — спасите!..

Так случилось — на галюнном «троне» как раз восседал матросик. Услышал он «спасите»... И что ему стоило вытащить уже дурно пахнущего от испуга ротмистра. Так среди галюнного смрада и начал жизнь свою ротмистр в Новом мире. А дальше — головокружительные взлеты доблестного деникинского офицера. Турция осчастливила его должностью грузчика в одном из портов страны. Тяжко шли погрузочно-разгрузочные годы. Хотя деникинская армия была, по существу, без войска, чины шли, ротмистр догрузился до генерала. В этом чине решил он махнуть за океан, убедившись, что турецким пашой ему не стать.

Наслышался: генералов в Америке встречают с оркестром...

Оркестра не было. Бездомный, он всю ночь по-генеральски навтыяжку простоял перед статуей Свободы на берегу Гудзона. Затем удалось устроиться на чердаке в домишке какого-то русского эмигранта на нью-йоркской окраине. Америка довершила все его эмигрантское образование. По всем классическим законам капиталистического общества в Америке старый-престарый, еле передвигающийся генерал был просто выброшен за борт жизни. Ведь даже молодым — мускулистым и не лишенным умения что-то неплохо делать, весьма уж тесно, не хватает места в обществе этом.

Но ему, как генералу, при содействии эмигрантской верхушки разрешили занять свое дело. Какое? Он получил право стать чистильщиком обуви на самом Бродвее. Но как быть? Старые его руки еле движутся. Ньюйоркцы же, люди повышенной динамичности, к генералу-чистильщику они не идут. Разве что изредка наведываются к нему землячки, так сказать, свои, из русской эмиграции. За день какие-то центы набегают.

Перед сном на чердачке он осеняет себя крестом, проклиная тех, кто изувечил его существование. Ах, эта Советская власть! Советская, Советская!.. А она ни одного постаревшего не оставляет в бедах, дает ему хлеб и к хлебу, и в почете у нее постаревшие...

— Ваше превосходительство! — пытались мы заговорить с генералом-чистильщиком на Бродвее. — Каково оно вам? Только честно.

— Как в гробу на остриях гвоздей, — и как-то жутко посмотрел с оскалом гнилых зубов...

Не раз приходилось встречаться в том мире со всяким гнильем. В Канаде имели честь приветствовать «пана профессора», бежавшего на Запад за немецко-фашистскими обозами из одного южноукраинского города. Дома он заведовал кафедрой в местном педагогическом институте — и постоянно дрожал, чувствуя, как за ним неотступно тенью следует весьма отвратительное петлюровское прошлое. На Украине заведовал институтской кафедрой, в Канаде он заведует лягушатником. Да, да — он «смотритель» болотца, в котором размножаются квакающие попрыгуны для какого-то рестораника, угощающего своих посетителей особыми деликатесами — лягушатиной в подлимонном соусе. Под прикрытием квакающего болотца «пан профессор» занимается и кое-чем другим — подучивает русскому и украинскому языкам неведомые кадры — вывески на том «учебном заведении» нет. Не будем строить и догадок. Почти все ясно...

Виннипег — как бы столица украинской и русской эмиграции в Канаде. Нередко здесь устраиваются разного рода земляческие праздники, увеселения. Веселого, мягко скажем, всегда маловато. У людей, лишившихся родины, — ностальгия мучительно давит на сердце постоянно. Даже молодых эмигрантских сыновей и дочерей, родившихся уже в Канаде, она не оставляет. Ведь она входит навечно в душу с каждым материнским, отцовским родным словом, с каждой родной песней.

Припоминается: в Киев на гастроли приезжал прославленный украинский ансамбль Канады «Русалка», тот, что блестяще выступал на Международном молодежном фестивале в Британии.

В молодежной преимущественно «Русалке» был и пожилой украинец. И вот день отъезда из Киева — поезд сначала на Москву. Трогательные минуты прощания с тем, что живет в тебе от матери-отца, с тем, что на земле-родительнице за короткие дни заполнило все твое существо, — оно до боли дорого и священно.

Пожилой вдруг склоняется к земле, целует ее и благословляет слезой: матінко моя, земле рідна, — не побачу, мабуть, тебе більше...

Плохо ему без родных соков, родного корня. Плохо. Вот она, ностальгия.

Но вернемся в Виннипег, где в разгаре необычный день прославленной «Русалки». Всякого люда там насобиралось. Посъезжались со всех концов Канады. Тут и молодые, родившие-

ся на чужбине, ни в чем не повинные, несущие в себе неразрывную связь с тем, чего они даже не видели, чего они не знают, но впитали это родное, дорогое с материнским молоком. Ведь сколько любящих от нужды, гибельной нищеты при царизме бежали за пределы родины искать чего-то лучшего, искать, говоря словами героев Шолом-Алейхема, булочку с маслом.

Оказавшись в Канаде, русские, украинцы привезли не только самих себя, но и семена своих земель. Недаром один канадский поэт как-то сказал, что Канада цветет Украиной и Россией.

Итак, в день «Русалки» в Виннипеге собралось много разного люда — преобладали любящие, но в праздничную толпу вползла и деникинская, петлюровская, махновская, всякая злостбующая контра.

После душевно-трогательно исполненного Тарасова «Заповіту» не зная, из каких глубин сердца щемяще поднялась: «Рідна мати моя...»

«Рушничок» — не просто себе песенка... И кто-то во все горло камнем бросил:

— Прекратите эту советчину!..

Контру выдворили из рядов необычно, с кляпом во рту (из платочка какой-то девчонки), со связанными ремнем руками, последовал пинок в зад — и деникинщина, петлюровщина или махновщина прочертила носом на асфальте разные фигуры геометрии. Следа от них — как не бывало, исчез и призрак...

Не раз, видя за границей «живые трупы», начиненные могильным тлением, невольно спрашиваем себя: откуда они берутся, как они инкубируются?

Ответить на это — то же, что и понять: почему на земле растут розы и чертополохи, — из разных семян они, из разной среды питания идут их корни...

Мы отнюдь не ставим знак равенства между отпадышами и нашими соотечественниками, теми, кто помнит свой прародительский корень, кто едет к нам с добрым сердцем.

«...Украина ныне совсем не та, какой я знала ее, какой оставила ее. Когда я взглянула на широкие ланы пшеницы, которые, словно море, волновались от ветра, когда я поняла, что все это принадлежит народу, а не является собственностью графов и магнатов, в пользу которых приходилось отдавать свой пот и кровь и жать за одиннадцатый сноп, я была глубоко взволнована... Главное то, что люди не печалятся черной годиною, что они уверены в своем еще лучшем будущем и в победе тех идеалов, за которые все советские народы храбро и само-

отверженно боролись», — писала в нью-йоркской прогрессивной газете «Українські вісті» Иосифина Ярушевская, побывав на своей родине, в прикарпатском селе, после полувековых скитаний за рубежом.

И таких отзывов немало.

Потому-то в лагере националистов все чаще звучат голоса растерянности, неверия, признание бесперспективности своих намерений. Даже поездки на Украину, сокрушался как-то бандеровский «Вісник», парализуют эмигрантов, и они выбывают из антисоветской игры, поняв ее обреченность.

Так, прислуживая пропагандистским боссам Запада, предлагая себя оптом и в розницу империалистическим разведкам, сионистам и кому угодно, украинские буржуазные националисты скатились, как выразился Павло Тычина, «в одну яму». Копошиться там, захлебываясь в собственных испарениях отравленных!

А у нас своя дорога.

9

Буря все дальше и дальше гнала Костю Найдича.

«27.IV. У французского коменданта началась запись желающих ехать в Бразилию... При известии об отходе в Бразилию парохода «Рион» началось повальное бегство «служилого сословия» (по Шульгину) с вещами из лагерей... Как армия мы уже умерли. Я решил быть до конца, до смертного часа верным любимой армии.

28.IV. Зарегистрировано «самовольно отлучившихся» в нашем полку до 20 чел., вчера — 60. Мне пришлось говорить с уходившими на пароход «Рион» — общая причина ухода одна: бессодержательность нашей жизни, пустота, отсутствие цели, рабское, бесправное положение рядовых офицеров — до командира батальона включительно — и солдат. «Вожди» занимались пьянством, дебошами, посадкой подчиненных на «губу», разжалованием офицеров в рядовые, отправкой солдат в дисциплинарный рабочий батальон, неугодных лиц отправляли в беженский батальон, некоторые были расстреляны. Между высшим командным составом и «кобылкой» выросла пропасть. «Вожди» решили, что они победили непокорный, пытливый дух офицерства — «кобылки» и солдат, усыпили себя наклейкой монархических орлов с коронами. Отъезд в Совдепию был первым предостережением, второй удар — отъезд в Бразилию... Поздно ночью получен приказ из штадива принять все меры к недопущению ухода чинов. Воспрещены отпуски в город на

время пребывания в нем парохода «Рион». Люди уходят, бросая вещи, уходят в чем есть! Мечты «вождей» о содержании армии в лагерях для игры в солдатики должны будут рухнуть с прибытием армии в Сербию. Там нас не удержит ничто.

29.IV. Все взволнованы до глубины души бегством начальника штакаора ген. Доставалова, захватившего с собою 6000 драхм. По этому поводу сыплются замечания: «И этим мошенникам мы вручили свои судьбы!», «Куда ушло столько лет жизни?», «С кем мы теперь?».

Ночь молчит. По проливу медленно ползет ярко освещенное морское чудище, гудит низкой октавой, подходя к Галлиполи, — что несет нам судьба? Гибель «богов», оказавшихся пустыми, бездушными истуканами, ложными, гнусными, продажными.

В головах офицеров военного времени и молодежи из кадровых бродят мысли о дальнейшей борьбе за честь и свободу России. Но не все согласны с ними. Полковник Золотухин находит, что борьба с большевиками невозможна, они сильны...

11.V. Подполковник Сагайдачный помчался в штакор хлопотать все о том же — о своем награждении орденом Николая Чудотворца, — за что и какими путями? Нужно не иметь совести, личного достоинства и многого другого.

15.V. Перед ужином получена информационная сводка штакаора с приказом Кутепова № 289 — о расстреле старшего унтер-офицера Бориса Коппа за агитацию к распылению армии, за родственные связи с советскими деятелями и за службу в симферопольской Чека в 1919 году... Когда вспомнили...

Все истолковывается как «агитация за распыление армии и разрушение организации». Страшна и беспощадна т. наз. «организация» и ея заплочных дел мастера.

26.V. Лагерь опустел — ушло у нас 118 чел., у дроздовцев — 600. Тает армия, уходит все молодое, физически здоровое, надеющееся на свою силу. Осталось все старое, фанатики идеи.

Слухи из города — Галлиполи ген. Кутепов объявил на военном положении. Первый случай в истории человечества — диктатура на чужой территории.

В артдивизионе ушли почти все солдаты. Ищут причины, пускаются на догадки... Армия добровольцев задыхается... В тысячный раз приходит в голову ужасная мысль: «Неужели же это конец борьбы?» Где же выход? Где русские Гарибальди? Где Миныны и Пожарские?

28.V. На днях говорил с подполковником Ермоловым. Это человек безусловно преданный идее освобождения родины по заветам ген. Корнилова. Он «ужаснулся, попав в эту среду». «Школа большевизма — лагерные условия жизни» сделали неузнаваемой эту массу людей, в большинстве своем 2—3 года пробывших в Добровольческой армии. Я не узнавал близких людей, мне казалось, что передо мною фронт ноября 1917 года, хмурый, озлобленный, жаждущий крови.

30.V. С 8 час. утра началась военная игра по крымской карте — в районе Перекопа... Перешеек нами прорван, противник отошел, к нему через переправы у Каховки подходят большие резервы, его обозы в панике забили все переправы... Завтра предстоит бой с авангардом конницы противника. Начальство требует копии приказов, приказаний, сводок, донесений. Совсем как на самом деле война...

I.VI. Встали рано, опять бумажная война — осточертело все до крайностей... Победное шествие по советской Таврии — на бумаге!

Прочел брошюру ген. Келчевского «Думенко и Буденный». Только теперь стало многое понятно из причин катастрофы... Поздно!»

Однажды, вскоре после публикации этих строк в декабре 1980 года в «Комсомольской правде», в редакцию зашел, находясь по делам в Москве, начальник отдела одного из крупных приволжских заводов, кандидат технических наук, внук генерала Келчевского.

— Знаете, — начал он, — я на днях получил письмо из Москвы. В нем говорится, что в каталоге личной библиотеки Владимира Ильича Ленина под № 4489 обнаружена книга А. К. Келчевского «Думенко и Буденный. Роль, значение и тактические приемы конницы в русской гражданской войне», Константинополь, издание автора, 1920 год, 16 страниц со схемой». Об этой книге я знаю со слов моей мамы. В частности, в ней высоко оценивается военное искусство командарма Буденного. Беззаветная любовь деда к России для меня свята... — Он помолчал, закурил. — В военных кругах старой России хорошо знали А. К. Келчевского — автора ряда военных трудов. Во время первой мировой войны он был начальником штаба армии генерала Брусилова, участвовал в разработке Черновицкой и Станиславской операций в 1916 году, закончившихся значительным успехом русской армии. После Октябрьской революции оказался в белом лагере. Затем в силу ряда причин

он порывает с белой армией. Барон Врангель увольняет его из армии. За отступником, как рассказывает семейная история, началась охота...

За месяц до гибели, видимо, предчувствуя, что жизнь вот-вот оборвется, генерал Келчевский пишет дочери в альбом: «Учись любить свою Родину. Помни, что она тебе вторая мать. Подобно тому, как каждая травка, каждый кустик, каждый цветок и каждое деревцо впитывает в себя сок земли родной и дает ей отпечаток, точно так и человек, рожденный в среде своего народа, впитывает все национальные особенности его и отражает природу земли родной...

...Находясь временно вдали от своего народа, от своей земли родной, помни, что общество, в котором мы живем, как говорил наш великий историк-моралист Соловьев, может существовать только при условии жертвы, когда члены его сознают обязанность жертвовать частным интересом интересу общему... В этом перевесе сил нравственных над материальными и заключается все величие Руси. Она крепка сознанием своих несовершенств и сбережений ею способностью не мириться со злом.

В тяжкий путь жизни я всегда ставил свои интересы ниже общественных. Страдал и дома и вне, но ни разу не сдал и уйду из мира сего в сознании, что делал не свое личное, а «сверхличное» дело.

Эти слова отца о России, о долге перед обществом и родиной вспомнились Ире несколько позже: при встрече с художником Репиным. Шестнадцатилетней девушкой она побывала у него в Пенатах. Великий старец долго беседовал с ней и как будто случайно привел на большой, голубой от васильков луг. Показывая на его противоположный край, он сказал: «Смотри, Иринка, там Россия, родина... Я стар уже... Но ты обязательно должна вернуться туда!»

Через много, много лет — в середине шестидесятых — она придет на этот луг вместе со взрослым сыном и поймет, что дорога домой, в Россию, для нее началась именно здесь...

Ира, Ирина Анатольевна — это моя мама. Замуж она вышла в Праге. Федор Михайлович, мой отец, вопреки традиции, по которой сын священника тоже становился священником, поступил на кораблестроительный факультет. Когда Федю провожали в Петербург, к нему подошла цыганка: «Тридцать три года не быть тебе дома, вернешься в родные края со спелыми яблоками».

Лишь немного ошиблась цыганка: почти сорок лет пройдет до того дня, когда Федя, Федор Михайлович, вернется домой!..

Эти долгие годы — студенческие, военные, на первой мировой и на гражданской, эвакуация с госпиталем за море. Турция, Болгария, Франция, Чехословакия... Всюду эмиграция говорила и спорила о судьбах России, надеялась вернуться на «белом коне». Но с годами миф о недолговечности большевистской власти рассеивался.

Однажды Федор услышал, как бывший легальный марксист Струве, имевший когда-то шикарную рыже-красную, а в тот год уже белую шапку волос, обратился к одному давнему идейному противнику. Струве, вспомнив бывшее, горько скаламбурил: «...Был я когда-то красным, вы были черным, а теперь мы оба белые...»

Впрочем, нет, эмиграция не была однородной. Она неуклонно раскалывалась на два лагеря: одни до гробовой доски оставались врагами Советской России, другие чаще думали о дне, когда можно будет вернуться домой. Среди них был Федор.

— Это все очень интересно. Может быть, вы попробуете написать, с какими чувствами вернулись на Родину ваши родные?

— Попробую, — отозвался наш гость.

Через несколько недель в редакцию пришло его письмо. Откроем его несколько позже. Пока же продолжим дневник Найдича.

«6.VI. Сегодня из беженского батальона уехало 600 записавшихся солдат на нефтяные промыслы — запись производил советский агент г. Серебровский. В этом положении виновно и наше командование, доведшее своими приемами массы до выводов: «Все равно спасения нет нигде». Сколь уж говорилось, что пребывание в лагерях — школа большевизма. Как болит душа за отчаявшихся!»

9.VI. Вспоминали времена занятия Александровска, грабеж на станции ген. Писаревым эшелонов красных, о промедлении действий донцов, захвативших на ст. Софиевка 9 советских эшелонов с советскими служащими, чекистами и громадным количеством ценностей. Сначала повальный грабеж, затем буйный разгул, насиливание женщин по степи рядом со станцией. Грабеж и насилие — наше несчастье...

Упадок чувства законности, нравственности. Стоянка нашей дивизии в Александровске и с. Вознесенском — темные

слухи начали носиться по городу: обнаружены трупы убитых на берегу Днепра... Только вчера выяснилась действительная сторона загадочных, погромных убийств. Во 2-м полку при его штабе организовалась банда грабителей-налетчиков во главе с ген. Гравицким — он отправил своей содержанке в Мелитополь целый тюк дамской одежды. Занимались обысками, вымогательством и убийствами. Теперь — ордена св. Николая, обилие валюты, вечный разгул и пьянство... Руки опускаются...

Галлиполи взбудоражено происшествием — потоплением русской парусной лодки «Елена» французским миноносцем... Дело было так. Группа офицеров, не попав на пароход в Севастополь, захватила парусно-моторную лодку... Ген. Кутепов сообщил французскому командованию, что он не отвечает за бежавших пиратов. Французы привели лодку на буксире, а офицеров передали в штакор — всех предали военно-полевому суду.

25.VI. Всю ночь лезли тучи, сползались и дымились над торчащими над нашим лагерем горами. На рассвете полил мелкий осенний дождь.

С утра засел за биографию полковника Ал. Семен. Булатина, офицера-марковца, трагически погибшего в 1919 г. в с. Ольховка. Он создал целую школу офицеров-патриотов, его имя перешло во все легенды и песни, созданные в период титанической борьбы добровольцев 1-го офицерского ген. Маркова полка на Кубани, Дону и в каменноугольном районе. Многие его питомцы-соратники ушли вслед за ним и покоятся теперь по неизвестным станицам, у проселочных дорог. К этим далеким могилам, разбросанным по всей необъятной Руси, стремится душа — они исполнили свой долг. Пройдут годы — и, верю, воскресшая, свободная Россия не забудет неизвестных могил, придет и поклонится им...

Ночью пришел подполковник Сагайдачный и сообщил, что ген. Пешня любит ходить и подслушивать разговоры в палатках и якобы слышал мой с ним спор о Сербии... Вывод ясен: он насплетничал в штабе полка и, боясь последствий, сваливает заранее все на к-ра полка... Удивительно мерзкая душонка у этого представителя «идейно-доблестных» ловчил. Какой-то дурак поручил ему опекать наши издания, а он сам в жизни прочитал всего две книги и не может понять до сих пор, почему Герасим бросил собачку под поезд. «Я бы всех этих писак-журналистов, — похвалялся он как-то с пьяных глаз, — перевешал бы на первой груше. Они сегодня говорят одно, а завтра — другое. Прочитал я у одного умника, будто он

на могиле беседовал со знакомым покойничком. Бред! Как это можно с покойником беседовать?»

Представляю, что бы он сделал, если бы прочитал мой дневник. Заложил бы с ходу, прикрываясь идейными лозунгами. Такой родного сына продаст и свою маму не пожалеет: профессиональный провокатор по наследству, эта гнусная привычка заложена в генах. За версту несет от него дешевыми духами, но этого форменного идиота с мозгами набекрень, то бишь черного кобеля, не отмоешь добела. Любит напускать на себя вид эдакого мыслителя, а на лице печать сексострадаля: «Женщины, не обижайте меня...»

27.VI. Я серьезно заболел. Болит голова, еле двигаю ногами. Слабость удивительная — писать невероятно тяжело. Жара и озноб одновременно.

Как тяжело, кошмарно жить — нет просвета. Годы уходят, здоровье растрчено — все впустую, все разбито грязными руками домогавшихся власти и реставрации...

Голодаю четвертые сутки, а болезнь прогрессирует. Врачи бессильны — нет нужных лекарств. 30% в полку желудочных заболеваний... Умереть в лагере у Галлиполи — большей гнусности не придумать!

29.VI. Я продолжаю болеть — силы окончательно покидают меня. Самочувствие — полное безразличие и апатия. Вчера вечером пришли Иван Семенович и рядовой Ткачев, принесли новости. Первый говорил о предложении англичан ген. Врангелю оккупировать Батуми и Баку в связи с якобы обнаружившимся движением 40 000 Конармии Буденного через Персию на Индию... Предложение отклонено... Хотел жить, а здесь — медленное умирание.

1.VII. Только что была Лариса Романовна. Жаловалась на страх одиночества. С мыслью о неизбежной близкой смерти она примирилась: «Пройдет день, я слягу и уже больше не поднимусь. Хотя бы быть похороненной дома, увидеть перед смертью маму, братьев, сестер». Горят глаза, багровые пятна на снежно-белом лице. Волосы прядями липнут к потному лбу — живая смерть!

2.VII. Утро принесло с собою новости — сводку штакара с приказами и приговор военно-полевого суда по делу полковника Щеглова, приговоренного к смертной казни. Его расстреляли за то, что «он, полковник Щеглов, 27.VI в палатке № 4 эвакуопункта, находясь среди прочих, состоящих там на излечении офицеров и солдат, умышленно распространял заведомо ложные слухи, явно порочащие и подрывающие авторитет и доверие к высшим военным начальникам, вел разговоры, воз-

буждающие сомнение и убивающие веру в дело нашей армии, и восхвалял Красную Армию...» и т. д. Приказ № 431 гласит о приведении приговора в исполнение 30.VI. Полковнику Щеглову 47 лет; острослов, эрудит. Председательствовал в суде ген. Пешня — одно это имя говорит о смертном приговоре. «Наши вожди!» Горе родине и ее сынам, гибнущим от руки людей «вечернего времени»!

Сегодня обнаружили труп покончившего с собой поручика Петрова. Он говорил: «Я в лагерях только до 1 июля», слово сдержал и ушел из лагерей лучший офицер... умер в день годовщины смерти его жены... Одни стреляются, других расстреливают. Родина гибнет!

3.VI. Бушует с раннего утра норд-ост, разыгрался и удержу ему нет — палатка скрипит, мечется, ерзает, пытаюсь сорваться с веревок и улететь, куда глаза глядят. Рвутся веревки, сгнившие за зиму, и все время ординарец Суптеля выбегает (насколько ему позволяет тучность).

Кругом недовольство настоящим положением вещей: бессудные расстрелы, казни по суду, усиленный шпионаж — он проникает в самые сокровенные уголки личной жизни, вечный страх за личное благополучие, нельзя ручаться ни за брата, ни за жену, которые могут оказаться на службе в контрразведке. Бесшабашное воровство в интендантствах и хозорганах корпуса — все хозяйчины стремятся скопить про черный день и рвут последнее с воина — «кобылки». Аресты и расправы приняли массовый характер по самым незначительным поводам. Настоящая охота за ведьмами... Положение таково, что напоминает момент перед взрывом общего негодования 1917 года.

В Галлиполи привезли газеты «Общее дело» по 28.VI включительно. Красная Армия, по советским сводкам, ведет бои к юго-западу от Челябинска, отходя на линию Вятка — Казань — Саратов... А мы медленно умираем от истощения, духовного оскудения, нас расстреливают как каторжников.

За время войны нервы притупились, огрубели души, примелькались и свои, и чужие страдания, кровь стала водицей. Но теперь взгляды на вещи изменяются — состояние безумия проходит, и масса «кобылки» заговорила о возмездии за каждую каплю человеческой крови, невинно пролитой... Казнь Щеглова произвела потрясающее впечатление — произошел колоссальный сдвиг в сознании. «Что-то в душе оборвалось при чтении приказа, и я почувствовал, что я на каторге, что бегство из нея — это цель жизни», — говорит один из самых старых добровольцев.

6.VII. Масса солнца и воздуха. Небо — безбрежное море. Южный ветер врывается в палатку и обжигает. Дни тянутся томительно медленно и скучно. Те же лица, те же споры о национализме и шовинизме, сепаратизме, украинофильстве, преимуществах украинского борца перед всеми остальными, о распрях славян и их мятущемся духе, о юдофобстве и юдофильстве и др. Все дни кричат ишаки и продавцы-турки, появились в продаже огурцы, абрикосы, кабачки и др. зелень. Растут и ширятся фантастические слухи о десантах на Кавказ и Крым при поддержке англичан. Все маловероятно, и все относятся с крайним пессимизмом — устали, разуверились.

10.VII. Вчерашний день был посвящен воспоминаниям. Под рев бушующего ветра, под его плач и завывания приходили в голову мысли-воспоминания о пройденном жизненном пути, полном страданий, тоски и надежд. Воскресли картины трех эпических моментов — трех катастроф: ростовской — отхода за р. Дон, новороссийской — оставление Кавказа, крымской — самой ужасной из всех, по своей простоте и неожиданности необъяснимой. В начале октября 1919 г. занят и вскоре оставлен г. Орел — корниловские полки, обуреваемые жаждой наживы, внезапно к моменту занятия Орла очутились все в нем, оставляя участки на флангах...

Грабеж и насилие сопровождали армию...

Появились слухи о появлении конницы Буденного, срочно брошенной из района г. Брянска, появились эстонские и латышские части... Непрерывные, кровопролитные бои у Кром, Ельца, Касторной и др. обескровили армию... Армия таяла, преданная и проданная интендантами, спекулянтами, политиками, провокаторами, приспособленцами, прихлебателями.

18.VII. Томительны безумные, бессонные лунные ночи в изгнании — сил нет заснуть, проводишь всю ночь напролет, не смыкая глаз, в разговорах с такими же неприкаянными, мятущимися людьми. Воздух звенит от непрерывного стрекотания полевых сверчков, цикад... Вчера я не мог заснуть, я был слишком расстроен, подавлен, угнетен — незаслуженно я был оскорблен человеком, от которого никогда подобного не ожидал... Разговор шел между нами в повышенном тоне, разговор на жгучую, болезненную тему — о России, армии и патриотизме... Началась переоценка ценностей, приведшая к роковому... В подполковнике Кочергине вспыхнул невожатанный характер и, закусив удила, он начал лить грязь на все — не забыта была и русская интеллигенция, «виновница нашего пребывания в Галлиполи», и «гнилая профессура», пристегнуто было и «еврейское влияние» — вдруг неожиданно сорвалась фраза, кото-

рой я не могу простить ни за что. Затронута моя честь — грубым, хамским образом. Слова были вскоре взяты им обратно, но ранение нанесено одновременно в мозг и сердце — я не могу забыть, я никогда не прощаю в таких случаях...

20.VII. Перед самым пробуждением приснился сон, будто я получил два письма от любимой. Н. пишет, что все родные живы-здоровы, ждут новой премьеры в театре. Переехали в Литву. Только ничего не слышно от Евдокии и Марфы. Н. любит меня по-прежнему и ждала от меня писем весь 1920 год... Снилось то, о чем постоянно думаешь, что неотвязно гложет душу, чем живешь, что дает силы жить и бороться. Нет дня, нет положительно часа, чтобы мог забыть прошлое и забыться!»

10

Между этой и следующей записью дневника Кости Найдича были заложены несколько вырезок. Газетные репортажи. Без указания числа. Без названия издания. Почему они привлекли внимание Найдича? Все они были под одним заголовком: «Забытые люди». Возможно, он собирал материал для своей статьи, а может быть, разыскивал кого-то. Читаем. Снова провал во времени — прошло ведь шестьдесят лет.

ВЫРЕЗКА ПЕРВАЯ

В июне этого года мы отправились к миссис Анне Н., бывшей драматической актрисе, 90 лет, живущей в одном из пригородов. Мы остановили машину возле особняка типа итальянской виллы. Громадная плакучая ива у крыльца, отцветающая сирень. Навстречу нам вышла седая, немного сутулая и сильно накрашенная старуха в черных бархатных панталонах и белой вязаной кофточке. Она курила из длинного мундштука.

— Что вам угодно? — высокомерно осведомилась она. — Кто вы такие и зачем вы здесь?

Мы объяснили миссис Н., что ее родные беспокоятся о ней и обратились к нам.

— Все это вздор, — рассердилась старуха. — Пусть они меня оставят в покое.

Комнаты миссис Н. были в плачевном виде: со стен осыпалась штукатурка, повсюду груды хлама, на полу кипы книг и газет, пепельницы переполнены окурками.

— Мы слышали, что вы играли на сцене. Давно ли вы оставили свою профессию?

— Давно. К тому же я была великим драматургом. Под моей фамилией писались пьесы театральными талантами.— Она кокетливо поджала губы. Это был уже какой-то бред.— За определенную мзду, разумеется. Я была помоложе. И не все мной брезговали...

— Можно узнать, какую роль вы играли в последний раз? Старуха выпрямилась и протянула руки вперед, принимая театральную позу.

— «Я из шатра услышала твой голос,— продекламировала она приподнятым, великолепно поставленным голосом, отчетливо скандируя слова.— Привет тебе, морской богини сын!»

На меня вдруг «нашло», подаю ей реплику, по наитию переводя текст «Ифигении в Авлиде» в переводе Иннокентия Анненского на английский язык.

— «О честь святая, кто передо мною? Сколь благороден, царственен твой вид!»

Старуха удивленно подняла брови, но ответила репликой:

— «Дочь Леды, Клитемнестера, пред тобою. Ее супруг — державный Агамемнон». Но откуда вы знаете Эврипида?

— Мы видели фильм с гениальной Иреной Папас.

Луиза смотрела на нас, вытаращив глаза.

— Что здесь происходит? — шепнула она мне.— И кто из вас сумасшедший?

Но чтение Эврипида не сделало старую актрису более гостеприимной. Она объявила, что чувствует себя утомленной, и нам пришлось уйти.

Через несколько месяцев мы стояли возле закрытой двери отдельной палаты одного из госпиталей. У миссис Н. был удар, и мы доставили ее сюда на машине «скорой помощи». Она лежала под кислородной палаткой без сознания. Когда дверь палаты открылась и оттуда вышла дежурная сестра, мы услышали отчаянный мужской крик:

— Мама! Мама! Это я, Джон, твой сын! Скажи, что ты меня любишь, мама! Посмотри, мама, вот твоя внучка Мари, моя дочь. У тебя также есть правнук Билли! Мама! Мама!

Дежурная сестра оказалась хорошей знакомой. Вот что она нам поведала:

— Миссис Н. с детства была помешана на сцене и драматургии. Она очень любила деньги, складывала их в чулок, была до иступления жадной. Она вышла замуж за влиятельного человека, имела сына. Но вдруг оставила мужа и ребенка и уеха-

ла с какой-то трупной. Она больше никогда не вернулась к семье. Переменила имя, фамилию и жила самостоятельно, играя в театре. Она имела поклонников. Один из ее обожателей купил ей дом и обеспечил на старости лет. Она состарилась, ушла со сцены. Ее бывший муж умер. Сына она никогда не видела. Он жил в Нью-Джерси, разыскивал мать, писал ей, пытался с ней встретиться, но она отказывалась его видеть. Наверное, у нее был комплекс вины, и это ее мучило. А может быть, она была просто дурная женщина, эгоистка. Ее сын вышел в отставку, недавно у него был коронарный тромбоз. Вот теперь он узнал, что его мать при смерти, и не отходит от ее постели. Она его покинула ребенком, но он продолжал ее помнить и тосковал о ней. Говорит, что собирал все ее портреты. Странный человек, правда?

— Может ли миссис Н. поправиться? — спросили мы.

— Ей почти 90 лет, и у нее общий рак. Она не приходит в сознание после удара и может умереть в любую минуту.

— Мама! — слышалось из палаты. — Мама, это твой сын Джон! Мама!

Мы опрометью выбежали из госпиталя. На следующий день нам сообщили, что миссис Н. умерла, не приходя в сознание.

ВЫРЕЗКА ВТОРАЯ

Холодным ветреным ноябрьским утром мы безуспешно звонили и стучали в дверь трехсемейного кирпичного дома с кровлей теремком. Здесь живет Анна Д., родом из Литвы.

— Пойдем к соседке, — решили мы. — У нее есть ключ от дома Анны.

Соседка, Дженни Т., тоже литовского происхождения, с добрым и приветливым лицом, очень обрадовалась нашему приходу.

— Помогите этой бедняжке, — говорила она, волнуясь. — Я слежу за ней, но у меня семья на руках. Знаете, если я не накормлю Анну, то она будет сидеть голодной. Ей привозили «обеды на колесах», но она не отпирала дверь, и развозка уезжала. У Анны есть средства, этот дом принадлежит ей, здесь живут квартиранты, но вокруг нее прахом все идет. Муж Анны недавно умер в госпитале, она не могла дать распоряжений о похоронах мужа, за телом никто не приходил, и Джона Д. зарыли на нищенском кладбище.

— Мы бы хотели повидать Анну.

— Пойдемте, но ведь она не поймет, что вы от нее хотите. Ее нужно просто отвезти в приют.

Мы объясняем этой доброй душе, что Анну нельзя устроить до тех пор, пока город не найдет для нее опекуна.

— Это ужасно,— говорит соседка.— Везде препятствия, везде формальности, а человек пропадает.

Под предводительством Дженни мы входим в квартиру. За порядком следит Дженни:

— Не могу я допустить, чтобы она жила в свинушнике.

Возле окна гостиной сидит на диване рыхлая седая женщина в махровом халате. Лицо у нее круглое, безмятежное, глаза стеклянные. Наш приход не производит на нее никакого впечатления. Дженни начинает говорить с ней по-литовски. Анна с широкой улыбкой протягивает нам руку.

— Она совсем забыла английский язык,— говорит Дженни.— Но и по-литовски она часто отвечает мне невпопад.

— Миссис Д., как ваше здоровье? Как вы себя чувствуете? Мы пришли вам помочь.

Дженни переводит вопросы на литовский язык. Анна улыбается и молчит. Дженни повторяет вопросы.

— Кофе! Кофе!— вдруг вскрикивает Анна, поднимаясь с места и хлопая в ладоши.

— Нет, спасибо, мы не хотим кофе. Спросите у нее: хочет ли она переселиться в старческий дом?

— Я спрошу, но она все равно ничего не поймет.

— Кофе! Кофе!— продолжает настойчиво повторять Анна и тянет меня за руку.

— Сделайте ей удовольствие и выпейте по чашке кофе,— говорит Дженни.

Мы идем вслед за сияющей Анной на кухню. Дженни кипятит воду для кофе. Мы садимся и осматриваемся: из-за кухонной двери доносится запах какой-то тухлятины.

— Чем это пахнет?— спрашиваю я.

Дженни, налив нам по чашке кофе, уводит нас из кухни в гостиную. Анна плетется вслед за нами.

— Опять она собрала отбросы и принесла их домой,— с сердцем говорит Дженни.— Уборщица будет ворчать, она очень брезглива.

— Какие отбросы, миссис Т.?

— Анна каждый день обходит квартал, складывает отбросы съестного из мусорных ящиков в мешок и приносит его домой. Вы видите, в каком она состоянии? Заметьте, она приносит домой только отбросы съестного— корки хлеба, отрывки мяса... А по пятницам— остатки сырой и жареной рыбы. Вы

представляете, какой здесь смрад в конце недели? Я за ней убираю в те дни, когда не приходит уборщица, потому что боюсь нашествия тараканов и мышей.

— Какая странная мания, — говорю я.

— Мы за ней следим — и я, и уборщица. Но я знаю, что ее родители, приехав сюда, очень нуждались, и дети, и Анна, и ее покойный брат часто недоедали.

— Память прошлого. Бедная женщина!

— Но вы ей поможете, да? — чуть не со слезами спрашивает Дженни.

— Конечно, мы ей поможем! Но потерпите, милая миссис Т., мы не сможем устроить раньше чем через два месяца.

Дело Анны Д. передано в суд. До того, как Анне назначат опекуна, мы будем ее посещать.

ВЫРЕЗКА ТРЕТЬЯ

В этом страшном доме живут четыре русских женщины: Елена Петровна В., Евдокия Семеновна Н. и Марфа Георгиевна К. с недоразвитой дочерью. Городской работник социальной помощи, доктор и я посетили этих женщин. Дом находится на границе Бруклина и Ричмонд Хилл, вблизи парка, в квартале от метро.

— Здесь когда-то был рай, — рассказывает Елена Петровна, живая и энергичная, несмотря на болезнь (у нее хроническое головокружение и паралич левой руки). — Но теперь жить в этом доме невыносимо. На улице продают героин, и наркоманы подкарауливают нас, грабят, грозят ножами. В доме живут несколько уличных женщин, к ним ходят посетители. Дебоши, драки... Все приличные жильцы съехали, дом продали новому хозяину. Прошлой зимой он не давал отопления, и очень редко бывала горячая вода. Но даже если она бывала, то вымыться было невозможно, потому что и в квартире, и в ванной комнате стоял собачий холод. Сброд, который здесь поселился, норовит пробраться в квартиры и украсть не только деньги, но и одеяла, пальто, вязанные вещи, чтобы защититься от холода.

Елена Петровна переводит дух и в отчаянии взмахивает здоровой рукой:

— Господи! Я всю жизнь работала за швейной машиной, я портниха, вот и дожилась до хронического головокружения, падаю на улице. У меня левая рука онемела. А тут еще нужно не только защищать собственную жизнь, чтобы эти дикари не зарезали, но и присматривать за двумя старушками, они обе из ума выжидают, у Марфы К. душевнобольная дочь, я слежу,

чтобы все они запирали свою входную дверь, воюю из-за них с хозяином, потому что никто из них не говорит хорошо по-английски...

— Елена Петровна, вы героиня, — говорю я. — Но мы хотим устроить двух старушек и бедную больную в надлежащие дома. Хотите, чтобы мы и вас устроили?

— Милая! — опять взмахивает одной рукой Елена Петровна. — Я не хочу переезжать в инвалидный дом, но вы, можете быть, поможете мне устроиться в частной квартире. Я еще в состоянии себя обслуживать и как будто умственно нормальная, но если проведу вторую зиму в этом доме, то потеряю рассудок. Не доведи до этого господь!

Мы прощаемся с Еленой Петровной и обещаем переселить ее. Марфа Георгиевна слово в слово повторяет рассказ Елены Петровны.

— Ради бога, вывезите нас отсюда! Мы все еле живы от страха. Лена В. — наша единственная защита, но ведь она тоже болеет и еле на ногах держится.

В это время входит высокая брюнетка с большими черными глазами и тихим, кротким лицом.

— Это моя Мариула, — говорит Марфа Георгиевна. — Познакомьтесь.

Мариула... Пушкинское имя.

— Откуда вы родом, Марфа Георгиевна?

— Я-то коренная москвичка, но мои родители переселились в Бессарабию. Я была замужем за румыном. Мы пережили и последнюю войну, потом оккупацию, прошли через лагерь... Попали в Америку, и мы с мужем работали. А Мариула...

Лицо старушки омрачается. Доктор начинает задавать вопросы. Мариула отвечает невпопад, кротко улыбаясь. После ряда путаных разъяснений Марфа Георгиевна говорит, что Мариула потеряла рассудок после того, как шесть негодяев схватили ее на улице, втолкнули в автомобиль, завезли на какой-то пустырь и там изнасиловали. Никто из них не был пойман.

— Погубили девчонку, — выговаривает Марфа Георгиевна сквозь слезы. — А ведь она была красавица...

Мы обещаем переселить обеих женщин и направляемся к четвертой обитательнице страшного дома — Евдокии Семеновне Н. Она живет наискосок от квартиры матери и дочери К. К нашему удивлению, дверь старушки заперта на замок, из квартиры ее раздается собачий лай. Мы стоим перед запертой дверью и недоумеваем: где искать «супера» и существует ли он здесь вообще? В это время из лифта выходит Елена Петровна, запыхавшаяся и взволнованная.

— Совсем я забыла сказать вам, что Дуня Н. пропала, — говорит она. — Четыре дня тому назад она вышла за покупками, и с тех пор мы ее не видели. Я сказала об этом «суперу», и он запер квартиру на замок. Собаку я кормлю, когда «супер» открывает вечером дверь. А утром мы ее выводим.

— А вы известили полицию о том, что старушка исчезла?

— Конечно! Вы видите, что здесь творится? Кто знает, может быть, Дуню бедную машина переехала. Ужас-то какой!

Через два дня после нашего посещения в страшный дом позвонили из отдела социальной помощи госпиталя Бэльвю: полицейский автомобиль привез туда русскую женщину, Евдокию Н., подобранную на улице. Я немедленно еду в госпиталь, чтобы повидать старушку.

Евдокия Семеновна Н. немного говорит по-английски. У нее ряд старческих болезней — артрит, слабое сердце, забывчивость. После революции попала в Константинополь, потом в Тегеран. Была замужем за персом. Как она очутилась в Америке, старушка рассказать не может: она все еще находится в состоянии шока после нескольких дней блуждания по улицам.

— Как я сюда попала? Где я?

— Вы заблудились, милая, и вас полиция привезла в госпиталь.

— Боже мой! Какой ужас! — Старушка начинает плакать. — Что теперь со мной будет?

— Мы вас устроим, не огорчайтесь, — говорю я. — Все будет хорошо. Вы ни о чем не должны волноваться, думайте только о своем здоровье.

— Хорошо, спасибо, — лепечет старушка.

— Что вам принести? — спрашиваю я, утирая ей слезы. — Сдобных булочек? Печенья?

Старушка цепко, как ребенок, держит меня за руку.

— Ничего не приносите, спасибо. Побудьте еще со мной! Не уходите!

— Милая Евдокия Семеновна, мы вас никогда не покинем. Вы будете жить в чистой, уютной комнате, вам будет тепло. Никто вас не обидит, ведь на свете не только одни злые, есть и добрые! Вы познакомитесь с людьми своего возраста, не будете так одиноки.

Бедная старушка понемногу успокаивается; на лице ее появляется тень улыбки.

— А вы еще придете ко мне?

— Приду, милая.

Мы нежно прощаемся.

Кажется, я смогу устроить мою старушку во Флашинге, где у меня имеется маленькое русское «гнездо». А до тех пор я навещаю Евдокию Семеновну; она совсем пришла в себя и щебечет о своей прежней счастливой жизни в Персии.

Которая из этих забытых женщин была его Н.? Ее ли искал Костя Найдич? И нашел ли?..

11

«23.VII. «Кто живет без печали и гнева, тот не любит Отчизны своей!..» Эти слова как нельзя больше подходят к нам — мы принесли с собою море печали, бездну гнева, и все же мы «ничтожество», существующее только вследствие карающей десницы начальства, мы только через три года борьбы узнали, что являемся не идейными борцами за родину, а «бандой солдат в офицерских погонах». Мы только «прекрасный материал в железных руках» ген. Кутепова... Нам говорят о патриотизме, нас упрекают в отсутствии гражданского мужества... а никто не подумал, что «сірко гавке так, як годують»... Мы сидим неделями без газет, питаемся фантастическими слухами, живем несбыточными надеждами... Нас третируют на каждом шагу, не считаясь не только с офицерским, но и с человеческим достоинством вообще... Мы месяцами ждем чуда — ждем единения в стане зарубежной русской общественности, прекращения грызни. Мы не хотим положения, власти, почета — мы хотим освобождения родины и умиротворения ее, что даст нам возможность закончить образование и работать на мирном поприще!

Вчера весь день писал биографию полковника Булатова для истории полка — вспоминал прошлое и пришел в ужас: где все героическое, светлое, идейное?.. Убито, умерло, ушло из армии — идеалы Корнилова погребены под спудом, явились новые птицы, запели новые песни, армия обросла собачьей шерстью, человеческое почти вымерло...

По Константинополю производится запись на Дальний Восток. Французы дают билет и деньги — отправлено несколько партий... А мы сидим, нас учат, что патент на патриотизм, что индульгенция на любовь к родине и народу только здесь. Доколе, о господи!

25.VII. Проснулся чуть свет — пришла объемистая пачка газет! Дует норд-ост, жжет солнце. Лежа на кровати, прочел все газеты: здесь и призывы Бурцева к единению вокруг идеи осво-

бождения родины с новым лозунгом: «не республика, не монархия, а родина!» Здесь и документальные сведения о голоде и экономической разрухе, ведущей к неизбежному концу — краху Совдепии. Здесь и жгучие, желанные вести с Дальнего Востока, где вновь загорелась заря освобождения России, началась вооруженная борьба — сердце и душа рвутся туда, на родную землю. Там борьба, там жизнь! Здесь изверившаяся, обозленная масса, готовая перегрызть друг другу глотку из-за положения, власти, удовлетворения низменных желаний...

Все мы, старые идеалисты, марковцы 9-й роты, ее питомцы, решили уйти, уехать без оглядки в Сибирь, вести борьбу. Удастся ли?

14 ч. Заснул днем на один час, проснулся с вопросом: «Что такое садуней?» Вызвано это сном — приснился Харьков, приснился старый знакомый — в былые годы мы с ним много говорили, спорили... Однажды я спросил его: «Что, продолжаете фарисействовать?!» — «Нет, садунействую!» — ответил он. Напряжение памяти о том, что такое «садуней», вызвало мое пробуждение. Еле удалось установить. По счастью, у одного из офицеров нашелся «Малый энциклопедический словарь», оказалось — это еврейская секта, отрицавшая воскрешение, возмездие за добро и зло...

...Выждав время, мы поберемся к ген. Семенову, свергнем комиссаров, освободим родину, созовем всенародное учредительное собрание, нам нужна только родина и порядок безотносительно к форме правления, желательна, понятно, та форма правления, которой добивалось все лучшее русское общество, боровшееся с произволом монархии!

27.VII. Утром проснулся рано, принялся за газеты. В России катастрофа... Голод разрастается, ширится, принимая размеры национального бедствия. Рушится советский строй и рушится так, как того я ожидал и всегда говорил. Теперь необходим сильный удар, от которого все рухнет и воспрянет родина... Тяжело торчать здесь, зная, что есть фронт на родине, на Дальнем Востоке... Как вырваться отсюда, принести себя вновь на новые жертвы?.. Сердце может не выдержать, голова трещит, так можно сойти с ума!

Ветер безжалостно рвет и треплет полотнище палатки, девятый месяц проходит под это осточертевшее хлопанье полотна, под стук веревок по крыше, под скрип стоек... Скоро, кажется, этому конец. Армия переводится в Болгарию.

Узнаю новость — ген. Травницкий, трус, грабитель, мародер, едет на Дальний Восток. Это его, кажется, «очередная акция». Этот лысый, как колено, недомерок имеет отвратитель-

ную привычку засовывать указательный палец себе в рот, затем, смачивая слюной свои косматые брови, приговаривать: «Осуществим очередную акцию». Не завидую ему, так как наша задача будет состоять в своевременном разоблачении этих господ, колод на ногах обескровленной ими армии, затоптанной в грязь их преступной работой. Настроение штабных офицеров такое же, как у «кобылки».

28.VII. Вчера после проверки пришли Вася и Володя. Первый вскоре ушел в полковой театр, Володя же остался со мной. Сидели, вспоминали больные стороны нашей жизни, вспоминали светлое прошлое — триумфальное шествие освободителей к Харькову, Курску... Вдруг шум подъехавших автомобилей заставил нас подойти к спущенному полотнищу палатки: в ночной темноте мчались три одиноких «форда» — г-жа Врангель, м-м Куте (ее теперь иначе не называют) и ген. Кутепов с чинами. Через несколько минут раздались крики «ура», заиграл духовой оркестр...

Сегодня утром узнали подробности спектакля. До приезда было приказано встретить гостей криками «ура», оркестру играть «Преображенский марш»... Создать хотели взрыв патриотических чувств, одолевающих якобы галлиполийцев...

29.VII. Медленно уползла тяжелая, полная лишений зима, умчалась нарядная, жгучая весна-южанка, лето подходит к концу, слышны осенние мотивы в норд-осте, начали подвывать шакалы — приближается время тихого ужаса и жизни-предсмертья... Колоссальная усталость, слабость физическая и духовное обнищание, каждый час уносит самое ценное — жизнь, каждый разговор уносит частичку силы духа... Каждая газетная статья пьет положительно кровь и наполняет все существо желчью. По словам одного корреспондента, мы не что иное, как монахи-воины и что здесь тихая обитель. По словам другого, здесь ярые монархисты. По словам, наконец, Сургучева, можно думать, что здесь и покойники, восстав, начнут петь: «Снова мы в бой пойдем!» — и никто не скажет, никто не может сказать, что здесь собралось все честное, все любящее родину, все отдавшее лучшее в жизни за счастье народа, что здесь офицеры в солдатских погонах, а не наоборот, что здесь люди чести и долга перед родиной.

23 ч. После тяжелого объяснения с к-ром батальона я сжег свое детище, свой дневник за два года гражданской войны. Думал вовсе бросить писать, дабы «следствием разговора с начальником не было последствий», как мне крикнул в порыве раздражения подполковник Кочергин. Нет сил передать всей тяжести расставания со своим творением — я представил себе Го-

голя, сжигавшего свои рукописи, и все же жег, думая больше не писать... Но сил нет, и вновь я продолжаю строка за строкой запечатлевать будничную жизнь людей, их надежды, страдания...

Спор с комбатом принял в конце концов крайне безобразные формы. В повышенном и резком тоне он начал обвинять «гнилую русскую интеллигенцию»... Сказано им было много, вплоть то того, что «вы можете ехать в Прагу и Париж, где будете пользоваться успехами, занимаясь критиканством». И что, «ввиду могущих быть последствий разговора, нежелательных для вас, рекомендовал бы...»

«Последствия» мне хорошо известны за время службы в армии в гражданскую войну — «все протестующие» выводятся в расход «во имя спасения», как говорит Пешня, «престижа и сохранения власти». А потому я решил спрятать эти заметки в надежное место, а сам буду писать самые простые, обыденные факты без своего взгляда на них.

Всю ночь не мог заснуть. Стонал ветер, плакали сычи. В бараке 10-й роты спросонья бредила одна женщина, крича: «Спасите! Помогите! Ради бога!»

В штадиве до рассвета длился бал по случаю именин Витковского. Был Кутепов, была баронесса Врангель, пировали, гремела музыка... «Пир во время чумы»... Так было, так есть и так, должно быть, и будет. Спаси, господи, люди твоя... На мои слова: «Или жизнь-борьба, или смерть», — Кочергин, криво ухмыляясь, заявил: «За чем же дело стало?! Револьвер ведь есть!»

В сумерках, сидя близко друг к другу, вспоминали о Белгороде, о священнике, повешенном за коммунизм, казненную гимназистку — любовницу Саенко, расстрелянного за пропаганду гусар-изюмца... Жуткие подробности всплывали перед нами в изображении очевидца...

1. VIII. Инф. листок штакора приводит статью из «Общего дела», характеризующую настроение народных масс в Совдепии словом «затишье». Штиль перед бурей чувствуется в кратковременном затишье — голод сделает свое, голод убьет комиссаро-державие. Так хочется вновь бороться с коммунизмом, бить его, не давая опомниться, хочется, как еще никогда, попасть в Дальний Восток, на родину.

Днем ходил купаться в море... Груды бронзовых тел распластались по песку. Часть купается — сосредоточенно-молча, нет смеха, шутки, веселья — впечатление работы, а не удовольствия... Люди пришли сюда, чтобы отдохнуть от намозоливших глаза лагерей. (Записался к сибирякам, чтобы попасть на Даль-

ний Восток, и страшно радовался, строил планы.) Кочергин язвительно бросил: «Езжай, может, подхватишь еще дальневосточную лихорадку. К тебе всякая зараза прилипает. Не везет вам, Найдичам».

4.VIII. По газетным сведениям на Дальнем Востоке происходит что-то странное: там также по-видимому не пришли еще к выводу, что наша сладость в отсутствии полного единства между армией и общественностью. Люди не могут понять, что есть только два выхода: смерть или победа! Победит тот, у кого нервы окажутся крепче, кто сильнее любит свою родину, свой народ, для кого они — все!

5.VIII. Подполковник Степанов и подполковник Зварич принесли двух огромных крабов и сейчас их истязают. Зварич бьет их карандашом по глазам, крабы в бессильной злобе подпрыгивают, впиваются в дерево и вновь беспомощно распластываются на столе, пытаясь удрать. Вокруг враги... Мой голос против жестокосердия — капля в море. В Галлиполи рассказывают, как группа инспектирующих офицеров ловит кошек и, перебив им ноги, пускает. Полное озверение людей, притупление «буржуазных чувств»!

6.VIII. Живешь ощущениями, вызывающими воспоминания: в затычках дыма вдруг переносишься в далекие годы студенчества, в смолистом запахе вдруг почудится сосновый бор в Черемушной на берегу Донца, в запахе мыла вдруг увидишь себя ребенком в ванне... Везде и всюду обонятельные и вкусовые галлюцинации. Во сне, вернее перед сном, в полузабытьи — зрительные... Ушел весь в прошлое, им живу... Пачка писем, локон волос и тьма воспоминаний — все, что осталось от жизни!

Утром по нашему лагерю разнеслась весть о побеге нескольких солдат из учебной команды, где людям прививают патриотизм постановкой под ружье на полуденном солнцепеке.

Приходили в роты полковые дети — продукт гражданской войны, выкидыши родины, они приходят, как домой, ближе роты у них никого нет.

9.VIII. После обеда лег спать, и приснился удивительный сон. Я попал будто бы в огромный дом-сундук без окон: темно-коричневого дерева стены, потолок, полы, двери... Стоит полутьма, бродят в темно-коричневых костюмах люди, хлопают двери... Я обратился к «заведующему» зданием, который сообщил, что здесь «тюрьма духа». Вокруг нее, дескать, безграничная пустота, голое, бесцветное, ровное пространство, все пусто, плоско, беспредельно... Здесь все живут сами в себе,

и только! Выхода к спасению отсюда нет — это смерть духа, плоть же бессмертна и обречена на вечное существование! В ужасе я проснулся...

10.VIII. Вчера долго не спали, говорили об общем обнищании, истощении, слабости и апатии к жизни. Вспомнили случай с одним из солдат марковского дивизиона, покушавшимся на самоубийство топором. Как он говорил: «Дошел до точки, жить нет смысла, нет цели». Здоровый, рослый молодой человек, нанесший себе четыре раны в голову, все же выжил и... не теряет надежды покончить с собою. Смерть у него — цель жизни!

Рано утром зашел поручик Захаров, один из многих «бывших людей», когда-то земский деятель: «Теперь Захарычем стал, не теряю надежды дойти до Захарки... Из Николая Николаевича и барина... да! Такова судьба — одни из Ванек выходят в Иваны и дальше в Иваны Батьковичи, а мы превращаемся в Захарок... Жить страшно — от семьи и состояния ничего не осталось, тело и дух обнищали, единственная заветная мечта — уйти, уединиться, стать бродягой...» А раньше была жена-врач, у самого кабинет, теперь же — глаза мигают, трясется голова, изо рта вылетают хрипы.

Все мы «бывшие люди», все с более или менее ярким прошлым... Будущее же наше, по крайней мере, ближайшее, — неприглядно... Тяжело и обидно за море пролитой впустую крови, за неисчислимое количество жертв, принесенных во имя лжи!

12.VIII. Снилось Н. Мое счастье, надежда, мое будущее как никогда, печальная, с выражением страдания на лице, с какой-то неизвестной мне в ней тоскою в глазах. «Скоро ли все это кончится, скоро ли мы будем жить вместе, сил уже нет томиться и ждать», — сказала она то, что вчера читал в ее письме и долго по этому поводу размышлял... Это было в конце 1919 г. Теперь подходит к концу 21-й. А «скоро ли» — кто скажет, кто знает... Годы уходят, идет осень жизни, не за горами и зима, а личного счастья еще не было... Вспоминает ли хоть изредка? А может, забыла? Нет в живых? Вспоминается «пытка надеждой», а здесь все виды пыток, самых ужасных, каких и не выдумать! Голод, холера, смерть витает над родиной, а мы в бездействии, у надежды перебиты крылья...

Кричит Бурцев о спасении гибнущей России и великого народа, взывает к народам мира Национальный комитет, холодно отсчитывает биение жизненного пульса историк Милюков, грызутся газеты, партии, клеймят и поносят друг друга... Мы же в стороне от жизни, мы «выкидыши».

14.VIII. Газеты пишут о голоде в России... Советская власть агонизирует — голод ее убьет, и она это знает. Теперь об этом только и разговоров в лагерях — о родных, о близких, о радостном часе возвращения домой, о спасении гибнущей страны... Носятся слухи о падении советского строя, об образовании Временного правительства во главе с бывшим председателем 2-й Государственной думы Головиным...

В Галлиполи ходит уже контрслух о предложении Великому князю Николаю Николаевичу занять пост Верховного Правителя и Главнокомандующего. Кандидатура выставляется якобы Францией на условиях самостоятельности Польши, созыва Учредительного собрания и т. д. Кружится голова от этих пьянящих слухов!

18.VIII. Из полкового театра доносится душу раздирающий визг — ставят сценку «Инквизиция в XIV»... Припомнились случаи, леденящие душу своей ординарностью и простотой.

Село Проходное. Захвачено много пленных. Группа перепившихся офицеров решила учинить над красными расправу. Вызвали 13 чел. красных с простыми, открытыми русскими лицами — «мобилизованных» крестьян, вывели за околицу деревни, раздели догола, выстроили в одну шеренгу и, угрожая револьверами, заставляли говорить, кто коммунист. Обезумевшие спросонья тыкали на первого стоящего в строю, думая, что сами будут помилованы. Подполковник Арин или прапорщик Кавуновский приказывали стать бедняге на колени и читать молитву «Отче наш». При словах «Да будет воля твоя» эти господа всаживали пулю в упор в голову. Хрип, стон, хлюпанье крови... Зловещая тишина ночи. Спасся один из шеренги, рискуя бежать. Поднялась беспорядочная стрельба, человек был спасен.

Те же «офицеры», с позволения сказать, задержали перебежчика в селе Самойловка. Истязали его всю ночь, избивая чем попало, пытая всеми способами, — это при попытке перейти в армию, шедшую спасти родину! Закопали, окончательно не добив...

Полковник Рябухин, командир запасного батальона, помещенный на коммунизме, всюду искал сторонников этого учения среди вверенных ему солдат. «За что воюет Добармия?» — спрашивал он солдат, и тот, кто отвечал: «За Учредительное собрание», уже считался коммунистом.

23.VIII. Зашел член исторической комиссии полка кап. Рейнгард по вопросу составления военного календаря марковских частей — новой затеи для отвлечения умов. Я высказал свой взгляд: календарь марковцев — это сплошной позор, одна

из темных страниц истории уничтожения русской интеллигенции, гибель честного русского офицерства — пасынков армии и родины.

Вспомнили яркую страницу — момент боев за овладение Курском, лихое дело штабс-капитана Смирнова. Он нарвался на проволоку противника, потерял $\frac{1}{3}$ боевого состава и поднял белый платок с криком: «Сдаемся. Проводите, товарищи, к себе за проволоку!» «Товарищи» показали проход, и добровольцы ворвались в их окопы, сбили, внесли панику...

— Смирнов впоследствии убит, и большинство лучших офицеров тоже, — уныло заканчивает Рейнгарт.

Вспомнили день 25 мая 20-го года — прорыв перекопского фронта красных, захват села Первоконстантиновка и гибель к северу от нее двух танков, сгоревших от ловкого, бесстрашного бросания ручных гранат красными. Сгорел танк «Генерал Врангель». Не к добру решили в солдатском вестнике, быть краху — и это в первый день безумного прорыва войск.

Подрывники, один из которых был виною гибели танка «Генерал Врангель», были взяты в плен и поражали свою храбростью.

27.VIII. Хмурое, пасмурное утро. Небо покрыто тяжелыми тучами. Дует осенний норд-ост. В воздухе парит, как перед грозой. Хмуры и люди. Замолкли грустные сверчки и крикливые цикады. Природа в каком-то столбняке.

В ротах со злобой критикуют текст «Договора с Болгарией». Оказывается, дисциплина своя, русская: разжалование, смертная казнь, бессудное содержание в тюрьме... Опять оборванная, босая жизнь, работа на лодырей и получение за нея $\frac{1}{2}$ следуемого. Беспросветное рабство хотят узаконить... Пусть попробуют, увидят...

Так называемая «Русская армия» — громадные арестантские роты.

Хочется кричать: «Спасите!» — но кто же услышит? Кажется, не будь дневника, где изливаешь все накопившееся горе, всю бездну страданий больной, исковерканной гражданской войной жизни, заболел бы разлитием желчи, утонул бы в море ее. Гибнут остатки добровольцев, проклинаящих час, связавший их с этой шайкой политических шулеров.

2.IX. После ужина прибыли подполковник Перебейнос и капитан Стрилин, участники 2-го кубанского похода. Разговорились о прошлом армии, и я по песням захотел установить этапы душевных настроений и чаяний армии по периодам...

1-й поход для Добрармии — слова к сербскому маршу: «Мы былого не жалеем, царь нам не кумир. Одного лишь мы желаем — дать России мир».

2-й кубанский поход прибавил новые песни на мотив «Черных гусаров». Каменноугольный район озаглавлен пением предыдущих плюс «Ривочка», «Поручик хочет», «Марш вперед», «С Иртыша, Кубани, Дона» и бесчисленного количества романсов и песенок Вертинского. Начало похода на Москву и конец «каменноугольного периода» — появляется английская песенка «Типперери».

Период отхода от Орла озаглавлен погромными вариантами к прежним песням. Последнее пребывание на Кубани озаглавлено появлением целого ряда опереточных мотивов.

Период начала сидения в Крыму и на Перекопе принес «Улица, улица...» — разухабистая, уличная, шатающаяся песня. И в последний период в северной Таврии появляется: «Мама, мама, что мы будем делать, как наступят зимни холода?!» Это вопль голодного, холодного, опошленного, хулиганствующего люда. Во весь период, начиная с каменноугольного района, частушки на мотив «Яблочко», Галлиполи — песни тоски, безнадежности, усталости, песни неволи, тюрьмы, каторги...

8.IX. Болит душа, навязчивые идеи не дают покоя. Думаю о покинутой родине, о близких людях, часа нет, чтобы не вспомнил любимую... Приснился даже сон, будто у нее на руках мой сын, мой ребенок... Боюсь сойти с ума. Иногда ловлю себя на попытках говорить с собою...

Все дни работаю над историей полка — подлость и предательство прошлых дней проходят перед глазами: все залито кровью молодежи, интеллигенции, офицерства — «и все они умерли, умерли...».

24.IX. Пришел на память поручик Семененко с его списком казенных и описанием их последних минут перед казнью — страшны странички «синодиков» этого садиста — патриота своих тысячи десятин земли. Его родина — деньги, каждый покусившийся на них — враг отечества и подлежит смерти. Сегодня он вызван в штакор «друзьями». Ужасны люди, имеющие там друзей. Эти друзья — «уши и глаза», основа строя и благоденствия вождей, их недаром командируют в Прагу как «студентов», все насыщено ими, всюду рыщут они в поисках врагов и измены... «существующему порядку в условиях войны».

26.IX. Пришел полковник Сагайдачный, принес приказ по полку... И вдруг у читавшего его вслух перехватило, сдавило горло — новая казнь, новый кошмар... Расстрелян поручик корниловского артиллерийского дивизиона Успенский Васи-

лий — за попытки распыления армии, вхождение в сговор с представителями иностранной державы и выдачу им сведений о численности и вооружении корпуса, сообщение фамилий лиц органа политической борьбы... Смертная казнь через расстрел приведена в исполнение по приговору военно-полевого суда. Мотивировка — «во время гражданской войны с большевиками, а потому и на основании...».

Ложь, насилие, безмерные преступления — вот атмосфера, в которой живут несколько тысяч русских граждан-добровольцев, патриотов. Сердце готово разорваться от боли. Тупик... Пришли туда, откуда нет возврата.

27.IX. Весь вечер приходили и уходили новые и новые лица, пораженные вестью о новой казни. Возмущению нет конца. Негодяи, мерзавцы, предатели... Голова идет кругом. Крестный путь от Орла до Новороссийска, по Крыму и до Галлиполи — всюду гирлянды повешенных по главным улицам городов, станциям железных дорог, расстрелянные по степям и деревням, передвижная виселица на железнодорожной площадке-платформе на ст. Джанкой — менялось время года, метель сменялась зноем, оставались те же лица, та же система, с ними и с нею мы здесь, в Галлиполи».

«Крестный путь», о котором пишет белогвардейский офицер, знаком нам не только по книгам. Восемь миллионов рабочих и крестьян, подвергшихся репрессиям белогвардейцев и интервентов, 112 тысяч замученных в их тюрьмах — живы в памяти сердца. Нас принимали в пионеры у могил Павших коммунаров в сквере, названном их именем, близ металлургического завода в Донецке. Комсомольцами в походах по родному краю мы склоняли головы у памятника латышским интернационалистам в Артемовске, у обелиска в шахтерском поселке Нижняя Крынка на окраине Макеевки. Неподалеку построенный еще до войны клуб имени 118 расстрелянных рабочих. Под тем обелиском лежат они. Потом, работая в печати, мы узнали о заводе имени 13 расстрелянных рабочих в Константиновке и о заводе имени 61 коммунара в Николаеве... Вот он, «крестный путь» белой армии!

Поздней осенью 1917 года на макеевских рудниках появился отряд есаула Чернецова, «усмирителя Донбасса». Виселицами, расстрелами, порками, когда людей засекали до смерти, отмечен путь таких «усмирителей» в Донбассе, на Урале, на Дальнем Востоке — повсюду. Через годы его проклинала земля донецкая. А на чужбине листок «Вольное казачество» отмечало годовщины рождения чернецовского отряда и гибели его командира. Журналу не хватало эпитетов: «слава о подвигах и де-

яниях Чернецова вышла далеко за пределы Дона, разнесшись по всей России»; «Чернецов являлся для казаков настоящим олицетворением «бога войны»; «исключительный героизм и стойкость»; «знаменитый, храбрейший, отважный в бою»; «питаемый лютой ненавистью к российским большевикам»...

Вот это уже правда.

Вернувшись из Донбасса, Чернецов попал в Новочеркасск на донское офицерское собрание.

— Мой совет такой, — с надрывом говорил он, — если суждено погибать, то погибать надлежит красиво, с оружием в руках. Всех честных, смелых духом, всех, в ком не заглохло чувство совести, кто любит породивший всех нас Дон, зову к себе...

«Результат был весьма плачевный, — признает «Вольное казачество». — Из 2000 присутствовавших офицеров записались всего 27 человек, потом после устроенного перерыва запись достигла цифры 119 офицеров. На следующий день на вокзал для отправки явилось всего 30 офицеров, а в Лихую в чернецовский отряд прибыло всего 7 офицеров».

А вот конец «вольного казачества», подкрашенный кудревами и лаками. Вернемся в наши дни и прочитаем заметку в американской эмигрантской газетке, выбранной из вороха бумаг Найдича.

«1 ноября 1979 года кубанский войсковой атаман инж. А. В. Бублик и член войскового совета полк. Ф. И. Елисеев в парадных мундирах Кубанского казачьего войска и в сопровождении войсковых знамен вошли в переполненный храм преп. Сергия Радонежского на Толстовской ферме перед началом панихиды по генерал-майору Вячеславу Григорьевичу Науменко, казаку станицы Петровской. Покойный занимал высокий пост кубанского войскового атамана за границей с 1920-го до 1958 г. Скончался он на 97-м году жизни 30 октября 1979 года.

Гроб с телом ген. Науменко, окруженный многочисленными венками, был установлен в середине храма. На видном месте лежали венки от Кубанского казачьего войска и от войскового атамана. У гроба был поставлен почетный караул из четырех молодых казаков в черкесках. Впереди гроба старшие казаки стали с историческими знаменами Кубанского казачьего войска, вынесенными специально по случаю смерти ген. Науменко.

Войсковой атаман положил на гроб шапку и кинжал ген. Науменко, долго служившие ему, а также все его ордена, а затем занял место с семьей покойного. Рядом с войсковым атама-

ном встали заведующий церемонией похорон полк. Ф. И. Елисеев.

Панихиду отслужил близкий друг семьи ген. Науменко архимандрит Викторин Лябах, в сослужении протоиерея Георгия Ларина, по происхождению оренбургского казака, и священника Леонида Попова, донского казака. Пел хор под управлением А. А. Тиброва. После последнего прощания в церкви архимандрит Викторин посыпал тело ген. Науменко землей, привезенной с родной Кубани. Затем гроб был доставлен на кладбище монастыря Новое Дивеево, где к духовенству присоединился протоиерей Александр Видоровский. К концу отпевания войсковой атаман А. В. Бублик подошел к гробу, снял и свернул кубанский войсковой флаг. Во время медленного спуска гроба в могилу под командой полк. Елисеева почетный караул дал трехкратный залп из винтовок. Затем атаман поднес свернутый кубанский войсковой флаг дочери ген. Науменко Наталии Вячеславовне и пригласил всех на трапезу.

На трапезе выступили войсковой атаман, полк. Елисеев, архимандрит Викторин и о. Леонид. О. Леонид высказал свое соболезнование семье покойного от кадет донского корпуса. Затем выступил войсковой атаман, который сказал: «От нас ушел «последний из могикан»... Много за его жизнь произошло больших событий и перемен. Но центральной идеей ген. Науменко всегда была забота о кубанских казаках и о сохранении Кубанского казачьего войска, наших войсковых традиций и исторических регалий. Вячеслав Григорьевич воспитывал несколько поколений в казачьем духе и всегда настаивал на привлечении молодежи, понимая, что в этом сила и будущее Кубанского казачьего войска». После атамана выступил полк. Ф. И. Елисеев, который, как сослуживец ген. Науменко, рассказал присутствующим эпизоды гражданской войны. В своем слове архимандрит Викторин отметил жертвенность ген. Науменко и его заботу о сохранении Кубанского казачьего войска за границей.

На похоронах присутствовали заместитель председателя войскового совета Е. Г. Химич, секретарь войскового совета Н. П. Сухенко, член войскового совета и атаман Саут-Риверской станицы А. Ф. Селютин, атаман станицы Родная Кубань В. Г. Николаенко и атаман Фарминдельской станицы М. В. Певнев, полк. И. Ф. Мартыненко, госпожа Вертепова — вдова полк. Д. П. Вертепова, долголетнего редактора журнала «Наши вести», и многие другие. На похоронах присутствовало свыше 100 человек.

После похорон с разрешения дочери покойного был основан фонд имени генерала Науменко, целью которого будет сохранение казачьих традиций, постройка музея для исторических регалий и привлечение молодежи к войсковой работе. Архимандрит Викторин и А. С. Корсун первые внесли свои пожертвования».

Настоящий опереточный спектакль с одеванием и переодеванием!

12

Еще несколько страниц галлиполийского дневника Найдича:

«28.IX. Сегодня закончилась регистрация студентов-первокурсников. Зарегистрировался подполковник Кочергин.

Ходят слухи об аресте 20 офицеров контрразведкой штабкора за агитацию распыления армии, арестованным грозит военно-полевой суд и участь казненного полковника Щеглова. «Море» уходит, «корабли» нервничают и усиливают террор. Особенно, говорят, старается начальник контрразведки, поручик, появляющийся всюду то в студенческом, то в штатском, то в военном одеянии,— все видит, все слышит. Жить невыносимо тяжело, отказываешься понимать происходящее вокруг. Неужели люди, ушедшие от большевиков и сидящие «до конца», могут быть заподозрены в неблагонадежности?! Нет! Идет сведение счетов со свободомыслящими, ищущими путей спасения родины не одними патентованными штакором средствами... Суды, казни, умирание армии добровольцев, стремление создавать последышей ландскнехтов...

Уйти в науку, в беспредельную даль, забыть все и забыться, бежать от «патента» на патриотизм.

Несется весь вечер церковное пение из барака певчих, вопли христиан-мучеников первых веков христианства... Лают собаки. Плачут сычи. Рыдает гармонь в одной из рот. Несутся звуки духового оркестра от корниловцев.

Скоро, скоро уедем отсюда... если все будет хорошо. Год уже длится эта пытка надеждой!

1.X. Первый день октября — пасмурно, холодно, завывает норд-ост, нависли тяжелые, косматые тучи... Носятся слухи об окончательном дне нашего отъезда — 7 октября.

Играет на домре ппк. Чибирнов, и невольно нахлынули воспоминания о Курске — пьяные слезы, сердцещипательные романсы, «кручение» любви с курынками, беспробудное пьянство, обжорство пшенной кашей с черной икрой в атмосфере

насилия, мародерства, проституции духа и тела... Период беспробудного пьянства «верхов» и невыразимой скорби по родине, по гибнущей неведомо за что «кобылке» — она не грабила, за исключением казаков, где грабежи — принцип, возведенный войной в своеобразный культ.

Весь день разговоры о Праге, весь день сердце болит за остающихся. Деньги на дорогу можно достать лишь путем «загона» всех вещей. Иван Семенович проявил акт великодушия — предложил свой револьвер «на загон» для моей поездки в Прагу».

Глава вторая

ЛИШИВШИСЬ КОРНЯ, ВСЕ УМИРАЕТ...

1

Среди бумаг Найдича — копия телеграммы.

Первого мая 1921 года на Пражском Граде, в канцелярии президента Чехословацкой Республики дежурный чиновник принял срочную международную телеграмму, подписанную генералом Врангелем и вице-президентом т. наз. Русского совета Алексинским.

«Русский совет обращается к Вам, господин президент, — говорилось в телеграмме № Д-2336/21, — с искренним призывом о помощи своим страдающим братьям — беженцам из Крыма, чье пребывание в Царьграде не может быть продолжено. Русский совет надеется, что Ваша страна предоставит им политическое убежище на своей территории».

Мы пошли по следам этой телеграммы.

Адрес, разумеется, был выбран не случайно. Барон Врангель знал, к кому обращаться. За плечами Масарика, вокруг которого и в эти годы, и позже умело создавался ореол «отца нации», «демократа», был большой опыт интриг, прямой поддержки контрреволюции, что подтверждают архивные документы, ставшие известными после победы социализма в Чехословакии. В записных книжках Масарика сохранялись его собственноручные записи о встречах с князем Трубецким, с руководителем подпольной антисоветской организации «Союз защиты родины и свободы» Савинковым... На этих встречах в начале марта 1918 года в Москве обсуждались планы контрреволюционных переворотов, разрабатывались террористические акты.

После ареста Савинкова стало известно, что Масарик финансировал покушение на В. И. Ленина. «...когда я был в полном отчаянии, не зная, откуда взять деньги,— говорил Савинков на процессе 27 августа 1924 года,— ко мне без всякой моей просьбы явились чехи и передали довольно большую сумму — 200 000 керенских руб. ...Они заявили, что они хотели бы, чтобы эти деньги были употреблены на террористическую борьбу».

31 августа 1924 года «Правда» опубликовала статью «Процесс мирового значения». «Вместе с французским финансовым капиталом и его агентом Ноуленсом,— отмечала «Правда»,— выступает мелкобуржуазный моралист, идеалист и филантроп Масарик, который дает 200 000 рублей на покушение на Ленина. Пусть широкие массы чехословацкого народа призовут ныне Масарика к ответу!»

Масарик был одним из активных организаторов интервенции в годы гражданской войны. Встретившись 19 июня 1918 года с президентом США Вильсоном, он выдвигает предложения, как подтолкнуть к интервенции японцев.

Запись Масарика: «Я был бы за войну Японии против больш. Но трудности

а) главные?

Как заплатить Японии?

Это союзники должны уяснить.

«Союзники бы финансировали» — но (я)

этого не хватит, японцы бы, наверное, хотели территории».

Через месяц с небольшим Масарик пишет в госдепартамент США: «...я располагаю тремя армиями (в России, Франции и Италии), я, так бы сказать, господин Сибири и половины России...»

Вот так, не страдая от избытка скромности, именoval он себя: «господином Сибири и половины России». В меморандуме, направленном американскому правительству, спустя два с небольшим месяца, он даже протестует «против частого использования лозунга «русский народ» по той причине, что «русский народ сегодня не существует, поскольку дезорганизован»...

Летом 1918-го белочешский корпус, направлявшийся по решению Советского правительства во Владивосток для отправки на родину, поднял контрреволюционный мятеж. С этого момента начался отсчет гражданской войны в Советской России.

Власть трудового народа, диктатура труда — вот что вывело из себя Масарика, жестоко подавлявшего выступления чехословацких рабочих. В своей резиденции он планировал устройство России, словно своей виллы. Прикидывал «объем союзнической военной помощи», оправдывая ее «интересами гуманности», упорно доказывая, что «интервенция в России не последовательна, недостаточна...»

Седьмого ноября 1918 года, когда наша Родина праздновала первую годовщину Октября, Масарик писал Бенешу из Нью-Йорка:

«России необходимо помочь, — послать нашим (белоческому корпусу. — *Авт.*) оружие в достаточном количестве и т. п. и послать воинские подкрепления. Будем иметь в распоряжении Черное море и Балтийское. По обоим маршрутам послать войска. Заявление русским, что глупое и варварское убийство должно быть прекращено. Это еще не означает вмешательства во внутренние дела. Но союзники должны иметь смелость выступить против большевиков, не способных к администрации».

Вот к такому человеку обратился Врангель и не ошибся. Прага приютила десятки самозванных миссий, пытавшихся представлять Россию. Была среди них «российская миссия» во главе с неким Рафальским. Правительство ЧСР признало ее дипломатический статус и регулярно выдавало субсидии. Были украинская, петлюровская миссии, донское правительство во главе с ростовским мукомолом Парамоновым... Чуть не каждый день создавались эмигрантские союзы, комитеты, общества.

Трудно сказать, сколько развелось их тогда по Европе — в Берлине, Париже, Варшаве, Софии... В одной Чехословакии в начале 20-х годов насчитывалось 46 украинских буржуазно-националистических объединений и группировок. 12 националистических организаций действовали в 1926 г. в буржуазно-помещичьей Польше.

В союзы и общества объединились ревнители памяти государя императора Николая II, бывшие воспитанники Пензенской гимназии, ахтырские гусары... С десятков украинских эмигрантов создали «Товарищество святого Владимира — великого князя Украины-Руси». Наряду с мелкими группами, академическими и профессиональными кружками действовали крупные объединения с широко разветвленной сетью. Так, «Российский общевойсковой союз», организованный в сентябре 1924 года, имел отделения едва ли не во всех крупнейших городах Европы, возглавляли его Врангель, Кутепов и Миллер.

«Акция помощи русским», как ее официально называли, приняла в ЧСР государственный характер. В министерстве иностранных дел завели специальный отдел. Ежегодно на содержание эмигрантов выделялись огромные средства. За десять лет, с 1921-го по 1931-й, как свидетельствуют документы, на содержание белой эмиграции в Чехословакии было ассигновано более полумиллиарда крон. В Центральном государственном архиве ЧССР мы листали целые тома расписок за казенные подачки «Союзу кубанцев», «Донскому союзу», «Обществу грузинских эмигрантских студенческих организаций» и т. д. и т. п.

Лидеры эмиграции не уставали благодарить Масарика, «Целое поколение за границами своей родины готовится к новой творческой жизни в благодарной, семейной атмосфере Вашей заботы и на средства Чехословацкой Республики». Растроганный президент распорядился оригинал письма князя Львова оставить у себя, а для архива снять копию.

Слова о «новой творческой жизни» прикрывали подготовку кадров для буржуазной России, на восстановление которой рассчитывали в европейских столицах. Таков был классовый смысл «Акции помощи русским». Ее организаторы, по точной оценке Г. В. Чичерина, рассчитывали на «восстановление у нас буржуазного строя» и готовили «к этому моменту государственных людей из белогвардейцев». Бенеш, продолжал нарком иностранных дел, «кормит и обучает государственных преступников, как бы содержит притон таковых».

Политика чехословацкого правительства по отношению к эмигрантам, говорил в палате депутатов Национального собрания ЧСР коммунист Карел Крейбих, есть не что иное, как создание великолепно организованных условий для существования здесь резервного войска... на помощь русской контрреволюции. «Почему эта эмиграция рассеяна до сих пор по Европе? — продолжал Крейбих. — Кто не желает вернуться в Россию?.. Не желают вернуться домой те... кто горит желанием организовать заговор против советского правительства».

2

Константину Найдичу зачили два семестра медицинского факультета, пройденных еще до семнадцатого года, в той далекой жизни, где сверкали купола Софии и тихий, чистый снег усыпал Золотые ворота, а погожими летними вечерами в Мариинском парке убаюкивала музыка духового оркестра. В той далекой жизни, где он после зимнего пикника в Дарнице ми-

рился с политехником Рыбачуком в кафешантане «Аполло» на Меринговской улице. Больше всего сейчас ему хотелось тишины, какая бывает только на Владимирской, когда на ресницах, на губах тают стылые снежинки. Но тишины не было ни в университете, ни дома, на далекой окраине, где он снял комнатенку. Сокурсники-чехи получали стипендию едва ли не в два раза меньше и, пересчитывая кроны, косились на эмигрантов: «Нахлебники!» Хозяин дома — легионер, у которого, казалось бы, можно найти сочувствие, ворчал: мало вам дали красные, свалились теперь на нашу голову.

Найдич по давней привычке доверял пережитое только дневнику. И теперь еще — на расстоянии — Кочергину. Галлиполийская размолвка забылась. Кочергин рвался из Галлиполи, расспрашивал, какие учебные заведения открылись для эмигрантов в Праге. Найдич обстоятельно перечислял: русский юридический факультет, украинская экономическая академия, пединститут, украинский вольный университет... Перечислял и настойчиво звал Дмитрия в Прагу — душевное одиночество было невыносимо.

Наконец от Кочергина пришла весточка: отплываем в Варну.

Они плыли на судне, которое месяца за три до этого перевезло в Болгарию казаков с острова Лемнос. Обгоняя переполненный транспорт, над волнами пронеслась тогда телеграмма Врангеля, адресованная болгарскому правительству: «К вам едет банда дезертиров из моей армии, по преимуществу преступный элемент, большевистски настроенный, опасный для государственного порядка».

Казаки, коротая время, оставляли на стенах кают, на переборках послания будущим пассажирам: «Тут ехали товарищи с химической фабрики Врангель и К^о в Галлиполи, после того, как были перекрашены из белого в красный цвет», «Мы отвоёвались. А ты?», «Из проклятой Кутепии еду в неведомую Совдепию и не сомневаюсь, что там лучше».

Кочергин читал прыгающие строчки, точно письмо, адресованное лично ему. А сам-то он куда плывет? Куда вынесет волна? Нет, он сам всегда выбирал дорогу. «Я в шестнадцать лет ушел добровольцем на великую войну, — думал Кочергин. — В 22 года командовал полком. Был популярен среди офицерства и солдат. Награжден высшими орденами. Но когда передо мной открылись карты, я вслух стал говорить, что нечего больше держать армию, что нужно забыть «царя-батюшку» и отпустить людей учиться, работать. Так меня начали «кушать». Сам Врангель подписал громоносный приказ о моем не-

повиновении». Кочергин едва заметно улыбнулся: «И вот я здесь вместе с Надей».

В Варне, едва сойдя на берег, они услышали о врангелевском заговоре, раскрытом болгарской контрразведкой. Газеты писали, что у заговорщиков конфискованы планы всех софийских казарм, складов оружия, почты, телеграфа, мостов, мобилизационный план армии Врангеля...

В порту, где Кочергин устроился подработать на первое время, все бурлило. Болгарские докеры наотрез отказались разгружать очередной врангелевский транспорт. Капитан судна бросился к казакам. Казаки митинговали. Как волна за волной, накатывались голоса:

— Врангель добивается восстановления в России тирании царя и помещиков...

— Не будем воевать с Россией!

— Навоевались!

Чем ближе узнавал Кочергин эмиграцию в Болгарии, тем больше убеждался в правильности своего решения. В том же порту болгарские докеры-коммунисты предложили отчислять часть заработка в пользу голодающих в России. Кочергин согласился первый. Врангелевские офицеры, теперь такие же грузчики, обрушились на него с бранью. Кто-то рванул и скомкал подписной лист. Вспыхнула драка.

— Господа! Господа! — надрывался Кочергин. — Мы же русские, мы даже в Галлиполи...

Ему не дали договорить, оттолкнули...

Через несколько дней Софию потряс выстрел. Подручный генерала Покровского, известного тем, что даже вешателя Шкуро считал либералом, выстрелил в упор в Агеева, одного из тех белых офицеров, кто открыто разошелся с белогвардейщиной. Он возглавлял «Общеказачий земледельческий союз», добивался присылки делегации Красного Креста, которая занялась бы отправкой людей в Советскую Россию. Сам поехал в Москву. И вот — расправа, уже не первая.

Сотни эмигрантов провожали по софийским улицам гроб, покрытый красным флагом РСФСР. Хор казаков Гундоровского полка, отвергая запрещение начальства, отпевал покойного.

Через три дня после похорон казаки-земледельцы собрались на съезд. Над сценой они повесили портреты Ленина, Калинина и Буденного...

Встревоженные, смятенные ехали Кочергины в Прагу, куда им выхлопотал визы Константин Найдич. Он единственный и встречал их на старом вокзале с высоким расписным куполом.

Они спустились мимо чахлого скверика к трамвайной линии, поставили чемоданы... От шума большого города — лязга сцепленных по три трамвайных вагонов, грохочущих автомобилей, цоканья пролетов — у Нади даже голова закружилась.

— Я себя чувствую совершенной провинциалкой, впервые попавшей в столицу.

— Привыкнешь, — успокоил Кочергин, стесняясь признаться в таких же чувствах.

За «малый» билет они проехали одну остановку и вышли, чтобы пересесть на одиннадцатый маршрут, идущий в Стражнице, далекую по тем временам окраину Праги, облюбованную из-за дешевизны квартир эмигрантами и небогатыми студентами.

Ожидая, пока подойдет трамвай, Найдич тоном заправского экскурсовода знакомил Кочергиных с Прагой:

— Справа вверху — Национальный музей. Вниз за нами идет Вацлавская площадь — там мы еще погуляем...

— А коня кто это оседлал? — спросил Кочергин.

— Вацлав IV, — коротко ответил Костя, а Дмитрий подумал, что в любой столице встретишь каменного всадника.

Подошел трамвай, и они, купив на этот раз «длинные» билеты — это для тех, кто ехал больше трех перегонов, — двинулись к своему новому дому.

Среди других в те годы в Стражнице снимал квартиру и Юлиус Фучик, перебравшийся в столицу из Пльзеня. Он начинал писать для рабочей печати, внимательно присматривался ко всему окружающему. В неспешном и протяженном одиннадцатом маршруте на улицах Праги он наверняка встречал русских эмигрантов. Одна из таких встреч, правда, попозже, подсказала ему тему репортажа «Солдат барона Врангеля». Они встретились случайно в кафе на Вацлавской площади. За окнами падал мягкий пражский снег, быстро темнело. Пытаясь спрятаться от пронизывающего ветра, к витрине прижимался нищий.

Белогвардейский недобиток, прихлебывая кофе, поучал: «Лучше повесить тысячу нищих, чем допустить, чтобы они своими заgreбушими руками уничтожали порядок...» Вспоминал: «На площади был телеграфный столб, так удачно поставленный, словно бы предвидели, как он будет использоваться. Каждое утро он получал свою порцию. Всегда троих». Сожалел: «Но видите, господин, слишком поздно мы начали. Не могли уже уберечь Россию. И России уже нет. Есть советская пустыня, и в ней хозяйничают те, кто не должен был миновать виселицы...»

Шел 1930 год. На Урале уже был заложен камень в основание Магнитки. Днепроовская плотина перепоясала порожи-стый Славутич. Тракторы распахивали межи у Каховки и Спасска, у Касторной и Лбищенска. А в пражском кафе, у окна на вечернюю Вацлавскую площадь, сидел ничему не на-учившийся человек с черно-белым крестом на лацкане пиджа-ка и сокрушался, что так мало успел повесить.

— Простите, не успел представиться: Ефим Семенов, Ви-нограды, торговля граммофонами. Если вам когда-нибудь по-надобится...

Но это было позже. Пока же 11-й трамвай, громохочая, та-щится вверх по проспекту Винограды, мимо роскошной гости-ницы «Флора», где вскоре начнет свою карьеру провокатора че-ловек с бесцветными глазами, будущий следователь пражского гестапо Бем, мимо Ольшанского кладбища, мимо серых бара-ков...

— Надо бы дрожжи взять, — вздыхает Надя.

— Дорого, — отвечает Костя, подсчитывая мысленно рас-ход: «За четверть часа — две кроны двадцать геллеров, за полча-са — три кроны. За каждые следующие полчаса — еще крону... Да умножить на троих седоков...» Такой роскоши его бюджет не выдержит. Куда уж автомобиль, там на метры считают — за первых 500 метров езды — крона, а потом за каждые 250 ме-тров...

С утра Кочергины решили заняться устройством. Прежде всего им следовало получить вид на жительство в министерст-ве внутренних дел. Чиновник протянул анкету с множеством вопросов. Где и когда родился? В какой армии служил? Когда и почему оставил Россию?..

«В октябре 1920 года, эвакуируясь с армией ген. Врангеля из Крыма», — коротко написал Дмитрий, и точно так же, слово в слово, повторила Надя.

Позади них в очереди стояла эффектная молодая пара: есаул в папахе и бурке и его спутница, вся в лисах. Познакоми-лись. Есаул окончил Михайловское артиллерийское училище, воевал на южном фронте, но вспоминать войну явно не хотел.

— Это такая неприятная вещь — гражданская война.

— Простите, а вы не из наших краев? — заторопилась сгла-дить неловкость мужа Клеопатра Ивановна. — Очень знакомая фамилия.

— Нет, — сухо отозвался Кочергин. — Я киевлянин. — Он огляделся, прислушался к разговорам. «Кто же ожидает вид на будущее?» Выпускник 1-й мужской гимназии из Самары, прео-долевший путь до Владивостока и оттуда через Америку до

Праги. Петлюровский вояка, уроженец какой-то Лисьей Балки. Молодая женщина с крошечной дочерью на руках. «Она у меня в Галлиполи родилась, — то ли гордясь, то ли жалуясь, говорила она, — 23 апреля двадцать первого года». Украинский крестьянин не мог расписаться, а чиновник не соглашался на «крестик» в аккуратно заполненной книге, — и тогда помог Кочергин. Расписался вместо малограмотного уроженца села Грушки, бежавшего с белой армией: Захар Матрачук. Далеко тянулась очередь: следом за крестьянином стояли в ней кадровый офицер, инженер, прислуга...

«Тебя-то что понесло?» — хотел было спросить Кочергин, но сдержался: уж больно жалко выглядела старуха в своих круглых железных очках, делающих ее похожей на сову, в жалких лохмотьях.

— Время и место рождения? — строго спрашивал чиновник.

— 1855 год, а месяц запомнотвала, батюшка, — отвечала старуха.

— Место рождения?

— Село Кормовое Тульской губернии.

— Когда оставили свою родину и почему? — продолжался опрос.

— Вместе с господами-то. Я, батюшка, прислуга.

— Где с того времени были и чем занимались за рубежом?

— За рубежом я не была, батюшка, — отозвалась старуха. — Я с господами все время. Служила дальше в Сербии. А нонче сама без господ переехала в Прагу. Хочу отседова вернуться в Рассею. — Она поправила свой черный платок и повторила: — В Рассею хочу вернуться. Домой.

Есаул легонько отодвинул ее.

— Тебе все одно, где помирать, старая, не задерживай. — И протянул свои документы. — Вот мое направление на факультет дорожного строительства. — И повернулся к Кочергиным: — Это вечная профессия, не правда ли, господа?

— Вечно только добро, — отозвалась Надя с обидой за старуху, беспомощно топтавшуюся у дверей. — Видно, война вас ничему не научила.

Прошлое висело над ними, и нужна была только искра, чтобы вспыхнул затяжной, беспредметный, нудный спор о виновниках поражения. Замелькали имена: Колчак, Деникин, Врангель...

— Что погубило Колчака? — горячился худощавый офицер в английском френче и считал, загибая пальцы: — Пер-

вое — огромные расстояния. Второе — его гуманное отношение к пленным красноармейцам и коммунистам...

Кто-то прыснул в кулак: «Нашел гуманиста!» Капитан, не обращая внимания на реплику, продолжал:

— Третье — заговорщическая деятельность эсеров. И, наконец, четвертое — предательство союзников.

— А на южном фронте? — язвительно спросил Кочергин.

— Все те же причины плюс еврейская спекуляция, — самоуверенно отвечал френч, — расстройство транспорта и взяточничество железнодорожников, предательство казачьих самоотверженных и англичан, сыпной тиф. И вот так мы потеряли родину.

— Надо было соединяться с армией адмирала Колчака и создавать единый фронт, — решил высказаться есаул. — Только так мы спасли бы родину.

— Ах, оставьте вы, наконец, родину! — вскипел Кочергин. — Сколько можно склонять ее — оскмину набило.

Кочергин опять прислонился к стене. Все это он слышал, читал, передумал... Родина, Россия, патриотизм... Разве они не считали себя патриотами?

А капитан все разглагольствовал:

— Почему распалась великая хранилища земли русской? Да потому, что нам не хватало национального самосознания, патриотизма. Большевики довели этот антипатриотизм до апогея. Борьба с большевизмом есть не только свержение комиссародержавия, но и извлечение или, вернее, воспитание русского народа до национального самосознания. Мы вышли на борьбу с большевизмом, ибо понимали, что его господство — разрушение России...

— Извините, ваши представления поношенны, как ваш френч, — опять съязвил Кочергин.

Говорун запнулся только на мгновение:

— А ваши? Уже новые, большевистские? Или вы не верили во Врангеля, как и мы?

Верили. Да еще как! До самой эвакуации в Крым возвращались те, кто бежал раньше. Один из последних пароходов пришел в Севастополь за день до приказа о полной эвакуации, высадив с полтысячи беженцев.

А этот приказ! Офицеры не хотели слышать о нем. По воспоминаниям очевидцев, дело выглядело так.

...На крейсере «Генерал Корнилов», где разместился штаб Врангеля, подготовили письмо графу де Мартелю, командующему войсками французских интервентов. Пора отправлять. Но у официальной бумаги должен быть номер, а все делопро-

изводство брошено в Севастополе. Какой номер дать этой «исторической» бумаге? № 1 — неудобно. А какой следует — неизвестно. Выход подсказывает один из офицеров генерального штаба, назвав номер одеколона, который он употребляет после бритья: № 4711.

Получив вид на жительство, Надя и Дмитрий Кочергины сунулись, было, прямо в пединститут, но там им вежливо посоветовали заручиться рекомендацией одного из союзов. Рекомендация определяла политическое лицо абитуриента.

— Придется и нам куда-то записаться, — сказала Надежда Дмитрию.

— Только не к галлиполийцам.

Записались они в «Крестьянскую Россию», союз, который показался далеким от политических целей.

К тому времени в Праге образовались и «Союз студентов — граждан РСФСР» и «Союз студентов — граждан УССР». Среди сокурсников Кочергина оказалось несколько членов этих союзов. Узнал он об этом, когда после одной из лекций староста курса Ядринцев, врангелевский полковник, попросил, а точнее, приказал всем остаться на своих местах.

Пройдя к кафедре, Ядринцев громко, как перед строем, спросил, верно ли, что коллега Иван Кулиш является членом «Союза студентов — граждан УССР»?

— А вам что, не нравится этот союз? — вопросом на вопрос ответил Кулиш. — Он существует так же легально, как и все другие. Что еще вас волнует, коллега?

Полковник побелел. «Шашкой бы тебя, сволочь красная», — с ненавистью подумал он, а вслух проговорил:

— Я призываю всех вас, господа, объявить бойкот коллеге Кулишу как члену «Союза студентов — граждан УССР».

Бойкот был жестокий. Едва осмелилась сокурсница подойти к Кулишу на улице с вопросом, как утром ее отчитали за слушание и пригрозили, что с ней поступят так же.

В городе Подебрады, где обосновалась большая украинская колония, напечатали списки с именами «изменников» и повсюду их расклеили. «Украинцы! — призывал листок. — Запомните их имена, чтобы никто из этих одиночек и продажных душ не смел смыть с себя пятно национального предательства...»

Дисциплину все эти объединения держали жесткую. Чехословацкие коммунисты с полным правом разоблачили «Общество студентов-галлиполийцев» как «чисто военную организацию врангелевских офицеров».

Впрочем, они и сами не очень-то скрывали это. Характер галлиполийского союза был на виду. Примечательно в этой связи письмо правления Общеказачьего сельскохозяйственного союза от 16 мая 1925 года, адресованное МИД ЧСР. В письме высказывалась просьба «о предоставлении права на въезд в ЧСР и о принятии на стипендию в 8 классе русской гимназии в Моравске-Тршебове или Праге с начала будущего учебного года казаков-учеников русской гимназии в Болгарии Мельникова Федора, Могутина Константина и Ячменникова Сергея».

Хлопотали казаки потому, что в Болгарии гимназию закрыли и ученики переведены в гимназию имени генерала Врангеля, которая «возникла в Галлиполи и, перейдя в Болгарию вместе с частями войск, сохранила особое направление, которое характерно для галлиполийцев. Атмосфера врангелевской гимназии особенно отрицательно сказывается на наиболее способных и талантливых учениках-казаках, и было бы незабываемым благодеянием дать некоторым из них возможность получить правильное образование и нормальное воспитание».

Кулиш, как и Кочергин, и Найдич, знал, что такое галлиполийцы, — армия, сменившая мундиры на студенческие тулупы. В ней та же дисциплина, тот же террор. С послушниками расправлялись явно и тайно. Травили доносами.

«№ 2665.

В Праге, 26.VIII. 1922.

Д-ру Вацлаву Гирсе, полномочному министру.

Господин министр!

У меня в гостях был студент А. К., один из деятелей Союза русского студенчества в Чехословацкой Республике. Из беседы о жизни этого союза стало ясно, что среди тех русских студентов, которые получают поддержку из государственных источников, есть 14 коммунистов. Они свои взгляды не только не скрывают, но и открыто и агитационно проявляют. Думаю, что не будет вредно, если я обращаю Ваше внимание на эту вещь.

Министр школ и национального просвещения».

Через несколько месяцев студенческую эмиграцию потрясло настоящее ЧП.

С открытым письмом ко всему русскому студенчеству в эмиграции и II съезду русского эмигрантского студенчества обратился председатель «Объединения русских эмигрантских студенческих организаций» (ОРЭСО) П. Влезков. За год до этого объединение свело под одну крышу 26 эмигрантских со-

юзов из разных стран, избрало в Праге председателя. И вот теперь он писал:

«Сим довожу до сведения съезда, что сего числа слагаю с себя звание председателя ОРЭСО, выхожу из состава ЦИО, из числа членов русских студенческих эмигрантских организаций ввиду моего перехода на платформу признания Советской власти и, таким образом, разрыва со всей идеологией ОРЭСО.

7.XI.1922.

Прага».

Седьмое ноября 1922 года... Вряд ли случаен выбор даты.

«Я знаю, что немедленно буду объявлен провокатором, — писал далее Влезков, — обвинен в предательстве и в измене студенческому делу в эмиграции и России вообще.

Конечно, именно так и случилось. Правление ОРЭСО тут же заявило, что оно «клеимит измену и предательство П. Влезкова... Правление ОРЭСО твердо остается на позиции непримиримости к Советской власти как единственному, общему всем нам врагу нашей Родины и верит, что никакой поход насильников и разрушителей России не расстроит дружные ряды эмигрантского студенчества». Подписал это заявление член правления ОРЭСО Д. Мейснер, избранный исполняющим обязанности председателя. Возможно, кто-то из читателей знаком с его книгой «Мифы и действительность», изданной в 1969 году в Москве. Прошло время, и Мейснер понял, что историческая правда на стороне Советской власти. Но вернемся к письму Влезкова.

«Физические страдания и нравственные муки, безнадежность вашего будущего, русские студенты в эмиграции, — продолжал он, — должны подсказать вам необходимость самой срочной и осознанной продуманности того, что есть, что ждет нас впереди, и все ли ваши надежды должны быть основаны на воле иностранного благодетеля-кормильца, урывающего обглоданные кости от своего стола тем, кто в свое время пролил реки крови за чужое благоденствие, а ныне полурабом скитается по миру. И Россия... уже ныне возрождающаяся на пепле пожара беспримерной гражданской войны, — эта Россия имеет в себе ценности, возможности, дающие простор вашей готовности служить русскому крестьянину и рабочему. Поскольку вы действительно дорожите благом родины, ваш долг уйти с пути политической борьбы против всего современного в ней и стать на путь творческой работы в России, влившись в ряды ее трудовой интеллигенции.

И пусть подголоски противников великой республики трудящихся злобно шипят: «Какой цинизм — отождествлять Советскую власть с русским народом». Ни один способный мыслить человек этого аргумента всерьез принять не может... Не верьте лживым речам о грядущем часе «возрождения» России — час сей пробил и, оторвавшись от обмана и творцов политических авантюр, готовьте себя к работе сегодня, ответственной и упорной по воссозданию хозяйственной и культурной жизни русского трудового народа, подорванной годами лихолетия минувшей европейской и гражданской войн...

За всю же свою прошлую работу я готов дать ответ студентам».

Влезкова знали как человека высокой чистоты и честности, принципиального, прямого. Его, уже тяжело больного, окружили заботой: устроили ему повышенную стипендию, бесплатное лечение. И вот этот «непримиримый борец», «честнейший человек» заявляет о признании Советской власти.

«Повторить о нем обычную клевету, что продался, было бы невозможно вследствие его общеизвестной честности, — пишет А. В. Бобрищев-Пушкин в книге «Патриоты без отечества». — Тогда объявили, что Влезков сошел с ума.

Все пособия у него, конечно, отняли. Но как быть с бесплатным лечением в санатории? Лишить его этого в наказание за «смену вех» — значило проявить такое каннибальство, которым противники, конечно, воспользуются. Но мстительное чувство искало выхода и нашло его: эмигрантские врачи объявили Влезкова выздоровевшим и выписали, несмотря на тяжелейшее состояние здоровья больного.

Был тяжело болен, а когда сделал неугодные эмиграции заявления, то немедленно выздоровел — так выздоровел, что умер через три месяца.

Прах Влезкова предали земле, но и там он не нашел покоя от эмигрантской «святой ненависти».

Он оказался погребен рядом с генеральским сынком. Генерал пришел в крайнее негодование от такого неприличного соседства и настоял перед пражской администрацией, чтобы тело Влезкова было вырыто и похоронено в другом месте... Влезков может мирно спать в своем поруганном гробу. Сомкнулись для продолжения его дела студенческие ряды, и святынею стало его имя. Нельзя поверить и в то, чтобы оставшихся в ОРЭСО и во врангелевских корпусах юношей и детей так удалось всю массу искалечить навек. Честное и здоровое чувство возьмет верх — родившиеся в XX веке не могут жить в XIX».

Новый век... Не каждому дано почувствовать его дыхание, его поступь. Сейсмографы душ слышат грозовые раскаты будущего. Таким был Александр Блок. В одной из своих статей он писал, что новый век сразу же обнаружил свое лицо, новое и не похожее на лицо предыдущего века. Я позволю себе сегодня, чисто догматически, без всякого критического анализа, продолжал Блок, в качестве свидетеля, не вовсе лишенного слуха и зрения и не совсем косного, указать на то, что уже январь 1902 года стоял под знаком совершенно иным, чем декабрь 1900 года, что самое начало столетия было исполнено существенно новых знамений и предчувствия. Взором провидца поэт видел во времени революции черты не промежуточной эпохи, а новой эры... Он чувствовал атмосферу, воздух новой эпохи. Это был ветер...

Однажды мы постучали в пражскую квартиру на втором этаже, где доживал свои годы некий эмигрант. До сих пор давит затхлая атмосфера той квартиры, словно бы в ней законсервировались запахи прошлого. Пыль лежала на пакетах с давними газетными вырезками, на связках фотографий, документов. Седой человек дрожащими руками развязывал папки... Больше ничего у него не было.

Телефон на столе — с большой, тяжелой ручкой — безнадежно молчал. Сюда давно никто не звонит.

— Знаете, ребята, — говорит хозяин, — как мне приходилось работать? Мне нужно было держать марку — больше десяти лет я работал по 92 часа в неделю — пятнадцать с лишком часов в день. Я брался за все. Вы не представляете, какие горы дерьма я переворочал...

О таких говорят — «золотые руки». Он может починить часы и мотоцикл, пишущую машинку и токарный станок. Он соглашается за 5 франков 25 сантимов выполнять работу, за которую другим специалистам платят 7 франков. Тариф снижают всем. Но в получку штрейкбрехера отмечают премией. Старый рабочий подошел к нему:

— Почему ты получил больше?

Он ответил, что не понимает вопроса, хотя все понял. Потом крикнул вдогонку презрительно плюнувшему рабочему, что раз директор платит больше, значит, так надо.

Он не упускает ничего. Строит гараж и сдает его внаем, поет в хоре в кафедральном соборе — за плату, разумеется.

Вся жизнь в погоне за лишней копеечкой. Знакомые зави-

довали его умению заработать. Да, он сумел даже накопить небольшие сбережения, обезопасить себя на «черный день».

Сбережения... Вся его жизнь была подчинена этому, вся громадная энергия, сила, ум. Но, сберегая франки, растерял он что-то более ценное. Он говорит на родном языке — и как будто на чужом. Как каплины пустой породы, звучат в его речи иностранные слова. Он подходит к окну. Окна выходят на большую дорогу, которая трудится с предраассветного часа и допоздна, притихая лишь на короткие ночные часы.

У одного из окон на втором этаже по целым дням сидит грузный седой старик. Когда потеплеет, его можно увидеть сидящим на скамеечке у дома. Но сейчас там, где обычно стоит скамеечка, еще бугрится грязный снег, а старик даже в комнате кутает горло в потертое, выцветшее кашне.

Он смотрит на дорогу так внимательно, будто хочет разглядеть что-то исключительно важное.

— Значит, вы из Донбасса? И Макеевку знаете?

Ту Макеевку, которую помнит он, — казачьи казармы, — мы, конечно, не знаем. А он видит ее наяву: свой домик, молодую жену, сыновей-погодков... Ее звали Наташей. И она всегда оставалась просто Наташей. Его попеременно называли: эфенди Березин, синьор Березин, мсье Березин...

За окном гудят машины. С грузом и порожние. Порожние... Он повторяет это слово, перекачивает его в сознании, как горячую пышку в ладонях... Он завидует машинам, и тем, что с грузом, и порожним. Утром порожние пойдут в новый рейс. У него больше рейса не будет. Как пустой грузовик, неслась и неслась его жизнь к какой-то цели, порой казалось, что кузов наполняется. Только казалось. Его рейс — порожний.

...Эмиграция неумолимо распадалась на два лагеря.

В Чехословакии возник союз «Советская Родина». Он поставил своей целью «объединять всех лиц, принадлежащих по происхождению или культуре к народам СССР, признающих советскую государственную систему и проживающих на территории Чехословацкой Республики».

Двадцать шестого января 1924 года на доске объявлений в комнате по обеспечению образования русских студентов в ЧСР появился черный креп. Так студенты — граждане СССР — выразили свое отношение к смерти Владимира Ильича Ленина.

На узкой площадке мгновенно выросла толпа. Она улюлюкала, свистела, бранилась. Впереди суетился врангелевский

офицер Максимов, бывший хозяин большого имения под Орлом. Теперь уже, конечно, бывший хозяин. Вот этого он и не мог простить большевикам. Заметив траурную повязку на рукаве Кулиша, он замахнулся тростью:

— Сволочь большевистская, сними сейчас же траур!

— Попробуй снять, я с тобой тогда поговорю иначе, — отозвался Кулиш.

Чешские деятели из комитета хотели свести конфликт к обычному спору, а споры так часто возникали между русскими. Но студенты — граждане РСФСР и УССР — с этим не согласились. Они рассказали об инциденте в советском представительстве. Представительство обратилось в МИД ЧСР с нотой протеста.

Во время расследования Максимов прикинулся ничего не знающим человеком и даже привел «свидетеля», которого, впрочем, быстро уличили во лжи. Максимова предложили покинуть Чехословакию.

Такие настроения среди студентов привлекали пристальное внимание чехословацкой полиции. В Центральном государственном архиве ЧССР нам встретилось дело группы украинских студентов-коммунистов в Подебрадах под названием «Нелегальная деятельность».

Деятельностью группы в составе 19 человек, трое из которых — Николай Леонтович, Григорий Жуковский и Василий Хабел — были гражданами СССР, занималось министерство внутренних дел ЧСР.

Что же взволновало стражей порядка? В Подебрадах и Нимбурке появились листовки, призывающие к бунту. Несмотря на усиленный поиск, авторы их оставались неизвестными. Но затем в районное политическое управление в Подебрадах пришел «бывший руководитель подебрадской организации КПЧ Йозеф Квиз, который из Коммунистической партии вышел и сообщил доверительно...»

Сообщил он две вещи. Во-первых, то, что подпольный нелегальный журнал «Большевизатор» выпускали и печатали на гектографе украинские студенты-коммунисты — Феодосий Филипенко, высланный к этому времени из страны, Дмитрий Папенко, Николай Носик и Юрий Канонир. Распространяла журнал жена Филипенко Мария. Квиз высказал предположение, что и к новым листовкам имеют отношение те же самые студенты.

На основе этого доноса жандармерия произвела у названных лиц обыск. Установили, что они «выступают против укра-

инских студентов и профессоров, стоящих на некоммунистических позициях». Все они были членами МОПР.

Среди материалов, конфискованных у Носика, оказались планы лекций «Жизнь Ленина», «Основы ленинизма», «Советская власть на Украине», «Октябрьская революция» и другие. В его записной книжке нашли строки о необходимости регулярной связи с журналами Советской Украины, о получении виз на возвращение в СССР.

У Дмитрия Папенко были конфискованы письма. В одном из них говорилось, что «товарищ Потычук как наш делегат уехал в Москву на конференцию пролетарского студенчества и от него ждем успешных вестей относительно наших поручений».

Они всерьез занимались политическим самообразованием в группах по 5—7 человек. «Товарищ, который покажет знание трудов Маркса и Ленина, ориентацию в общественной и политической жизни, в сложных вопросах, имеет возможность вступить в «Ленинскую группу», где может усовершенствовать себя в строительстве социалистической жизни», — говорится в одном из документов подебрадской группы.

В конце концов жандармы пришли к выводу, что «члены этой подпольной организации работают на большевизм... а потому являются для государства опасным элементом». Им предложили «навсегда покинуть пределы Чехословацкой Республики».

4

«Через несколько месяцев Россия вернется в цивилизованный мир, но с новым и лучшим правительством, чем царское... С большевизмом в России будет покончено еще в нынешнем году». (Из статьи Генри Детердинга, президента нефтяного концерна «Ройял Дейч Шелл», «Морнинг пост», 5 января 1926 г.).

«...Мы можем строить социализм, поднимать и развивать нашу социалистическую промышленность — это доказано уже практикой. И мы социализм построим, имея все необходимое для построения полного социалистического общества» (Ленин). Надо лишь работать, не покладая рук, чтобы наши возможности превратились в действительность» («Правда», 5 января 1926 г.).

Эти заметки неизбежно наталкивают на размышления.

Через десять лет после Октябрьской революции городское полицейское управление в Праге доносило министру внутрен-

них дел: «Русскую студенческую эмиграцию нельзя считать политически единой и стабильной. Она вся была настроена антибольшевистски, но затем события постепенно привели к переменам... Эту перемену в политическом мышлении даже после официального утверждения союзов студентов — граждан РСФСР, СССР, УССР и др. — нельзя отнести только к воздействию агитации, но скорее, в значительной мере, к влиянию внутренних, здешних причин».

Сказано ясно. «Внутренние, здешние причины» — безработица, социальное неравенство, т. е. то, что они теперь испытывали на себе. Бывший предводитель дворянства мог и в Праге щеголять в сапогах самой лучшей выделки, в поддевке тончайшего сукна и фуражке с красным околышем. Другой мог свои прошения подписывать гордо — «потомственный дворянин», третий величать себя «князем», но каждый, кто оказался без сбережений (а таких было немало), должен был своими руками зарабатывать хлеб насущный. Вот это и учило.

В том же полицейском документе отмечается: «Множатся примеры обращения с просьбой получить советское гражданство и разрешение вернуться в Советскую Россию».

Конечно же, с такими просьбами обращались не только студенты. Все больше обманутых людей понимали, как губительна их ошибка. За десять лет, с 1921-го по 1931 год, на родину, в Советский Союз, вернулись 181432 человека. Трудно сказать, сколько десятков других тысяч, приняв советское гражданство или без него, симпатизировали нашей стране, работали в «союзах возвращения на родину», вопреки жестоким преследованиям и угрозам порывали с белым движением. В эмигрантской печати то и дело встречаются сообщения о расправах с колеблющимися... Навязчиво повторяются призывы объединить силы, преодолеть старые распри, свести под одну крышу всех, кто готов бороться против Советской власти.

В конце мая 1921 года в курортном местечке Рейхенгаль (Бавария) зазвучала русская речь. Здесь собрались на съезд монархисты. Договориться они не сумели: разделились на «николаевцев», приверженцев великого князя Николая Николаевича, двоюродного дяди Николая II (высший монархический совет объявил его вождем монархистов), и на «кирилловцев» — сторонников великого князя Кирилла Владимировича, двоюродного брата Николая II, объявившего себя в 1922 году, в год рождения СССР (не парадокс ли?!), «блюстителем» русского престола, а в 1924 году — «императором всероссийским». Мало того, он тут же пригрозил: те из эмигрантов, кто его не поддержит, будут лишены права считаться русскими и возможности

возвратиться в Россию после того, как он, Кирилл I, будет коронован в Московском Кремле.

Московский Кремль... Ветрами эпох овеваны его стены, легендарные башни, златоглавые купола. Стоишь перед великолепием каменного воплощения истории Руси, перед народной святыней — Ленинским Мавзолеем, читаешь на мраморных досках имена лучших сыновей Отчизны, каждое из которых — ве-ха поступи Родины, — и гулкие удары Кремлевских курантов, шелест шагов по брусчатке Красной площади, все дыхание голубого неба как бы поднимают тебя на крыльях над великими нашими просторами...

Не зря, видимо, находясь в эмиграции, «умом не серенький» Савинков на богослужениях в Париже ставил свечи в коленном преклонении перед «первопрестольной»: «Боже праведный! Спаси и помилуй заблудшую душу мою, дай силы ей выйти «из иродовой ночи», большевичков прикончить, да святится имя твое, спаситель, да будет воля твоя оповестить со звонницы Ивана Великую Русь нашу: «С Христом и верой она снова!»

Коммерсанты из русской эмиграции в разных странах мира хватались за «святое» и весьма выгодное дело — налаживали изготовление и выгодную продажу особенно «ходких, сокровищных сувениров» с кремлевскими образами. В своем духовном растлении эти отщепенцы не останавливались даже перед спекуляцией святынями Руси. Их именем царственные Кириллы первые и под всякими другими номерами пытались прокладывать себе дорожку в Кремлевский собор для новой коронации. История навсегда отказала им в короне.

Все на земле умирает, гниет, лишившись корня...

Через семнадцать лет, в октябре 1938 года, когда наша страна уже будет выполнять третью пятилетку, когда ее признает большинство государств мира, где-то в Сан-Бриане появится листок, подписанный сыном Кирилла — Владимиром:

«12 октября умер отец мой Государь император Кирилл Владимирович.

Мои незабвенные Родители завещали Мне любовь и жертвенное служение России и Русскому народу...

По примеру моего отца, в глубоком сознании лежащего на мне священного долга, преемственно воспринимаю, по дошедшему до меня наследственно Верховному праву Главы Российского императорского Дома, все права и обязанности, принадлежащие мне в силу Основных законов Российской Империи...»

Годы ничему не научили этого претендента на российский престол, выглядевшего, по словам английского журналиста, «как герой американского дикого Запада». До наших дней донес он оголтелую ненависть к Стране Советов, к новому миру. «Мирное сосуществование с коммунизмом невозможно, — утверждал он много лет спустя после второй мировой войны. — Я считаю рискованным теперь утверждать, что коммунизм может быть уничтожен без применения силы оружия».

Эти бредовые взгляды характерны для части эмиграции и сейчас. «Нормальным состоянием человечества является война, а не мир», — писала эмигрантская газета «Новое русское слово». Другой такой же листок восклицал: «Да здравствует война!» Позицией бесноватых назвал такие взгляды в своей книге «Письма к русским эмигрантам» В. В. Шульгин, известный в свое время идеолог монархически настроенного крупного дворянства, член Временного исполнительного комитета Государственной думы, один из организаторов Добровольческой армии и лидер контрреволюционной эмиграции. На склоне жизни он пересмотрел свои прежние представления и назвал тех, кто покинул родину, волками, уходившими в зарубежный «рай» «волчьими тропами, нога в ногу, не озираясь».

Как и монархистов, противоречия раздирали кадетов. 14 декабря 1922 года в Париже они объявили о роспуске своей партии.

Зато генералы складывать оружие не собирались. В мае 1925 года в Париже было созвано секретное военное совещание русских генералов-монархистов. Соплились все битые — Деникин, Лукомский, Богаевский, Кутепов, Эрдели... Они поставили вопрос о подготовке всеэмигрантского съезда.

Год спустя такой съезд состоялся, но никого так и не объединил.

Фронт эмиграции был широк. Свое место заняли в нем и Керенский, человек, у которого, по оценке Суханова, «не было ни надлежащей государственной головы, ни настоящей политической школы», и меньшевики, и эсеры. Меньшевистско-эсеровский «Административный центр», созданный в июле 1920 года на средства чехословацких и французских эмигрантских организаций, сколачивал диверсионные группы и банды для вторжения на территорию Советской республики, разрабатывал планы контрреволюционных мятежей.

Истинные цели эсеровской эмиграции раскрыли документы т. н. «Административного центра», попавшие в 1922 г. в ГПУ. Было доказано, что он финансируется империалистическими правительствами, готовит восстание в Советской России,

формирует из эмигрантов вооруженные отряды, засылает шпионов.

Осенью 1926 года в Праге собрались представители русской партии социал-революционеров, украинской партии социал-революционеров и белорусской социал-фашистской партии.

Мы располагаем сделанной на их встрече «Записью предварительного собеседования по вопросу о возможности и координирования совместных действий».

«25 октября 1926 г. в Праге.

Присутствовали: В. М. Чернов, В. Я. Гуревич, Г. Шрейдер, Мансветов, М. Е. Шаповал, М. Григорьев, М. Мандрыка, Т. Гриб и П. Кржчевский.

Председательствует В. Чернов...»

Да, тот самый Чернов — виднейший лидер партии эсеров, министр земледелия Временного правительства, председатель единственного заседания Учредительного собрания... Владимир Ильич Ленин буквально пригвоздил его своей характеристикой: «Самовлюбленный дурачок, герой мелкобуржуазной фразы». Такими же «героями» были и остальные участники встречи.

Украинские эсеры, по словам Д. З. Мануильского, торговали «ненькой-Украиной» на международной ярмарке, «оказались по отношению к ней не сынами, а байструками».

Первым дали слово Гуревичу.

«В крае нарастает кризис большевистской диктатуры, — говорил он. — Необходимо принять участие в ускорении этого процесса. Следовательно, нам, социалистическим партиям Востока Европы, надо координировать действия. Необходимо установление социалистической Лиги народов Восточной Европы. А прежде всего подготовить съезд социалистических партий Восточной Европы, в котором бы приняли участие и финские, и эстонские товарищи. Наше собрание только инициативное. Оно должно образовать общее бюро, которое и должно взять на себя инициативу в проведении всей этой деятельности».

За окном моросил мелкий дождь. Прохожих было мало. Изредка прогромыхивал трамвай. Оставив пивную кружку и подождав, пока выйдет официант, заговорил Шаповал:

«О наших собраниях: необходима более конкретная постановка вопросов. Например: падение большевистской власти — в какой форме? Вопрос о возможности переговоров с теми или иными группами коммунистов-оппозиционеров... Всем ясно: нужна общая акция. Прежде всего для тех элементов, которые действуют на территории СССР. С грузинами и армянами надо договориться. В Париже один наш товарищ виделся

с грузинами, и они высказывали мысли, очень близкие нашей. Остается группа племен тюрко-татарских...»

В. Чернов: «О всех практических шагах надо сохранить конспирацию».

В конце принимается следующее решение:

«1. Образовать организационную комиссию из представителей от русских, украинских и белорусских социалистов — по одному.

2. Образовать политическую комиссию по тому же принципу».

Оргкомиссия собрала «социалистов» еще раз — в погребке «Алаверды», привлекавшем гостей титулованными офицантами.

Политкомиссия не смогла и этого. Круги времени сошлись над партиями эсеров...

5

Страны, партии и люди разделялись по отношению к Советскому Союзу. Классовая ненависть довела хозяев чехословацкой газеты «Народни листы» до того, что они запретили в своих газетах само название СССР, а вместо этого приказали писать: «безымянное государство».

В такой обстановке возникали самые невероятные провокации, подвохи, авантюры, совершенно в духе гашевского Швейка. Читатели этой славной книги, конечно же, помнят бдительного служаку — путимского жандармского вахмистра Фландерку, известного всей округе искусными перекрестными допросами. В Швейке с помощью своего метода вахмистр разоблачил... русского шпиона. Именно таким Фландеркой оказался Эмил Томашек из Прашного уезда.

Эмил благодаря своей русской жене Марии перезнакомился со многими эмигрантами. Среди его знакомых были казачий подполковник Федор Семиглазов, подозревавший в большевизме всех, кроме себя, генерал Сидорин, постоянно носившийся со своим проектом создания «Республиканского демократического объединения», которое одно только и могло спасти Россию и известить большевиков.

Как-то засидевшись с Семиглазовым за дюжиной «праздроя», сдобренного ромом, Томашек начал вспоминать службу в России.

— Знаешь, что я оттуда привез?

— Машку, — икнул Семиглазов.

— И Машку тоже. А еще шифр большевиков. Вот посмотри.

Семиглазов взял истертый листок: «Шифр главнокомандования Приморской области большевиков от 20.8.1920 года».

Официант опять менял порожние кружки на полные, и Семиглазов сложил листок.

— Это надо еще проверить. Я принесу на днях зашифрованное сообщение советской миссии.

— А шифр пусть у меня пока побудет, — протянул руку за бумажкой Томашек.

Дальше события, зафиксированные протокольным языком жандармерии, развивались так:

«Шифр, который использовался в 1920 году для местной связи, не имеет для разведывательного отдела генерального штаба никакого значения, потому что исключено, чтобы он использовался для зарубежной связи.

Шифр составлен самым примитивным образом, он легко разгадывается. Совершенно ясно, что составлен шифр не специалистом, потому что в двух случаях одна и та же цифра указывается для двух разных букв.

Телеграммы русского происхождения, как правило, зашифрованы шифром значительно более сложным. Несмотря на это, была предпринята попытка дешифровать с помощью этого ключа несколько депеш. Успехом она не увенчалась».

Ротмистр Дуброва неделю в упор не замечал своего подчиненного Томашека, юлившего, как побитая собака. Томашек, в свою очередь, избегал Семиглазова и Сидорина.

Но прошло время, и они опять встретились — потому что были нужны друг другу.

— Мы боролись, но все же побеждены, — рассуждал Семиглазов. — Откровенно говоря, я мало верю, что увижу еще когда-нибудь свой родной край, но если я его увижу как победитель — горе побежденным! Моя душа опустошена, мое сердце ожесточилось и огрубело. Меня уже не трогают людские страдания, ибо я видел море горя вокруг себя. Я отучился плакать, ибо не хватило бы слез, чтобы выплакать всю свою боль. Не говорите же мне о любви, ибо я возненавижу и вас наравне с моими лютыми врагами. Говорите мне о святом долге отомщения, и тогда вы — мой друг, мой брат... Чувство места — мое священное право.

Этот «казак-разбойник» ничем не отличался от князя Голицына, который обращался к мужикам своего имения в Калужской губернии: «Грабьте, подлецы, все мое добро грабьте! Только липовой аллеи не трогайте, которая моими предками

посажена. На этих липах я вас, мерзавцев, вешать буду, когда вскоре в Россию вернусь...»

От эмигрантских центров нити тянулись в Советский Союз — к контрреволюционным организациям и союзам. Наиболее дальновидные из них уже не верили в вооруженные выступления. Теперь они делали ставку на искусственное ухудшение экономической жизни Союза, становились и на путь вредительства. Руку вредителей направляли старые хозяева из-за рубежа. Лишенный своих рудников, некий господин Дворжанчик прислал из Варшавы такие инструкции своим доверенным лицам: «1. Право собственности должно существовать. 2. Большевики — захватчики. 3. Все вернется к старым хозяевам. 4. Работать надо при Советской власти бесхозяйственным образом. Следует вызывать недовольство рабочих...»

Летом 1928 года советские газеты рассказали об экономической контрреволюции в Донбассе. Свою руку к этому саботажу прикладывали и зарубежные фирмы. «Что такое русский отдел АЕГ по личному составу? — говорил в заключительном обвинении по донбасскому делу Крыленко. — ...Все его сотрудники — русские эмигранты. Они работали раньше в России и затем бежали из Советского Союза. Это вполне определенная социально-политическая группа — группа белой эмиграции».

У них были громкие названия: «Объединение бывших горнопромышленников юга России», «Польское объединение бывших директоров и владельцев горнопромышленных предприятий в Донбассе» и тому подобные побег «Русского Клондайка» — так на Западе в конце прошлого века называли наш Донбасс. Тогда в южнорусские степи, к богатейшим месторождениям каменного угля, ринулись своры дельцов и авантюристов. Как грибы после дождя, стали плодиться акционерные общества. Названия почти всех обществ начинались со слова «Русско-...». Но по сути, по своим капиталам, они были бельгийскими, французскими, английскими, немецкими...

Один из исследователей истории Донбасса П. Фомин писал незадолго до революции, что «мы имеем перед собой как бы процесс колонизации горнопромышленного юга России иностранным капиталом». Какое уж там «как бы»! На долю акционерных обществ с почти исключительно иностранным капиталом приходилось более 95 процентов добычи угля. Такое же положение было в донецкой металлургии, химической промышленности, в машиностроении. Миллионные прибыли текли в банки Брюсселя, Парижа, Лондона. Из каждого горнопромышленного рабочего выжимали прибыль, равную его за-

работку. Вот такие порядки они здесь установили. В музее истории Енакиевского металлургического завода хранится примечательный документ:

«Я, нижеподписавшийся Шабанов Иосиф, настоящим подтверждаю, что при поступлении моем на Петровский завод Русско-Бельгийского металлургического общества мне объявлено, что я не имею права ни в настоящее время, ни впоследствии требовать от общества ни квартиры, ни угля, ни воды и вообще ничего, за исключением определенной мне заработной платы, причем я выражаю свое согласие на это условие, и, в случае нарушения мной этого, заводоуправление имеет право рассчитать меня. Енакиево, 8 марта 1914».

В начале 1917 года один из петроградских экономистов крушался, что «судьба южнорусской каменноугольной промышленности решалась и решается... не в России, а в крупных европейских центрах, где находятся главные хозяева этой важнейшей отрасли русского народного хозяйства». Автор предлагал «при пересмотре нужд южнорусской каменноугольной промышленности обратить самое серьезное внимание на это обстоятельство» и советовал обществам перенести главные правления из-за границы в Россию.

Но Октябрьская революция рассудила иначе. Главным прavitелем стал рабочий класс. И всем управляющим и директорам юзовских, горловских, макеевских рудников и заводов вместе с их русскими компаньонами пришлось навсегда убраться из России. И теперь из своего далека они пытались взорвать наши пятилетки. Терроризировали всех, кто начинал симпатизировать Советской власти, стреляли в наших представителей, в государственных деятелей других стран, в дипломатов.

В мае 1923 года офицер дроздовской дивизии М. Конради убил в Лозанне советского дипломата В. В. Воровского.

В июне 1927 года белогвардеец Б. Коверда убил советского посла в Варшаве П. Л. Войкова.

Сколько ползало в то время по задворкам Европы мерзавцев, вскормленных белогвардейской, националистической пропагандой ненависти и убийства... В одном из белогвардейских полков, рассказывали очевидцы, овчарку выдрессировали бросаться на красноармейские шинели. «Собачья» ненависть к новому миру вела белых офицеров в иностранные легионы, сводила с гитлеровцами, заставляла искать любой союз — лишь бы против СССР.

«Совет Восточного Казачьего союза» засвидетельствовал «всемерную поддержку» генерал-лейтенанту Хорвату, которого великий князь Николай Николаевич рассматривал «представи-

телем эмиграции на Дальнем Востоке». А Хорват в свою очередь обратился за содействием к Масарику. Генерал нашел, что наступило «подходящее время для устранения коммунистического правительства в Сибири и на Дальнем Востоке, а потом и на территории России». А поскольку Масарику, по мнению генерала, «трудно действовать официально», он просил о личной помощи «Организации русских эмигрантов на Дальнем Востоке», у которой созрели такие большие планы.

Чины делили сферы влияния, а эмигранты старались о хлебе насущном. Одни шоферили, другие грузили в портах, третьи ударились в предпринимательство. Подполковник Борис Сухоручко-Хохловский, удостоенный благодарственного письма Петлюры «за труд для добра Украины, засвидетельствованный кровью», вспомнил, что не боги горшки обжигают, и рискнул организовать «общество по торговле и прокату фильмов» — «Меркур-фильм». Вывеску заказал на желто-голубом фоне.

Эмигрантские газеты пестрели приглашениями в рестораны с кухней всех народов России, зазывали на «женский чемпионат борьбы» и «джигитовку», на лекции, в которых пронафталиненные сюртуки и мундиры доказывали, что СССР вот-вот потерпит крах.

В брненском отделении «Всеказацкого земледельского союза» 20 марта 1933 года выступал уже знакомый нам Мейснер. Как зафиксировал полицейский агент, он утверждал, что «пятилетний план при нынешних условиях никогда не будет выполнен», что сельское хозяйство СССР развалится потому, что оно коллективизировано. Лектор заканчивает беседу предположением, что на протяжении ближайшего времени коммунистическая система и вообще правительственный строй в СССР рухнет. И эмиграция «в освобожденной от большевиков Руси применит опыт, приобретенный на чужбине».

Старательно отмечались разные юбилеи: «годовщина несчастного для Украины боя под Полтавой в 1709 году», годовщины «Ледяного похода» и «высадки частей русской армии в Галлиполи, в Чаталдже, на Лемносе и в Бизерте»... Банкеты гремели добровольческими песнями и пьяными драками, когда в удар вкладывалась вся злость на пропащую, исковерканную жизнь среди чужих.

На одной из таких вечеринок, куда за компанию попали Найдич и Кочергины, охмелевший судетский немец, не боясь быть услышанным, втолковывал соседу:

— Посмотри, как они забавны в своем розовом сне. Они живут словно в мармеладной летаргии. Собственные лишения

не только не изменили их, но даже не научили азбучным истинам реальности. — Он в который уже раз отхлебнул из фужера и продолжал: — Они до сегодняшнего дня живут иллюзиями дореволюционной идеологии и даже знать не хотят, что за эти годы «что-то» произошло в России, «кое-что» там изменилось и «нечто» стало устарелым и никому не нужным. Меня до глубины души удивляет, что эти люди, — он презрительно оглянулся вокруг, — вместо того, чтобы научиться чему-нибудь полезному, дабы впоследствии действительно помочь новой России, эти люди плавают в облаках проектов переустройства той современной России, о которой они не имеют ни малейшего понятия.

«Прав, шельма, ничего не скажешь, прав», — устало подумал Кочергин и обратился к Косте:

— Чем мы в самом деле занимаемся? Отмечаем годовщины поражений: оставление Орла, Новороссийска, Крыма, годовщины высадки на Галлиполи... Создаем новые союзы... Вот ты недавно написал в газете, что в Париже образовался «Союз русских дворян». Страхатся распасться и разложиться среди чуждых и враждебных элементов? Да?.. Как же, дворянину и среди таксистов надо оставаться дворянином, — рассуждал он далее, — как будто пассажиру не все равно, кто его везет. Нет, нам не до политики. Надо думать, что будешь жрать завтра.

Сам он считал для страховой конторы, подрабатывал на стройке, Надя давала уроки русского языка... Костя зарабатывал на хлеб корреспонденциями об эмигрантах. А те, кто сумел перевести капитал, и здесь жили припеваючи.

Впрочем, так ли они были довольны и счастливы, как хотели это показать? Ответим на этот в общем-то и так ясный вопрос одной житейской историей. Она случилась в Донбассе, уже в наши дни.

6

В Донецке, давно привыкшем к визитам зарубежных делегаций, радушно встретили еще одну — из-за океана. Показали гостям все, чем гордится наш родной город, все, что хотели увидеть гости. Но когда один из американцев заявил, что фирма, которую он представляет, интересуется Карповскими рудниками, карповским углем, хозяева призадумались.

Карповские рудники? Карповский сад? Где такие? Дончане начали предупредительно перечислять названия донбассовских угольных объединений, шахт... Но господин нетерпеливо перебил их: он имел в виду дооктябрьскую, старую географию Дон-

басса. После нескольких минут взаимных объяснений выяснилось, что гость желает посетить Петровский район, шахту № 4—21, близ Красногоровки.

Господин в котелке хмурился. Собственно, он сам даже не знал отчего. То ли от неожиданно жаркого весеннего дня, жаркого настолько, что по виску его беспрестанно струился пот; то ли от слишком предупредительных хозяев, сыпавших цифрами добычи, производительности труда, заработной платы. Ради приличия он вносил в свою записную книжку цифры роста среднесуточной добычи по шахте, производительности труда, заработной платы. А сам все чаще вытирал пот. Там, за океаном, на вилле у золотистого берега, все еще были уверены — и он с ними, — что мужичье, захватившее «их» землю, «их» сады, «их» рудники, способно лишь разрушать. А управлять — где уж! Порастаскать — это они могут.

Гостю вспомнился собственный дед. Рассказывали, что, приезжая на шахту, он подбирал каждый кусок угля, приучая штейгеров, рабочих заботиться о хозяйском добре. Все кругом принадлежало ему — и оберегал он свое добро пуще глаза. Когда хозяин постарел и ему стало трудно ходить, он приказал выстроить в саду у своего дома вышку. Взбирался туда каждое утро и подолгу озирали свои владения.

Удивительно подчас переплетаются человеческие судьбы. Бывает, разминутся люди, не кивнув даже друг другу, — ведь совсем-совсем чужие, незнакомые и никогда не узнают, сколь тесно они связаны прошлым, мыслями о настоящем.

Они встретились в коридоре — господин в котелке и главный бухгалтер шахты.

Главный шел работать. На столе его ждали различные справки, ведомости, груда расчетных книжек. За многие годы — шутка ли, с 1939 года бессменный главбух! — у Алексея Григорьевича вошло в привычку самому просматривать расчетные книжки, прежде чем отдать их для выдачи рабочим. Он перелистывал книжку за книжкой, тянулся пальцами к счетам, щелкал косточками. Попытался представить себе лица рабочих, но в памяти почему-то всплыло мелькнувшее только что в коридоре лицо с такими узенькими, остренькими усиками, что, казалось, о них можно порезаться.

Бесспорно, он видел это лицо впервые. Годы работы в конторе развили великолепную зрительную память. Но кого же напомнили эти усики, почему вдруг защемило сердце? Он посмотрел в окно. Суетливый электровоз-малютка гонял вагончики по шахтному двору, подталкивая их к стволу. Ручейками

стекалась к клетки смена, а обратно выплескивалась волной. Бежали шкивы-колеса на копре. Бегут, бегут...

...Неужто столько лет пробежало? Будто впервые увидел Китаев, как, набирая скорость, сливается шкив в тугую диск и снова распадается на голубые треугольники, разделенные спицами, за которыми легкими корабликами плывут облака. Но когда-то он уже видел этот диск так же ясно, как сегодня. И эти треугольники, и эти облака-кораблики... Когда же?

Было ему лет пятнадцать, и шел он из Красногоровки на заработки на Карповский рудник. Когда добрался до рудника, там, видно, справляли какой-то праздник. Парень в ярко-красной рубашке навывпуск, перерезанной шелковым плетеным поясом, яростно растягивал гармошку, несколько пар, притоптывая, взбивали сухую, едкую пыль, вокруг толпились молодки и парни, лениво лузгая семечки.

Со стороны Трудовских донесся цокот копыт. Гармошка, жалобно вскрикнув, замолкла. Остановились пары. Медленно оседала пыль. «Хозяин», — подумалось.

Придерживая длинное белое платье, из фазтона, лихо остановленного у толпы, опасливо ступила располневшая и, по мнению паренька, очень добрая барыня. Дальнейшие события еще больше укрепили его в своей правоте. Сановитые лакеи поставили перед барыней несколько ящиков с бутылками и еще какими-то припасами. Углекопы по одному подходили к ней. Каждому она подносила по сто граммов водки, бутылку пива и «франзольку» — пятикопеечную булку. Заметив одиноко стоящего в стороне шахтарчука, босого, с сумой через плечо, она поманила его.

— Вот и тебе, мальчик, булочка!

— Спаси вас Христос, барыня! — кинулся он к ее руке.

Умиленный подношением и всем этим праздником раздаchi подарков, он поделился своей радостью с гармонистом. Тот отчужденно взглянул на парня.

— Как же, раздобрилась! За нашу шкуру! Через год еще одну франзольку поднесет. Жди! — Парень закинул гармонь за плечо, и мехи вздохнули тяжело...

Алешку приняли рассыльным, потом перевели отметчиком, потом конторщиком. Склонившись над столом, он списывает в расчетные книжки углекопов рубли, копейки — сколько кому причитается. За тоненькой дощатой перегородкой бурлит толпа. Вперед протискивается грудастый шахтер в картузе, вся правая щека его густо усыпана синими метинками — уголек, видеть, приласкал.

— Дяденька! Вот тут распишитесь, — говорит ему Алеша.

Окинув мальчонку хмурым взглядом, парень поставил в ведомости крестик.

— Давай книжку. — Раскрыл. Лицо его покраснело так, что даже синие метинки стали меньше заметны. Швырнул книжку на стол. — Подлюги! За что штраф-то?! Чем детей кормить буду? У-у-у! — замахнулся он на Алешу.

— Не тронь мальчика! — осадили его из толпы. — Он такой же работяга, как и ты. Карпову грозись. А мальчика не тронь. Китаевых он. Батька и братья — все в забое робят...

Через несколько дней отцу перебило руку. Ему выписали десятку и — на все четыре стороны: инвалиды руднику не нужны. Алексей перешел к сестре: его жалованья не хватало даже на то, чтобы стать к кому-нибудь на харч...

Господин в котелке так и не узнал, что встретившийся ему в коридоре бритоголовый человек самой своей биографией мог разрешить многие не понятные ему вопросы. Он один из хозяев шахты, главный бухгалтер Алексей Григорьевич Китаев, бывший рассыльный при управляющем Карповским рудником.

Человек со смуглым лицом и взглядом маклера приценился. Составы помчали петровский уголь к морю, там его приняли пароходы.

Радоваться бы купцу удачной сделке. А он тоскует... Есть от чего.

Эта история не выдумана. На донецкую шахту № 4—21 действительно приезжал внук ее бывшего владельца Карпова. Но сам он признаться в этом не захотел. Вы понимаете почему...

Называют себя те, кто преодолел прошлое. Так, как, например, Келчевские.

Через несколько месяцев с очередной редакционной почтой от него пришло письмо.

«Помню день, — писал он, — когда родители пришли домой с советскими паспортами. Правда, в них была маленькая оговорка: «Советские граждане, постоянно проживающие за границей». Но все же это был первый большой шаг на пути домой.

Десять послевоенных лет — постоянные разговоры о том, «когда и как будем возвращаться». Люди перестали жить прошлым, верили в будущее. Как-то незаметно изменилось само положение русского человека за границей. В нем видели представителя великой Страны Советов. И это ко многому обязывало. В 1946 году отец становится членом Коммунистической партии Чехословакии. Нужно наладить работу городского транспорта Праги, и мама идет работать кондуктором, уже че-

рез полгода становится передовиком. Сестра в составе отряда Чехословацкого союза молодежи уезжает строить железнодорожную трассу «Дружба».

И вот наступил день, когда нам сказали: «Вам разрешено выехать в Советский Союз». Август пятьдесят пятого... Где ты, цыганочка-вещунья? Помнишь ли свое предсказанье: «Вернешься в родные края со спелыми яблоками»?

После войны прошло целое десятилетие, но за окнами вагона все еще мелькали разрушенные полустанки, поселки. Своими сердцами возвращавшиеся эмигранты постигали масштабы военной беды.

Стало понятным, почему затягивалось наше возвращение. Стране, вынесшей такую тяжкую войну, нужны были и силы, и средства, чтобы взять на себя устройство жизни тысяч людей. Эмигрантов не просто привезли на Родину, оплатив им все дорожные расходы, — каждой семье выделили безвозмездную посуду.

Сейчас очень просто все разложить по полочкам и осудить заблуждения родных. Но вправе ли я так поступить?! Кто вернул мне Родину? Кому и чему обязан становлением своего мировоззрения? Деду? Его ошибкам и в то же время мужеству их осмыслить и исправить? Его нравственным мукам и трагической смерти? Отцу? Его духовной стойкости и последовательности? Матери? Ее представлению о долге и чести? Вероятно, все это в целом сформировало меня сегодняшнего.

А главное — это годы, прожитые на Родине или, вернее, прожитые вместе с Родиной. Более четверти века я не сторонний наблюдатель, я равный среди равных в своей стране.

Мне не думать об этом нельзя,
И не помнить об этом не вправе я.
Это наша с тобою земля,
Это наша с тобой биография!

Да, это моя земля, и в биографии Родины — частица моей биографии.

1957 год. С самым близким другом, Борькой, записываемся в бригадмил. Паспортов не требуют — свои четырнадцать лет выдаем за восемнадцать. В том же году мы стали комсомольцами, мечтаем совершить что-нибудь героическое. Два года, почти каждый вечер, дежурили вместе с милицией. Героики было мало, больше синяков и шишек, да у Борьки три ножевых ранения.

Спустя три года вместе с аттестатами зрелости получил, как и все одноклассники, удостоверение токаря первого разряда и комсомольскую путевку (храню до сих пор) на стройку. Через неделю после выпускного вечера вышел на работу, что-

бы мама могла уволиться и ухаживать за больным отцом. Токарем не взяли — послали строить дорогу. Половина бригады были мои одноклассники.

В том же году поступил в вечерний индустриальный институт. Со второго курса рекомендовали на третий курс дневного отделения с повышенной стипендией от завода.

Годы студенчества... Увлёкся игрой в Народном театре. Коллектив был замечательный. Шесть лет работы среди прекрасных людей — одно из самых чудесных воспоминаний. Удалось сыграть в четырнадцати спектаклях. От той поры навсегда осталась любовь к театру...

После института работал на заводе инженером, потом преподавал в ПТУ. Параллельно занимался наукой. Позже перешел в исследовательский институт и получил направление в целевую аспирантуру АН СССР. Это была тоже замечательная пора. Мне исключительно повезло с научным руководителем, с товарищами по работе и общежитию. Влюбился в Москву на всю жизнь. Защитил диссертацию. Сейчас работаю начальником отдела на заводе. Преподаю в вечернем институте.

Когда бываю в зарубежных командировках, в туристских поездках, порой встречаюсь с эмигрантами, давними и нынешними. У них много общего. Как правило, это суетливые, иногда просто жалкие люди. Все им кажется, что их подслушивают, что за ними следят. Для самоуспокоения они читают взалёб «диссидентскую» литературу, точнее, макулатуру. Глубокомысленно дискутируют «о тяжком и жутком положении в Советском Союзе», заглушая пустопорожними разговорами, как наркотиками, свое сознание.

Спорить с ними — пустая трата времени, потому что аргументы их опираются на извращенные факты и превращаются в самое откровенное злобствование. Когда же их никто из «своих» не слышит, они мнут вам лацкан пиджака и заискивающе шепчут: «Скажите, а что мне будет, если я вернусь?»

Что можно было ответить, скажем, бывшему ленинградскому аспиранту? Не «диссиденту», просто человеку, который «забыл» возвратиться из командировки домой. За пределами Родины антисоветских заявлений он не делал. «Шикарную» жизнь, о которой грезил, получил, приобретя типично западную свободную профессию — сутенера. В мире животных потребительских устремлений каждый пристраивается как может.

— Я бы все отдал, лишь бы вернуться... — он сказал это в заключение с каким-то надрывом.

Не правда ли — исследовательская сфера для «патопсихологии и этики»!

Большой музыкальный учитель и взрослых и особенно детей, Дмитрий Кабалевский как-то на необыкновенном уроке — в Колонном зале Дома союзов заметил: идущее от проявлений жизни сочетание отобразительных красок нескончаемое...

Каких только порой драматических «сочетаний» в человеке не обнажила смена эпох, восхождение в тяжелой борьбе, в муках социально преобразующей революции!

Дневниковые записи старого русского офицера, через которые прошли многие и многие, разные «краски» живого сознания и живой души, приоткрывают нам сущий ад людских крушений, катастроф — и кричащих людских мольб, поиски спасения от гибели.

Эмигранты были всегда при драматических поворотах истории. Но разве не бывает, что при революционных ломках старого уклада жизни у многих личностей (именно личностей, а не серостей, посредственностей) возникает некоторая «лихорадка» в восприятии вещей? И тогда, по одному мудрому писательскому определению, «человека начинает крутить, как сухой лист на земле под ветром», порой чисто случайные обстоятельства могут толкнуть его «не туда»...

Вот еще одна поучительная история. Ее мы тоже нашли в дневниковых записях Кости Найдича с его припиской: «Ненапечатанная корреспонденция из Англии (черновой набросок)».

...Как-то, приехав вместе с советским композитором Дмитрием Кабалевским в Лондон, украинский поэт Павло Тычина случайно встретился, по его признанию, с «дуже вже цікавим земляком». Впрочем, встреча была неслучайной. Мы с Филиппом сами искали ее.

В Лондоне Филипп довольно давно, и занесло его туда, как я знаю, — писал Найдич, — «ветром», который неожиданно задул против него в одном киевском районе. Разные бывают ветры — теплые и леденящие, ласкающие нежным своим дыханием и сбивающие с ног. «Ветер», которым снесло моего земляка Филиппа к далеким берегам Темзы, возник из ничего. За давностью времени лондонская исповедь земляка Тычины не таила в себе никаких расчетов — разжалобить ли знаменитость, прибывшую с родины, очернить ли что-либо из прошлого. Нет. Просто облегчающий душу «попутный» разговор — тоска по родным краям, по Днепру не подвластна годам (мы, эмигранты, это хорошо знаем).

В гимназии одного городка на юге Украины на него сразу обратили внимание: голова — на удивление. Самое трудное в точных науках ему открывалось, как говорится, с первого прикосновения. После гимназии местное земство направило его на свои деньги как особо одаренного в Киевский политехнический институт. В пору студенчества меня познакомил с ним Дмитрий Кочергин в театре Геймана по Меринговской улице. Он дружил тогда еще с одним политехником Остапом Рыбачуком, приехавшим в Киев с Волыни. Все вместе мы часто собирались на квартире у Кочергиных в Липках, на улице Левашовской, как раз возле одной из первых в Киеве аптек. Мы любили бывать в домах, где останавливались Бальзак, Лист, Гоголь. Но всегда настоящим праздником были зимние мальчишники-пикники в дачной Дарнице, среди вековых сосен, куда с шумом добирались в переполненных вагонах чугунки.

Филипп был неподобен на этих пирушках. Он всегда выбирал тихое место, там, где ночевали косули. И каждый раз подчеркивал: учитесь, мол, у наших младших братьев выбирать уютное местечко, видите, как они словно за бруствером прячут грудь, ложатся навстречу ветру, чтобы потоки воздуха скользили вдоль шерсти; лежат и слушают, как играет ветер в дятловых гнездах на верхушках старых дубов...

В один миг мастерил Филипп треногу, разжигал костер, а Остап варил изумительный казацкий кулеш с салом, приговаривая:

— Казацкий кулеш — это такой, чтобы ложка стояла в нем. И вообще, лучше нашей кухни я ничего на свете не знаю.

Я тогда взорвался:

— Надоел, Остап, твой квасной патриотизм.

Он вдруг схватил меня за грудь.

— А ты заткнись, шульгинист павшивый. — Вместо «р» он говорил «в». — Вам подавай монавхию, вассейского цавя-батюшку. Единую, неделимую... На Укваине живешь, укваинское сало жвешь... В Укваины свой путь, самостийный.

Недаром в тот день утром разразилась январская гроза.

— Оба вы дуваки и пвохиндеи, — съязвил Кочергин.

Мы с Кочергиным были разгорячены шампанским, а Рыбачук — пивом, выпить которого он мог, казалось, целую бочку. Только непьющий Филипп помалкивал да подбрасывал поленья в огонь.

Еле-еле мы уладили эту ссору в кафешантане «Аполло». Помню, Остап там разошелся, начал приставать к какой-то шансоньетке:

— Вы, бавышня, стевва и очень мне нваивтесь,— и дико гоготал.

А я даже опоздал на проводы Верочки Роговской — Надий сестры, приехавшей погостить в Киев к Кочергиным. Какие она письма мне писала! Словно обнажала себя...

Далекое время. И правда, дураками, балбесами мы были. А потом пути наши разошлись. Иных уж нет, а те далече... Вот след Остапа Рыбачука и вовсе затерялся. Говорят, сбежал в Бразилию. Вроде бы в той же Дарнице в годы фашистской оккупации свирепствовал Рыбачук в концлагере, где мучили военнопленных. Неужели и вправду докатился до этого «самостийнык» Рыбачук? Впрочем, он шел к этому...

А Филипп?

Блестяще закончив политехнический институт, он остался в Киеве. Родители (отец — ветеринарный врач, мать — машинистка) сняли для него в одном из районов Киева комнатуху — он был еще холостяком. Там и революция застала.

Маловато было тогда образованных специалистов в Киеве, а тут сам Филипп с его «божьей искрой»... Конечно же, был нарасхват. На заводикше, где он трудился, его называли чудодеем на все руки, «магом». Где в районе с техникой заминка — давай «мага»!..

У одного районного начальника был старенький «фордик» — «чихнет», не захочет — убей его, «молчит». Водитель начальника, прямо скажем, в механике был ни гугу. И начальник сказал ему: «Сегодня воскресенье. Пойди и попроси сам знаешь кого».

Филипп был дома, на коммунальной квартире подкачивал примус, готовил завтрак из одной картошки и горсти ячменных зерен — время было тяжкое, голодное.

Давно известно: убогий всегда завистлив, нетерпим он к тем, кто превосходит в чем-то его. Даровитый мастер на все руки не раз уже выручал районного начальника: пошепчет, пошепчет — и колеса непременно завертятся. А приставленного к «автотехнике» неумеху зависть гложет...

— Прошу — зайдите взглянуть, как живу-поживаю. А я тем временем переоденусь, прихвачу кое-какой инструмент — и в гараж.

Когда вошли в маленькую, скромно обставленную комнатку, Филиппа вдруг почему-то охватило зловещее чувство: будто за ним в его жилище вползла змея. Колючие глазки незадачливого механика бежали стены, потолок, шкафчик, этажерку, — и наконец впились в раму с засиженными мухами, выцветшим портретом Николая Второго. Кто и когда «украсил» комнату

царским ликом — Филипп не знал. Да и вообще он просто не обращал никакого внимания на портрет, как он сам потом признался. Как не интересовался тем, кто жил здесь до него...

— Понимаете,— нашептывал потом завистливый водитель,— киевские улицы радостно шумят революцией, а этот человечешка молится Николушке! А? Слыхано?!

И чей-то чужой портрет стал ядом подозрения, которым безо всякой проверки «заинтересовались» своеобразно: к без вины виноватому отовсюду поползла отравляющая отчужденность. Попытки как-то объясниться с районным начальством ни к чему не привели. Клеймо на тебе!

— Есть обиды, которые не забываются и прощаются,— изливал душу Филипп поэту-земляку.— И я эмигрировал... Прошли уже долгие, очень долгие для меня десятилетия, а сердце полно далекой, милой родиной.

Тычина понимающе кивнул и полушутя-полусерьезно заметил:

— Зачем же вы своей обидой смешали уродливо грешное с праведным? Какой-то завистливый дурак, недруг революции, бросил в вас свой камень мщения, а вы вместо того, чтобы тем же камнем дать сдачи, обратились в бегство с обидой вроде бы на революцию! А что революция-то? Она — как полыхающее алым пламенем нескончаемое поле: горят красным светом, манят, возвышают душу маки, розы, гвоздики; куда ни глянь — все красным зовом роднится с солнцем, и окрыляет тебя, поднимает в тебе животворящее могущество. Но под прекрасной листвой, в тени как бы присасываются к корням дивного соцветья сорняковые лопухи... Ах, если бы не лопухи — наша революция от приумноженных умов, талантов черпнула б не такую еще силищу!

Здорово сказал наш земляк!

В Лондоне тогда проходила консультативная встреча выдающихся физиков Европы. Вместе с другими Филипп представлял на этой встрече науку одного из западных государств, а я был аккредитован корреспондентом. Вот тогда мы и встретились с Тычиной.

Никто еще не писал в СССР о том, сколько умственного, созидательного цвета потеряла революция из-за таких вот «лопухов», змей.

Тот же Тычина нам на прощанье сказал: «Там, где умный находит, дурак теряет.

На свете, однако, как видим, всякое бывает.

Я не оправдываюсь, но размышлять надо и над этим...»

ЖЕЛТО-ГОЛУБАЯ ПАПКА С КРЕСТОМ И ТРЕЗУБЦЕМ

От Надежды Павловны Кочергиной мы узнали, что Найдич вел в газете рубрику «Жизнь эмигрантских организаций». Но никто из сослуживцев не знал, что у него были, по его же выражению, «захалавные» папки: одна — желто-голубого цвета с крестом и трезубцем, другая — черная с крестом и свастикой. И вот они перед нами.

Однажды, вспоминает Надежда Павловна, он прислал эти папки по почте, а в коротеньком письме сделал приписку: «Раскрыть после моей смерти». Чего он боялся?

Листаем страницу за страницей. Документы — подлинные и ксерокопии, письма, дневники, записи бесед, воспоминания о встречах, документы из пражского архива ОУН... Досье журналиста.

Мы мало знаем об этом человеке. Но эти папки в какой-то мере проливают свет на его духовное становление.

Думал ли когда-нибудь Найдич опубликовать материалы этих папок?

Раскроем их, прочитаем некоторые документы, пойдем по их следам.

1

— Я, Бернардо Винченцо, гражданин Италии, католический священник, служу в католической миссии для итальянских рабочих в городе Ингольштадт, Федеративная Республика Германия, — читаем в папке расшифровку выступления на пресс-конференции пассажира черного «мерседеса», задержанного советскими таможенниками на одном из контрольно-пропускных пунктов близ Львова. Ехал он в СССР под видом туриста. Ехал не в первый раз. — В первый раз я провез контрабандным путем три коробки с вещами и две тысячи рублей, во второй — две коробки и три тысячи рублей... Так и теперь, — продолжал священник, — я хотел приехать во Львов под видом туриста. Повторяю, это был только повод. Фактически же я по заданию священника Ивана Ортинского из города Розенхайма должен был доставить во Львов контрабандным путем деньги бывшим униатским священникам, а также со-

брать данные, интересующие кардинала Слипого, главу униатской церкви за рубежом.

Мы представляем, как крутятся кассеты магнитофона, записывают слова позднего раскаяния:

— Я не только не одобряю антисоветских действий Ортинского и Слипого, я понял теперь свое падение: ведь меня использовали для осуществления такого гнусного дела — контрабанду перевозить, в том числе контрабанду политическую. Я не контрабандист, я священник. На преступный путь меня толкнули... Деньги, которые передавались через меня, предназначались для бывших монахов греко-католических орденов редемитористов и василиан и родственникам Ортинского, поддерживающим контакты с бывшими униатскими священниками... Перед отъездом в СССР Ортинский, ссылаясь на указания кардинала Слипого, поручил мне также собрать сведения о положении якобы действующих на Украине остатков униатского духовенства и монахов...

Миссия разведчика в рясе позорно провалилась. Он полностью признался в своей вине, заявил о своем раскаянии.

— Теперь мне понятно, — говорил Винченцо, — что украинские буржуазные националисты, осевшие в Федеративной Республике Германии и других странах Запада, убежали туда от справедливого гнева народного. Ненависть к вашему строю толкает их на разные, даже самые грязные, действия против своего народа. Я убедился, что националисты и униатские иерархи действуют сообща...

Компетентные советские органы сочли возможным ограничиться выдворением Винченцо. Он поблагодарил за проявленную к нему гуманность...

После этой записи шли строки — размышления Кости Найдича, эмигрантского журналиста.

«Но кто же толкал его на преступление? Кто такие Ортинский, Слипый? Наконец, кто такой сам Бернардо Винченцо?»

К нему проявили милосердие, его простили. Куда же, однако, девать не одну «крещенную» им ложь?

Человек с крестом на груди. Из глубин памяти ко мне тревожно, жутко приходят воспоминания, связанные с разными крестами. Не могу удержаться, чтобы не рассказать об одном из таких «видений».

Начало Октябрьской революции, ею бурляще жил уже и юг Украины, где я надеялся переждать лучшие времена у родителей Филиппа.

Люди вокруг — теперь я понимаю — всей душой отдавались новому. Не дремала, однако, и всякая, как там говорили, контра, пытаясь революцию задуть. На помощь контре «своей» торопилась и контра чужая — немецкие, вильгельмовские головорезы, воспользовавшиеся для интервенции тяжелым для России Брестским миром.

Через эти места проходил отряд «выручателей»... Он появился, когда в церкви как раз закончилось богослужение и из-за ограды «божьего дома» показался священник с огромным крестом, висевшим у него почти до пояса. «Чем больше крест, тем больше святости». К нашей «святости», когда она важно шествовала из церковки, и поторопилось несколько старших с «толмачом» из отряда. Знакомство банды оккупантов и «святости» у самого «божьего дома» было довольно коротким и, по всему судя, лицеприятным, так как через минуту-две отряд взял «кругом» и двинулся за попом к его особняку, равного которому не было во всем селе. Там и расквартировались вооруженные иноязыкие. До поздней ночи не гас свет в особняке, пьяно шумели в нем, взрывались хохотом. «Крест» почему-то не переставал подходить к огромному освещенному окну, посматривая сюда-туда, — никто не подкрадывается ли, не подслушивает ли?

Отряд вступил в село, чтобы «прочистить» его от «всякой революционной заразы». Услуги «креста» в «прочистке» наутро стали совершенно очевидными.

Согнав на сельскую площадь всех, пришельцы расстреляли троих активистов-бедняков — «революционных заправил». Случившееся потрясло село. Нетрудно догадаться, каков был конец и самого иуды с крестом, предавшего односельчан. Я еще, естественно, не мог постичь тогда весь глубинный смысл революции, ее «переделку» людей, ломку веками сложившихся взглядов, восприятий и оценок вещей. Я был настроен по-другому, но случившееся в том селе как-то само по себе, кажется, сделало революцию и в моей душе (это я понял много лет спустя). А тогда ночью, когда все в доме крепко спали, я тихонько поднялся, подкрался к «покутю», как говорят на Украине, замер перед иконой богородицы, на раме которой набожная мать Филиппа повесила крестик с золотой цепочкой — подарок своей мамы. Икону я не тронул, а крестик с цепочкой спрятал, а на следующий день похоронил его в земле, как хоронят покойников.

Предательство человека с крестом на груди было доказано революционными следственными органами — позже об этом я читал в газетах. С крестом «святого» и захоронили — Филиппу мать об этом писала. А из библейского предания можно узнать: в самых кипящих «люксах» ада место для тех, кто явился «на небеси» к дежурным и высокораспорядительным чертям с оскверненным крестом...

Каково дерево — таковы и его побеги. Так гласит извечная народная мудрость. Но у революции свои законы...

Я знал сыновей священника. Старший из них стал чекистом, затем был заместителем председателя волревкома, фамилия его тоже в советских газетах мелькала, а сын младший вдруг исчез — как в воду канул.

Время колесу сродни, — поэтически восклицал Сергей Есенин... Водами быстрой реки пронесли мои десятилетия. Каким-то кипящим ручьем реки жизни меня занесло в Америку. Это была не первая моя встреча с чужим в чужбинах. Америка, встретившая меня претенциозной статуей Свободы и полицейскими шпиками, бесновавшимися вокруг нее, — регион особый, не повторяющий никакие капиталистические «жизнеустроительные стандарты». Ты здесь все... — и ничто, никто. Хочешь пристукнуть полицейского — никакого труда, если в твоём кармане что-то шелестит и ты можешь заполучить «друзей» с пистолетами. Хочешь женщину — потруси кошельком, и она в твоих объятиях. Да и самого президента страны на земле под статуей Свободы могут изобразить голеньким в постели с красоткой. Хочешь отомкнуть и залезть в банковские сейфы — нет проблемы, надо снюхаться только со «специалистами», бродящими по бродвеем. Я был повержен и раздавлен Америкой: боже праведный, что за рай и ад кромешный, в котором люди с их сердцами, совестью, приличиями, порядочностью исчезли, остались только тени их? Мир разрушения личностей, содружества людей, государства, тотальной духовной проституции. Но главное — в этом-то растленном мире я случайно обнаружил и того земляка, который таинственно исчез, словно в воду канул. Младший сын человека с крестом нашелся на «почетных антресолях» мировой славы «Гласа Америки». Мой коллега, так сказать. Пописывает человек, клеветает, злобствует. Она, «великая, преславная» Америка, — притон отбросов, сбежавших оттуда, где им что-то не понравилось. Может быть, и я такой же?..»

Опять документы из желто-голубой папки. Некоторые из них требуют комментариев и разъяснений.

Так кто же такой Слипый?

В тридцатые годы он — приближенный Шептицкого, его правая рука, ректор «богословской академии», этого гнезда националистических убийц и палачей. В годы последней войны Слипый — верный прислужник фашизма.

За Шептицким и Слипым стояла умело направляемая ими организация украинских националистов (ОУН). Много о ней уже рассказано, многие страницы преступлений, сговора с фашистами раскрыты и документально подтверждены. Кое-что становится известным лишь сейчас, после знакомства с желто-голубой папкой Найдича.

В самом начале двадцатых годов на конспиративной встрече в Праге петлюровцы создали «Украинскую военную организацию» (УВО). «Все свои силы УВО направит на борьбу за освобождение Украины от большевистской навалы», — писал тогда Коновалец митрополиту Шептицкому.

Стоит воспроизвести хотя бы какие-то черточки из политических портретов этих хищников международной контрреволюции.

Евгений Коновалец — из богатых помещиков. В первую мировую войну воевал на стороне австро-венгерской монархии против России. Потом служил петлюровцам, в январе 1918 года был во главе тех, кто потопил в крови восстание рабочих киевского завода «Арсенал». После разгрома контрреволюции бежал за границу, возглавлял так называемую «Украинскую военную организацию» и позже ОУН. Уже в 1922 году он встретился с Розенбергом и Гитлером. Начальником штаба в его «штурмовом корпусе сечевых стрельцов» был Андрей Мельник, его бывший адъютант и будущий преемник на посту «вождя украинских националистов».

По свидетельству националистической прессы, в уличных боях в Киеве полковник Мельник отличился не только как начальник штаба и организатор, но и как прямой их участник. С согласия Петлюры и польского генерального штаба он был направлен в Прагу в качестве «атташе» при миссии УНР. Затем он управляет имениями митрополита Шептицкого и по совместительству является агентом немецкой военной разведки под кличкой Консул-1.

Митрополит Шептицкий, в молодости уланский офицер, сменил карьеру по настоянию Ватикана. Выбор святых отцов

пал на него не случайно: старинный польский род Шептицких дал не одного крупного униатского деятеля. Львовский епископ Афанасий Шептицкий еще в 1929 году стал униатским митрополитом. Митрополитом униатской церкви был и Лев Шептицкий. И вот теперь их путем шел Роман Шептицкий, взявший имя Андрей.

Церковную карьеру он начал в ордене василиан, который после принятия Брестской церковной унии 1596 г. (объединение православной церкви Украины и Белоруссии с католической церковью; разорвана уния была в 1947 году) стал боевым отрядом, предназначенным для католизации украинцев и белорусов. Шептицкий благословлял, вдохновлял и направлял преступную деятельность украинского буржуазного национализма.

Еще в 1921 году, по свидетельству С. Т. Даниленко, автора документальной книги «Дорогой позора и предательства», Шептицкий на встрече с Коновальцем предсказывал, что «борьба с Советами скоро примет характер вооруженного похода против Советской России». Далее он подчеркнул свое содействие тому, «чтобы этот поход начался как можно скорее», и «в ожидании этого великого часа» наказал полковнику «особенное внимание уделить установлению связей и контактов с самыми искренними друзьями наших освободительных усилий — немцами».

Коновалец и шеф германской разведки полковник Вальтер Николаи быстро нашли общий язык. Коновалец писал митрополиту, что после встречи с представителями немецкой разведслужбы они заинтересовались сделанными предложениями. На очередное свидание прибыл сам Николаи. Коновалец передал ему списки УВО, дислокацию частей в Польше, резидентуру на Советской Украине.

В папке мы нашли документы, подтверждающие давние связи Коновальца с Гитлером. Впервые они встретились в 1922 году. Позже, когда об этих контактах заговорила мировая печать, Коновалец усердно старался их опровергнуть. К слову сказать, бандеровская верхушка и сейчас старается скрыть свои связи с гитлеровцами.

20 октября 1931 года он пишет одному из своих подручных в Прагу: «Думаю, было бы хорошо, если бы Вы зашли к Вашим соседям, куда уже несколько раз ходили, и заявили им от моего имени и по моему поручению, что сведения о моей встрече с Гитлером насквозь провокационные, распространяемые польской пропагандой с целью осложнить не только мое положение, но всей ОУН, даже всего украинского дела

за границей. При этом случае Вы могли бы еще раз объяснить им наши идеологические и тактические позиции...»

Спустя некоторое время оуновцы опубликовали заявление: «...Недавно польскую печать обошли информации, будто глава ПРУН полк. Коновалец имел встречу с вождем немецких национал-социалистов Гитлером... В связи с этим ПРУН считает необходимым сообщить украинской общественности следующее:

1. Информация польской прессы о совещании полк. Коновальца с Гитлером не соответствует действительности. Ни полк. Коновалец, ни кто-либо другой из организованных националистов не встречались ни с Гитлером, ни с кем-либо из его представителей».

А в доверительном письме Шептицкому, отправленном вскоре после этого, Коновалец писал по-другому: «С чувством глубокого уважения и сыновней любви я часто вспоминаю тот день, когда услышал от Вашей эксцелленции слова о том, что рано или поздно международные деятели именно немцам поручат уничтожить большевистскую Россию... Слова Вашей эксцелленции были вещими... Да, Германия под водительством своего фюрера Адольфа Гитлера перед всем миром взяла на себя эту миссию. Считаю своим сыновним долгом доложить Вашей эксцелленции о том, чего никто не знает или знают только те, кто непосредственно разрабатывает планы и ведет подготовку для осуществления этой великой цели. В этой подготовке на нас возложена не последняя роль, но об этом все доложит Вашей эксцелленции мой посланец...» Посланцем Коновальца был Степан Бандера, вышколенный фашистскими разведками в Германии и Италии. В Галицию он вернулся, чтобы возглавить краевое управление ОУН.

Бандера рассказал Шептицкому о задачах, поставленных гитлеровцами перед украинскими националистами:

«Немецкие государственные деятели дали нам указания всевозможно усилить нашу антибольшевистскую деятельность на Великой Украине, усиливая одновременно с этим и антипольскую акцию в крае. На нас возложено задание расставить в Советчине своих людей так, чтобы все видеть и все знать, и с таким расчетом, чтобы наши люди в канун решающих событий, получив приказ, были в состоянии дезорганизовать нормальную жизнь в стране, деморализовать население, устранить местных руководителей и организовать сопротивление мероприятиям центрального правительства.

Сейчас мы принимаем все меры для того, чтобы в Советчину заслать как можно больше самых опытных людей, кото-

рые прошли соответствующую подготовку. Для этого мы опоясали всю советскую границу, от Финляндии до Румынии, своими опорными пунктами, из которых наши люди будут подвигаться на Великую Украину. Такой оперативный пункт у нас есть и на Дальнем Востоке. Полковник лично вошел в согласие с японскими государственными деятелями, и с их помощью мы, создавая свои центры на Зеленом Клине, продвигаем своих людей через Дальний Восток в глубь большевистской России. Опыт показал, что этот путь для наших людей часто бывает значительно короче, чем через польско-советскую границу».

Так Коновалец выполнял директивы гестапо активизировать диверсионную деятельность националистов на территории СССР.

Факты подтверждают: с благословения униатского митрополита Шептицкого УВО — ОУН полностью продана немецкой разведке, ставшей ее безраздельным хозяином.

3

Вскоре после своего создания УВО начала забрасывать на Советскую Украину своих агентов. В Киев со специальным заданием отправился бывший австрийский офицер, бывший «сечевик» Осип Думин, с которым по заданию эмигрантской газеты встречался Костя Найдич, хорошо знающий украинский язык. Напутствовали Думина лично Коновалец и Шептицкий.

— Любой ценой нужно попасть в Киев, — наказывал Коновалец. — Изучать настроения населения Украины, главным образом на селе, отношение к большевикам и их политике. Каждую искру недовольства или сопротивления крестьян против большевиков нужно раздувать в пожар восстания... Каждый на своем месте должен делать карьеру с тем, чтобы занять самые ответственные посты. Особенно настойчиво надо продвигать наших людей в военные штабы, в военную контрразведку и разведку, а также в ЧК. Важным условием такого продвижения наших людей является вступление в партию большевиков...

Шептицкий поручил ликвидировать тех, особенно солдат и офицеров УГА, кто перешел к Советам, и сообщить о них. И дал адреса своей церковной агентуры, в основном из украинской автокефальной православной церкви. С Думиным он передал инструкцию своей агентуре: «Торопитесь сделать церковь силой деятельной, чтобы каждый священник был воином Христовым, чтобы каждый храм стал цитаделью духа отпора

и наступления против сил зла и предательства, сберегая при этом верность до крови нашим национальным идеалам...»

Почти весь состав автокефальной церкви — это первейшие активисты буржуазного националистического движения. В годы оккупации автокефальная церковь, как и униаты, верно служила гитлеровцам. Священники наставляли верующих: «Иди, сын мой, и помни, что нет более тяжкого греха, чем помогать большевикам».

Найдич хорошо понимал: националистический трезубец сомкнулся с крестом и свастикой. Отец Гринех — будущий духовный пастырь карательного батальона «Нахтигаль», отец Дурбан — будущий капеллан дивизии СС «Галичина»...

Слипый встречал и приветствовал палача польского и украинского народов Ганса Франка. Вот его один день — 30 июня, день оккупации фашистами Львова. В этот день, рассказывают документы желто-голубой папки, он беседовал с сотрудником абвера, связным между фашистской разведкой и верхушкой ОУН. Уточнял с командованием батальона «Нахтигаль» списки профессуры, обреченной на уничтожение... Вечером от имени митрополита приветствовал самозванное «правительство» бандеровского премьера Стецька, вскоре разогнанное гитлеровцами. Ныне он подвизается в так называемом «Антибольшевистском блоке народа», созданном американскими тайными службами после второй мировой войны.

Но вернемся к Думину. Летом 1921 года военная организация сечевых стрельцов и «всеукраинский повстанком» были ликвидированы. Самому Думину тогда удалось бежать за границу.

Казалось бы, следы потерялись навсегда. Но верно говорят: сколько бы веревочке ни виться... Собранные Найдичем подлинные документы — переписка Коновальца с Думиным, дневник самого Думина — рассказывают о том, что было дальше.

На первых страницах своего дневника Думин пишет, что во время первой мировой войны он служил в австрийской армии: «крутил романы с мадьяркой. Когда у меня не стало денег, мадьярка ко мне охладела, но все-таки эта любовь стоила мне двух месяцев в госпитале».

После госпиталя он пошел добровольно на фронт и 22.IX. 1915 года попал в плен. В мае 1916 года бежал, но попался.

«При аресте полиция отобрала у меня дневник, и, разумеется, я больше не надеялся его увидеть. Но, к большому моему удивлению, при выходе из тюрьмы дежурный офицер отдал

мне все до последнего листочка, даже карту России, за которую я боялся, что буду отвечать перед военным судом».

После Октябрьской революции вступил в курень сечевых стрелцов. Потом дневник прерывается до 1925 года.

«Этот дневник, — предвещает Думин свои записи, — переписан по совету одного журналиста из черновика. Но я повычеркивал места, касающиеся сотрудничества с немецкими учреждениями».

Кое-что он действительно выпустил, и можно представить себе, сколько там было таких мест, если и сейчас чуть ли не на каждой странице — встречи с чинами немецкой разведки, планы, отчеты и т. п.

В марте 1925 года Коновалец и Думин вели переговоры с литовской разведкой.

«Литовские стрелцы». Начальник штаба у них капитан Клемайтис.

Я был в марте 1925 г. в Ковно с полк. Коновальцем. Совместное совещание (состоялось 15 марта 1925-го перед полуднем) представителей Союза литовских стрелцов — от военной организации полк. Коновалец и я. Договорились о создании совместного совещательного органа, который бы обсуждал все литовско-украинские вопросы.

Толковали об отношениях с немцами. Литовцы относились настороженно, заявляли претензии. «Мы, — говорит Клемайтис, — разочаровались в немцах, они много обещали, но ничего не сделали». Коновалец: «Мы, в лучшем случае, можем изучать вопросы, но позицию занимают немцы».

«Дня 17 марта 1925-го. Совещание началось в 10.00. Кап. Клемайтис информирует, что Союз согласился с созданием совместного совещания с тем, чтобы УВО имела своего представителя в Ковно. В бюджете это предусмотрено. Представитель УВО там будет фигурировать в качестве «редактора изданий на иностранных языках».

Полк. Коновалец: Желательно, чтобы представитель УВО имел возможность раз в два месяца приезжать в Берлин. И чтоб свою зарплату он получал через нас.

Кап. Клемайтис: УВО будет получать от Союза ежемесячную дотацию в долларах. Плата за доставленный разведматериал в эту сумму не входит. Украинцы обязаны нам доставлять материалы, какие мы достать не можем».

«Подготовка поездки в Чехию. Подобрать людей, которые: 1) могли бы разведывать чешскую армию; 2) могли бы вы-

ехать в Польшу; 3) могли бы выехать в Румынию — с этой же целью; 4) могли бы войти в контакт с чешской контрразведкой. Нужны люди для разведки в Прикарпатье и установления связей с Галичиной. Нужны люди для транспортировки материалов в край (радиоподслушиватели и т. п.)».

«15 окт. 1925 г., четверг.

Утром пришло от Байберта (псевдоним Бобуцкого), начальника нашего разведбюро в Кенигсберге, письмо, в котором он ругает организацию и жалеет, что «попал в такое болото» (т. е. в УВО). Байберт приехал из лагеря в Йозефове в Германию, получил работу на ответственном месте... (в оригинале примечание: вычеркнуто о сотрудничестве с немецкой организацией. — *Лет.*). Таких писем, как это последнее, пришло уже несколько. Между прочим, они уже стали причиной больших для нас неприятностей в военном министерстве.

Перед полуднем в бюро пришел полк. Коновалец и, пригласив в свой кабинет Серого и меня, начал рассказывать о своем визите к гетману Скоропадскому. Этот факт Коновалец просил хранить в самой большой тайне.

Полк. Коновалец говорит, что у него создалось впечатление, будто бы гетман ведет или задумывает вести с немцами какую-то акцию и хочет привлечь к ней и его, Коновальца. Полк. Коновалец утверждает, что гетман не знает, что он является главой Задвора.

Я в это не верю. Я думаю, что гетман очень хорошо знает роль Коновальца в УВО либо от него самого, либо от немцев. О том, какую акцию хочет начать гетман, Коновалец не сказал. Гетман якобы сказал, что немцы очень заинтересованы украинскими делами, а это, по мысли полк., отвечает правде. Подтверждает это и предложение, которое пару дней назад сделано Задвору, а именно: организовать курсы для офицеров генерального штаба. Немцы, как говорит Коновалец, хотели бы открыть курсы уже через шесть недель, но он (Коновалец) посоветовал подождать и дать нам возможность подготовиться к ним».

Как подтверждают документы, германская военная разведка постоянно создавала специальные курсы и школы, на которых обучала своих подручных из рядов украинских буржуазных националистов. Такие курсы работали в Мюнхене в конце 1922-го — начале 1923 года, в Восточной Пруссии в 1924 году, в Гданьске, в Берлине... Здесь учили радиodelу, методам диверсий и подрывной работы, террору.

Продолжим чтение думинского дневника, хранящегося в желто-голубой папке.

«...Далее из беседы с гетманом Скоропадским полк. Коновалец узнал, что в английском министерстве иностранных дел есть три сотрудника, которые понимают украинский язык, и им поручено следить за украинскими делами. Гетман сказал, что «в украинских делах немцы не сделают ничего, не посоветовавшись предварительно с англичанами».

На чем базируется утверждение гетмана — неизвестно, но и из того выходит, что украинский вопрос является где-то объектом комбинаций и торгов.

Очень возможно, что украинский вопрос связан с английским планом окружения СССР и украинцы станут одним из тех таранов, которыми должны бить кремлевские стены.

В связи с этим вспомнился мне еще один факт. Недавно рассказывал полк. Коновалец, что Петлюра был в Англии и имел в английском министерстве иностранных дел какие-то важные разговоры. Если бы все это было правдой, то означает, что мы можем наше положение использовать. Это чрезвычайно выгодный для нас случай.

17 октября 1925, суббота.

Утром в канцелярии. От начальников наших разведывательных резидентур в Варшаве и Кракове пришли письма. Пишут все о том же: «...Присылайте деньги, надо больше денег, денег совсем нет». Это просто бессовестно. Материалов не присылают никаких, отчетов нет, а деньги требуют без конца.

В 11 часов поехал с Риком (Серым) в министерство. Прежде всего зашли к ... чтобы подобрать себе фотографический аппарат, а потом зашли к ... Он показывал нам фотографии перехваченных немецкой контрразведкой химических писем, которые писали французские шпионы.

20 октября 1925, вторник.

Сегодня Бартович прислал от Союза литовских стрелцов чек на 480 долларов. Для нас, т. е. Р. Р. (разведывательный реферат. — *Авт.*), Бартович не прислал ничего. Я заявил полковнику, что если он не получит от майора Ужулиса обещанных денег, то мы перестанем высылать ему разведывательный материал. Ужулис — плохой контрагент, но уже должен нам (разведывательному реферату) 575 долларов и до сих пор ничего из них не отдал.

Наверное, нигде в мире нет того, чтобы кто-то кому-то предоставлял разведывательный материал в долг. А Ужулис все-таки получил от нас, но оценить этого не может.

24 октября 1925, суббота.

Карпат принес из министерства фотографический аппарат... В Задворе он занимает положение офицера связи с немцами. По его мнению, никто из членов УВО не должен иметь никаких контактов с немцами без его ведома и разрешения. На этой почве уже возникло большое недоразумение с Кучабским. Кучабский отбросил претензии Карпата как безосновательные, заявил, что хочет с ним сотрудничать, но «запрещение» контактов с немцами не принимает к сведению. Я также сказал полковнику, что «запрещение» Рика связываться с офицерами немецкой разведки, помимо него, не считаю для себя обязательным.

11 ноября 1925, среда.

В 8 часов вся наша компания снова собралась у Керстена. Вскоре туда пришел и Рик и широким жестом передал мне выданный министерством для разведреферата резервный фонд в сумме 2 тысяч марок, а также деньги на разную военную литературу. Настроение в нашей компании сразу поднялось, на всех лицах видна большая удовлетворенность тем, что наши дела идут хорошо и есть перспективы на улучшение. Но, кажется, мало кто из нашего круга отдает себе отчет в том, что дальше не может быть так, как сейчас. Союзники помогают нам, но эта помощь прекратится, как только они увидят, что УВО не может как следует поставить дело, нет никаких конкретных результатов.

18 ноября 1925, среда.

Рано утром пошел на прогулку. Бартович — снова к стрельцам. Во второй половине дня мы встретились с майором Джуве, моим знакомым по разведывательным курсам в Мюнхене в 1923 г. Обедали вместе в гостинице «Версаль». Говорили за обедом в основном о пустяках.

Джуве занимает теперь в Союзе стрельцов видное положение, и поэтому, хотя к нему у меня, собственно говоря, нет никакого дела, я решил с ним встретиться. А вдруг когда-то он нам будет нужен.

19 ноября 1925, четверг.

В 10 часов утра с Бартовичем пришел к майору Ужулису. Беседа продолжалась до часу.

Прежде всего мы обсудили наше сотрудничество в разведывательных делах вообще, а потом перешли к конкретным требованиям литовской разведывательной службы. Помощник м. Ужулиса продиктовал мне вопросы, какие их особенно интересуют.

Общее впечатление от этого первого разговора с руководителем литовской контрразведки осталось у меня не самое плохое. Думаю, что наши деловые отношения с литовцами теперь расширятся. Для нас ценно то, что литовская разведка интересуется и «мелочами». На литовский вопросник нам будет отвечать далеко легче, чем на немецкий. Немцы ставят перед нами слишком общие вопросы (например, обучение отдельных призывных годов, подготовка резервистов на действительной службе и т. д.). Мы еще не в состоянии безупречно удовлетворить эти немецкие требования.

При прощании майор Ужулис, который был с нами чрезвычайно любезен, пригласил нас на ужин в гостиницу «Версаль» на 7 часов вечера.

Когда в назначенный час я с Бартовичем пришел в «Версаль», майор Ужулис уже ждал нас со своим помощником в отдельной комнате. Один взгляд на стол, заставленный разными закусками и батареями разных бутылок, убедил меня, что это будет не ужин, а целый пир. Настроение в нашем маленьком обществе прекрасно. Помощник майора хвалит галицких украинцев за их горячий патриотизм. Несколько раз выпили за Украину и Литву. Ужин окончился в 11.30. Литовцы пошли, наверное, домой, а мы с Бартовичем в какое-то другое заведение.

Относительно наших связей с итальянскими масонами Бартович хочет говорить при ближайшей возможности с полковником. Только опасается, что уже на другой день об этом будет знать весь Берлин. Он также подметил у полк. слабость похвалиться, где надо и не надо.

Ш. намекал Бартовичу, что Италия ведет усиленную разведку в Югославии, и украинцы, т. е. мы, УВО, сделали бы ей большую услугу в установлении контактов с офицерами бывшей деникинской и врангелевской армий.

30 ноября 1925, понедельник.

До сих пор я никогда не интересовался вопросами, которые не касались непосредственно моего реферата. Я все старался держаться подальше от большой политики В. О. Но теперь прихожу к убеждению, что это было моей ошибкой. Я обязан был интересоваться также общими делами В. О., а не ограничиваться только своим рефератом. Теперь нужно поднимать борьбу за оздоровление внутри организации. Все больше привыкаю к мысли, что это гнездо дельцов и спекулянтов нужно разбить, хотя бы и самыми крайними средствами.

Д. рассказывал мне, что когда он вчера передавал майору Юсту отчеты, Серый страшно накинулся на него, потому что, мол, все отчеты немцам должны проходить через его руки. Нет, с этим паном нужно разговаривать иначе.

7 декабря 1925, понедельник.

Вечером пришел ко мне инж. (...русск. эмигрант) и сказал, что еще подумает над моим предложением давать нам информацию о русской политической эмиграции. Я «одолжил» ему снова 10 марок.

12 мая 1927.

Д-р Мельницкий коротко познакомил меня с состоянием украинской эмиграции в Чехии. Ничего хорошего, напротив, впечатление еще хуже, чем в Вене. Никто «политикой» не интересуется, а смотрят, чтобы поскорее закончить учебу, занять место и хорошо устроиться. Из 36 профессоров украинского университета только четверо выписывают украинские журналы, а студенты — ни одного.

Дневник дополняют снятые на ксероксе письма Коновальца за те же годы, сохраненные Думиным. В них часто встречается выражение «наши приятели». Так Коновалец называл своих господ — германскую разведку.

«23 июня 1924.

В деле устройства человека в Б. получил я разъяснения, что наши приятели были готовы финансировать его до того времени, пока не начались между нами и ними переговоры на более широкой основе.

22 августа 1924.

Дело Махно постараюсь затронуть у некоторых из наших приятелей. Имею, однако, большие сомнения, удастся ли нам что-то сделать в этом направлении. Считаюсь с тем, что для проведения такой операции необходимы очень большие фонды, думаю, что пребывание Махно на территории наших приятелей могло бы очень осложнить наше с ними сотрудничество. Литва снова принять его ни в коем случае не захочет, оглядываясь на своих восточных соседей, с которыми старается жить корректно. На всякий случай ответ наших друзей в этом деле сообщу Вам.

Думаю после окончания наших переговоров с приятелями провести соответствующую реорганизацию целого аппарата Задвора в том направлении, чтобы аппарат действительно представлял одно гармоничное целое...

В деле организации разведбюро в Литве мы приняли необходимые шаги и получили положительный ответ. Подбираем

теперь человека, которого было бы можно туда направить. Одной из главных его задач было бы проникнуть в польские организации, работающие на литовской территории. Эту информацию прошу рассматривать как строго доверительную.

Для Вашего личного сведения сообщаю, что областная ВО известным Вам путем раздобыла деньги. Сколько — не знаю. Обещают нам в самые ближайшие дни переслать об этом более точные информации. Прошу Вас подготовить планы строительства краевого разведаппарата и организации разведкурсов...

18 ноября 1924.

Из края подоспело к нам письмо, в котором, между прочим, поручается Вам сотрудничать в организации и ведении курсов и определяется Вам месячная плата в сумме 250 марок на время Вашего пребывания за границей.

Как Вам уже, наверное, сотник Карпат передал, решил я край направить первого декабря восьмерых своих людей на курсы. Сегодня получили мы официальное сообщение от наших приятелей, что они согласны, чтобы курсы начались первого декабря и что в этой связи они направили соответствующие директивы Черному. Окончательное утверждение программы курсов ждем в пятницу».

Наряду с такими конспиративными курсами действовали десятки всевозможных полуполигальных школ, «академий»... В Париже работали русские полицейские курсы. Там же были вечерние военные курсы, на которых преподавали по учебникам царских военных академий.

20 марта 1931 г. провод ОУН сообщил, что «в скором времени под руководством генштаба ген.-хор. Капустянского будут основаны в Праге военно-вишкольни курсы заочного образования, срок которых определяется в 6 месяцев».

Подчеркивается в письме и такой ответственный момент: «В проведении акции по организации отделений курсов Вам не следует доводить до сведения всей украинской общественности, которая находится вне ОУН, того, что инициатором создания курсов является ОУН. Напротив, широкой общественности нужно эту акцию представлять как почин беспартийно-военного характера. Таким образом, создание установочных собраний филиалов курсов, подбор инструкторов и т. д. официально должен проводиться не секретарями отделов, но как будто бы по поручению частных лиц...»

Найдич хорошо знал еще по студенческим временам в Киве инженера Остапа Рыбачука. А теперь вот какую историю поведала желто-голубая папка о Рыбачуке и его пражском окружении.

...Для постороннего глаза инженер Рыбачук жил тихой жизнью человека, чьи заботы ограничены домом и службой. По вечерам, как и соседи, он любил повозиться в небольшом садочке, принести домой охлаждающий руки кувшин пива — он не изменял своей давней привычке... В его размеренную жизнь входили и встречи в недалеком ресторанчике с друзьями, такими же эмигрантами, как он сам. Чехи смотрели на их сходки несколько искоса: уж очень шумно ведут себя эти русы, или как их там... украинцы, не могут обойтись без тостов, зачем-то чокаются, поют... Полицейский агент, потягивая свою, оплаченную службой, кружку, замечал: эти посетители не просто предаются воспоминаниям. За их столом царит особый порядок...

Полицейский агент вел свое досье. Об одних — подробнее, о других — несколькими штрихами. Рыбачук. Ненавидит СССР. Окружил себя подхалимами, угодниками. Претендует на ведущую роль в своей группе. Жесток. Мстителен. Подозрителен. Отсутствует чувство юмора. Бездарен. Комплекс неполноценности. Завистлив. Особенно равнодушен к однокашникам, которые умнее или выдвигаются. Карьерист. Любит напиваться вдрызг и приставать к женщинам, за что получал по шее. Помешан на групповом сексе. Использует чужие идеи, которые выдает за свои. Любит подношения, вплоть до мелочей. Скуп. Всегда не имеет при себе денег, берет займы. На лице блуждает постоянная улыбка Иуды. Направляет тайные политические убийства, от которых получает наслаждение. Перед очередной жестокой расправой любит утешать жертву: «Видишь, большой крови не требуем, обходимся малой». Интриган. Нашёптывает, оставаясь в стороне. Распускает слухи о товарищах, имеющих якобы тайные связи с женщинами. Имеет много кличек — Лисовик, Грязный Хорек, Задрипанный Граф.

Сциборский — один из тех, кто входит в верхушку ОУН. Зарабатывает тем, что стоит «на стреме». Малогабаритный по форме и содержанию. Не имеет собственного мнения. Получает удовольствие от доносов, которым предается как любимой женщине. Мастер фабриковать обвинительные документы. Заучил несколько положений из доктрины Коновальца и слывет образованным националистом. Мания: оскопить себя в туалете, чтобы ничто, по его словам, не мешало думать. Спереди черепа

подбривает волосы, чтобы казаться умнее. Мнение о нем оуновцев: «Дать ему полную власть — все равно что посадить в карман ехидну». Особые приметы: при встрече вместо приветствия говорит «Спасибо», заискивающе смотрит в глаза, трясет протянутую руку обеими руками, поскуливая, отставляет правую ногу, как пес у забора; неправильные, больные зубы. Кличка — Цуцык.

Демчук — дремуч, попал в руководство ОУН по ошибке. Косноязычен. Любимое изречение: «Пущу с ниткой по миру». Панически боится смерти. Ищет у себя рак. Психически неполноценный, невротик. Клички — Кувалда, Явление, Дровеняка. Больше сказать о нем нечего.

Андриевский — трус и тугодум. Квадратный подбородок, толстый зад. Когда за ним не наблюдают — выщипывает волосы в носу и глотает. Кличка — Разведчик.

Мартинец — подбородок тоже квадратный. Извращенец с милой улыбкой праведника. Неаккуратен. Путается в собственной мотне, особенно когда одевает малиновые шаровары. Кличка — Садист.

Сеник-Грибовский — убийца-исполнитель. В разговоре слова текут как по канализационным трубам. Мысль прыгает с одного на другое, с вербы на грушу. Не умеет выслушивать собеседника. Ревниво относится к коллегам, издающим книги или печатающимся в эмигрантских газетах. Сравнивает свои заработки с чужими, отчего теряет покой. Клички — Канцлер, Урбан...

Второго ноября в привычное время агент не увидел знакомых лиц в ресторанчике. В этот осенний день 1927 года националисты проводили, как они говорили, «предконференцию». Обсуждали структуру будущей «Национальной организации», ее тактику. «Предконференция» была шагом на пути к конгрессу.

И «предконференция», и сама конференция прошли в жестоких спорах. Как быть с УВО? Оставить ее на равноправном положении с ОУН или «возле ОУН, чтобы была возможность отречься от отдельных актов»? Коновалец считал, что фирму УВО надо сохранить, «хотя бы считаясь с ее широкими связями». Часто на конгрессе ссылались на гитлеровцев: надо создать по их примеру легальный аппарат, например, издательский союз. Сциборский, не церемонясь среди своих, прямо сказал: «...мы имеем много общих черт с фашизмом: оба движения — это движения националистические, здесь и там диктатура».

В конце января 1929-го в Вене собрался конгресс украинских националистов.

— Мы должны создать единую организацию украинских националистов. Задача ее — борьба за обновление самостоятельной и соборной украинской державы, — говорил Коновалец. — Только в 1927 году удалось получить конкретный результат — создать Союз организаций украинских националистов. Союз поставил своей задачей созвать в самое ближайшее время конференцию украинских националистов. В начале октября 1927 года состоялась 1-я конференция. Результатом ее было создание Комитета украинских националистов как временного руководящего органа. Сегодня мы стоим перед принятием организационной схемы единой всеукраинской националистической организации... Кроме формальных и легальных кадров, мы должны иметь в виду определенные организации и группы украинских националистов на разных украинских землях. На Украине мы образуем десять краев: Киевский, Галицкий, Волынский, Запорожский, Слободской, Полтавский, Подольский, Черноморский, Черниговский, Кубанский.

Но не только украинские земли будут полем деятельности Организации украинских националистов. Зарубежные зоны: Каспийская, Дальневосточная, Российская, Балтийская, Средне-европейская, Романская, Ближневосточная, Великобритания, Североамериканская, Латиноамериканская. Основной задачей ОУН, — продолжал Коновалец, — будет сейчас и на длительное время укрепление организационного национализма на украинских землях и расширение там популярной пропаганды национализма, в частности — разработка путей пропаганды национализма на Великой Украине.

Они говорили по-украински, пели украинские песни, клялись в любви к родному краю... Это была ложь. Национализм, как верно заметил академик Д. Лихачев, только делает вид, что порожден любовью к своей стране. А порожден он на самом деле злобой, ненавистью к другим народам и к той части своего собственного народа, которая не разделяет националистических взглядов. Национализм губителен для человека, общества, народа, патриотизм же их возвышает.

В ОУН вливались другие националистические группировки. Так, 16 марта 1929 года ЦК Лиги украинских националистов (ЛУН) принял решение «приступить к реализации реорганизационного плана претворения секции ЛУН в отделы ОУН, которое должно быть закончено в течение марта».

Верхушку ОУН называли «проводом». Свои первые заседания они проводили в Праге.

Шестого мая 1929 года в пять часов вечера члены провода собрались на квартире у Сциборского. Заседали до девяти часов вечера.

Из протокола:

«Организационные дела. Сциборский сообщает, что начал работу оргреферента, до 15 мая надеется провести реорганизацию отделов ОУН на эмиграции.

Областные дела. С Волыню установлены связи через Косача, который предоставил план развития национального движения. Там нужно начинать с самого начала, а именно: группировать однозвучные элементы, до поры до времени не оформляя их в организационные рамки. Только когда подготовка будет осуществлена, приступим ко второму этапу: сплочению молодежи в организационные рамки. Волынь представляет прекрасные возможности: именно там под прикрытием коммунизма проявляются националистические тенденции, подобно тому, как это есть в правом уклоне КП(б)У».

ОУН присматривалась ко всем другим эмигрантским группировкам, но и сама была под их наблюдением. Взаимные характеристики не лишены интереса.

По оценке ОУН:

«1. Группа Н. Шаповала. Несколько людей в Праге, потяравших всякое влияние и значение.

2. Группа Мазепы. Несколько людей в Подебрадах и Праге, которые всю свою энергию используют для борьбы за лучшие места в украинской высшей школе в ЧСР.

3. Группа Скоропадского. Несколько человек в Праге и Берлине. Законсервирована, без всяких признаков жизни.

4. Директория. 5—6 человек в Праге.

5. Петрушевич. Группа в Берлине с уменьшающимся влиянием.

6. Острияница. Десять человек в Софии. Влияния никакого. Еще группка людей сомнительного качества в Праге.

7. УНР. Наиболее серьезная группа. Зона ее влияния: Франция, Чехия, Польша и Румыния».

А вот что писали об ОУН гетмановцы в своих бюллетенях: «Никогда еще, кажется, ни у одного народа, ни при каких обстоятельствах, ни одна партия не делала из террора такого универсального средства, как это практикуется в ОУН. Террором хотели свергнуть оккупацию в Галиции. Террором стремились поддерживать дисциплину в организации. Террором добывать средства для организации. С помощью террора предполагалось разрешать программные вопросы. Террором хотели

заставить украинское общество признать всеукраинский характер ОУН.

ОУН забрасывала сети повсеместно. Уполномоченному организации в Болгарии Костариву предписывалось «использовать все возможности в казачьих кругах», давались задания «найти связи с болгарскими политическими кругами».

В то же время в Софии активизировался так называемый УНАКОЛ — «Украинское национальное казачье движение» во главе с И. Полтавцем-Остряницей, «генеральным писарем» во времена «гетманства» Скоропадского. Остряница был открыто связан с фашистами. Он информировал ОУН о том, что «приход Гитлера к власти можно считать на дни», что Гитлер для активизации его, Остряницы, акции выделил 100 000 немецких марок.

Своего представителя с правом «принимать обязательные для ОУН решения в делах установления и закрепления связей между украинским населением Канады и Соединенных Штатов Северной Америки с Организацией украинских националистов» ОУН посылает в США и Канаду.

«Рим,
29.X.1930

*Коновальчу
копия Андриевскому*

Дорогой господин полковник!

Наконец можем отпраздновать победу, хотя бы на одном фронте. Знаете, как я не люблю в политике лишних иллюзий, за которые со временем приходится дорого платить. Но теперь мне хочется кричать «ура»!

Муссолини — с нами! Об этом мне вот только что было сказано в «Антиевропе». Разумеется, непосредственных результатов победы не надо ждать быстро: и в политике, и в дипломатии иногда приходится и против воли придерживать ход, но знак подан... Вчера Муссолини заявил прилюдно и весьма решительно: «Переносим фашизм на мировую арену. Я никогда не говорил, что фашизм не для экспорта. Это — не моя фраза...» Италии, которая стоит на позиции поддержки фашистских движений в мировом масштабе, также не приходится долго думать. Вот я и получил от «Антиевропы» заказ написать до 15 декабря (время еще есть) статью «Украина и Антиевропа», объяснив мировое значение Украины в обновленном европейском мире и нацеливая острие в равной степени против России и Польши... Статья должна быть написана тезисами, чтобы из нее потом получилась книжка, страниц на 50, они ее издадут за свой счет... Просили меня чаще заходить и были страшно милы.

Из Ватикана тоже имею сведения, что наши дела там в связи со всеми переданными материалами обстоят чрезвычай-но хорошо».

Но больше «побед» не было.

Из Брно слезливо писали, что из 50 экземпляров юмористического журнала «Реп'яхи» не продано ни одного, и в дальнейшем просили «высылать этот журнал ни в коем разе не более 10 экземпляров».

В Канаду направили Канцлера — Сенник-Грибовского, диверсанта и убийцу. В начале января 1932 года он писал: «Должен сказать, что ситуация паршивейшая. Организационно все разбито, экономический кризис виден на каждом шагу. Действительно я буду герой, если оплачу свою поездку. Вчера пришел удар на Гуляя. Все украинцы потеряли работу. (Не говорить об этом никому.)...»

Тем временем в Париже с января 1931-го планировали выпуск двухнедельного журнала, «который будет обслуживать украинцев как во Франции, так и во всех других зонах эмиграции. В деле организации журнала непосредственно участвует ОУН, хотя формально его будет издавать специально созданный для этого «Украинский кооперативный издательский союз» с местом нахождения в Париже. Орган ставит перед собой цель ведения пропаганды объединения эмиграции... Для ОУН издание этого органа имеет первостепенное значение...»

Выходить-то он начал, но результаты были плачевны.

«...ни одного номера в Праге не продано, — съязвил Сциборский в письме коллеге. — Много говорилось о каких-то 600 адресах, но до сих пор я получил заказ на... 1 экземпляр из Кошице. За номера, которые ты выслал в разные центры, как показывает твой отчет, не получено ни одного геллера. Самые злые враги не в состоянии сделать большего зла для такого важного дела, как руководители дел ОУН в Праге и Подебрадах. Слушать твои объяснения и оправдания не хочу. Требую выправить положение любой ценой, хотя бы все твои подчиненные функционеры и сдохли бы. (Или в противном случае разогнать эту банду глубокомысленной сволочи, по крайней мере, будем знать, на чем стоим, и не будем делать себе иллюзий с шантрапой.)».

В середине мая 1929 года Коновалец поехал в четырехмесячную поездку по Америке и Канаде, «чтобы там, на месте, сориентироваться, может ли и насколько организованный национализм надеяться на поддержку нашей заокеанской эмиграции». Перед отъездом он попросил Богуша «написать реферат о современном положении на Великой Украине... в нем дол-

жны быть рассмотрены вопросы, как именно мы, националисты, думаем решать дела с наследством, которое оставят нам большевики».

Наследство — земля украинская — не давало им покоя. Жадный взгляд тянулся к днепровским кручам, над которыми царят купола Лавры, к полтавским хуторам, белым от тополиного пуха, к донбасскому простору, где в золотистом кольце подсолнухов прорастают копры с загорающимися по ночам звездами...

Разные эмигрантские группировки строго конспиративно засылали в СССР своих агентов. Но похвалиться в общем-то было нечем.

В очередную «командировку» послали Остапа Рыбачука. Одну из явок ему дали в Александрийской волости на Херсонщине — село Обитоки на берегу Ингульца.

Ему даже снилось это село. И Ингулец, и Яр, покрытый лучшим в окoliце лесом — дубы, осокори, клены, ясени, грабы и, конечно, вербы. В юго-восточном колене Боковой, притока Ингульца, островок леса с рядом могучих шелковиц. Вдоль речки много терна. Не доходя до него, следовало найти третий двор от окoliцы. Там жил связной, он должен был переправить Рыбачука дальше. Место для связного выбрали с расчетом — неподалеку был кварцевый карьер, куда приходили подзаработать со всей округи.

Под таким видом появился в хуторе и Рыбачук. У третьего двора он остановился. Против ожидания — говорили, что семья бездетная, — под яблонями бегала малышня.

— Чего тебе, сынок? — подошла к нему пожилая женщина.

— Водички бы, гражданка, — ответил он и кивнул грубовато на детвору: — Все твой?

— Наши, — отозвалась она. — Это детсад колхозный. — И распахнула калитку, приглашая к колодцу...

Рыбачук вошел.

— Проходи в мою комнату: я здесь и живу. Одна осталась, — говорила женщина. — А ты с устатку чаю попей.

Рыбачук глянул на висевшую на стене увеличенную фотографию и отшатнулся:

— Кто это?

— Сын. Филиппом зовут. — Женщина замолчала. Затем как-то тихо обронила: — Пропал без вести.

— Без вести пропавший? — машинально переспросил Рыбачук и ничего не ответил: эта женщина была явно не связная.

Поработав неделю в карьере, Рыбачук пошел дальше. Был он в Кривом Роге, Николаеве, Киеве, в селах и хуторах, сторожевал, малярничал, очищал сады и огороды, а с холодами подался к Днестру, надеясь там перебраться на румынскую сторону...

Не дождавшись агента, Коновалец злился. «Мне необходимо решать очень важные дела в Вене, Берлине, Праге и Париже, а никак не могу составить себе план, не зная точно дату приезда Лисовика. Все это меня так раздражает, что Вы даже не представляете себе», — писал он Канцлеру.

Этого человека знали также под кличкой Урбан. Подлинная его фамилия — Сеник-Грибовский. Десять лет спустя в оккупированном Житомире его и Сциборского пристрелит бандеровский агент. Канцлер отвечал в ОУН за террор. С ним расправились так, как он сам расправлялся с неудобными по всему миру.

Наконец пришло письмо от Лисовика:

«...сегодня, 9.Х., вышел из строя Сыч. Прошу приготовить для меня новые адреса (в крайнем случае частные) также в Бельгии. Старые могут быть уже известны. Связь имею со всеми, с кем нужно. Прошу никому не писать, пока не сообщу адрес от себя.

Работа идет по директивам, которые мы получили. Но очень прошу о терпении, поскольку работа сейчас очень затруднена. Прошу также об осторожности. Не посылайте пока что сюда никаких представителей.

Лисовик.

Получение этого письма прошу подтвердить сердечным приветом на известный Вам адрес».

Из центра сыпались отповеди.

«Положение в крае ужасное. Имею на этот счет сообщения от наших людей, которые были в крае. Вот как они характеризуют «работу» (этим словом Вы щеголяете в письмах) наших областных националистов. Так, как теперь представляется дело, — ни о какой работе там нельзя и говорить. Нет ее совсем. Думаю, что эти люди не имеют ни малейшего понятия, что им надо делать. Это состояние бездеятельности, какой-то апатии или чего-то похожего.

Дальше такое положение терпеть нельзя — это крышка».

«...После конгресса прошло уже очень много времени, за которое не только было можно, но и было необходимо добиться результата, — говорится в другом письме Сциборского. — У меня создалось впечатление, что дело ОУН в крае стоит на прежней фатально-безнадежной точке. Каковы причины

этого — сейчас говорить не время, но этот вывод мне кажется совершенно обоснованным.

Есть основания думать, что наши представители на местах не только дезориентированы, но к этому добавляется и нежелание делать что-нибудь конкретное. Откровенно говорю, что у каждого нашего представителя есть своя концепция и свой рецепт работы, но они при первой же попытке их реализовать превращаются в пустое место.

Я сам работал в условиях ЧК, знаю меру возможного и невозможного. В своих требованиях ограничивался очень малым.

В самом деле, что совершено со времени конгресса? Симптомы очень невеселые. Невольно сопоставляешь слова и дела. Фразы областных националистов на конгрессе блестящи: диктатура, система... А практические результаты? Кладу руку на сердце и утверждаю: не вижу никаких».

И еще один документ — письмо Коновальца Андриевскому:

«Дальше Вы пишете о делах на Великой Украине. Я соглашаюсь с Вами в том, что наши усилия в этом направлении были минимальны, а результаты их еще меньшими. Я, однако, спрошу у Вас, дорогой господин инженер, что сделали позитивного члены ОУН, уроженцы Надднепрянщины, чтобы наши дела на Великой Украине как-то сдвинуть с места? Я не говорю уже о том, чтобы кто-то из них, кроме Сциборского, выразил желание туда поехать и там, на месте, после изучения дел, завязать контакты и поставить конкретный план нашей там акции. Все сводилось к утверждениям, что нужно «что-то делать», или предлагались террористические акты против большевиков не где-нибудь, а в Польше или на ЗУЗ*. Разве на этом можно строить наши акции на ВУ**?

Есть две причины, на мой взгляд, почему нам так трудно подойти к решению проблемы нашей акции на ВУ. Прежде всего, положение на самой Украине под большевистским режимом таково, что начать нам из-за границы какую-то акцию, безусловно; страшно тяжело. Но вот, к примеру, русская эмиграция все-таки что-то делает и имеет связи. Встает вопрос, почему не имеет таких связей украинская эмиграция? Ведь каждый из уроженцев Надднепрянщины оставил там своих родных и знакомых и хотя бы через них мог бы в условиях большевистской обстановки что-то в этом направлении сделать. На

* Западнукраинские земли.

** Великая Украина.

деле же ничего не делается. Значит, надо искать причины такого явления.

Причина, на мой взгляд, заключается в том, что сама украинская эмиграция скомпрометировала на Великой Украине идею самой связи с эмиграцией. Результатом этой компрометации был процесс СВУ... Поэтому сейчас мы стоим перед очень грустным для нас явлением, что с украинской эмиграцией как противобольшевистской силой никто абсолютно не считается, потому что все знают, что за эмиграцией нет никакой организованной силы.

Для меня абсолютно ясно, что в постановке нашего дела на Великой Украине мы не можем обходиться теми методами, которые используем на ЗУЗ. Методы наши должны быть совсем иные и знакомы только крайне ограниченному кругу людей.

Теперь хочу задать Вам два вопроса. В случае, если бы на ВУ кто-то совершил какой-нибудь террористический акт и заявил, что он совершил его по поручению ОУН, Вы, господин инженер, также считали бы, что мы должны были бы в том случае сделать заявление, что мы с террором не имеем ничего общего? Второй вопрос: нужно ли и целесообразно ли такое заявление в случае какого-либо акта против большевистского представителя, проведенного нашим членом в Польше или на ЗУЗ?

Искренне Вас приветствую.

P.S. Копии этого письма посылаю Сциборскому, Мартинцу, Ярому и Онацкому.

«Чрезвычайно важным для настоящего момента» Коновалец считал «вопрос связи». Он настаивал, что «все сообщения надо пересылать курьером. Для этой цели мы назначим в пристани одного курьера, а одного должен иметь под рукой Лисовик. Курьером нужно назначить старых работников, людей совершенно надежных, разбирающихся досконально во всех делах, чтобы не было нужды ничего записывать, а все могли запомнить».

«Я прошу Лисовика, — продолжал он, — очень тщательно провести проверку людей на базе. На всякий случай прошу Лисовика не поддаваться иллюзиям, будто провокатор сидит за границей, но разглядеться очень внимательно там, на месте, вокруг себя. Впрочем, об этом деле мы будем подробнее говорить при встрече».

Андриевский — Мартинцу, 11 декабря 1931:

«Нет ли в Праге пристойного украинского композитора? Есть у меня «Марш украинских националистов» на слова из

«Сурми», музыку написала одна бельгийка, душой и телом преданная если не украинскому национализму, то украинскому националисту. Но, к сожалению, мелодия несколько тяжеловата. Так что хотелось бы ее переделать, приспособить к духу украинского языка...»

В верхушке ОУН в ходу так называемая доверительная информация — на деле доносы друг на друга в письменной форме. Приведем «сочинение» Коновальца, в котором он характеризует саму верхушку ОУН:

«Глубокий ум, сильная воля, личная отвага и решимость, умение вживаться в настроения тех, кто на украинских землях должен создавать основу революции, — вот те идеальные черты, которыми должны были бы обладать вожди украинской революции».

А на деле?

«Почти недостает теоретической подготовки... ОУН в украинское националистическое движение не внесла почти никаких новых ценностей... Ни новых идей, ни даже более глубокой разработки тех вопросов, которые не решил до конца конгресс. Неудивительно, что престиж ПУН начал падать, а среди самих членов ПУН господствует растерянность.

Андриевский. Не могу определенно сказать, способен ли он рисковать собой в решающие моменты. Не очень приятное впечатление на меня произвел его страх перед полицией.

Мартинец. Все время вижу у него расхождения между словом и делом. Это подрывает его авторитет. И тоже не может сказать, как он повел бы себя в решающем моменте. Не умеет вокруг себя объединять людей.

Демчук, на мой взгляд, просто по недоразумению вошел в состав ПУН, квалификации для этого у него нет.

О Меленце даже не говорю. До сего дня я удивляюсь, как он оказался членом ПУН. В этом я обвиняю в первую очередь Сциборского и никогда ему этого не прощу».

Впрочем, Коновалец, как и другие «фюреры»-оуновцы, руководствовался постулатом: чем темнее небо, тем ярче звезды. Снизу доверху руководители подбирали себе подобных в помощники и замы, только с поправкой: еще попримитивнее и глупее, чтобы в любой момент можно было за провалы сместить, а самому оставаться непогрешимым вождем, оракулом и мыслителем.

Кстати, о Сциборском. Некто Петро Кратюк, его земляк, встретил Сциборского в августе 1921 года в Праге. Сциборский буквально сорил деньгами.

— Откуда столько? — поинтересовался земляк.

Сциборский, не церемонясь, достал из кармана пистолет и предложил ему нынче же вечером держать стену...

Земляк не понял.

— Ну, стоять на стреме,— пояснил Сциборский.— Сторожить.

6

Чехословацкая служба безопасности внимательно следила за деятельностью эмигрантов. Так, в апреле 1927 года в президиум Пражского земского политического управления и в президиум МВД поступила информация о приезде в Прагу Кутепова.

«...Целью его поездки в ЧСР была проверка деятельности русской эмиграции, инструктаж для дальнейшей работы и информация о нынешней ситуации в России. В этой связи он встречался также с депутатом д-ром Крамаржем и посетил организации в Пршибраме и Брно, после чего 5 февраля отбыл в Париж».

С эмиграцией, в первую очередь с ее воинской верхушкой, активно искали связь фашисты, в частности Национальная фашистская община в ЧСР. К этому времени на ее счету была организация совместно с белогвардейцами злобных антисоветских митингов, подстрекательских походов к советскому посольству.

За десяток лет российские «гости» полностью обжились в Праге. В их речи незаметно для них самих чешские слова мешались с русскими и украинскими. И на улицах Праги они ориентировались не хуже, чем в Самаре, Киеве, Ростове...

...Традиционное место встреч в центре Праги — Мустек. Это перекресток Вацлавской площади и улицы на Пршикопе. На углу дешевая харчевня «Коруна». Направо, не доходя сотни метров до знаменитой брамы, потемневшей от времени, — Русский дом. Рестораны, библиотека, конференц-зал — все под одной крышей.

Чуть подальше, по Гибернской, еще один русский ресторан — «Боярин», неподалеку, на тихой Владиславской, — «Медведь», чуть подальше, на Вышеградской, — «Колхида», где собирались в дни провозглашения «самостоятельности» Грузии и в другие дни грузинские эмигранты.

Вышеградская похожа на длинную заводную ручку. Дом, где «Колхида» сняла этаж, — на самом конце этой ручки, перед железнодорожным мостом через Влтаву. Напротив — дом, как уют, с острым углом.

Еще одно заведение — без названия — приютилось на Малой Штепанской, 11. Эта улочка выходит на Карлову площадь. Но отсюда случайный прохожий ее не заметит: улица, точно двор, заперта железными воротами. Так и Найдич в первый раз прошел мимо. Завернул на Иечную, Штепанскую и только потом попал на Малую... Шел и удивлялся: такой узкой улицы он еще не видел, едва пройдет машина... Но куда пройдет? Впереди, кажется, тупик? Нет, дома вдруг расступились, образовав небольшую квадратную площадь, вымощенную булыжником. Справа, в первом этаже, и разместилась дешевая столовка, где харчевались одинокие эмигранты.

Время от времени в привычном кругу Русского дома, в «Боярине», «Медведе», на Малой Штепанской недосчитывались давних знакомых. Об исчезнувших судачили, потом забывали и опять судачили, когда в какой-нибудь парижской или берлинской газете появлялся туманный некролог. К таинственным исчезновениям имел прямое отношение генерал Туркул.

Одно время генерала видели в газетной лавке в центре Софии — с его гигантским ростом он казался там слоном, попавшим в клетку. После Софии он объявился на бензоколонке в Париже — дело не пошло, за буфетной стойкой — тоже провал. Но с начала 30-х годов его дела заметно изменились. Под вывеской изучения России он организовал вербовку белых офицеров. «Туркул вступил в связь с одной из иностранных разведок, — свидетельствует Александровский. — Именно отсюда и потекли широким потоком средства и на отправку в СССР диверсантов, и на личную привольную жизнь самого Туркула».

А потом в эмигрантских газетах зачастили хроникерские заметки о панихидах по погибшим в СССР белым офицерам, которых незадолго до этого видели за баранкой такси, черно-рабочими, носильщиками...

В одном из изданий Константин Найдич, как бывший царский офицер, разоблачил истинные цели туркуловского предприятия «по изучению России». Генерал убрался в Италию и на время притих.

В мае 1932 года Костя Найдич отправляется по заданию редакции в Париж во дворец Ротшильдов на Рю Берри, где готовилась благотворительная выставка-продажа книг Союза писателей — ветеранов войны. После открытия выставку собрался посетить президент Франции Поль Думер. Полиция оцепила улицы, вход во дворец — только для приглашенных.

Здесь Найдич узнает о своем бывшем однокурснике.

Впрочем, все по порядку.

Вскоре после трех приезжает президент и в сопровождении министров Петри и Рено входит во дворец. Навстречу ему поднимается писатель К. Фаррере, который только что дал автограф одному из гостей. Фаррере — председатель Союза писателей — ветеранов войны и считает своим долгом приветствовать президента. Из-за спины Фаррере звучит выстрел, потом еще два... Президент с окровавленным лицом падает. Стрелял человек, которому только что писатель дал автограф.

Судя по визитке, найденной у задержанного, это писатель Павел Бред. Вскоре, однако, выясняется его настоящая фамилия — Горгулов. Павел Горгулов, русский эмигрант. Во дворец он пришел за полчаса до приезда президента с заряженным револьвером. Представители русских белогвардейских организаций публикуют в газетах заявление, в котором решительно осуждают покушение.

Тем временем премьер-министр Андре Тардью недвусмысленно намекает, что Горгулов — коммунист, его преступные действия направлены на то, чтобы вызвать во Франции хаос и анархию и открыть ее большевизму. Эту точку зрения поддерживают и другие деятели правых сил.

«Юманите» разоблачает: убийца — белогвардеец, он стрелял по франко-советскому сотрудничеству.

В префектуре квартала Сан-Филипп начался допрос.

— Как вас зовут?

— Зовут меня Павел Горгулов, родился 29 июня 1895 года в станице Лабинской на Кубани... Я врач и известный писатель. Председатель и основатель русской национально-фашистской партии, которую основал несколько лет назад в Праге. Эта организация направлена против большевиков.

Вопросы сыплются один за другим. Горгулов отбивается, обижается:

— Я не бандит какой-нибудь и не уголовник. Я — политический террорист.

— Почему вы стреляли в президента республики?

— Я застрелил его потому, что Франция не освободила мою русскую родину от большевиков. Франция, а с ней и вся Европа и Америка давали большевикам деньги и тем самым их поддерживали.

— У вас были особые причины предпринять покушение именно на президента Думера?

— Против президента я лично ничего не имел и даже лично его не знал. Я большой русский патриот. Знаю, что вы

меня казните, но моей обязанностью было сделать то, что я сделал!

— Вы причисляете себя к фашистам. Возможно, вы имеете контакты с итальянскими фашистами?

— Я преклоняюсь перед господином Муссолини и господином Гитлером в Германии, но связи с ними не имею и никаких денег от них не получал. Даже члены моей партии ни о чем не знали.

— Велика ли ваша партия?

— Сейчас в ней уже сорок членов, но скоро она станет большой партией.

— Как вы проникли на выставку, куда могли пройти лишь приглашенные?

— Я писатель-борец. Приглашение на вернисаж потребовал вчера в Союзе писателей — ветеранов войны. Ведь я тоже сражался в великой войне.

— Приглашение было выдано на имя Павла Бреда, но это имя не ваше?

— Это мой литературный псевдоним...

Горгулов распространяется о своих книгах — увы, полиция такого автора не знает. Посовещавшись, чины приходят к выводу, что задержанный пишет и публикуется не на французском, а на каком-то другом языке, возможно, «чехословацком». Переводчики объясняют русское значение его псевдонима: бред — абсурд, нелепость, галиматья, чушь, ахинея...

Кто же он такой?

Павел Горгулов действительно родом с Кубани, из богатой кулацкой, офицерской семьи. Его дед и отец были гвардейскими офицерами, мать тоже из казачьей офицерской семьи. Такой же путь предстоял и Павлу. Но отец, «открыв» в нем талант к науке, настоял на медицине. Павел, окончив Екатеринодарскую гимназию, начинает изучать медицину в Москве.

Идет четырнадцатый год... С первого курса медицины — на офицерские курсы в Петроград, и через три месяца юный подпоручик месил грязь на дорогах Галиции, вдоль которых стояли темные от дождей распятия... Взрыв снаряда окончил его военную карьеру. Тяжелые вспышки гнева и вставную челюсть привез он с фронта, особенно страшен и неуправляем становился летом. В годы гражданской войны, как позже вспоминали земляки, он околачивался в бандах.

В 1921 году Горгулов, бежав из Советской России, объявился в Чехословакии. Окончил медицинский факультет одновременно с Найдичем и в 1927 году получил разрешение на врачебную практику в Годонине, районном городке на Южной

Мораве, тихом, благопристойном, окруженном виноградниками. За год он сменил здесь семь квартир, а потом и город. За оскорбления, драки, принуждения пациенток к сожителству, аборт — несколько из них окончились летальным исходом — чехословацкая юстиция возбудила против него уголовное дело.

Тем временем в Горгулове пробуждается «талант» писателя и политического деятеля. «Это не был человек толпы, — писал он об одном из героев, рисуя автопортрет, — который маршировал с тысячами. Он шел впереди, как идут вожди, герои». (После ареста, как водится на Западе и сейчас, издательства дрались за право публикации его бреда — «Казачка Соня», «Роман казака»).

И все же, несмотря на очевидные факты, французская полиция решила направить в Чехословакию опытного парижского криминалиста, шефа следственного отделения, дабы установить связи Горгулова с чехословацкими коммунистами. К этому времени чехословацкая полиция собрала объемистое досье: здесь скрупулезно перечислялись его драки, издевательства над женами, долги. Из этих бумаг вставал человек неограниченного самолюбия, убежденный в своей исключительности, с припадками гнева, после которых его охватывала глубокая депрессия... И при этом мнительный, верящий в приметы, алкоголик и сексуальный маньяк.

Все было именно так, в чем парижский гость быстро убедился. Но ему были нужны связи с коммунистами. Некоторые газеты во Франции и Чехословакии уже писали об этом как о доказанных фактах. Против лживой кампании выступили коммунисты Годонина. 12 мая 1932 года они направили в Прагу письмо:

«Правительству Чехословацкой Республики.

Мы, нижеподписавшиеся участники собрания в Стражнице, со всей решительностью протестуем против лживой кампании, которая называет Горгулова, убийцу французского президента, членом КПЧ. Именно коммунисты разоблачили его и выгнали из Годонина, в то время как другие партии, например социальные демократы, членом которой он был, ему протезировали. Русские эмигранты, ярые недруги СССР, имеют на своем счету и другие преступления (убийство советского дипломата Воровского, события в Харбине), они поддерживают тесные связи с буржуазными партиями... Мы на законных основаниях требуем, чтобы русская контрреволюционная эми-

грация была немедленно изгнана с территории нашего государства.

СССР много раз доказал, что войны не хочет, и ежедневно доказывает это своей миролюбивой позицией...»

Дело Горгулова буржуазные правительства использовали как повод для новой травли СССР, разжигания военного пожара. Коммунисты разоблачали подлинные цели этой кампании, требовали признания СССР, установления с Советским Союзом дружеских отношений. В Чехословакии и Болгарии, в Польше и во Франции коммунисты решительно, бескомпромиссно разоблачали тех, кто поддерживал белую эмиграцию: «...чехословацкое правительство, предоставляя русской эмиграции ежегодно свыше 60 млн. крон, т. е. больше, чем все остальные государства, вместе взятые, также несет ответственность за все действия русской эмиграции против СССР».

25 июля 1932 года в парижском дворце юстиции начался суд над Павлом Горгуловым. Защищал его адвокат, прославившийся защитой убийцы Жореса.

Председатель дал Горгулову слово, чтобы он объяснил свою политическую идею. Горгулов читал по бумажке: «...нужно понять жизнь русского эмигранта, человека без родины. Я жил в аду. Французское правительство убило мою политическую идею, мир дает Советам возможность править дальше...»

Вызывают свидетелей. Горгулов, теряя контроль над собой, вскакивает:

— Сегодня можно купить каждого генерала и каждого казака старой русской армии... Достоин сожаления, что мои земляки хотят перед смертью меня оскорбить...

Облачившись в пурпурную мантию, начинает свою речь обвинитель:

— Кто этот мнимый судья, который убил президента республики? Это русский. Здесь, в Париже, есть разные русские. Спокойные и нарушающие спокойствие, белые, красные и даже зеленые. Господа присяжные заседатели, я мог бы представить Горгулова в качестве коммуниста, но не имею для этого достаточно доказательств, хотя мне кажется, что слова казака Лазарева, который был здесь заслушан, правдивы. Кто он, Горгулов: белый, красный или зеленый? Можно решительно сказать, что это шарлатан, фанатик, садист, развратник, который под предлогом лечения девушек в действительности насилует их. Горгулов — это Распутин эмиграции...

Его казнили на гильотине...

Как свидетельствует досье желто-голубой папки, эмиграцию раздирали групповые интересы ее различных напластований — национальных, религиозных, политических... Пытаясь найти контакты с белоказаками, оуновцы считали необходимым «допускать и поддерживать казачий национализм, так как он отводит казачество от Москвы. И если бы мы этого не сделали, а сразу заявили, что казаки не имеют ни малейших данных для своей национальной физиономии, то тем самым мы толкнули бы их в объятия москалей. Нам важно оторвать от Москвы дончаков, которые роднятся с русскими по языку, расово — и только казаческими традициями от них отличаются. Дело очевидное: только усиливая эти традиции, мы можем содействовать отмежеванию Дона от России и установлению его союза с Украиной».

Дальше Д. Андриевский в письме к коллеге пишет об экспансии несуществующей желто-блакитной державы на восток: «...мы должны уже сейчас смотреть вперед и думать о территориях для развития нашей нации на востоке». «Кубанцы должны были бы войти в вольноказаческое движение, овладеть им и дать проукраинскую ориентацию».

Организаций становилось все больше, они грызлись и между собой, и изнутри. В «Товариществе запорожцев», променявших берега Днепра на парижские набережные Сены, конфликтовали с генеральным писарем: «Он хотя и вышел из товарищества, но своей вредной активности не прекратил».

Им всюду мерещились враги, заговоры, подвохи. Маниакальная подозрительность была характерной чертой всех группировок, но особенно — ОУН. Вызывало ее все: взгляд, вопрос, походка, даже просто неприятное первое впечатление, как случилось с Котенко, делом которого занимался целый год генеральный прокуратор ОУН.

«Что же вызвало мои подозрения? — размышлял он сам с собой, пытаясь сформулировать обвинение. — Он не получает денег от организации, а зарабатывает самостоятельно. Хорошо. Заявляет, что работает в торговой фирме, но никому не говорит, как она называется, где находится, что продает... Всегда при деньгах — и немалых. Бросает их налево-направо: легко приходят — легко уходят. При этом всегда заводит политические дебаты и споры. Он в курсе всех дел ПУН, всей ОУН. Но мало знает об УВО. И очень ею интересуется.

В прошлом есть темные страницы. Что он делал в Берлине?

Нельзя оставить без внимания сообщение из Вены, что большевики имели точные информации о ходе конгресса украинских националистов в Вене...»

Кому писал в Ленинград? Раздобыли адрес: пр. Огородный, д. 9, кв. 14, Надежде Александровне Петровой. Но кто она такая? Почему он спрашивал, где именно переходят через границу члены УВО?

И прокуратор решил окружить Котенко контролем, «посадить в банку».

Не найдя ответа на все вопросы, прокуратор все же обвинял Котенко в нарушении данной украинскому национализму присяги и измене ОУН, в провокациях в пользу других украинских организаций и потребовал «применения к нему высшей кары».

Его вывели из провода ОУН, и на этом кончилось: германская разведка дала понять Коновальцу, что она нуждается и в Котенко.

Все явственнее обозначались непримиримые внутренние разногласия. Молодые «кадры» искали свой путь. Коновалец становился лишней фигурой. Он мешал. И его решили убрать.

На очередном свидании в майском Роттердаме 1938 года давний связник передал Коновальцу коробку из-под обуви, как передавал раньше. Только на этот раз внутри было взрывное устройство. Короче, как ни ловчил Коновалец, пытаясь удержаться на поверхности, как ни балансировал, а и ему жаба дала ципки...

Националистическая, буржуазная пресса кричала о «руке Москвы». Рука была. Но только не Москвы, а Берлина. Часовое устройство передал один из подручных Коновальца, тоже агент гестапо. Этот факт признавали и сами националисты.

Еще не улеглось эхо взрыва, а Коновальца в эмигрантской массе начали забывать. Связные ОУН писали в центр, что «люди не хотят покупать портреты нашего трагически погибшего вождя полковника Коновальца и фотографий юбилейного съезда».

«Действительно грустно,— отзывались с сочувствием из Праги,— что люди не хотят иметь у себя образ того, кто отдал свою ценную жизнь за лучшую будущность украинской нации, а следовательно, и за лучшее завтра тех людей, которые сегодня не хотят иметь его портрета. Но вот на табак, пиво и тому подобное они всегда находят деньги...»

Точно так же залеживались портреты полковника Фролова, командира Донского казачьего полка.

— С грошами сейчас туговато, — отводили глаза дядьки, когда им предлагали по подписке получить портрет «славного товарища и лыцаря, друга Украины».

«Лыцаря» схоронили далеко от родной земли, в тихом Литомышле, поставили над могилой каменный крест, а перед крестом посадили каменного бандуриста с каменной бандурой. Падают листья на непокрытую голову старца, нема его бандура. Песни остались там, за перевалами, где бескрайнее синее небо сливается с солнечной степью...

Незадолго до войны гетмановцы раздобыли тайные документы ОУН и опубликовали их под названием «ОУН — УНО в стадии разложения». Два националистических табора, бандеровцы и мельниковцы, грызлись, как голодные собаки из-за кости у корыта хозяина. Выбранные места из перебранки Найдич представил в своем дневнике в виде диалога.

«Бандера: Отряслись мы от моральной гнили навсегда. Чистка в ОУН проведена сегодня до самого корня.

Мельник: Органы ОУН получили в последние дни подлинные документы, которые свидетельствуют, что ведущий член т. наз. «революционного провода» Ярослав Горбовой-Буй был на услугах НКВД... Степана Бандеру и Ярослава Стецько поставить перед предусмотренным уставом ОУН судом.

Бандера: Сообщаю теперь вам, чтобы не кричать об этом перед всем миром. Но не заставляйте нас раскрывать перед целой организацией всей кошмарной правды, которая есть в ПУН и вокруг вашей особы. Довольно внимать равнодушно, чтобы люди шли на смерть, а на самом верху в то же время копошилось предательство, позерство, фальшь и клевета. Чаша переполнена! Довольно! Не может быть уже между нами общего языка, и остаются только две возможности: ваша капитуляция — отступление — или борьба до конца.

Некий «Инициативный комитет объединенных националистов» попытался их примирить, напирая на то, что в грядущем походе на Восток «надо быть не мельниковцами и бандеровцами, а националистами, как и когда-то». Но из этого, конечно, ничего не вышло.

Все они ждали, не могли дождаться часа, когда же германская армия повернет на Восток, на Советороссию, на Московию...

На этом и заканчивается желто-голубая папка...

Мы лишь дополним желто-голубую папку другим дневником. Дневником, который вела женщина, знавшая Константи́на Найдича.

...Над Москвой, не разбуженной еще трамвайными перезвонами, лежала тишина. Голуби звонко переступали по карнизам, склевывая крошки хлеба. Женщина за столом на миг подняла глаза и снова обмакнула ручку: «8 сентября 1939 г. Шесть часов утра. Тихо. Все спят. Мама постарела очень. Щеки в страшных морщинах. А какая была красавица!»

Такая же, как эта женщина за столом у окна: с бездонными синими глазами, прекрасным и строгим, как на старых портретах, лицом. Зовут ее Вера Павловна Роговская. Надежда Павловна, ее сестра, в девичестве тоже Роговская. С ней мы познакомились много лет спустя после этих дней в Праге. Тогда, в гражданскую войну, Надя бежала с мужем, белым офицером. А Вера бежать наотрез отказалась. Осталась в Москве.

«В газетах очень тревожно. Поляки отступают, у нас мобилизация.

Немцам определенно не верят. Очень тревожно и тяжело на душе. В Москве покупают соль, мыло, муку, сахар. Толпы у сберкасс. Кассы выплачивают. Муку и сахар выдают, но ведь не напасешься на эту «окаянную силу». У меня запасов никаких. Попью без сахара чай из-за этих обалденных.

17-е. Москва. 1 час ночи.

Записываю, как когда-то советовал Костя Найдич, впечатления дня: собралась идти в парикмахерскую, но услышала, что в 11.30 будет говорить Молотов. Я сказала об этом маме и в квартире, а сама побежала поскорее, чтобы успеть вовремя.

Начался поход на Западную Украину.

Мысли все время обращены туда, на границу.

24 сентября.

Сама я очень мало что вижу, ни в каких событиях участия не принимаю... Могу только со своим родным советским народом все переживать и чувствовать — я маленькая серая песчинка родной русской земли.

30 сентября.

28 сентября подписан акт о ненападении между СССР и Германией. Радости и гордости от наших дипломатических успехов много. Англия долго делала всяческие уступки Германии, надеясь натравить Гитлера на СССР...

Во Франции продолжают преследования коммунистов... Вот истинная сущность буржуазного государства.

23 февраля.

День Красной Армии. Вот и от меня несколько слов привет тебе.

Я человек тихий, молчаливый, не люблю болтать, люблю писать, читать, молчать, думать, заниматься, вечно с книгами, кабинетный человек, а никогда не остаюсь в комнате одна и не имею ни минуты тишины и покоя...

28 апреля.

Занимаюсь с дочерью дворника. Отметки у нее были только плохие и удовлетворительные, а теперь стали отличные и хорошие. Только по диктовке мы еще мало продвинулись, но ведь это дело длительное. Она даже не умела говорить. Бывало, начнет отвечать урок, например, о Петре I: «Эта, он, конечно... Эта, он в одна тысяча семисотом году, конечно...» И так от нее ничего не добьешься.

Родители очень ценят, что я занимаюсь с ней, и Егорыч — ее отец — всегда на все готов. Если с чужих он берет 10—15 рублей, чтобы простоять в очереди за кило масла, то с меня 3 р., а то и ничего. Ну, и я занимаюсь с ней, добросовестно даю ей солидные знания. Я не хочу, чтобы она когда-нибудь подумала, что я по-буржуазному стараюсь только ее использовать и ничего ей не дать взамен.

Перечла «Мадам Бовари» Флобера. Много лет назад я прочла эту книгу в первый раз и с непримиримостью молодости отнеслась резко отрицательно к героине романа. Теперь тяжелая и страшная книга, рисующая неудачную жизнь и трагическую смерть женщины, погубленной всеми условиями жизни в иное, не наше время, предстала передо мной в другом свете.

Молодая, красивая, сильная женщина с бурным, жадным темпераментом, необыкновенной жадой жизни не любит своего мужа. Правда, муж ее — человек с сердцем и любит ее. Это очень хорошо при некоторых других качествах, например, при уме. Умный человек без сердца ничто, но и человек с сердцем, но без ума, — ему равноценен...

Сколько погибло в ней энергии, силы, здоровья! Все это было бы невозможно в СССР! Никогда она не погибла бы у нас.

23 августа.

Пришла открытка от Нади из Праги. Милая моя сестра пишет: «Дмитрий опять заболел. Очень мы беспокоимся за него. Наверное, засадили его фашисты в лагерь. От Кости ничего не слышно. Он снова куда-то пропал».

Костя... Каким он стал? Нашел ли он свою Н.? Доверяется ли по-прежнему своим дневникам? В те далекие годы, в тот

последний вечер он в ответ на мои письма к нему признался: «Дневник — это мое убежище, куда я могу спрятаться от всех. Веди лучше дневник, а не пиши другим послания, увидишь: легче станет».

Вот я и пишу.

Эх, Костя, Костя...

Сколько лет прошло, а забыть не могу. Не пропала, видишь. А забыть не могу...»

10

Однажды в Праге мы пришли на квартиру к Надежде Павловне на чай, чтобы провести, как она предложила, вечер, посвященный памяти Льва Толстого.

И начался вечер необычно.

— Толстой. С чего же начать? — Надежда Павловна задумалась. — Как много я слышала о Толстом от Кости!

— Найдича?

— От него. Знаете, давайте вспомним об этом мятущемся нашем соотечественнике. В него была влюблена по уши моя сестра, забрасывала его своими письмами-посланиями.

Она усадила нас в уютной старинной столовой и стала угощать чаем.

— Костя... Сестра встретила его в то далекое время в Порхове, во время вакаций. Костя был студентом-медиком. Он был высокий, стройный брюнет с небольшими усами. Очень красивый, с прекрасными благородными манерами, но какой-то необычный, не такой, как все. Моя сестра влюбилась в Костю так, что когда он приходил к нам обедать, то у моей бедной Веры дрожали от волнения руки. Костя пел и прекрасно играл на гитаре. Я помню одну песню, где говорилось о встрече влюбленных в фатальный час.

— «В час роковой, когда встретил тебя».

— Да! Да! Эту песню пел Костя, а моя сестра умирала от любви.

— Почему же она не вышла за него замуж?

— Почему? Потому что Костя ничем не хотел себя связывать. Его нельзя было удержать, он был как ветер. Он не любил мою Веру, он ее уважал, она ему нравилась, но он ее не любил. Костя объяснял нам, что представляет из себя характер русского человека. Если русский полюбит, то становится помешанным, говорил Костя, если рассердится, то горе его врагу, а если к нему приходят гости, то...

После паузы:

— О боже, да ведь это стихотворение другого Толстого — Алексея Константиновича:

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж сплеча!
Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль простить, так всей душой,
Коли пир — так пир горой!

— Как удивительно, что вспомнились сейчас эти слова, — радовалась Надежда Павловна. Костя, по-видимому, был одним из самых ярких воспоминаний в ее жизни. — Знаете, Костя ничего не боялся. Мы жили в очень высоком доме. На рождество у нас с сестрой был большой прием — коктейли, кушанье, шампанское... Костя пленил всех наших подруг: он целовал им руки, говорил комплименты, пел, играл на гитаре, плясал очень страшный танец с двумя громадными ножами, которыми режут ростбиф. Наконец, Костя пошел на пари с нашим глухонемым братом Робертом, пари заключалось в том, что Костя вскочил на подоконник и, держась правой рукой за раму, выбросил весь свой корпус наружу, параллельно подоконнику. Все наши гости замерли, моя сестра лишилась чувств, а Костя как ни в чем не бывало спрыгнул с подоконника и получил от моего брата денежную купюру. Костя свернул этот билет в трубочку и зажег, чтобы закурить о него сигарету. Костя! Как можно забыть такого человека! Моя сестра плакала день и ночь, когда Костя отказался на ней жениться.

— Но почему ему не нравилась ваша сестра?

Надежда Павловна вздохнула.

— Костя был глубоко артистической натурой, он был, как мы говорим, «благородный дикарь». Ему было скучно с Верой, хотя моя бедняжка умна, красива, воспитанна. Вера ничем не могла развлечь Костю. Вы человек не моей породы, говорил он, я должен поклоняться женщине как кумиру, а вы не вызываете во мне поклонения. Вы верите в женскую независимость, вы ревнуете, когда я целую дамам руки или говорю им комплименты на свой лад. Вы меня не понимаете! Когда я пошел звонить в колокола вашей церкви, вы были сконфужены. Нет, Вера, мы никогда не пойдем друг друга! Если вам трудно бывает — пишите, как и я, дневник: легче станет. Дневник, а не письма. Дневник — это убежище человека...

— Что же дальше случилось?

— Что случилось дальше? Костя уехал. Моя сестра вышла замуж за экономиста. Но личная жизнь ее так и не удалась. Она осталась с братьями и мамой. Она никогда не могла забыть Костю и признавалась в письмах мне, что за всю свою жизнь она любила только его.

Вот таким был этот Костя, всегда напоминавший мне толстовского Долохова...

Глава четвертая

ЧЕРНАЯ ПАПКА С КРЕСТОМ И СВАСТИКОЙ

Это небольшая по своему объему папка, в верхнем правом углу которой стоит пометка «Дневник — post skriptum». Значит, Костя дописывал задним числом отдельные страницы, а может, и вообще написал этот дневник много лет спустя после изображаемых событий, идя, так сказать, по их следам.

Мы тоже решили пойти по следам отдельных событий. Но прежде чем обратиться к «Дневнику — post skriptum», предварим его необходимым предисловием. И в дальнейшем, читая записи Найдича, мы сочли необходимым комментировать их, приводя дополнительные документы из пражских архивов, размышляя и отступая от хроникального изложения документов.

1

Заняв Чехословакию, гитлеровцы провели операцию «Гитлер» («Решетка»). В течение суток по спискам, полученным заранее у чешской полиции, они арестовали тысячи коммунистов, членов Общества дружбы с Советским Союзом, профсоюзных активистов, прогрессивно настроенных русских эмигрантов.

В гестапо, разместившееся в известном по «Репортажу с петлей на шее» дворце Печек (это здание близ театра имени Сметаны крупный банкир Печек выстроил в начале двадцатых годов для своего банка), зачастили донощики, националисты, белоказаки.

Одного из них принял Бем. Поигрывая пистолетом, с которым он никогда не разлучался, читал заявление, написанное на плохом немецком языке.

«Прошу многоуважаемое гестапо обратить внимание на инженера Попова Леонида, который всегда обожествлял Масарика и Бенеша.

Козинский Олекса во время празднования чехами Первого мая нес красное знамя и пел «Интернационал». Во время чешской мобилизации был в самозваном украинском представительстве, которое передало властям меморандум о готовности украинцев защищать мировую демократию. При разговоре однажды сказал, что немцы не захватят республику, для этого у них, мол, руки коротки. Написал статью «Украинские рабочие — друзья пролетариев всего мира».

Сотник Владимир — защитник интернационала. Имел связи с сенатором Соунуном и коммунистическим доктором Недведом...

Шиянив Яков при занятии Судет говорил, что раздрается республика, имел связи с каменщиком Шульгиным, который в 1932 г. во Франции пытался организовать легион против немцев.

Бескровная Олена ненавидит все немецкое. После оккупации страшно ругала имперского канцлера. Лучше о ней знает представитель кубанских казаков инженер Федоров.

Кочергины Дмитрий и Надежда. Друг их дома Константин Найдич. Симпатизируют Советам».

Антифашистское подполье только формировалось. Вслед за разгромленным первым нелегальным ЦК КПЧ образовался второй: Ян Зика, Ян Черный, Юлиус Фучик... Близким их соратником был молодой ученый Милош Недвед. Значит, эмигранты были связаны с коммунистическим подпольем.

Договор о ненападении между СССР и Германией расстроил многие воинственные планы эмиграции. ООН спешно переправляла свою сеть из воссоединенных с Советской Украиной районов Западной Украины. Гетманцы-державники ждали инструкций из Берлина. И они подоспели: «Сообщаем Вам, что дело немецко-советского взаимопонимания не должно никак отразиться на нашей работе».

Гетмана, вывезенного при скоропалительном бегстве из Киева, немцы пристроили в тихом пригороде Берлина — Ваннзее. Там, на вилле, получая от германских властей ежегодную пенсию в десять тысяч марок и сумму на уплату долгов, он мог предаваться мечтам о возвращении в Киев на белом коне, отмечать несуществующие для украинского народа праздники — день образования так называемой Украинской Народной Республики, день рождения гетмана Мазепы... При гетмане разместилась и гетманская управа — штаб, нити которого тянулись в Прагу, Варшаву, Лондон, Париж, Ужгород... Нередко

виллу навещали люди в штатском с выправкой прусских офицеров. Скоропадский тесно сотрудничал с официальными кругами Германии и еще теснее с фашистами, с которыми он установил связи задолго до их прихода к власти, — с Розенбергом, Гитлером.

27 июля 1939 года гетманская управа опубликовала воззвание: «Господин гетман считает, что Великая Немецкая Держава одна из немногих держав, заинтересованных в том, чтобы Украина существовала как государство. Поэтому господин гетман глубоко верит, что наступит время, когда Германия украинцам поможет... Ясное дело, что любая помощь со стороны невозможна без нашей отплаты. Это нужно наперед ясно осознать. Тем более, что Украина разорвана на куски, лишена всякой организованной физической силы, духовно и политически не объединена. При таких обстоятельствах помощь обойдется дорого.

За границами Германии наши враги говорят про нас, что гетманское движение полностью подчинено Германии и потому, очевидно, становится немецкой агентурой. Это неправда! Гетманское движение свободно и независимо. Правда, для нашей работы мы сознательно ищем честную помощь, ищем ее и в Германии».

В ноябре 1940 года германская разведка получила задачу:

- подготовить подробный обзор русской военной промышленности, ее расположения, мощности, а также вспомогательных производств;

- изучить производственные мощности различных крупных центров военной промышленности и их зависимости друг от друга;

- подготовить характеристику энергетических установок и транспортной системы, обслуживающих промышленность Советского Союза;

- изучить источники сырья и нефти;

- подготовить обзор других отраслей промышленности Советского Союза, помимо военной.

Спрос, говорят, рождает предложение. С предложениями белоблазики, украинские, белорусские, кавказские и прочие националисты, монархисты не скупились никогда. Но теперь был особый спрос.

В Берлин наведалься «атаман Войска Донского» П. Х. Попов. По его собственному признанию в разосланной им в казачьи центры памятной записке, «при беседах в правительственных центрах Великогермании установилось взаимопонимание».

Вскоре германские власти утвердили Всеказачий союз. Во главе поставили свою марионетку — Попова. Другой претендент на атаманскую булаву — генерал Балабин — оскорбился. На него набросились единомышленники Попова, обвиняя в том, что он «не знает идеологических установок казачьего национализма».

И — вершина полемики:

— Главу Всеказачьего союза никто из нас не может сместить, Балабина же может приструнить не только русский генерал Бискупский, начальник управления по делам эмиграции, но и его шофер.

Чуя лакомый кусок, глава Всеказачьего союза принялся делить пирог. Поздней осенью 1940 года он отправил послание «его Светлости главе державной Украины Скоропадскому».

«В первое наше свидание, — писал Попов, — мы с Вами обменялись не только взглядами на взаимоотношения Дона и Кубани, исстари дружественных и братских народов, но и установили положение о неприкосновенности наших границ».

Белоказаки и гетманцы, «вольные горцы» и оуновцы, монархисты и белорусские фашисты старательно кроили шкуру неубитого медведя. Впрочем, у них был большой опыт. Симон Петлюра еще в 1920 году подписал с панской Польшей договор, по которому она восстанавливалась в границах 1772 года, то есть Польше отошла бы часть исторических, исконных украинских земель — Галичина, Холмщина, Правобережье Днестра. Остальная часть Украины попадала бы в зависимость от Польши. Эту унижительную сделку одобрил Шептицкий, что националисты тщательно скрывают.

Тогда же и Петлюра заключил соглашение с Ватиканом, по которому правительство украинской националистической контрреволюции обязалось выполнять все требования католицизма, а Ватикан обязался субсидировать вооруженную борьбу Петлюры с Советской властью.

Украинские националисты показали себя такими же расторопными торговцами родиной, как и петлюровцы. Коновалец и другие «проводники» ОУН обязались за восстановление капиталистических порядков на Советской Украине предоставить гитлеровцам концессию для использования ее богатств, транспорта сроком на 25 лет. Скоропадский спустя четыре года, в 1937 году, подписал «пакт» с Германией, по которому Украина отдавалась под контроль Германии «на вечные времена». Националисты соглашались на 50-летний протекторат Германии, Польши, Венгрии... Словом, продавали свою землю оптом и в розницу.

Тон письма казачьего генерала оскорбил Скоропадского. «Мы никогда не предпрещали вопроса о будущем устройении казачьей государственности, считая, что это внутренние казачьи дела, — отозвался он. — Я всегда искренне и сердечно стремился помочь казакам в их освободительной работе, предполагая, что в казачьем движении я имею дело со стройной организацией. К сожалению, вижу, что это не так. Поэтому с болью в сердце прекращаю дальнейшие деловые с Вами отношения...»

Выполняя инструкции гитлеровской разведки, белогвардейцы передали своей агентуре в СССР «Краткие указания для работы».

«Прошу в будущем соблюдать следующее:

По каждой наверно установленной войсковой части непременно сообщать их номера.

Непременно установить расположение гарнизонов и штабов полков, бригад, дивизий и сообщить их номера.

Сообщать номера и знаки всех виденных самолетов, танков, бронеавтомобилей, грузовиков и т. д.

Доложить о всех передвижениях войсковых частей, а именно: род войск, численность, направления их движения (откуда и куда) и способ транспорта (пешком, на грузовиках, по железной дороге).

При сообщениях, касающихся пунктов 2—5, необходимо точно указать день, по возможности время.

Также надо докладывать о местах, где не было замечено войсковых частей, штабов или транспортов. Только таким образом достигается полезная и систематическая работа.

Необходимо точное наблюдение путей сообщения (железных дорог и шоссейных), а именно: какие железнодорожные объекты (линии, мосты, виадуки, вокзалы, резервуары, мастерские и т. д.) были разрушены, какие исправляют и какие вообще не разрушили. То же относится и к объектам дорожной сети.

Точно установить, где красные устраивают военные депо, склады продовольствия и амуниции, госпитали.

Такие же показания необходимы и насчет радиостанций, аэродромов и заводов военной промышленности.

Интересуйтесь всеми фортификационными работами. Где строятся траншеи, заграждения из бетона и колючей проволоки? Какие укрепления старых русских крепостей (Гродно, Белосток, Осовец и т. д.) будут использованы? Где находятся красные зенитные батареи? Особое внимание обратить на район Августов, укрепленный поляками... Весьма желательно по-

лучить фотографические снимки. Непременно приучите Ваших людей к разбору по карте и составлению чертежей.

Прошу руководствоваться этими указаниями...»

С осени 1938 года зачастили письма между Бургасом и Прагой. В Бургасе перебивался с хлеба на воду Прокопий Ковган, пидтоптаный, как говорят на Украине, казачина. Несколько месяцев назад он перебрался сюда из Харбина и начал искать связи с немецкой разведкой. Прежде чем рекомендовать его хозяевам, казачий центр запросил генерала Наумова, «войскового атамана Забайкальского войска и походного атамана казачьего войска Восточной Сибири», что он знает о Ковгане. Ответ удовлетворил всех: «Кубанец Ковган — несомненный антибольшевик. Организация, агентом коей он является, одна из наиболее активных в смысле деятельности своей против большевиков на Дальнем Востоке».

После этого в Бургас и пошли письма. На серых конвертах в ряд были наклеены марки с гитлеровским профилем и прямой, как воинский строй, готикой: «Германская империя, протекторат Богемия и Моравия». «Продолжая изыскивать возможности для нашего дела, — писал Ковгану его земляк Михайлушкин, — я нашел одно издательство, которое заинтересовалось Вашими материалами о СССР и Дальнем Востоке. Фирма эта очень солидная.

Я сообщил директору издательства, что Вы обладаете материалами, которые могли бы представить для них интерес. Директор принял с охотой мое предложение связать Вас с ним. Итак, они интересуются положением на советской территории, настроениями в Красной Армии, среди населения, особенно в приграничьи, в среде эмиграции. Какие на Дальнем Востоке есть русские, казахи и прочие политические организации? Каково настроение местных кругов? Какие слухи ходят между людьми? Что представляет из себя казачья эмиграция?»

«Глубокоуважаемый Игнат Михайлович, — отвечал Ковган, — я рад, что издателя интересует СССР и Дальний Восток. Там я оставил целую сеть своих агентов и осведомителей, но...»

То, что Ковган не договаривал, «издатели» поняли быстро — эту публику они знали очень хорошо: «Не беспокойтесь, все расходы будут покрыты. Работа серьезная только началась. Могли бы Вы порекомендовать на 100 процентов надежных людей для ответственной работы в Бухаресте, Афинах, Стамбуле, Багдаде, Анкаре, Нью-Йорке? Все это должны быть люди отобранные, которых перекупить нельзя».

Ковган ответил, что может. Он может все, что вредит большевикам. Он с теми, кто единственный, по его убежде-

нию, может разбить СССР, с фашистской Германией, с ее вождем — «глубокопочитаемым господином фюрером». Ненависть и собачье обожание странным образом сплелись в нем, русском только по рождению.

Накануне в Софии знакомые затащили его в театр. Давали «Мать» Чапека, оптимистическую драму о матери, которая сама вручает винтовку последнему из сыновей, благословляя его на смертный бой с фашизмом.

Во время представления Ковган, не выдержав, рванул на сцену — в казачьем мундире, сапогах. Выхватив пистолет, кричал:

— Это большевистская пропаганда, это коммунистический спектакль, запрещаю вам играть!

Под свист и улюлюканье несколько болгар вышвырнули его на улицу.

Со всего мира стекались сведения в Берлин, на Курфюрстенштрассе, 58, в «Центральштелле Ост-Европа». Учрежденческая вывеска прикрывала одну из контор гитлеровской разведки, созданную специально для изучения СССР. Отсюда выходили служебные бюллетени, здесь составляли и пропагандистские обзоры, справки. Правда, цена всем этим трудам, как оказалось вскоре, была невелика.

Уже в ходе войны германский генштаб пересмотрел старые выводы. «Государственное руководство Советского Союза, — отмечается в обзоре, составленном 1 декабря 1941 года, — с большой политической предусмотрительностью направило все усилия страны, масштабы которых было трудно предугадать до начала войны, на увеличение численности Красной Армии. Русская промышленность в своем развитии шагнула так далеко, что даже после утраты важных районов она оказалась в состоянии производить все самое необходимое для нужд войны».

Далее в том же обзоре отмечают вопреки прежним оценкам волевые качества нашего командного состава, его решительность, упорство, дисциплина. Гитлеровцы пересматривали свои взгляды под воздействием той реальной обстановки, с которой они столкнулись на советской территории: беззаветной готовности советских воинов сражаться за каждую пядь родной земли.

Но все это было позже.

Пока же гитлеровская разведка лихорадочно перетрясла свою агентуру. В гестапо вспомнили о Думине, давнем осведомителе, и предложили перебраться в Берлин, чтобы работать среди эмигрантов. Он с готовностью согласился.

Задолго до 22 июня 1941 года гитлеровские офицеры формировали батальоны украинских националистов, разрабатывали секретные акции. Об одной из них говорилось на Нюрнбергском процессе. Там было приведено под номером С-107 секретное распоряжение отдела иностранной контрразведки № 53/41. Вот его полный текст:

«Контрразведка — 11/ЛА.

Секретное дело штаба.

Берлин, 20 июня 1941.

Дело начальника штаба руководства.

Только через офицера.

Для выполнения полученных от 1-го оперативного отдела военно-полевого штаба указаний о том, чтобы для использования нефтяных районов обеспечить разложение в Советской России, рабочему штабу «Румыния» поручается создать организацию «Тамара», на которую возлагаются следующие задачи:

1. Подготовить силами грузин организацию восстания на территории Грузии.

2. Руководство организацией возложить на обер-лейтенанта доктора Крамера (отдел 2 контрразведки). Заместителем назначается фельдфебель доктор Хауфе (контрразведка II).

3. Организация разделяется на две оперативные группы:
а) «Тамара I» состоит из 16 грузин, подготовленных для саботажа (С) и объединенных в ячейки (К). Ею руководит унтер-офицер Герман (учебный полк «Бранденбург», ЦБФ 800, 5-я рота),

б) «Тамара II» представляет собой оперативную группу, состоящую из 80 грузин, объединенных в ячейки. Руководителем данной группы назначается обер-лейтенант доктор Крамер.

4. Обе оперативные группы «Тамара I» и «Тамара II» предоставлены в распоряжение 1-ц А ОК (Главного командования армии).

5. В качестве сборного пункта оперативной группы «Тамара I» избраны окрестности г. Яссы, сборный пункт оперативной группы «Тамара II» — треугольник Браилов — Каларас — Бухарест.

6. Вооружение организаций «Тамары» проводится отделом контрразведки II.

Лахузен»*.

А вот письменные показания бывшего полковника германской армии Эрвина Штольца. Штолец — один из

* Нюрнбергский процесс. М., 1958, т. II, с. 647.

руководящих офицеров германской разведки и контрразведки, был захвачен в плен Советской Армией.

«Я получил указание от Лахузена* организовать и возглавить специальную группу под условным наименованием «А», которая должна заниматься подготовкой диверсионных актов и работой по разложению в советском тылу в связи с намечавшимся нападением на Советский Союз.

В то же время Лахузен дал мне для ознакомления и руководства приказ, поступивший из оперативного штаба вооруженных сил, подписанный фельдмаршалом Кейтелем и генералом Иодлем (или генералом Варлимонтом по поручению Кейтеля, точно не помню). Этот приказ содержал основные директивные указания по проведению подрывной деятельности на территории Союза Советских Социалистических Республик после нападения Германии на Советский Союз.

Данный приказ был впервые помечен условным шифром «Барбаросса». В приказе указывалось, что в целях нанесения молниеносного удара Советскому Союзу «Абвер-2» при проведении подрывной работы против России должен использовать свою агентуру для разжигания национальной вражды между народами Советского Союза... Выполняя упомянутые выше указания Кейтеля и Иодля, я связался с находившимися на службе в германской разведке украинскими националистами и другими участниками националистических фашистских группировок, которых привлек для выполнения поставленных выше задач. В частности, мною лично было дано указание руководителям украинских националистов, германским агентам Мельнику (кличка Консул-1) и Бандере организовать сразу же после нападения Германии на Советский Союз провокационные выступления на Украине с целью подрыва ближайшего тыла советских войск, а также для того, чтобы убедить международное общественное мнение в происходящем якобы разложении советского тыла.

Нами были подготовлены также специальные диверсионные группы для подрывной деятельности в Прибалтийских Советских Республиках.

Кроме того, была подготовлена для подрывной деятельности на советской территории специальная воинская часть — учебный полк особого назначения «Бранденбург-800», подчиненный непосредственно начальнику «Абвер-2» Лахузену.

* *Генерал-майор Лахузен* — начальник 2-го отдела контрразведки и заместитель адмирала Канариса.

В задачу созданного в 1940 году специального соединения входил захват оперативно важных объектов — мостов, тоннелей, оборонных предприятий и удержание их до прихода авангардных частей германской армии»*.

В Праге «Союз гетманцев-державников» представлял Микола Россиневич. В начале первой мировой войны он окончил Чугуевскую военную школу. Было ему 22 года, он жаждал славы. В восемнадцатом году его направили в «инструкторскую школу офицеров», а за границей он занимался на курсах генерального штаба. Присвоили ему звание полковника, и больше всего на свете он хотел пройти в полковничьих погонах по родному Нежину.

В конце января 1941 года Россиневич получил письмо из гетманского центра. Его старый друг Василь Мурашко писал: «...в июле не исключен острый кризис в ходе мировых событий. Может быть поставлен и наш вопрос, а с ним и практическая работа глубоко исторического значения. Тогда-то нам будет необходима настоящая группа прямых, отважных и активных политиков, а не масса без формы и значения».

Уже был напечатан тираж «Памятки гетмана» и обращение «Граждане Украины». В европейских столицах и провинциальных сонных городках строились «державники». Помаршировав, обсуждали «План работы на родных землях», который предупреждал о столкновении с «идеологическим наследием коммунизма».

2

ИЗ «ДНЕВНИКА — POST SKRIPTUM»

«С рассветом 22 июня 1941 года регулярные войска германской армии атаквали наши пограничные части на фронте от Балтийского до Черного моря...»

(Из сводки Главного командования Красной Армии за 22.VI.1941)

«Благодарим Всевышнего за то, что дал нам возможность дождаться такого дня. Сколько наших земляков сложили свои головы здесь, на чужой земле! Но вы все-таки дождались конца Советов».

(Из письма в «Гетманский центр» 22.VI.1941)

«Я люблю жизнь, я еще очень молод. Но потому, что Отчизна, которую я люблю, как свою родную мать, требует от меня пожертвовать жизнью во имя освобождения ее от немецких оккупантов, я сделаю это. Пусть знает весь мир, на что способен русский патриот и большевик. Пусть запомнят фашистские главарь, что покорить наш народ невозможно так же, как и погасить солнце».

(Из письма Героя Советского Союза Н. И. Кузнецова)

* Нюрнбергский процесс. М., 1952, т. I, с. 372.

Через столетия пронесет память поколений дни всенародной скорби и радости. Среди таких вечных дат — 22 июня 1941 года. Самый длинный день в году с его по-воскресному спокойными, еще мирными и благодушными газетами. Когда почтальоны несли их по стране, уже горела вся западная граница и боец с трехлинейкой падал на росную траву над Бугом, первый из тех двадцати миллионов, чьими жизнями оплачена наша Победа. В двенадцать умолкли, сгрудившись у репродукторов, улицы, возникли очереди у военкоматов...

Война!

Все телетайпы мира отстучали это слово, все радиостанции мира прокричали в эфир:

«Война! Германия напала на Советский Союз...»

В тот день за океаном безвестный сенатор, будущий президент США Трумэн рассуждал: «Если будет побеждать Германия, надо помогать России. Если будет побеждать Россия, надо помогать Германии. Пусть они обе истощат силы друг друга, и тогда Америка продиктует миру свои условия...»

Гитлеровцы были настолько уверены в быстром разгроме СССР, что еще до войны начали готовить обширные планы военной экспансии. Уже в июне 1941 года была подписана директива № 32 «Подготовка к периоду после осуществления плана «Барбаросса». Документальные данные раскрывают глобальные цели германского фашизма, замыслы основать мировую империю. В первую очередь планировалось развернуть войну против Англии, захватить Северную Африку, Гибралтар, страны Ближнего и Среднего Востока, затем через Афганистан повести наступление на Индию — «жемчужину» Британской империи. На картах «германской мировой империи» были расписаны судьбы всех континентов. После окончания «Восточного похода» Гитлер намеревался «предпринять энергичные действия против США».

Еще до подписания плана «Барбаросса» правительство Германии приняло директиву о составлении плана «Ост» — плана истребления народов Восточной Европы. В нем нашли концентрированное выражение замыслы германского империализма в отношении СССР. Предусматривалось ликвидировать Советский Союз. Территорию Прибалтийских Советских Республик, Украины, Белоруссии, европейской части РСФСР заселить немцами и включить в состав Германии. Незначительную часть населения гитлеровцы собирались оставить на месте, лишив его всяких прав. Остальные были обречены на уничтожение. На территории Советского Союза и Польши «генеральный план «Ост» предполагал ликвидировать 120—140 миллионов

человек. С этой целью еще до войны полиция безопасности и СД подготовили «Особую розыскную книгу СССР». В нее были включены сведения о советских гражданах — коммунистах и беспартийных активистах, которые подлежали немедленному уничтожению.

Гибель грозила чешскому народу: предусматривалось физически ликвидировать половину населения, а остальных «поэтапно удалить с территории империи». Поголовно предполагалось уничтожить поляков. «Мы добьемся того, чтобы стерлось навеки само понятие «Польша», — утверждал гитлеровский наместник в Варшаве Франк. «...все поляки исчезнут с лица земли», — говорил, обращаясь к комендантам концлагерей, Гиммлер. И эти варварские планы последовательно осуществлялись.

ИЗ «ДНЕВНИКА — POST SKRIPTUM»

Час выбора пробил для каждого человека. И мало кто из эмигрантов не определился к этому времени. В долгих, затяжных спорах тридцатых годов самой острой темой была будущая война — война между Советским Союзом и Германией.

«...примерно в 1935 году в Белград приезжал один эмигрант, — вспоминал В. В. Шульгин в «Письмах к русским эмигрантам». — Сущность его многочасовых речей можно сформулировать в нескольких словах, им произнесенных: «Не за всякую цену мы можем продаваться. Мы не должны присоединяться к тем, кто будет воевать не только с Советской властью, но и с Россией и с русским народом».

Эмиграция в случае войны должна безоговорочно быть на стороне своей родины, утверждал и Милюков. Еще до войны во Франции возник «Союз оборонцев» — защитников СССР. Среди участников Сопrotивления (кстати, такое название дали газете своей боевой группы ученые-этнографы Борис Вильде и Анатолий Левицкий, расстрелянные фашистами в 1942 году) было немало российских эмигрантов. Они сражались в партизанских отрядах, в подполье Франции и Италии, Польши, Чехословакии... Четвертого августа 1944 года фашисты казнили в Берлине княжну Веру Аполлоновну Оболенскую и советского врача — военнопленную. В указе президента Франции о награждении русской княгини говорится, что она «показала пример героизма в борьбе с гитлеризмом».

Портреты Анатолия Левицкого, Бориса Вильде и Елизаветы Кузьминой-Караваевой, отдавших свои жизни в борьбе с фашистскими оккупантами, встречают каждого, кто прихо-

дит в Музей национального движения Сопротивления во французском городе Шампиньи-Сюр-Марн. У портретов — ордена Отечественной войны... Советская Родина помнит их.

Но если одних 22 июня 1941-го, как признавалась мне моя давняя знакомая Надежда Павловна Кочергина, буквально перевернуло, то других просто укрепило в их давних устремлениях. Казачьи офицеры, попы, националисты всякого пошиба, сепаратисты, монархисты — все они встретили войну, обрушившуюся на родившую их землю, как избавление.

Передо мной ксерокопия с подлинника письма, отправленного 22 июня 1941 года из Моравской Остравы в «Союз гетмановцев-державников»:

«Поздравляю Вас с 22.VI. Благодарим всевышнего за то, что дал нам возможность дожидаться такого дня. Сколько наших земляков оставило головы здесь, на чужой земле! Но мы все-таки дождались конца Советов. Все вожди наших трагических 1917—1923 годов уже не живут. Только одного господина гетмана оставил нам бог. Разве это не божий суд?!

Прошу Вас, будьте любезны написать мне: какая роль отводится гетманским силам на родной земле. Будем ли все «под Мельником» или будет какой-то компромисс? Или создается войско наше?

Желаю Вам успехов и много счастья, желаю Вам как можно скорее оказаться в златоверхом Киеве и под звуки колоколов св. Софии видеть парад въезда ЯВП* Скоропадского до нашей столицы. Ах, какое время! Раз в столетие такое переживаете.

Слава Украине! Гетману слава!

Моравска Острава. 22.VI.41».

В этот же день гетманский центр опубликовал обращение: «Сегодня утром славное немецкое войско начало наступление на СССР, чтобы сберечь весь культурный мир перед смертельной опасностью большевизма. Мы вспоминаем, что еще в 1918 году совместно с немецким войском исполняли это самое задание, и глубоко верим в конечную победу».

Такого же примерно типа обращения издали оуновцы, белоказак, «вольные горцы» и т. п.

Первые успехи фашистских войск кружили голову. Многие начинали паковать чемоданы. В Россию при содействии управления делами российской эмиграции собирались «господа члены Общества русских инженеров и техников» («членом общества может быть только лицо арийского происхождения,

* Ясновельможный пан.

т. е. лицо, у которого между дедами и бабками со стороны отца и матери нет евреев; членом общества не может быть лицо, состоявшее в браке с еврейкой»). По своей линии кадры подбирала «украинская громада», за которой виднелись гетманские руки. Ее интересовали лица, «способные для ответственной работы:

- а) переводчиков и советников при воинских частях;
- б) служащих при военно-полицейских учреждениях, гестапо;
- в) сотрудников в редакциях украинской прессы, пропаганды, радио;
- г) кандидатов на административные посты в городах, районах;
- д) специалисты».

«Украинская громада» претендовала на самостоятельность, но в действительности она была прикрытием «Союза гетманцев-державников». «Цель этой организации — расширить гетманскую идею...» — говорилось в одном из постановлений гетманской управы.

Самые разные слухи носились по Праге, Варшаве, Берлину. Что будет с Украиной? Одни кричали, что будет великая самостоятельная Украина, включая Кавказ и Кубань, другие уже видели украинскую империю, «в подчинении которой будет вся Московщина», третьи утверждали, что немцы берут Украину в аренду на 99 лет...

Слухи, слухи, слухи...

Свои планы были и у казаков. Девятого августа 1941 года они пригласили руководителей украинских организаций в Праге в так называемое «Казакен-бюро», на Школьной, 7. Я был там как корреспондент. Над столом висела карта юга России, а над ней пыжились аршинные буквы: Юго-Восточный союз Дона, Кубани, Терека, горских и степных народов, Астрахани, Яика и Оренбурга — Казакия. Украинцы полезли с вопросами, слово за слово завязалась перепалка, переходящая в рукопашную.

— Сотни тысяч казацких сабель, миллионы казацкого люда, — кричал Глазков, руководитель казацкого национального движения, — всегда готовы проучить тех, кого не научила даже история.

Казацье национальное движение (КНД) в отличие от других группировок свои цели не маскировало. Наша цель, писали белоказаки в «статуте», — «непримиримая борьба с Советской властью, коммунизмом и масонством. Освобождение казацких земель из-под власти СССР и его возможных наследников. Об-

разование на землях Европейского Казачества единого самостоятельного казачьего государства — Казакии. Постоянный союз с Германской империей и признание ее покровительства над Казакией».

Это были не только слова. 22 июня 1941 года Глазков послал Гитлеру ходатайство о «формировании казачьих воинских частей в зарубежье, чтобы сразиться с красным врагом».

Вскоре «гетманцы-державники» и казаки разработали «Украинско-казачий договор дружбы». Они признали «суверенитет и полную политическую независимость будущих государственных образований Украины и Казачества... Территориальной границей между ними договаривающиеся стороны признают границу, установленную договором между Украинской державой и державою Всевеликого Войска Донского в 1918 г. августа 7-го дня в г. Киеве».

Они делят землю. А Красная Армия ее защищает. У Бреста и Равы-Русской. На Днестре и Миусе. Под Москвой.

3

Отложим на время в сторону черную папку. И перенесемся в Москву сорок первого года, где осталась Вера Павловна Роговская. Она жила там же, в Столешниковом переулке, таком известном, что когда однажды кто-то из ее знакомых написал на конверте по ошибке: Ленинград, Столешников переулок, то письмо все же пришло в Москву и было ей вручено. Она работала, дежурила, как и все, в штабе ПВО, выбирая свободные минуты, писала дневник, не задним числом, а описывала все, что происходило в те дни и ночи:

«6 июля 1941. 24 июня в «Известиях» и «Красной звезде» была опубликована песня композитора А. В. Александрова на слова В. И. Лебедева-Кумача «Священная война». Более сильной песни я не знаю. Разве только «Марсельеза» или «Интернационал». Но исполнялась она очень редко. Я пошла и позвонила на радио. Сказала, что эту песню надо давать как можно чаще, что она необычна по своему воздействию на людей. Пока я дошла до своей комнаты (телефон у соседей), «Священная война» уже звучала. Мы с волнением ее слушали.

7 июля 1941. Вчера звонил Володя. Он попал в 21-ю дивизию народного ополчения Киевского района. Дивизия формируется из сотрудников киностудии «Мосфильм», институтов Академии наук СССР, кондитерской фабрики им. Бабаева и др. Место формирования — Староконюшенный переулок, № 18, школа № 59. Но я целый день была занята своими делами

и к нему поехать не могла, т. е. не личными, а делами нашей группы самозащиты.

Сегодня утро мягкое, теплое, светлое, такая погода чудесная... И в такое доброе, яркое утро надо умирать. Тысячи молодых жизней погибают на поле битвы. Смерть — это обычно, а жизнь — чудо. И почему так много зла на земле, ведь главное — это добро. И что такое зло? Сколько лет я стараюсь расшифровать это понятие, потому как того, что отвечают на этот вопрос, мне мало, это меня не удовлетворяет. Однажды у какого-то автора, у Паустовского или Ефремова, я нашла один отрывок, прочитав который, сказала, что вот с таким определением зла я согласна. Но потом я напрасно искала этот отрывок, а содержание его забыла.

Взяла белье Володе, кое-что поесть — и поехала к нему. Улицы Москвы изменились: везде мешки с песком, все люки, окошки внизу, все решетки закрыты тяжелыми плитами, заложены кирпичом. То и дело проходят группы красноармейцев, отряды ополченцев в собственной одежде... Лица москвичей невеселы, озабочены, угрюмы. Подъезжаю к школе. Знакомая картина войны: на бревнах, кирпичках, на выступах домов сидят тесные кучки людей — мобилизованные и провожающие их; разговор то жарко разгорается, то затихает; унылые взгляды украдкой, подавленный вздох, веселая шутка, возбужденный смех, слезы, заунывная, раздирающая душу мелодия гармоника.

Неужели это все правда, неужели я сижу здесь, провожаю своего милого брата!!! У него настроение очень хорошее, бодрое, боевое. Чувствуется единение со всеми. Это — всенародный подъем.

9 июля 1941. Сегодня увезены все дети нашего дома в Пачелму Пензенской области. Обнялись на прощание с отцом Лоры. Я стояла во дворе под воротами и плакала. «И вам, как семье красноармейца, помогут выехать», — сказал он мне, обнимая. А я не об этом же плакала...

Звонил один военный о Володе. Прочел обращение к семьям ушедших ополченцев: «Будем защищать наших жен и детей, нашу Родину». Успокоил меня насчет Володи. Вчера они прошли 40 километров, остановились в лесу, спали под открытым небом. Утром дали хороший завтрак, на обед консервы. Завтра будет горячая пища. «Можно ли писать? Дайте адрес». — «Нельзя». — «Как ваша фамилия?» — «Морской. Я работник штаба. Думаю перетащить вашего брата к себе». — «Он очень честный человек». — «Я знаю». Так он меня успокоил своими сообщениями. Наши стоят под Москвой. Да, им есть что

защищать! «Настроение хорошее», — говорят они. И у нас всех настроение лучше. Мы гитлеровцев здорово бьем, как они никогда не ждали. Мы окружены всеобщим сочувствием. Все народы мира на нашей стороне, все солидарны с нами.

12 июля 1941. При поддержке авиации и танков гитлеровцы быстро двигаются на Минском и Бобруйском направлениях на восток. Надо, кроме того, не пускать их к Днепру — на Киев. Все очень сложно и запутанно. Наши войска отчаянно обороняются, не дают себя окружать, не пускают фашистов к Днепру.

16 июля. 2 часа ночи. Вчера в 7 ч. вечера неожиданно приехал в командировку Володя. Очень исхудал, но бодр. Дух в армии очень хорош: верят в Коммунистическую партию и правоту своего дела, никаких сомнений и колебаний. И мы здесь, в тылу, хотя это тоже фронт, думаем так же. И они, и мы незаметно как-то отрешились от всего. Володя был очень счастлив попасть домой. Лицо его сияло, он все целовал меня и маму, не отходил от нас ни на минуту, не отпускал от себя. С ним в доме стало так спокойно, не так напряженно, хотя на фронтах положение тяжелое.

Гитлеровцы все продвигаются. В последние дни шли бои в Островском направлении Псковской области. Теперь Остров, как видно, уже взят, потому что бои идут на Псковском и Порховском направлениях. Порхов — мой родной город, «любимый город». Там 3 месяца назад умер мой отец, там его могила и мой родной отчий дом... Там мой родной брат Роберт, бедный глухонемой юноша, и его мать, вторая жена моего отца... Значит, обходят Псков. В 28 километрах от Порхова узловая станция Дно с дорогами на Москву и Ленинград.

Как все ненавидят Гитлера! Говорят, зверствуют гитлеровцы, как Чингисхан и Батый.

Сейчас сижу на дежурстве в штабе на телефоне. Дежурю 6 часов подряд, с 9 ч. вечера до 3 ч. ночи. Володю уже проводили, выкупав его в ванне и под душем, напоив и накормив его, починив и выстирав белье. Он немного отдохнул душой, а как уезжал, загрустил: «Может быть, не увидимся больше». Но у меня такого предчувствия нет, мне кажется, что он скоро приедет.

19 июля. Писать совершенно невозможно. Столько волнений, ужасных потрясений, что перо вываливается из рук. Гитлеровцы продолжают наступать. Идут ожесточенные бои под Смоленском с огромными потерями с обеих сторон. Жестокие бои на Псковско-Порховском направлении. Родной мой Порхов, любимый город. Там я училась в средней школе. Бедный

мой глухонемой брат, мой друг и любимая учительница Мария Николаевна Щедрина. Еще недавно я посылала ей деньги, как мне ни трудно приходилось... Порхов основан Александром Невским в 1239 году. Я люблю этот красивый и культурный городок с его сдержанными и спокойными, отважными, свободолюбивыми людьми, красавицей крепостью XIII века на мирной голубой реке Шелони, с его живописными набережными в сирени, тополях и березах, с его болотистыми лугами, покрытыми скромными, но такими нежными цветами. Особенно я любила ярко-малиновые цветочки на высоких голеньких зеленых ножках.

Порхов — пограничная крепость новгородской земли. И есть там церквушка. Остались ли колокола, в которые звонил Костя? И осталась ли та школа? О светло-светлая и красно украшена земля Русская! И многими красотами удивлена еси...

Вспоминаю, как в Псковской области простой народ вместо *е* говорит *я*. «Ня зря», «ня вижу». И еще вместо глагола в изъявительном наклонении употребляют деепричастие в качестве сказуемого: «Отчего вы на *ШИ*» разговариваете: ушедши, приехавши?» — «Ня знаю, ня знаю, мы так привыкши». И спрашивающий и отвечающий бесподобны.

Теперь город сожгут. И прекрасные сады его, каких нет нигде, тоже сожгут и вырубят. И колокола на пушки переплавят. Я потеряла покой, не сплю ночами. Представляю себе страдания моих родных и всех сограждан-порховичей, которые являются для меня самыми дорогими и близкими людьми; я плакала в три ручья: за все недели войны вылились в эти минуты мои слезы. А плачу я редко и больше, вероятно, не пророню ни слезинки. Как они быстро до Порхова докатили. Никто опомниться не успел. Прекратившаяся было эвакуация снова возобновилась. Но, хотя и нелегкая, победа будет за нами. Это не фраза. Я так думаю.

Вот написала — и легче стало. Прав был Костя.

21 июля 1941. В 10 ч. 18 м. объявлена воздушная тревога (уже не первая, а в первые некогда было писать). Я сегодня не дежурю, сидим в убежище. Это убежище мне нравится тем, что здесь можно себя чувствовать свободно и можно даже читать и писать. Сейчас 3 ч. 16 м. ночи. Прошло уже 5 часов, а тревога все продолжается. Воздушные бои идут не в нашем районе. Многие спят, я спать не могу. Вспоминаю другие времена... Потихоньку вытаскиваю одну толстую тетрадь своего дневника и читаю. Все свои дневники всегда таскаю с собой, чтобы не пропали. Переношу в далекое прошлое...

Конец августа был дождлив и холоден. Но как интересно в лесу сейчас же после дождя! Душистый и чистый воздух. Пахнет дождем, землей, травой, листвой, свежестью, мхами и хвоей. Сосны звенят и стонут, обдавая вас мелкими брызгами, на дорогах блестят лужи, в них купаются синицы-аполлоновки и еще какие-то птички, едва проглянет солнце. Такие вековые сосны я видела еще давно в Дарнице под Киевом, когда приезжала в гости к Наде. Однажды мы ходили в Дарницкий лес за грибами. И с нами Костя. И так мне все это дорого и мило, так напоминает детство, леса на Рижском взморье, моей далекой родине, что даже больно делается. Там рядом Литва, о которой всегда почему-то трепетно рассказывал Костя... Только от прогулок по сырости слабые люди часто простуживаются, и я тоже сейчас простуживаюсь; организм ослабел, и я просто никуда не гожусь.

Грустно расставаться с Журавлевым. А какие там вечера! Тишина. Цветы. Часто ходила с сестрой-хозяйкой за цветами под проливным дождем и возвращалась в мокром пальто: рукава мокрые по локоть, а полы до пояса; но зато цветы особенно хороши, влажные, душистые, такие яркие. Жизнь коротка, но как хороша!

Я зашла в будку станционного смотрителя. В маленькой душной комнатке меня встретила миловидная женщина с ясными синими глазами, с волнистыми, причудливо причесанными волосами ржавого цвета, с тихим голосом и сдержанными манерами. Мы разговорились. Я спросила, не холодно ли ей здесь зимой и не скучно ли. Она ответила, что зимой здесь очень жарко, а сидит она в этой комнате уже шесть лет! Разговаривая с ней, я внимательно, спокойно и чуть грустно смотрела на нее, а она так же вдумчиво и внимательно смотрела на меня. Затем она сказала, что знает мою сестру, и спросила мою фамилию, а я через некоторое время узнала ее имя и отчество: Нина Петровна. Это была возлюбленная Роберта. Нина Петровна не похожа здесь ни на кого, она какая-то особенная и очень понравилась мне. Серьезный, взрослый человек и, вероятно, несчастный. Любить Роберта — трудное счастье.

А вокруг было тепло, сияло солнце, откуда-то слышалась музыка, море цветов в моей комнате и в парке, на корте играли в теннис, на танцплощадке танцевали...

Я захлопнула тетрадь и очутилась в убежище. Труден был переход из того светлого, счастливого, беспечного мира в сырой, холодный подвал.

22 в ночь на 23 июля 1941. Опять убежище. Сбрасывают бомбы. Будем ли живы? Но везде полное спокойствие. Почти

все в убежище спят. Тревога началась без 10 минут десять, а перед этим была краткая тревога в 7 ч. 30 мин. Вероятно, прилетела разведка. Значит, в одиннадцатом часу надо ждать налета. Мы успели поужинать (очень скромно), и я уже налила себе чаю. Пока моя чашка остывала, я вышла на кухню. Соседи только еще ставили себе чайники.

— Даю вам десять минут на чай, опоздали, сейчас прилетят, — сказала я.

Но не прошло и пяти минут, как завопили сирены. Было еще страшно с непривычки, и сирены казались от этого зловещими. Я вылила чай в термос и принялась таскать в убежище постели. В этот раз мы лучше организовались: я взяла свою шубу и шелковую диванную подушку и устроила маме постель на диванчике.

Ужасная ночь. Прорвавшиеся в большом количестве самолеты тешились, как хотели, над городом. Пулеметы, зенитки и другие орудия действовали очень активно. Шум и грохот — своего голоса не слышно. Такое зарево пожаров, что сердцу больно. Дым страшный, черный. Москва горела...

Когда я выходила из убежища, то наверху было так страшно с непривычки. Получали боевое крещение. Что только творилось в небе! Множество прожекторов, разрывы снарядов, как огненные снопы; ракеты гитлеровцев на парашютах сверху и наши снизу. Кругом все гремело, дрожало, глухо гудело. Уже под утро начался большой пожар где-то около Кремля или Большого театра. Слышны были даже крики работающих на пожаре людей. Самолеты налетали волнами с промежутками 5—6 минут. Тревога продолжалась опять около шести часов. Уже рассвело, когда был дан отбой, и публика со вздохом облегчения, оживленно переговариваясь, повалила к выходу. Гора с плеч.

«Никто из нас вечером не знает, останется ли у него к утру голова на плечах» (Бальзак).

Стали считать раны. Осколков на нашем дворе набрали целый ящик. Фугасная бомба попала в Морозовскую больницу, теперь детская № 1. Там находилось более 500 больных детей, всех успели спустить до попадания в убежище.

26 июля 1941. В ночь на 27. В прошлую ночь отдохнули, но зато фашисты в нынешнюю наворачивают. Жестокая стрельба. Враг все старается пробраться к Кремлю. Дежурю в штабе на телефоне, сижу под большим, во всю стену, стеклянным окном в маленькой одноэтажной хибарке. Прикрытия никакого. Если будешь жив — хорошо! Налеты, стрельба, вся борьба происходит волнами. Только что пережили ужасную волну.

Где-то упала бомба, самолеты были над нами. Опять тихо. Я сижу спокойно и пишу, как Нестор-летописец, с той только разницей, что его не бомбили фугасками. Но когда же мне еще писать?

Приготовила рукавицы. Если к нам попадет зажигательная, выключу и выкину. Связист у меня хороший — Сима Тараканова. Замечательная девушка, бывшая хетагуровка, такая отважная, самоотверженная. Никакой работы она не боится: копать водохранилище — она готова; разбирать заборы на топливо — пожалуйста; дежурить в штабе — будет 24 часа сидеть. А сама такая больная: туберкулез почек и многое другое. Прониклась ко мне большим доверием и всюду со мной ходит. Особенно меня в ней поражает ее чувство ответственности. Не переносу безответственных людей.

31 июля 1941. Сосед принес интересные новости: заключен союз с Польшей. Это событие большой важности по своему воздействию на весь остальной мир. И у гитлеровцев будет очень беспокойно в тылу; сопротивление будет проходить организовано. Теперь весь чешский и польский народ с нами, а также народы Бельгии, Голландии и другие. Я так всегда радуюсь объединению всех народов.

Сейчас необходимо объединение. Оно всегда необходимо, а сейчас в особенности. Как мне дороги высокие знания, разум человеческий, чувство братства, помощи, понимания, единения. Это самая могучая сила на земле, перед которой не устоит никакое сверхоружие, рухнули и рухнут чудовищная церковная инквизиция и самое страшное невежество, жестокие режимы, угнетение.

Каждый день мы получаем множество писем и телеграмм, заключающих в себе приветствия, восхищение стойкостью и храбростью нашей армии, полную солидарность с нами, огромную поддержку.

По радио будем говорить: привет и мир вам, братья! Мы ведь все одна семья. Быть может, можно будет убрать барьеры между всеми народами. Свободно можно будет ездить в любые страны, можно будет путешествовать, а это самое прекрасное занятие на нашей чудной планете. И я все мечтаю о встрече с существами других миров или хотя бы о каких-либо вестях с других планет, отделенных от нас временем и пространством. Тогда мы будем говорить: «Мы из Солнечной системы».

— Вот отгоним фашистов, победим их, кончится война — и вы поедете в Прагу к вашей сестре, — подхватывает сосед. — И я поеду с вами, так хочется попутешествовать.

8 августа 1941. В ночь на 7-е — я уже писала об этом — была объявлена воздушная тревога. Группа советских истребителей поднялась в воздух, чтобы перехватить вражеские самолеты, не допустить их к Москве. Одну из машин вел младший лейтенант Виктор Талалихин.

Высоко в небе, стараясь подкрасться незаметно, шли «хейнкели-111», двухмоторные гитлеровские бомбардировщики. Неожиданно в лунном свете Талалихин заметил один бомбардировщик и устремился к нему. Он первой же пулеметной очередью вывел из строя один из моторов. Потом, расстреляв все патроны, он протаранил «хейнкеля», который грохнулся вместе со своим экипажем на землю. Самолет Талалихина, перевернувшись, тоже стал падать, но Виктор Васильевич, уже раненный, спасся на парашюте.

Что заставило его идти на таран? Его горячая любовь к Родине. Он не занимался высчитыванием, сколько у фашистов самолетов, сколько танков, какие силы; может быть, он и знал их, но, не колеблясь, отдавал свою жизнь и верил в свой народ и в нашу победу.

Однажды мне показали Талалихина. Очаровательная улыбка и веселые, дерзкие глаза. Такое у него отчаянно смелое, я бы сказала, даже озорное лицо. «Вот отчаянный, должно быть, смельчак», — подумала я тогда. Виктору Васильевичу Талалихину присвоено звание Героя Советского Союза.

11 августа 1941. 10 и 11 августа в Москве состоялся Всеславянский митинг. Открыл его Алексей Толстой. С речами, каждый на родном языке, выступали: профессор Зденек Неедлы, изящный старик, болгарский общественный деятель Фридрих Вольф. Произведения обоих мы читали и проходили в ИНО. Что-то Вольфа ставили у нас в свое время.

Они все призывали свои народы на священную войну за свободу. Ух, какое было настроение! Немцы говорили о солидарности передовой части германского народа со всем прогрессивным человечеством, славяне призывали свои народы на священную войну за свою свободу.

Александр Фадеев прочитал воззвание ко всем славянам: — Братья угнетенные славяне! Пусть пламя священной борьбы могучим шквалом встанет над всеми славянскими землями, поработченными и поработцаемыми гитлеризмом! Пусть каждый клочок славянской земли станет могилой врагу и базой для освобождения от гитлеровского гнета.

18 августа 1941. Погода изменилась, воздух стал суровее, ночи холоднее: подкрадывается первая холодная военная зима. Гитлеровцы медленно, но неуклонно продвигаются вперед.

Но вот писательница Александра Осиповна Ишимова, современница Пушкина, пишет в своей книге для детей: «В отечестве нашем, России, жили люди, красивые лицом и станом, гордые славными делами предков, чистые, добрые и ласковые люди, но страшные и непримиримые в войне. Их называли славянами».

Русские сметливы, умны, храбры; армия наша прекрасна в своей мужественной отваге. Битва за Родину, которую она сейчас ведет, слагается из тысячи подвигов. Хороший у нас девиз: «Наше дело правое, победа будет за нами!» А гитлеровцы идейно безоружны; экономически они, пожалуй, еще долго выдержат — обирают же весь мир. Вот только фронт один у них. Англия плохо действует, все разговаривают, да ведь кому же дискутировать, как не демократам.

Наступление идет на три столицы: Ленинград, Москву и Киев. Из Москвы в Ленинград уже нельзя проехать без того, чтобы несколько раз не бомбили поезд.

14 августа 1941. К нам иногда заезжает с фронта наш племянник, танкист. Он кое-что рассказывает.

Упорные бои развернулись на Западном фронте, около Смоленска. Город окружили. Особенно тяжело было у Ярцева, это северо-восточнее Смоленска. То же было и юго-восточнее Смоленска: Ельня переходила из рук в руки. 15 июля было занято Красное и гитлеровцы овладели южной частью Смоленска, а мы, взорвав мосты через Днепр, отошли в северную часть города.

Под Смоленском действовали танковые группы Гудериана, причем противник старался окружить наши армии. Когда к Смоленску подошли новые силы гитлеровцев, они ворвались в город. Наши сопротивлялись героически. И в окружении они вели жестокие бои и сковывали огромные силы противника.

Смоленское сражение затянулось на три недели, так что молниеносное наступление врага было сорвано, и мы получили выигрыш во времени. Уж очень стойко бились наши, и гитлеровцы просто временно выдохлись. Почитать бы о Смоленском сражении после войны! Но только сегодня в 6 часов утра мы услышали по радио, что сдан Смоленск. Мама и я очень плакали и больше не заснули. Невозможно описать всеобщее горе.

23 августа 1941 г. Военное положение напряженное: мы вынуждены отступать к Ленинграду. Гитлеровцы наступают на Ленинград, Харьков, Киев, Донбасс, угрожают Крыму.

Ленинградцы готовятся к отчаянному сопротивлению. Москва тоже готовится, даже женщин начали обучать военно-

му делу. Жалею, что не могу взять винтовку или хотя бы работать медсестрой. В Ленинграде много моих родных и друзей. Моя подруга давно уже ушла из коллегии защитников (она одна из лучших адвокатов Ленинграда) и работает как простая медсестра. Ее мать, обаятельнейшая Мария Борисовна, эвакуировалась из Порхова в г. Череповец, где и умерла, не перенеся всех несчастий.

29 августа 1941. Сегодня настроение лучше, как-то в голове проясняется. Есть сообщение, как происходят бои при защите города. Танки врываются в город, но там у каждого дома их поджидают красноармейцы с бутылками горючего, гранатами, пулеметами и проч. Против фашистской пехоты, наравне с Красной Армией, бьются рабочие, служащие, каждый дом — крепость.

Газеты часто сообщают, что Красная Армия несет большие потери в людях, вооружении и боевой технике, но что и фашистские армии, хотя и имеют численное превосходство над нами, особенно в танках, постепенно изматываются, истощаются, «перемалываются», как теперь говорят. Появилось даже особое презрительное слово: «уничтожаются»; как будто бы гитлеровцы — это какие-нибудь тараканы, клопы или крысы. Хотя в общем-то это правда: они не *ЛЮДИ*.

5 сентября 1941. И Киев, и Ленинград еще держатся. Одесса также. Подробиностей никаких.

Говорят, что гитлеровское руководство поставило перед своими войсками задачу молниеносной войной разгромить Красную Армию, захватить Ленинград и Балтийский флот, открыть себе широкую дорогу через Ростов на Кавказ. А главной целью блицкрига является Москва. Москва, которая в сознании советского народа всегда была сердцем нашей страны, всегда была всеми любима.

Налеты на Москву так часты потому, что она является действительно политическим, культурным, промышленным, административным центром. Кроме того, это транспортный узел: здесь сходятся десять железнодорожных магистралей. Все перевозки войск и воинских грузов к фронту идут через Москву. Наша столица очень насыщена промышленными предприятиями. Несмотря на то, что огромное количество фабрик и заводов непрерывно эвакуируются, их еще слишком много в столице. Главная политическая и стратегическая цель врага — захват Москвы.

Великая битва начала разворачиваться на пространстве от верховьев Волги в Калининской области до Курской области. Истерзанная наша Родина, прекрасная наша Россия, находится

в смертельной опасности. Общество наше единомысленно. Отступление наше еще больше объединяет всех и обозляет народ. Очень быстро война охватила всех, никто не остался в стороне, и поэтому равнодушных нет. Но прекрасноразумные еще есть пока. Еще не разозлились как следует. Шкурники, трусы, предатели, конечно, тоже есть. Настроение очень тревожное, все больше народу уезжает из Москвы.

Гитлеровская военная машина совершенна, но нам надо ее сокрушить. А они не верят, что мы это сможем. Они нас недооценивают и переоценивают себя. В отношении русских все европейцы невежественны. Объективного отношения и понимания русской жизни, работы, армии, русского характера нет. Гитлеровские войска весь мир считают непобедимыми, стратегия и тактика их генералов кажутся всем непревзойденными.

В великой битве, что идет сейчас, мы не только отступаем, но, отступая, перемалываем главные кадровые части, и не на коленях, как вся Европа. Наши вооруженные силы не уничтожены и государство не разбито, хотя и отданы огромные территории России. Верю, не придется нам на коленях стоять, чего бы это ни стоило. Но нам всем, конечно, тяжело и страшно, и многие, многие могут погибнуть, не снеся всех страданий и тяжести войны».

4

Как медленно зарастают шрамы на теле земли! Уже взрослыми стали внуки победителей... А так близка, оказывается, война. Лишь перейди Миус, темную, узкую полосу воды, — и вот первая линия траншей, расплывшихся, заросших травой. Еще шаг — колючая проволока давнего заграждения выросла, впаялась в ствол дерева. Большая, глубокая яма, поросшая крапивой, — блиндаж...

По-летнему жаркий день, чистое-чистое, без единого облачка, небо, а откуда-то с высоты срываются капли. Когда налетает ветер, сыплется град дождинок. Это плачет над Миусом старая верба, иссеченная осколками.

По ком плачешь, верба?..

Здесь стояли насмерть солдаты шахтерских дивизий. От первых боев до последних, под Берлином, с 395-й шахтерской стрелковой дивизией был ее комиссар Владимир Ильич Санюк.

Ему было за семьдесят, когда мы встретились, но лицо его, чуть округлое, подвижное, живое, скрывало годы.

— Не стареют ветераны!

Он улыбнулся и достал из ящика письменного стола папку. В ней лежали комсомольские грамоты за активную работу с молодежью и групповой снимок молодых ребят — эпохи первых послеоктябрьских лет. Над непокрытыми чубатыми головами, над кожанками и косоворотками, над строгими, мечтательными, распахнутыми взглядами трепетало знамя. По красному полотнищу торопились буквы: «Юные пролетарии, соединяйтесь!» Удивительное дело — почти не изменилось его лицо: в мальчишке во втором ряду сразу узнаешь Санюка. Тогда, в девятнадцатом, он был секретарем уездного комитета комсомола...

Он вспоминает имена товарищей, боевые эпизоды. Среди книг на его столе — карта Ворошиловградской и Донецкой областей. Мы расстилаем ее, и комиссар ведет нас по 70-километровому фронту дивизии («В каких академиях учили, что дивизия будет занимать такой фронт?»), по октябрю сорок первого, где стрелковые роты бьются с танками генерала Клейста. Люди против танков. Это в его памяти навсегда.

В те дни эмигрантский «Технико-экономический вестник» опубликовал большую статью о Донбассе. В одном из пражских архивов нам встретила ее корректура. «Донбасс является основной угольной базой европейской части СССР». Слово «является» перечеркнуто. Размашисто вписано: «был».

Донбасс, наша родная Всесоюзная кочегарка! Каждые вторая тонна угля, пятая тонна стали, третья тонна чугуна были перед войной донбассовскими. На угле Донбасса работала половина металлургических заводов, почти все химические, три четверти теплоэлектростанций.

Но и враг знал цену Донбассу.

18 декабря 1940 года Гитлер подписал директиву № 21, получившую кодовое наименование «Барбаросса».

«По окончании сражений южнее и севернее припятских болот, — говорилось в директиве, — в ходе преследования следует обеспечить выполнение следующих задач:

на юге — своевременно занять важный в военном и экономическом отношении Донецкий бассейн;

на севере — быстро выйти к Москве...»

Дополним эти строки плана агрессии другими документами рейха, напечатанными некогда лишь в нескольких экземплярах, увешанными самыми строгими грифами: «Совершенно секретно», «Только для командования», «Передавать только через офицера»...

Из документов верховного главнокомандования вермахта: «4 августа 1941 г.

Фюрер: Для принятия решений о продолжении операций определяющей является задача лишить противника жизненно важных районов.

Первая достижимая цель — Ленинград и русское побережье Балтийского моря в связи с тем, что в этом районе имеется большое число промышленных предприятий, а в самом Ленинграде находится единственный завод по производству сверхтяжелых танков.

На втором месте по важности для противника стоит юг России, в частности, Донецкий бассейн, начиная от района Харькова. Там расположена вся база русской экономики. Овладение этим районом неизбежно привело бы к крушению всей экономики русских. Поэтому фюрер имеет в виду в первую очередь повернуть крупные силы группы армий «Центр» на юго-восток...»

29 сентября 1941 года фашистские войска из района Днепропетровска нанесли сильный удар в юго-восточном направлении. Им противостояли части, уступавшие в живой силе в два раза, в артиллерии и минометах — в три, в самолетах — в два раза. Моторизованные корпуса прорвали оборону наших частей, не успевших закрепиться на новом рубеже. Под угрозой оказался тыл Южного фронта. Командующий фронтом отдал приказ отойти на рубеж Павлоград — Большой Токмак — Мелитополь — озеро Молочное. Но и здесь закрепиться не удалось.

Седьмого октября севернее Осипенко (Бердянска) сомкнулись фашистские 1-я танковая и 11-я армии. Они отрезали часть войск наших 18-й и 9-й армий. Окруженные части в упорных боях вырывались из кольца. 18-я армия отходила к Сталино, 9-я — к северу от Таганрога. Вдоль берега Азовского моря рвались немецкие танки, чтобы замкнуть новое кольцо...

Пройдет два года. В сорок третьем на дорогах наступления Борис Горбатов вспомнит эти октябрьские дни, вспомнит Донбасс в обороне.

«На улицах Сталино вели арьергардные бои бойцы шахтерской дивизии Павлова, ныне генерала, а тогда еще полковника. У станции Амвросиевка, где потом решалась судьба Донбасса, дрались танкисты Колосова.

Много лет назад я работал в школе Боково-Антрацита. Сейчас мы проезжали мимо нее. Здание стояло пустое, безжизненное, ослепленное. Горела шахта 14—15, часто рвались толовые шашки, отлетали куски рельсов, надвигалась война. С котомками на плечах уходили на северо-восток угрюмые люди. Они уходили от войны.

Но все медленнее был темп отхода. Вот после многодневных боев у Зуевской ГРЭС прошли через Чистяково казаки генерала Кириченко — и это уже был конец отходу. Еще догорала чистяковская нефтебаза, но это уже было последнее зарево в том году. У Красного Луча фронт встал. Полк капитана Кипиани, малочисленный, но сохранивший все пулеметы и орудия, принял очередной удар врага, подался еще на 2 километра назад и остановился. Здесь он залег в землю и восемь месяцев удерживал свой участок обороны.

И сейчас курганы над Миусом хранят осколки мин, снарядов и бомб, почерневшие, источенные временем гильзы, иссеченные обрывки патронташей. На самой вершине скалистого кряжа невесть как произрос сквозь камни дуб. Он расщеплен у основания прямым попаданием вражеского снаряда, наполовину обгорел, но ожил, дал новые побеги...

Далеко-далеко видно с кручи. Ниточка дыма вьется над трубами Штэргрэса, одной из первых электростанций, построенных в Донбассе по ленинскому плану ГОЭЛРО. Терриконы вокруг — на одном из них был командный пункт полка. Чуть слышно гудят вентиляторы шахт, нагнетая под землю пахнущий степью воздух. Тени облаков лежат на тронутых осенью склонах балок. И где-то считает годы кукушка. Куковала ребятам долгую жизнь...

Вон за той грядой, на окраине села Княгиневка, вели они последний бой — разведчица Герой Советского Союза Нина Гнилицкая, комиссар разведроты Герой Советского Союза Спартак Железный, пятнадцатилетний связной комиссара Юра Рязанцев... Там, где сражалась разведка, стоит теперь бетонная плита. Напоминает: «Здесь был бой...»

На другой вершине солдаты-шахтеры водрузили Первого мая 1942 года красное знамя... И на этом месте красные следопыты патриотического клуба «Подвиг» города Красный Луч установили памятный знак. Обтесанные глыбы камня напоминают издали развернутое полотнище.

У самой передовой работали шахты. Угольным трестом прифронтового района руководил Никита Изотов. Горный мастер, выписывая наряд, мысленно проходил по штреку, добирался до дальнего забоя и вдруг поражался неожиданной мысли: возможно, там, то есть наверху, на-гора, немецкая оборона. Улыбаясь, он замечал забойщикам:

— Под немца будете подкапываться. Так что давайте. Донбасс работал!..

Где-то здесь, на Миусском кургане, фашистская пуля настигла Володю, московского паренька, предчувствовавшего, что он уже никогда не вернется в свой Столешников переулок...

ИЗ «ДНЕВНИКА — POST SKRIPTUM»

«Однажды утром, открыв пакет из Берлина, Россиневич, представитель гетманской управы в Праге, у которого несколько лет назад мне довелось брать интервью, обрадовался:

— Наконец-то!

«В связи с развитием событий на украинских землях, — говорилось в письме, — немецкие учреждения обращаются с предложениями рекомендовать для тех или иных функций надежных и работоспособных людей. В частности, для работы среди пленных, разделения массы на упрямо-большевистские и небольшевистские элементы, для организации антикоммунистической пропаганды среди пленных...» Далее предписывалось — по согласованию с германскими властями — всем учителям немедленно готовиться к отъезду на службу на родных землях...

Россиневич созвал громаду. В лагеря военнопленных немедленно согласился выехать Теодор Власенко. Охочих ехать на «родные земли» заметно поубавилось после того, как в Праге узнали, что в Житомире застрелены Сциборский и Сенюк. Но один все же нашелся...

В начале января 1942 года Петро Орел отправился в далекий путь... На пару дней задержался в Киеве. Там все еще дымилось. Взрывались ни с того ни с сего дома... Создавался какой-то Украинский национальный совет с генералом Омеляновичем-Павленко, Олегом Олесем, сыном известного поэта...

Через несколько дней он отправился дальше, в Юзовку, затем в город Красногоровку, где ему предстояло начало инспекторской службы...»

О палаческой службе Орла у фашистов на «родной земле» мы прочитали много лет спустя в рукописных записках красногоровских инженеров В. Явдаченко и А. Ларенкова, составленных ими по рассказам очевидцев сразу после войны в срок пятом году.

...После оккупации города на службу к фашистским властям пошли бывшие помещики и кулаки. Особенно проявил себя бывший кулак из Харьковской области Бондаренко. Стараниями последнего под руководством прибывшего неизвестно откуда Петра Орла были организованы выборы старосты Штогриня. Бывший кулак и хозяин крупной мельницы Солод оказался яростным противником Советской власти и добился сво-

его назначения директором завода. Бывший мастер Тетеревятников, в прошлом крупный помещик, в период оккупации стал начальником жилищно-коммунального отдела. Под стать ему были и полицаи Хорошун, Катюга, бухгалтер Руденко. На службу к немцам в полицию и на завод пошли, кроме «бывших», пьяницы и воры. Так, сменивший Тетеревятникова начальник ЖКО Бойко в период оккупации не протрезвлялся, торгуя хозяйством города на все стороны.

Всю зиму 1941—1942 гг. не прекращались репрессии против населения. Оккупанты состряпали предлог — будто бы кем-то была пущена ракета — условный сигнал для советских самолетов — и всех подозреваемых собрали в районном центре Марьинка, где подвергали их нечеловеческим пыткам. Так, пьяный комендант района немец Блок избивал людей до полусмерти, а когда жертвы падали, топтал их ногами. Избитых ставили к стенке и инсценировали расстрел. При пытках были до смерти замучены Енин, Подольский, Степаненко. Уцелевших после этих издевательств привезли для расстрела снова в Красногоровку.

Навсегда останутся в памяти жителей Красногоровки женщины с грудными младенцами, маленькие дети, стоящие на краю противоположной щели перед озверевшими пьяными офицерами и эсэсовцами. Расстрел производили на глазах населения за общежитием ФЗО. Всего расстреляно 119 человек.

Вот что рассказывает о днях оккупации очевидец, комсомолец Н. М. Авдеева:

«22 февраля 1942 г. задержанных во время облавы согнали в полицию гор. Красногоровки, а затем под конвоем отправили в Марьинку в помещение клуба. Еще на улице, подходя к клубу, мы слышали душераздирающие крики избиваемых в клубе людей. У входа в клуб стояли Орел, Бондаренко и два немца, которые встречали ударами подводимых к клубу коммунистов и комсомольцев.

Блок и другие гитлеровцы уже вели допрос, спрашивая: «Кто сигнализировал советскому самолету?» После этого одного за другим вызывали за закрытую занавесом сцену клуба партийцев и комсомольцев. Истязали плетками, нагайками и просто руками. Так продолжалось до 12 час. ночи. В этот вечер до смерти были замучены старые члены партии Енин, Степаненко, Задорожный.

В нетопленном зале, в 40-градусный мороз, голодные, мы просидели всю ночь.

Утром в клуб пригнали евреев и целыми группами вывели на сцену. Допрос и истязания евреев производили при открытом занавесе.

По оголенным плечам и спинам стегали плетками, пальцы и уши откусывали кусачками. После того, как десятки людей были замучены до смерти и лежали трупами, немец Блок, указывая на них пальцами, кричал находившимся в зале: «То же будет и вам, собаки!»

Избитых и измученных евреев бросили в холодный сырой подвал, а потом расстреляли. Так погибли Подольский, Левина, Мессерова.

В это тяжелое для страны время организованная Орлом и Бондаренко из разных подонков и отщепенцев полиция занималась грабежами и убийствами. Так полицейские Семенец, Тимофеев, Дидоренко с целью грабежа убили у моста по дороге в Марьинку молочника Андриющенко. Полицейские охраняли благополучие городского старосты и директора завода. На службе у Солода устроился проходимец Радичук и сбежавший из армии и от суда Погорелов. Случайно принятый (очевидно, из-за более-менее приличного вида и новой шляпы) за директора в одной из немецких комендатур, Радичук объявил себя «хозяином завода». Из-за этого разгорелась борьба за теплое место немецкого слуги между Радичуком и Солодом.

Но немецкие власти не доверяли даже этим матерым изменникам Советской власти и назначили контроль — вначале из итальянских офицеров, а затем и немецких.

За два года оккупации немецкая фирма «Земля и камень» Г. Геринга прислала на завод следующих представителей:

1. Комиссара завода капитана Кеттеля;
2. Комиссара завода капитана Зульцбахера;
3. Главного бухгалтера завода Даль-Ри;
4. Помощника комиссара Пане;
5. Помощника комиссара Кюха;
6. Помощника комиссара Котенбаха.

Для характеристики присылаемых в Красногоровку немцев достаточно привести следующее: первый комиссар завода Кеттель имел исключительно свирепый характер. Он обязательно требовал, чтобы встретившийся ему рабочий снимал перед ним головной убор. При невыполнении этого рабочий получал удар. Сам же «господин» на вынужденные приветствия рабочих никак не отвечал.

Второй комиссар, Зульцбахер, присланный, очевидно, в Красногоровку по тотальной мобилизации, — старик. Все свое время проводил в малиннике подсобного хозяйства завода.

Пане работал в Германии химиком-аналитиком. Приехав на оккупированную территорию, он объявил себя профессором химии.

Котенбах, бывший на родине мелким бауером, объявил себя доктором сельскохозяйственных наук. На базе завода безалкогольных напитков, в помещении школы-десятилетки, он развернул производство... самогона. На изготовление его забирали ягоды (малину, вишни, сливы) из подсобного хозяйства завода и окружающих хозяйств.

Немецкие оккупанты беспощадно разрушали народное хозяйство, культурные учреждения. Так, летний кинотеатр в саду имени Артема превратили в конюшню, разбирали на дрова жилые дома заводского поселка. Единственным сооружением, построенным оккупантами, оказалась деревянная уборная во дворе полиции.

Главным занятием всех присланных в Красногоровку немецких «господ» было «приобретение» масла, жиров, фруктов и отправка их в запаянных бидонах семьям в Германию.

Для использования плодороднейших земель и вывоза зерна, скота и сельскохозяйственных продуктов в Красногоровку прислали коменданта Нагеля и др. Активными помощниками коменданта по разграблению города были Орел, Бондаренко и переводчица, местная немка Христенко.

Гитлеровцы насильно угоняли в Германию местных жителей, по ночам устраивали облавы на молодежь.

Немецкие власти, несмотря на захват плодороднейших полей Украины, не смогли да и не пытались организовать снабжение населения хлебом. Чтобы хотя бы как-нибудь прокормиться и не умереть от голода, жители города употребляли в пищу всевозможные суррогаты: жмыхи, мерзлую свеклу, кукурузу, горелый хлеб. За сотни километров «ездили» двухколесными тачками менять на хлеб оставшееся имущество и одежду. Дети «специализировались» на собирании колосков, которое разрешалось немецкими властями после уборки хлеба и выпаса скота. Для помола зерна почти в каждом доме имелась ручная мельница.

Несмотря на большой интерес оккупантов к огнеупорному заводу, им так и не удалось его восстановить. Лишь за четыре месяца перед поспешным отступлением оккупанты восстановили и частично пустили шамотный цех.

Такое положение могло быть и было в действительности только из-за ненависти оккупированных жителей к своим поработителям.

При отступлении немецкими оккупантами причинены следующие разрушения: взорваны 2 дымовые трубы, центральная газогенераторная станция, градирня, шахтные печи Гросса, газостанция Моргана, электростанция с трансформаторами, старая и новая водокачки с насосами, две водонапорные башни, прессы и станки механической мастерской, котлы парокотельной. Уничтожены крыши и междуэтажные перекрытия почти всех корпусов завода. В заводском поселке и гор. Красногоровка разрушены, сожжены и повреждены десятки домов, что составляет 14 300 кв. м жилой площади и 172 000 кв. м соцбытовых помещений.

Для восстановления разрушенного немецкими оккупантами завода потребовалось 133,7 миллиона рублей...

6

С той давней поры, когда к металлургическому заводу и к шахте прилепились первые казармы, сложенные из плоского бутового камня, улицы в поселке, а потом по привычке и в городе, называли линиями. От террикона линии задами сползали к крутой балке, где неспешно текла мутноватая речушка, и взбирались на крутой склон — Донскую сторону.

Со временем город рос, на центральной улице — Первой линии — поднялись кирпичные дома, ее покрыли асфальтом, от завода до вокзала пустили троллейбус. Но вправо и влево от этой магистрали цивилизации все оставалось по-прежнему. Весной линии утопали по колено в грязи. Первые тропки, как всегда, прокладывались к колонкам, стоявшим на перекрестках. Потом зацветала белая акация, усыпая все вокруг лепестками, и пацанва набрасывалась на пышные веточки, самое доступное лакомство нашего детства.

Жили здесь рабочие металлургического завода и ближних шахт — катали, лесогоны, навалоотбойщики, мелкий чиновный люд. Русская речь мешалась с украинской, гармоника переключалась с ассирийской зурной, бешбармак оказывался на одном столе с мацой.

Война, оказалось, мало затронула Девятнадцатую линию. Со стороны она выглядела такой же, как прежде. Но впечатление было обманчивым. Над замерзшей улицей лишь кое-где теплились дымки. В городе, стоящем на угле, угля не было.

Вода из обледеневших по самую макушку колонок текла жидкой струйкой раз в день, и к ним выстраивались длиннющие очереди.

Под каждой крышей жили свои надежды, свои заботы, тревоги... Мы, мальчишки, вместе со взрослыми горевали: как далеко отошли наши? Кто говорил: недалеко, скоро вернутся. Кто-то угрожал: не бывать здесь больше красным.

Фронт и в самом деле стоял недалеко: по Миусу, на восточном рубеже Донбасса. А здесь, как мы узнали уже взрослыми, созданная по инициативе Геринга организация «Берг-Гюнте Ост» вербовала инженеров и рабочих восстанавливать шахты. Мы помним, как в магазины Юзовки завезли соду, соль и анилиновые краски, и продажный «Голос» расценивал это как «большое достижение».

Петро Орел работал в городской управе. Сюда, как и в другие управы временно оккупированной фашистами территории Украины, приносили письма из деревень, поселков...

ИЗ «ДНЕВНИКА — POST SKRIPTUM»

Пометка рукой Кости Найдича: «Снятые мной копии писем с Украины».

...Седьмого февраля 1942 года с Девятнадцатой линии ушло письмо в Берлин. Адрес на конверте был написан по-немецки и по-русски: «Германия, Берлин, улица принца Фридриха Карла I». На двух языках значился и обратный адрес: «Украина, Донбасс, Юзовка, 19-я линия, д. № 53, Дрозин Н. И.»

В конверте лежало письмо.

«Брат мой, Алексей Ильич Дрозин, во время гражданской войны 1917—1919 г. сражался в рядах Добровольческой армии Деникина — Врангеля. В 1919 г. с остатками Добровольческой армии он эвакуировался из России. Связь с ним была потеряна, т. к. вести с ним переписку было опасно. По имеющимся сведениям, мой брат как химик с высшим образованием работал то ли в Германии, то ли в Бельгии. Очень прошу редакцию помочь мне разыскать моего брата или, по крайней мере, указать, как я могу его разыскать. Мой адрес: г. Юзовка (Сталино), 19-я линия, № 53.

12/II-42.

Николай Дрозин».

Во втором письме какой-то Михайлов из Старобешева запрашивал берлинскую газету о своем сыне:

«Сын мой, Михайлов Иван Николаевич, 15/X—41 отправился со ст. Щегловка через ст. Ясиноватая (Донбасс) вместе с эшеленом, в котором ехали сотрудники Сталинского (Юзовского) индустриального института. Эшелон направлялся в Западную Сибирь.

По имеющимся у меня сведениям (возможно, неточным), эшелону пройти к намеченной цели не удалось, т. к. все пути от Сталино, как на восток, через Дебальцево, так и на север, через Славянск, были перерезаны. По-видимому, все лица, ехавшие указанным эшелонам, в том числе и мой сын, попали в плен.

Сообщая об изложенном, прошу навести справку и сообщить мне, находится ли мой сын в плену и где именно».

Письма приносили мешками. Не раскрывая конверты, в редакции знали, что в них: просьба найти сына, мужа, брата, отца...

Такой была почта всех украинских газет в Германии: и «Нової доби», и «Українського вісника», и «Української дійсності», и «Голоса», которому как раз подыскивали редактора. В доверительном письме Россиневичу Мурашко сообщил: «Направление и программа «Голоса»: бороться с большевизмом».

День в редакции начинался со споров, надоевших, скучных.

— Украинское население в городах и селах восторженно встречало приход немецкого войска на Украину в 1941 году...

— Вы видели это в кино?

— Да.

— Эти фильмы снимаются в павильонах студии «Баррандов» у Конопиште, под Прагой.

— Об этом знаем мы с вами...

— Допустим... Итак, восторженно встречали... И что же дальше?

— Прошло всего два года с тех пор, а отношения наших народов, мягко говоря, неприязненны.

— В чем же причина?

— Большевикам, большевистской пропаганде и агитации немецкая власть ничего не противопоставила. Большевики утверждают, что борются за «независимую украинскую культуру, за благосостояние, за веселую и счастливую жизнь». Против этой пропаганды немцы на Украине были и есть бессильны. Не было необходимой контрпропаганды. Напротив, еще и сейчас немецкая пресса уделяет много места обсуждению вопросов колонизации Востока, и это умело использует советская пропаганда. Общение с солдатами Красной Армии, военнопленными, такое, что оно вынудило держаться в рядах Советской Армии и тех, кто глубоко ненавидит Сталина и его режим.

— Вы думаете, таких много? Знаете, есть выражение «жертва пропаганды». Вы стали жертвой собственной пропаганды.

— Ладно, ладно... А что вы скажете о вывозе украинской молодежи на работу в Германию и особенно об унижительном для человеческого достоинства и национальной чести обращении с нашими рабочими в Германии?

— Обращении? Давайте почитаем, что мы сами пишем: просторные комнаты, чистое белье, вечера отдыха, родные песни...

— Бросьте вы это... Мы же договорились откровенно...

Без стука, как к себе домой, в кабинет вошел ответственный секретарь, немец, списанный по ранению из вермахта.

— О чем спор, господа?

— Да вот, — замялись коллеги, — говорим о немецкой политике на Украине.

— Вам не нравится эта политика? — сухо спросил Фридрих. — Что же вы предлагаете?

— Дать украинскому народу политическую самостоятельность. — Найдич увидел, как после этих своих слов Кулиш побледнел.

Костя не работал в газете, перебивался с хлеба на квас. Война застала его в командировке в Берлине на больничной койке, куда свалило его острое воспаление легких. И вот задержался. Обессиленный, он случайно встретил на улице знакомого еще по Праге Кулиша, который, ничего не объясняя, пригласил Костю в свою, как он сказал, контору: мол, приходи, нам нужны талантливые люди; кроме того, почитаешь письма, которые приходят с Украины, может, заинтересуешься...

Фридрих мысленно улыбнулся наивности этого «оста», пригласив его в лучшем случае для того, чтобы чистить навоз, но на лице его не дрогнул ни один мускул.

— Остановить отправку украинских рабочих в Германию, — продолжал Кулиш, — поставить их наравне с немецкими рабочими по условиям питания, труда, лечения...

И опять Фридрих удивился наглости этого украинского хамы. Что он хочет? Кормить украинцев? Дать им образование? Развивать культуру? Прессу? Свободу политических, творческих союзов?

— Создать украинскую регулярную армию, которая бы... — Кулиш запнулся, но все же договорил: — ...которая могла бы на деле помочь героической немецкой армии...

Дальше Фридрих не слушал. Он сам был там, на Восточном фронте, на черной реке Миус, там оставил руку, а этот выродок сидит в Берлине и смеет поучать арийцев. Он смотрел,

как Кулиш, теперь уже раскрасневшись, поправляет очки, и думал, что хорошо бы поставить его к стенке. А вслух сказал:

— Итак, подведем итоги... Ваши предложения я передам по инстанции, но не увлекайтесь. Украинские рабочие будут в Германии. Условия войны для всех равны. Подумайте, как сказать об этом со страниц газеты.— И повернулся к Найдичу: — А посторонних прошу покинуть помещение.

Впрочем, Найдичу не надо было об этом и напоминать. Его стошнило от Кулишовой конторы, от этих разговоров...

В свите Гофмана, адъютанта Мартина Бормана при штабе Главного командования (ОКВ), Фридрих объездил пол-Украины.

«Не в наших интересах уничтожать этот народ,— писал в докладной записке Гофман.— Он должен работать на нас. Мы не будем содействовать школьному образованию. Мы обязаны держать местное население в темноте, так, как было при царизме. Только креатуры, которые будут нам прислуживать, могут подняться на более высокий уровень, чтобы нам было легче править страной... Учителей необходимо подчинить немецкой власти. Тех учителей, которые не захотят того же самого, что мы, безусловно, заменить другими. Не имею никаких возражений, чтобы всех учителей финансово хорошо обеспечить и сделать из них безвольный инструмент немецкого духа. Они должны оставаться в положении бросивших родину, чтобы мы могли играть ими, как мячиками».

После рапорта Фридриха о разговоре в редакции он добавил к записке: «Думаю, что для добра Германии нам нужно быть более решительными и вышвырнуть всех эмигрантов, украинских экспертов, которые сидят в Берлине и других городах и думают, что разбираются в восточной политике».

Шеф посмеялся над последним абзацем:

— Будем пока заигрывать с эмиграцией. Это болото исправно поставляет предателей, диверсантов, шпионов, осведомителей...

После указаний Фридриха, которыми завершился спор в редакции, написать «Письмо работникам-украинцам», как узнал Найдич, вызвался некий Онуфриенко. Начал он игриво: «Страшно жалею, что я не поэт, потому что тогда это письмо я написал бы стихами...»

Василь погрыз кончик ручки и махнул дальше суровой прозой: «Наша работа здесь должна помочь решить судьбу миллионов, а не одной только семьи. И разве не стыдно было бы нам сидеть дома за печкой, тогда как одни с оружием, а другие с лопатой стоят на фронте в упорной борьбе за луч-

шее будущее? И разве в таком случае мы и наш народ имели бы право на лучшую судьбу и на жизнь вообще?»

«Не слишком лихо про народ? — перечитал он последние строчки. — Пожалуй, нет — в самую жилу». Сам-то он не остался за печкой, при первом случае вместе с женой поехал в Германию, а что же остальные отсиживаются?

А в соседней, разместившейся за углом редакции другой его продажный коллега, некто Акперов, корпел над воззванием к братьям-мусульманам, призывал их во имя аллаха вставать под знамена со свастикой...

7

...Там, где Онуфриенко сейчас живет, все иное: небо, солнце, облака, цветы, деревья, травы... Солнце идет с запада на восток, а не с востока на запад, как привык он с детских лет. Ему кажется поганой вода — ей далеко до колодезной украинской водицы, которую поднимал из черной, гулкой глубины отец, потом и он сам, припадая иссохшими губами к холодному краю ведра.

Он давно уже живет в Австралии, и не раз в поездках ему казалось: вот сейчас будет Ханделеевка, а потом Кишенька начнется... «И такая тоска сердце стиснет, — пишет он родным и брату, — что вы себе не представляете. И тогда думаешь: и куда же тебя занесло?» А в другой раз, совсем некстати и вроде без причин, когда он нажимает клавиши счетной машины, чтобы посчитать хозяйские доходы, вдруг встанет в памяти украинская весна: вода разлилась кругом, на вербах набухают почки. Они с отцом гребут в лодке, а вода тихая, тянется далеко-далеко, до гор на правобережье. А вечерами жабы как начнут кумкать — не заснуть. И где-то поют девчата... Мелькнет картинка и исчезнет.

Между нынешним его пристанищем и родным домом лежат версты и годы. И этот путь он избрал сам.

...Был класс в районной школе — первой десятилетке в районе. Как гордились ею! Наверно, больше, чем столица университетом. В школьном музее сохранилась большая фотография первого выпуска. Овальные портретики, подписи дужками. Киптилый — погиб на фронте. Перепелица — погиб на фронте. Суслa — погиб на фронте. Олексееенко — погиб на фронте...

В том же музее под стеклом лежит «Книга вечной славы». В ней имена четырехсот тридцати односельчан, павших на фронте, в подполье, при побеге с фашистской каторги. В селе

над кручей — братская могила. В ней похоронены две тысячи тридцать воинов Красной Армии, погибших при освобождении сел Кишеньки и Переволочно в сентябре — октябре 1943 года.

Две тысячи тридцать имен... Одно из них через сорок с лишним лет после Победы назвала стенографистка «Комсомольской правды» Екатерина Константиновна Благодарева. Все свое свободное время она отдает поиску документов войны, свидетельств народного подвига. В ее записках — обжигающе близкая правда тех лет, сохраненная в сердцах односельчан, жителей подмосковной деревни Исаково.

«Война отняла у Марии Александровны Зориной троих сыновей. Сергей служил на западной границе в г. Осовец. Анатолий — старший лейтенант, воевал на Украине, Василий — рядовой Советской Армии, умер от тяжелого ранения, не доехав до госпиталя. Сначала «похоронка» пришла на Василия, в феврале сорок третьего, потом на Анатолия, в октябре того же года. А от Сережи — ни одного письма. Пограничник. Сохранилась лишь довоенная фотография — молодой парень в новенькой красноармейской форме с кубиками на петлицах. На обратной стороне надпись: «На память родным. Сохраните эту фотографию. Кто знает, время сейчас напряженное, может, и не увидимся...»

Несмотря на большое горе, Мария Александровна, звеньевая, бригадир, беспартийный коммунист, продолжала работать в колхозе от зари до зари, помогая фронту. Сохранилось письмо Марии Александровны сыну, Семену Никитовичу. Старший сын, много раз раненный и контуженный, прошел всю войну и вернулся домой.

«Здравствуй, дорогой сынок Сеня!

Шлю я тебе свой материнский привет, крепко целую и желаю добрых сил и здоровья на разгром проклятого врага. Гоните и уничтожайте их до последнего, не оставляйте ни одного гада, очищайте нашу священную землю. Письмо твое получила. И от Груни, твоей жены, тоже, и от Толи получила. Он узнал, что Вася погиб, очень жалеет и обещает отомстить врагу жестоко за Васю и Сережу. Я поздравляю вас с победой, с тем, что прорвали оборону врага. Слава нашей Красной Армии! Ждем вас, сынки наши, со славной победой! Я пока жива, здоровье неважное, но буду помогать громить врага своим трудом до последнего.

Ваша мама».

Немного позже пришло извещение о гибели Анатолия: «Зорин Анатолий Никитович 19.10.43 г. умер от ран. Похоронен в с. Кишеньки Полтавской области».

Мария Александровна часто стояла у калитки и смотрела на дорогу. Всегда в черном платке. Всегда печальная. Не сломленная, хотя и потерявшая троих сыновей. Я видела ее вот так много лет. И она осталась в моей памяти доброй и мужественной, несгибаемой женщиной».

Предвоенный выпуск... Почти все в сорок первом ушли на фронт добровольцами. Мать Трофима Бовкуна и сейчас бережно хранит письма сына и считает его годы. В большой комнате на стене — фотографии молоденького политрука, перевитые рушниками, шитыми заполочью.

«...учиться окончил, присвоили звание политрука, и сейчас уезжаю, а куда — вам известно. Война с фашистами только начинается, жестокая война. И все-таки победа будет за нами, за Красной Армией, хотя стоять она будет и многих жертв.

Пусть знают все труженики, что сын колхозника Бовкуна Сергея Васильевича с честью защищает их мирный труд, счастливую, светлую жизнь. Это письмо я отправляю с Курского вокзала. Здесь же, на «пятиминутке», сфотографировался. Со мной четыре товарища: посередине два сибиряка — Валентин и Жорж, еще один товарищ из Днепропетровской области».

И еще одно письмо, помеченное июлем 1941 года: «Я назначен заместителем командира батареи по политчасти. Я ничего не боюсь. Победим мы».

Он собирался стать историком, изучать историю Украины. Но пока все научные планы пришлось отложить. Из университета Трофим перешел в военное училище. И мама одобрила это.

В тридцатые годы она собрала сирот со всей округи, колхоз отвел им пустующую кулацкую хату. Всех выходила. И сейчас ей пишут ее названные дети и названные внуки. Муж после войны умер от ран. Она всю жизнь работала в колхозе.

— Когда собирали кошты на литака, я, как депутат, всегда первая свои жертвовала, а потом по людям шла. Хожу и собираю, кто сколько может.

Сплошным пепелищем лежало село. Председатель сельсовета, наш ровесник, хорошо помнит, как немцы поджигали хату. Мать сунула мальчишке арбуз: «Отнеси тому дядьке, может, не сожжет». Вояка оттолкнул мальчонку. «До сих пор вижу, как тот кавун покатился. И — пламя!» А дальше в памяти провал...

Ваня Марченко, самый младший среди приятелей, стал подпольщиком. Подполье в районе возглавил секретарь райко-

ма партии Федор Александрович Шутко. Арестованный, он сумел передать родным страницу из «Ботаники» с красочными яблоками. Рядом приписка: «Живите и любите наш яркий красный цвет, цвет, который означает жизнь всей природы, цвет, что означает радость, счастье и победу. 14.III.1942».

Марченко назначили к угону в Германию. Он скрылся и после освобождения написал сестре: «Отправили нас под конвоем полиции на станцию Кобеляки. Там я убежал и за одну ночь пришел домой. И прятался полтора месяца. Потом меня нашли и снова повезли на станцию. И все-таки я добился своего, убежал и остался на нашей, советской стороне».

Когда Кишеньку освободили, Ваня ушел с Красной Армией. И погиб при форсировании Днепра.

Росли мальчишки. С обыкновенными биографиями в необыкновенное время, как писал Гайдар.

«Мы очень жалели, что опоздали родиться и что не нам достались революция и гражданская война. И все же белых — хотя и в воображении — мы били. Собирались на выгоне и, оседлав подсолнух или палку, с лозой вместо сабли — гайда рысью по селу... И девочки махали нам вслед ручонками».

«Когда мне исполнилось шесть лет, наши односельчане собрали деньги и при помощи государства построили хату для начальной школы. Но в школу идти — надо иметь хоть какую-нибудь обувь и одежду. Вот здесь и пришел на помощь комбед. Сестре выделили бушлат защитного цвета огромного размера, а мне выдали пиджачок с новой подкладкой».

«В первом классе мы уже знали, что такое «союз», «тоз», «индустриализация», «кулак». И враждовали с куркуленками, и не давали им прохода, даже на их территории. Во втором и третьем классе мы уже знали, что означают цифры «518» и «1040» — надо было построить столько МТС и совхозов. Мы знали, что такое пятилетка и почему наши отцы выдвинули лозунг «пять в четыре». Мы знали, что наше государство, созданное Лениным и руководимое Коммунистической партией, единственное в мире государство рабочих и крестьян. Мы знали, что оно многонационально. О дружбе и братстве мы говорили и пели песни. Мы со сцены читали стихи Джамбула Джабаева «Одиннадцать республик — одиннадцать сестер».

«Пионерскую газету» тогда получали одну на школу. С нетерпением ждали мы своей очереди прочитать ее. Нас захватывала и удивляла смелость папанинцев. Мальчики воображали себя папанинцами. При разговоре о них у ребят загорались глаза.

Смешно, но одного из нас, сироту Миколу Белана, ходившего по бедности в рваном сиряке и вечно синего от холода, дразнили папанинцем. И как в воду смотрели: наш Микола стал полярником».

«Разве был хоть один из нас, кто не слышал о героях — строителях Днепрогэса, Магнитки, Комсомольска-на-Амуре?! Разве оставили кого-нибудь равнодушными герои труда Стаханов, Кривонос, сестры Виноградовы, Паша Ангелина?! Мы все с восхищением повторяли имена героев-летчиков Водопьянова, Каманина, Чкалова, Гризодубовой... Все эти люди и многие другие, о которых в те далекие годы говорила вся наша страна, все они были для нас примером мужества и героизма».

«В школе у нас часто выступали участники революции и гражданской войны, рабочие шефствующих заводов. Не было комсомольского собрания, чтобы не присутствовал на нем коммунист, старый товарищ.

Уже в школе мы готовили себя к обороне Родины. Предметом гордости каждого был полный комплект значков «Будь готов к труду и обороне», «Будь готов к санитарной обороне», «Противовоздушная химическая оборона», «Ворошиловский стрелок». Как интересно проходили у нас уроки военного дела. Не лишенный поэтического дара, наш военрук сочинил целую поэму об устройстве винтовки, правилах меткой стрельбы:

Ствол со ствольною коробкой,
с рукояткою затвор...

Он сумел и нам внушить уважение к ратному труду солдата».

«А какие походы мы совершали! Это были не мальчишники-пикники, а настоящие походы, помогающие выработать выносливость и закалку. И, конечно, в то время мы не признавали других головных уборов, кроме «испанки», и любимой нашей песней была «Бандьера роса» — «Красное знамя», которую часто исполнял в то время Эрнст Буш. В 9-м классе уже имел, как мы говорили, полный бант значков: ГТО, ПВХО, ГСО, «Ворошиловский стрелок»... Особенно красив был значок «Ворошиловский всадник». Это была моя гордость. В армию мы ушли, увешанные значками».

Мы следили, внимательно следили, как поднимали голову фашисты в Италии и Германии, мы восхищались героями Хасана и Халхин-Гола... Мы, как и вся страна, готовились к схватке с фашизмом. Мы учились и готовили себя к возможным испытаниям...»

Таков коллективный портрет первого советского поколения, к которому по годам принадлежал и Онуфриенко.

По внешним приметам была у него биография, как у всех: школа, пионерский отряд, комсомол, работа по душе... Ему, вчерашнему десятикласснику, доверили учить детей. Потом, зная его тягу к журналистике, предложили перейти в редакцию районной газеты... Но и в школе, и в редакции он больше всего думал о себе, о своем успехе.

В армию его не призвали из-за высокой близорукости. Он остался в оккупации. И когда немцы открыли в его бывшей десятилетке сельхозучилище, нанялся сюда на работу. Преподавал украинский язык.

Старые — советские — учебники оккупанты запретили. Где-то в Праге и Берлине эмигранты лихорадочно писали новые. А пока рейхскомиссар Украины разрешил «вольное обучение», которое ограничивалось «чтением, письмом, счетом, физкультурой, играми, производственным и ручным трудом. Язык преподавания украинский или соответственно польский. Русский язык преподавать больше не следует». Учили детей до одиннадцати лет. Всех учеников старше пятнадцати лет приказывалось «закрытым способом отправить на работы в Германию».

По сравнению со своим шефом — рейхсфюрером войск СС Гиммлером — рейхскомиссар выглядел чуть ли не либералом. По мнению Гиммлера, для немецкого населения восточных областей было достаточно простого счета — самое большее до 500 — да умения расписаться. Умение читать он считал лишним. Такая школа должна была внушать, что «божественная заповедь заключается в том, чтобы повиноваться немцам...» Еще дальше шел Гитлер: «Идеально было бы научить их понимать лишь язык звуков и сигналов». Это из стенографической записи высказываний Гитлера от 3 марта 1942 года.

8

Документ из «Черной папки»: «Во время обследования Яцевской школы Черниговского района инспектором школ г. Новиковым М. А. выявлено, что учительница этой школы Дегтярева Н. Н. не выполнила нашего приказа под № 3 от 13/1-1942 года о конфискации литературы с коммунистическим содержанием и на уроках пользуется учебниками советского издания, а поэтому приказываю:

1. Учительницу Яцевской школы г. Дегтяреву с работы снять.

2. Приказ разослать по всем районам Черниговщины и объявить его в школах.

3. Инспекторам образования еще раз проверить исполнение школами нашего приказа от 13/І-1942 года под № 3.

4. Учителям школ во время уроков чтения использовать материалы, которые помещаются в газете «Українське Полісся» под названием «Страница для школьников».

Так вот распоряжался председатель межрайонного управления Черниговщины.

Эпизод в Яцевской школе не был случайным. Города, села, рабочие поселки саботировали фашистские приказы, вредили, как могли, захватчикам. Пятого ноября кишенецкая полиция вывесила приказ № 10 — «О расстреле за выступление против немецкого правительства». «30 октября 1941 года, — говорилось в нем, — за саботаж в работе, за агитацию против немецкой армии и теперешнего строя, за умышленную порчу двигателя с целью срыва успешной молотьбы расстрелян житель села Григорьевка Кишенецкого района Полонский Кирилл Данилович».

Онуфриенко жил всегда собой. Теперь это чувство усилилось животным страхом — как бы его не заподозрили в нелояльности, в саботаже. Он искал каждую возможность продемонстрировать свою вернопопданность. И нашел — когда оккупанты начали загонять молодежь в германское рабство.

Первые документы об этой варварской операции стали известны уже в начале войны. В марте 1942 года советские бойцы захватили у пленного немецкого офицера секретную инструкцию «Об актуальных задачах в восточных областях».

«Только отправка в Германию нескольких миллионов отборных русских рабочих, за счет неисчерпаемых резервов работоспособных, здоровых и крепких людей в оккупированных восточных областях, — говорилось в ней, — сможет разрешить неотложную проблему выравнивания неслыханной потребности в рабочей силе и покрыть тем самым катастрофический недостаток рабочих рук в Германии».

«Русские рабочие доказали свою способность при построении грандиозной русской индустрии. Теперь их следует использовать для Германии... Немецкие квалифицированные рабочие должны работать в военной промышленности, они не должны копать землю и разбивать камни, для этого существует русский, — таким было указание Геринга. — При применении мер поддержания порядка решающим являются быстрота и строгость. Должны применяться лишь следующие разновид-

ности наказания, без промежуточных ступеней: лишение питания и смертная казнь...»

Главный уполномоченный по использованию рабочей силы гауляйтер Фриц Заукель — Гитлер назначил его 21 марта 1942 года — через месяц разослал секретную программу главного уполномоченного по использованию рабочей силы.

«Для того, чтобы заметно разгрузить от работы крайне занятую немецкую крестьянку, фюрер поручил мне доставить в Германию из восточных областей 400—500 тысяч отборных, здоровых и крепких девушек. Если число добровольцев не оправдает ожиданий, — продолжал он, — то согласно приказанию во время вербовки следует применять самые строгие меры».

Но и эти меры не помогли.

Из доклада начальника политической полиции и службы безопасности при руководителе СС в Харькове «О положении в городе Харькове с 23 июля по 9 сентября 1942 года»:

«Вербовка рабочей силы доставляет соответствующим учреждениям беспокойство, ибо среди населения наблюдается крайне отрицательное отношение к отправке на работу в Германию. Положение в настоящее время таково, что каждый всеми средствами старается избежать вербовки (притворяются больными, бегут в леса, подкупают чиновников и т. п.). О добровольной отправке в Германию уже давно не может быть и речи».

Не было в оккупированных селах и городах ни одной семьи, которую обошла бы эта чума. Из Сталино (Донецка) до июля 1942 года был отправлен 101 эшелон с рабочими — мужчинами, женщинами, подростками. Всего в 1942 году фашисты вывезли около двух миллионов человек*.

Василь Онуфриенко и его Мария вызвались в Германию сами. И теперь он воспитывал «работников с Востока».

«Первый вопрос, который повторяется едва ли не во всех ваших письмах, это — *когда вернемся домой?* Ответим на него тоже вопросом: не знаете ли вы, когда закончится война? Не знаете. Так разрешите открыть вам тайну, сколько должна продолжаться наша работа в Германии: на время войны... Не важно, когда один или другой из нас будет на Украине, важно — на какой Украине».

Каторжанам разрешалось писать раз в месяц на почтовых карточках. Много ли скажешь, зная, что каждое твое слово

* Нюрнбергский процесс, т. I, с. 798.

прощупывает недреманное око цензуры?! Правду о «восточных рабочих» раскрывали трофейные письма.

«Моя соседка,— писала фрау Бок своему Вильгельму в 221-ю дивизию,— на днях приобрела себе работницу. Она внесла в кассу деньги, и ей предоставили возможность выбрать по вкусу из только что пригнанных сюда женщин».

«Нам должны прислать десять русских в пивоварню,— делилась с лейтенантом Герхардтом Шплеттом его Сузи.— Уж заставлю поворачиваться эту банду. Охотнее всего я перебила бы всех русских».

«Вчера днем к нам прибежала Анна-Лиза Ростерт,— писали из местечка Люгде обер-ефрейтору Рудольфу Ламмермайеру.— Она была сильно озлоблена. У них в свинарнике повесилась русская девка. Наши работницы-польки говорили, что фрау Ростерт все била, ругала русскую. Она прибыла сюда в апреле и все время ходила в слезах. Покончила с собой, вероятно, в минуту отчаяния. Мы успокаивали фрау Ростерт, можно ведь за недорогую цену приобрести новую русскую работницу».

«ИЗ ДНЕВНИКА — POST SKRIPTUM»

На исходе августа 1942 года, когда Германия на все лады трубила о победе своего оружия, «державникам» разрешили провести съезд. Перед началом помолились в украинской православной церкви за новые победы германского оружия, а потом пошли заседать на Габсбургерштрассе, 1.

Под вечер к заскучавшим делегатам прибыл гетман. Приветствуя его, Мурашко говорил: «Храбрые и дружественные нам немецкие войска освободили украинские земли от заклятого нашего врага — большевиков. Мы должны всеми своими силами поддержать немецкие войска в борьбе с этим человеческим злом».

Грянули «Ще не вмерла Україна». Гетман прослезился и сказал, что было бы хорошо послать приветственную телеграмму Гитлеру и Розенбергу. Послали, расписавшись еще раз в предательстве.

Вскоре после этого Мурашко, начальник организационного отдела гетманской управы, собрался в путь: «...я принял предложение немецких органов и выеду в ближайшее время на Украину, чтобы своим профессиональным опытом инженера помогать немецкой силе добить нашего векового врага — московский большевизм».

И вот от этого самого Мурашко в гетманский центр пришла из Киева, как сообщил мне один гетмановец, «оскорбитель-

ная открытка, в которой он обругал всю организацию». Мало того. Вернувшись в Берлин, бывший верный гетмановец полностью порвал с управой. Коллеги недоумевали. Что случилось? Обольшевичился? Нет, защитником Советской власти он не стал.

Через несколько лет мне довелось встретиться с ним, и я попросил его вспомнить о своей поездке в Киев. Он порылся в кипе бумаг и достал заметки о своем тогдашнем пребывании в Киеве:

«Был я на середине Лютеранской, как вдруг грянул сильный взрыв. Еще пару шагов — прямо на меня бегут люди, залитые кровью, один с окровавленным платочком на голове, другой — с красной маской вместо лица, третий — голый, только в рубашке. Что дальше? Дальше на носилках кого-то несут...

Целую ночь до шести часов бегали люди из выселенных домов и оседали по ярам, в парках, на улицах с наспех прихваченными вещами.

Все жилища раскрыты, немцы вроде бы ищут динамит, а сами выносят из квартир матрацы, мебель, подушки, ковры, электрическую плиту. Мародерствуют.

Горы покрученного железа, горы камня и кирпича, обгоревшие каркасы, грандиозный хаос...»

Тогда, во время поездки в Киев, даже при беглом взгляде Мурашко, наверное, понял: не друзья, а враги его народа пришли из Германии на Украину. И это надломило его. Он отошел от дел. Начал попивать. Переписывался с некоторыми приятелями, заглядывал в свои сделанные на Украине заметки, которые позже довелось прочитать и мне при встрече с ним.

«Человек чувствует себя здесь неуверенно на каждом шагу. Из трамвая и поезда могут выбросить, могут все забрать, избить, арестовать, могут собаку натравить на человека, могут убить... Все те, к кому вроде человек должен был бы обращаться за защитой. Спекуляция процветает. Главные спекулянты — немцы. Они ездят в отдельных вагонах, везут с собой всякое добро без проверок. И в городах продают по высоким ценам. А в других вагонах все забирают, даже кусок хлеба, который человек взял в дорогу».

«Публика просто не ориентируется в действительности. Предлагают вместе вывесить портреты Бандеры и Мельника. Или спрашивают, был ли славный полковник Коновалец мельниковцем или бандеровцем? Это не только смешно, но и трагично».

«Прочитал статью в «Новой добе». Кое-кто воодушевлен ею, я — нет. Самое интересное место там, где говорится, за что сражаются отдельные народы Востока. Казаки — за старый порядок, магометане за то, чтобы могли по-своему молиться богу, а белорусы и украинцы за то, чтобы могли присмотреться к европейской культуре. Я до сих пор о таких целях не слышал. Там есть и фотография, как маршируют украинские добровольцы. Беда только в том, что в других газетах была напечатана эта же самая фотография с подписью, что вот маршируют московские, в других — белорусские, а то и грузинские добровольцы. Есть основания не радоваться такой статье и считать ее очередной уткой, выпущенной для того, чтобы затушевать действительность.

Праздник государственности провели очень скромно. Готовились отмечать шире, да не было зла, хотя мы и твердили, что отмечаем 25 лет установления дружбы между Украиной и Германией. Именно этого, к слову говоря, от нас требовали.

Среди народа растет разочарование. Каждый смотрит, чтоб нынче пережить, а что будет завтра — все равно. Ширятся и левые настроения.

Меня мобилизовали на работу. До сих пор выкручивался, но теперь надо пойти. В одной высокой организации сказали, что работа на заводе важнее всех украинцев вместе с их организациями».

Передо мной еще одно характерное письмо — из архива Шептицкого, написанное для митрополита священником-разведчиком:

«...Расспрашивал бандеровца Кульчицкого Мирослава. Он изучал медицину во Львовском институте. По заданию провода поехал на Надднепровье. Скоро вернулся. «Ой, что там за люди! — рассказывает. — На немцев смотрят, как на зверей. На нас — как на предателей. Об ОУН ничего не знают и ничего не слышали. Спрашивал местных людей: «Вы за самостоятельную Украину?» Отвечали: «Была самостоятельная Украина, пока не пришли фашисты». — «Про греко-католическую церковь что-нибудь знаете?» Нет, ничего, говорят, не знаем. «В церковь вообще-то ходите?» Нет, отвечают, мы там ничего не потеряли, ничего и не найдем. «О митрополите Андрее Шептицком слышали?» Нет, не слышали... «Что ж вы тогда слышали, что знаете?» — «Знаем горе, которое повстречало нас». — «А кто победит в этой войне, советы или немцы?» — «Победит Красная Армия», — отвечали...»

В неизменившейся, по первому представлению, Праге образовались разные миры: оккупантов и коллаборационистов, рабочей, непокоренной столицы, которая начиняла песком бомбы, затягивала ремонт «тигров», несла правду стране через подпольные газеты и листовки. Между этими двумя мирами, соприкасаясь и с одним, и с другим, существовала эмигрантская Прага.

И у нее были свои заботы. Скажем, членов из «Братства для погребения православных русских граждан и содержания в порядке их могил в Чехии и Моравии» волновали вопросы росписи храма. Уже закончили роспись купола и алтарного абсида, работали над фреской «Воскресение Христово» на восточной стене. Предстояло получить разрешение на покупку золота, чтобы позолотить нимбы на стенах, выписать из Германии специальные краски, отремонтировать покоробившиеся двери крипто... Белокзаков волновали будущие границы Казакии и благорасположение гитлеровцев. Чины ловили каждую возможность засвидетельствовать свою верноподданность. На похороны Гейдриха, генерала СС, гитлеровского наместника в Праге, убитого чешскими подпольщиками, они приволокли громадный венок, за что удостоились сочувственного взгляда хозяев.

После смерти Гейдриха фашисты объявили в протекторате осадное положение. Каждый день в Кобылисах, на окраине Праги, гремели выстрелы. Там под пулями оккупантов пали Милош Красный, доблестный боец революции, один из вожakov чехословацкого комсомола Аничка Ираскова, связная Фучика... Фучик в это время томился в тюрьме на Панкраце. Его следователь Бем, отложив все дела, занялся русским студентом Васильевым.

В протоколах допроса арестованного после войны Бема говорится:

«Речь шла о русском студенте, который учился в Праге на медицинском факультете и в начале войны с СССР вступил в немецкую армию. После шестинедельного курса в Градец-Кралове его отправили на Восточный фронт. Там он попал в русский плен и был отвезен в Москву. В Москве получил приказ установить контакт с создающейся антифашистской организацией в Праге в сотрудничестве с белорусским полковником Воеводиным.

При переходе через немецкую линию фронта Васильева арестовали и передали гестапо в Варшаве. Я лично доставил Васильева специальным самолетом в Прагу. В это время я даже отложил дело Фучика».

ИЗ «ДНЕВНИКА — POST SKRIPTUM»

Собираясь в привычных кабачках, «державники» все неохотнее говорили о родных землях: мол, там, в городах и селах Западной Украины, молодежь сгоняют в эсэсовскую дивизию. А Павло Скоропадский утвердил «порядок преемственности гетманской власти и гетманской булавы в высшем руководстве гетманского движения и в Украинской державе». Украину в этом порядке он именовал «наследственным монархическим гетманством» и устанавливал, что «власть и булава переходит по наследству на первородного потомка мужского пола...» При этом он утверждал, что гетманская булава должна пребывать в его, Скоропадского, роду на вечные времена. Он еще верил в свою державу — «в ней не будет привилегированных и обиженных», «в основу экономической жизни будет положен принцип частной собственности, потому что частная собственность — это основа культуры и ее развития, но законом будет ограничен произвол собственников...»

В пражских кабачках судили-рядили, из какого дерева лучше сделать древко для державного стяга, толковали сны...

— Хуже всего, — авторитетно высказывался Россиневич, — когда увидишь во сне архиерея на велосипеде, а лучше — голую женщину...

— Ну, тебе только они и снятся!

Оживление в пересуды внесло открытие курсов офицеров дивизии СС «Галичина».

— Среди хлопцев, — рассказывал Россиневич после первой поездки в Конопиште, замок недалеко от Праги, — оказалось много сослуживцев. Я с ними просто душу отвел. Это не фантасты какие-нибудь. Люди, которые на все вещи смотрят совершенно реально. Среди них немало наших. Молодежи там, правда, мало. Очень жаль, что наша молодежь заблудилась между трех националистических сосен и не имеет теперь выхода.

Без всякого предупреждения однажды утром у Россиневича появился Орел. Оборванный, общипанный и угнетенный. Его напоили чаем, поднесли чарку и набросились с расспросами.

— Почему не писал?

— Во всем Киеве не мог достать открытку. Тем более в Юзовке, а тем более в Красногоровке.

— Ну как там, есть наши люди?

— Сейчас никого, кто бы вел наше дело. Полицаев перебили партизаны. Кто остался — отбросы, пьяницы и воры. Одна надежда на СС «Галичину».

Секретная гестаповская инструкция предписывала вести набор «с максимальной поспешностью», провести для этого «собрания посадников, войтов, солтысов, духовенства, учителей». Принимать и тех, «кто уклонялся от работы, — наказание им будет считаться условным, если они в течение трех дней запишутся в дивизию СС».

Специально для бесед с «добровольцами» была составлена инструкция. «Вождь Адольф Гитлер разрешил нам создание дивизии СС «Галичина», — говорилось в ней. — Таким образом, вам предоставляется возможность нести военную службу в отдельной части в рамках немецкой армии. Золотой лев на синем поле, старинный герб великого украинского княжества Галичины, будет вашей эмблемой, так как он был эмблемой украинских стрельцов в первой мировой войне. В нем продолжается традиция украинского воина австрийской армии. Вы не будете каким-то отрядом насильников».

...Много лет спустя после войны, просматривая в библиотеке подшивку советских украинских газет, я обратил внимание на отчет о суде над фашистскими пособниками. Бросилась в глаза фамилия — Рыбачук.

Не тот ли это Остап Рыбачук, знакомый мне по киевским и пражским временам, самостийнык и любитель казацкого кулеша с салом под пивом?..

Да, фамилия та же. Но это был родственничек Остапа Рыбачука — Филипп, затаившийся до поры в схроне. Получив инструкции от своего вдохновителя, он, Филипп Рыбачук, притих, ждал своего часа, когда сможет наносить удары в спину Советам.

Далее обратимся к документам.

Из следственных материалов по делу Филиппа Рыбачука и его кровавых братьев Миколы Дуфанца и Артема Бубелы:

Все трое, проживая на временно оккупированной фашистскими захватчиками территории Волынской области, в 1941 году предали Родину и добровольно поступили на службу в полицию.

Во время службы в немецко-фашистской полиции, а позже в банде УПА — ОУН осужденные принимали активное участие в убийствах и пытках советских граждан, в казни патриотов, в расстреле их семей, в угоне советских людей на каторгу, в проведении облав, обысков и арестов.

Обстоятельства преступлений:

По указанию Ковельского гебитскомиссариата Дуфанцом и жандармом-нацистом Зицлером в с. Крымное, возле озера Домашнее, было создано гетто, куда по приказу Дуфанца полиция доставили около 400 советских граждан еврейской национальности.

В доставке советских граждан в гетто, их охране принимали участие Бубела и Рыбачук. Последний неоднократно наносил жестокие побои заключенным.

Дуфанец, Бубела, Рыбачук с жандармами выгнали заключенных гетто на дорогу, построили в колонну и отконвоировали в урочище Песоцкое, где разместили их возле вырытой ямы. Приказав всем раздеться, семьями заходить в яму и ложиться лицом к земле, каратели выстрелами из автомата убивали советских граждан, в том числе стариков, женщин, детей. При этом маленьких детей поднимали за ноги кверху и убивали одиночными выстрелами.

В конце массовой казни каратели ходили вокруг ямы и достреливали тех, кто подавал еще признаки жизни.

7 сентября 1942 года на территории Кремневского гетто полицейские обнаружили советского гражданина, который прятался от расправы. Рыбачук под конвоем вывел его с территории и расстрелял.

23 сентября 1942 года Дуфанец, Бубела, Рыбачук в составе карательного отряда приняли участие в уничтожении села Кортелисы, где каратели за один день расстреляли 2800 советских граждан.

В конце сентября 1942 года предатели, возвращаясь после проведенной карательной операции против жителей с. Кортелисы, в поселке Ратное приняли от местных полицейских 12 задержанных ими цыган. Отконвоировали цыган на окраину п. Ратное и там расстреляли.

В ноябре 1942 года были арестованы за связь с партизанами: в селе Дубечно — бывший член КПЗУ, на хуторе Свиноаре села Крымное — депутат сельсовета, в с. Текля — два местных жителя. Все арестованные были доставлены карателями на хутор Мокрое и расстреляны жандармом-нацистом. Во время этой расправы предатели стягивали с брички каждого арестованного, подводили его к жандарму, сбивали с ног, а потом расстреливали.

Летом 1943 года Рыбачук и Бубела вступили в банду УПА — ОУН. 11 августа 1943 года в селе Крымное оба они, вместе с другими бандитами, принимали участие в задержании

и расстреле советского чекиста и красноармейца, которые находились на оккупированной фашистами территории.

29 сентября 1943 года Рыбачук в составе карательного отряда УПА принимал участие в уничтожении польских сел Воля Островицкая, Островки, Новый Ягодин, хуторов Петровка, Куты и Янковцы Любомльского района Волынской области. Во время этой расправы бандитами были расстреляны, утоплены в криницах и порубаны топорами около двух тысяч граждан, имущество разграблено, а домостроения уничтожены.

В первых числах февраля 1944 года Рыбачук убил из винтовки местного гражданина, заподозренного в связи с советскими партизанами. Находясь в банде ОУН, он занимался грабежами, забрал у жителя села Крымное кабана для банды...

А другой самостийнык — Остап Рыбачук — свирепствовал в это время где-то под Киевом в концлагерях: не то в Дарнице, не то на Сырце.

11

Десятого октября 1943 года Россиневич получил письмо, немало удивившее и обрадовавшее его. Давно он уже не получал ничего похожего и сейчас перечитывал страницу за страницей.

«Хотя я еще молодой, возможно, неопытный и формально не состою членом вашей организации, но я беру на себя смелость заявить, что чего-то в вашей работе не хватает. Не знаю, может, это неэтично с моей стороны, что я осмеливаюсь делать замечания.

Мои мысли сводятся к таким основным моментам:

1. Руководство в лице г. гетмана должно немедленно приступить к формированию военных отрядов здесь, в Германии. Для этого необходимо, договорившись с немцами, получить разрешение выехать в лагеря работников с Востока и военнопленных. Таким образом, можно набрать хорошую армию против большевиков. Здесь работает, считая пленных, приблизительно 14 млн. чел. Среди гражданских — 60% девушек и женщин (гражданских — 50% от 14 млн.). Откинув разный «груз» и дав фронту хотя бы 20—25 армий, мы обеспечим будущее Украины.

2. Руководство обязано сейчас поставить перед немцами вопрос о безотлагательном создании действительно украинского правительства.

3. Немедленно поставить вопрос о провозглашении действительно самостоятельной Украины.

Только при условии исполнения этих пунктов можно добиться победы над большевиками. В противном случае дело дойдет до нежелательного для нас исхода.

В крайнем случае надо организовать хотя бы пару батальонов. Я записываюсь.

В целом настроение мое неважное. Дома я оставил брата — он на два года старше меня. Я с ним по некоторым вопросам не сходилась давно, вот и теперь он меня не послушал и остался на Полтавщине. Кто знает, что с ним теперь. С женой и сыном еще хуже. Дело в том, что ее отец работал заместителем шефа конного завода (шеф — немец), и красные ему (а из-за него и дочке) этого не простят. К тому же тут еще и я. Но ничего. Я заплачу за все сразу.

Мне кажется, что долго ждать нельзя. Через сорок дней фронт дойдет до середины Польши, а весной пойдет дальше на запад. Чего же ждут силы украинцев, если они действительно есть? Я хочу стать членом вашей организации.

С искренним уважением
Ал. Слипченко.

Едва дочитав письмо до конца, Россиневич помчался к соседу.

— Что скажешь, господин полковник? — ерзал он.

— Кто такой этот Слипченко?

— Был ассистентом на кафедре географии Днепропетровского университета.

— Слишком уж он лихо считает миллионы... А из Берлина просят фанеру и стекло, легкое и не такое хрупкое.

— Стекло?

— Ну да. Заделывать окна после налетов...

В эти же дни у военнопленного Закира Ахметова (личный номер 19960), работавшего на одном из объектов ВВС близ Мюнхена, гитлеровцы нашли документы подпольной организации «Братское содружество военнопленных» (БСВ). Ахметов и еще один узник — Иван Бондарь — сумели бежать. Дальнейшая их судьба неизвестна.

По распоряжению Геринга делом БСВ занялся начальник полиции безопасности и СД Кальтенбруннер. В его приказе говорилось: «...среди военнопленных, особенно советских, уже возникли повстанческие организации, которые, насколько удалось установить, работали по единым указаниям и искали связи с восточными рабочими».

Программа БСВ предусматривала подрыв военно-экономической мощи Германии, помощь раненым, больным, организацию побегов, разоблачение предателей...

Ныне широко известны имена многих советских патриотов, удостоенных высших воинских наград Франции, Италии, других стран. И все же в драматической летописи Сопротивления немало еще белых пятен, а значит — безвестных судеб.

...Высоченные сосны подпирают небо. В узкую лесную дорогу впечатались следы протекторов. Дорога ведет к границе. Там, в сотне метров, — ФРГ.

В этот уголок Шумавы, к истокам Влтавы, нас привела была, услышанная в Южной Чехии. В 1943 году фашисты устроили здесь концлагерь для советских военнопленных.

Да, концлагерь действительно был. Вот его развалины — позеленевший бутовой камень. Прямо из него пробиваются деревца. Лесник-чех, сняв шапку, молча стоит поодаль. После войны он видел на стенах русские надписи — имена и города. Сразу не записал, а вскоре барак кто-то поджег. Остались только камни...

В семи километрах от лагеря, в селе Франтишков, был подземный авиазавод. Узников туда гоняли на работу. Могил у лагеря нет. Вокруг — болото. Говорят, что пленных загоняли выстрелами в топь...

По данным районного архива, в 37 и 42 немецких селах в округе, отторгнутой фашистами у Чехословакии, были советские военнопленные и наши люди, насильно вывезенные на работу.

Сохранились гестаповские инструкции, как с ними обращаться. Угнанным в неволю полагалось, к примеру, три часа свободного времени в неделю. В хрониках отмечены факты бесчеловечного обращения с военнопленными, особенно после нашей победы в Сталинграде. Известны многие случаи саботажа, побегов советских военнопленных: в августе — сентябре 1941 года, в августе 43-го, в 44-м... Архивные документы называют такие имена: Макаренко, Кузьмин, Сахарчук, Андрей Чиков.

Таковы немногие факты. Может быть, стойкость советских людей, не сломленных пленом и муками, породила была о том, что в лагере находились только политруки? А может быть, и правда, в глубине Шумавы был специальный концлагерь?

У развалин чехословацкие друзья поставили памятник с красной звездой. Памятник непокоренным, которых миллио-

нами считал на своей стороне какой-то Слипченко из Днепропетровска, оборотень и предатель.

Документы из «Черной папки»: 12 января 1944-го генерал-губернатор Кракова Ганс Франк записал: «Если бы мы выиграли войну, тогда, по-моему, поляков и украинцев и все то, что болтается вокруг, можно превратить в рубленую котлету».

В марте — июле 1944-го бандеровцы вели переговоры с немцами. От имени ОУН — УПА в них участвовал Герасимовский (Гриньох). С немецкой стороны — старший имперский советник, начальник гестапо дистрикта «Галичина», оберштурмбанфюрер СС д-р Витиска.

«Лемберг (Львов) 24 марта 1944 года.
Секретно. Гос. значения.
Iy-H-90/44

Герасимовский доложил, что бандеровская группа ОУН обязуется передавать в распоряжение полиции безопасности все свои разведывательные материалы о большевиках-коммунистах и о польских повстанцах... Кроме того, ОУН готова сотрудничать с немцами против большевизма на всех участках борьбы. ОУН хочет, чтобы немцы конспиративным путем поставляли им боеприпасы, оружие, взрывчатку... чтобы все делалось по всем правилам конспирации, чтобы не дать в руки большевикам козырь, что украинские националисты в их тылу — это немецкие сообщники и агенты».

На одном нацистском совещании прозвучал вопрос: зачем мы унижаем себя, связываясь с этим разбойничьим сбродом? Начальник гестапо дистрикта «Галичина» Витиска ответил: «Использование этого разбойничьего сброда приносит нам заметный эффект. А кроме того, связь с ОУН — УПА даст нам возможность выявить весь их состав с тем, чтобы после победы уничтожить этот разбойничий сброд».

12

ИЗ «ДНЕВНИКА — POST SKRIPTUM»

Однажды Онуфриенко дали адрес одного из украинских националистов в Праге — пана Нарижного. Они начали переписываться. Эти письма сохранились в одном из пражских архивов. Передо мной ксерокопии писем.

Нарижный, узнав в Онуфриенко земляка, просит подробнее написать о родных местах, о себе самом.

«Дорогой земляк! — отвечал Онуфриенко. — Я полностью понимаю Вашу заинтересованность всем, что случилось на родной земле за такой долгий срок, к тому же особенно в родном селе. Так что буду стараться понемногу, по мере возможности отвечать на Ваши вопросы.

Как-то так случается, что судьба дает мне то, что нужно. Сейчас у меня почти вся неделя свободна. Гуляю, сижу дома, пишу, читаю, что подвернется под руки, и думаю...

Мне самому тоже нелегко жилось. Отец — сельский сапожник и музыкант, который всеми силами старался дать своим детям хорошее образование. И отчасти это ему удалось. Я окончил два курса учительского института, работал учителем, а потом перешел в редакцию. Писал понемногу, но не придавал этому серьезного значения.

Потом вместе с женой попал в Германию. Работал на заводе, пока своими стихами не привлек внимания редакции. С большим трудом перетянули нас двоих в Берлин. Работа хорошая, как раз по моей душе, так что я чувствую себя вполне удовлетворенным. Жена работает в том же учреждении, что и я. Живем неплохо пока.

Когда-нибудь при случае пришлю Вам свою фотографию, все-таки интересно иметь фото земляка, который отозвался на чужбине. Очень много наших людей здесь в Германии работают... Часто получаю от них письма».

Фотография приколота к самодельному бледно-зеленому конверту, на который наклеено шесть марок с изображением фюрера.

Да, это он. Именно таким я его увидел тогда в Берлине в редакции «Голоса». Глаза скрыты за круглыми стеклами очков. Тяжеловатый подбородок. Галстук, пуловер...

Он пишет дальше: «Моя жизнь на Украине была такой типичной для всякого интеллигента, что мне не нужно ничего выдумывать. Я опишу некоторые дни моей жизни, и этого будет достаточно для того, чтобы представить себе настоящее положение...

В Коммунистический институт журналистики (КИЖ) я не поступил. Ну, думаю, как-нибудь год перебыю, а тогда буду поступать снова. Приехал домой и начал учительствовать. В районе меня немного знали по стишкам, вот и предложили преподавать язык и литературу в селе Озерах. Преподавал и одновременно учился.

Потом вернулся в родное село Кишеньку, на левый берег.

Получал 325 руб. в месяц, 125 платил за квартиру с питанием, 30 за разные взносы, каких в Советах было множество. Перед советской бюрократией я не склонял головы. И сам не раз думал, что хотя и носил комсомольский билет, все-таки в комсомоле мне было не место. И меня когда-нибудь выкинули бы оттуда, если б не случилась война».

Кому он служил? Кому служили такие, как он, которые клялись Россией, Украиной, Доном и были готовы распать саму землю свою?

Этот служил прежде всего себе.

«Писал понемногу дома, но не придавал этому серьезного значения. И только здесь, в Германии, занялся литературной работой более серьезно. Есть у меня кое-что написанное, в основном стихи. Из них было бы возможно сделать хороший сборник, да война сейчас, она-то и мешает. Подождем немного. Там виднее будет.

Очень благодарю Вас за совет написать воспоминания о пережитом. Но как-то так выходит, что эта мысль не отстоялась, не выкристаллизовалась. Потому и писать тяжело. Со временем, когда пережитое отстоится в сердце, все мгновенное улетит прочь и останется лишь самое важное, тогда действительно писать будет легче. А написать будет о чем.

Судьба и в самом деле раскидала нас, как полосу по ветру. Куда ни глянь, всюду найдешь украинца. На улице Берлина, у Эйфелевой башни, в шахте Саара — всюду они, наши земляки. И каждый носит в себе одно желание, одну тоску — увидеть родную Украину, родные нивы, села. Я не знаю, как Вы привыкли к чужбине. Правда, Вы жили в несколько лучших условиях, чем те, в которых находятся сейчас сотни тысяч наших людей. Тяжка чужбина, очень тяжка.

Извините меня, что в этот раз я так мало Вам пишу. В следующем письме напишу побольше. Думаю, как земляки, мы будем теперь поддерживать более-менее тесные отношения. Если хотите, я пришлю Вам несколько номеров нашей газеты, где мне приходится работать.

Был бы рад с Вами встретиться, но что поделаешь... Когда-то, быть может, сведет судьба. Знаю, что в Праге живетсЯ значительно лучше, чем здесь, в столице, во всех отношениях. Там спокойно, тихо, а здесь... Читаете в газетах...»

«Берлин, 26 января 1944.

Вы меня извините — в предыдущем письме я спорол глупость: попросил Вас получить гонорар от г. Россохи. От многих людей, которые знают этого господина (не знаю, в каких

Вы с ним отношениях), я слышал, что деньги — это его стихия, так что вытянуть из него положенное за труд — равносильно вырвать что-нибудь из его нутра. Вот почему не хочу втягивать Вас в мои отношения с Плюшкиным пражского масштаба. Пусть он имеет дело со мной. Это не будет для него очень приятно.

Я не мелочный человек. Если мне не заплатит какая-нибудь берлинская газета — это не беда. Но если не платит г. Россоха, который не успевает проветривать заплесневевшие от давности ассигнации, то здесь пахнет другим. Это обычное мошенничество, обычная эксплуатация труда литератора.

Ну, об этом не стоит так много говорить, как я Вам написал.

Получили ли Вы последний номер «Дозвилля», который я отправил Вам? Вашему брату я послал пять последних номеров (от 14 до 18). И письмо получил от него недавно. Очень хорошее письмо. Переписка с г. Александром для меня полезна. Иногда мы в письмах спорим, но это неудивительно — мы из одного места, но из двух миров. И вот эти миры должны понять друг друга, чтобы никто не оторвался от родной ветки, которую питали до сих пор, к сожалению, вредные соки. А дерево одно, клонится то туда, то сюда. И знает свое точное положение, да не имеет силы, чтобы стоять твердо.

Расскажу кое-что о себе, если интересно. Пишу разную всячину... Вместе с этим письмом посылаю несколько стихотворений, написанных в последнее время. Кое-что будет напечатано в «Дозвилле». Написал поэтическую сказку, но сейчас нет возможности переписать ее на машинке. Редакцию вывезли за Берлин. Но часть вещей еще осталась здесь, в Берлине. Работы нет, потому что там еще не устроились. Гуляю неделю по Берлину. Видите, как написал: просклонял во всех падежах слово «Берлин».

Когда-то я писал Вам, что был в лагере. Приехал оттуда голый, как бубен. Да как-то мне везет в жизни — за пять месяцев накопил на одежду, хотя и дорого все. Недавно купил кожаное пальто (не новое) за 700 марок, жена за 300. И всякие другие вещи. Пришлось истратить кучу денег — до 2000 марок, но ничего не поделаешь — надо.

Чувствую себя хорошо. Англичане на какое-то время дали покой, хотя налеты я переносу довольно хорошо, смерти не боюсь, даже шальной. Стихи можете оставить себе, потому что здесь все равно когда-нибудь сгорят, а в Праге, может, как-то сохранятся, если будут кому-то нужны».

Один из знакомых Онуфриенко прислал ему в феврале 1944 года статью с просьбой «похлопотать перед господином шеф-редактором, чтобы эта статья увидела свет».

И на все это Онуфриенко ответил ему так:

«Для «Дозвилля» ваше письмо не подходит, потому что здесь печатаются только литературные материалы. Статьи же, затрагивающие непосредственно какие-либо политические, социальные и национальные вопросы, не печатаются. А поскольку сейчас вопрос национальный является в то же время и политическим, то Вам еще больше понятно, что опубликовать такое письмо не удалось бы, несмотря ни на какие желания редактора, из-за цензурных условий. Должен сказать, что грешная душа, проходя разные мытарства по дороге в рай, делает меньше разных остановок и испытаний, чем наш журнал, готовясь выйти из печати. Бывает, что материалы со страниц изымаются и заменяются новыми, менее острыми. И пусть это будет между нами, я вам скажу, что здесь, в Германии, нет и речи про какое-то понятие самостийной Украины...»

В августе 1944 года «Украинський висник» поневоле проговорился о подлинных взглядах части своих читателей.

Поводом послужило письмо лейтенанта с фамилией на «енко», но написанное по-русски. Его автор, украинец, писал о своей любви к Пушкину и Шевченко, его возмущало, что «украинський доброволець» употребляет слово «москаль»... «Город Москва, — писал он, — стал таким же дорогим украинскому сердцу, как Киев, а русский народ — наш единокровный брат».

«Кто же такой наш землячок? — сетовала газетка. — Что-то очень знакомая, очень большевистская его речь. Не является ли г. Москаль или даже Москаленко в действительности просто замаскированным «под русского националиста» большевиком?»

Через три месяца, в ноябре 1944 года, тот же «Украинський висник» вернулся к теме в огромной, почти на полторы полосы, статье «Из большевистской чаши большевистский яд. Мысли по поводу настроений комсомольствующих молодых украинцев».

Настроения эти высказывались в анонимном письме, полученном редакцией. Вместо подписи: «Подписываться — нет дурных, уже поженились». «Висник» считал, что письмо выражает мысли тех, кто «представляет благодатную почву для засланных по эту сторону фронта большевистских агентов», и потому решил ответить.

Автор письма, судя по всему, работал на каком-то заводе. Он решительно отгораживался от тех, кто «взял в руки немецкое оружие». И прежде всего «Висник» старается запугать его: Советы-де не простят и работы на немцев.

Как и «лейтенант-москаль» с фамилией на «енко», неизвестный молодой патриот пишет, что сознательному, образованному украинцу одинаково дорог и ценен и русский поэт Пушкин, и украинский Шевченко. «Самостоятельная Украина,— продолжает он,— это утопичная идея».

«Но это же не ваши слова,— спорит «Украинский висник».— Так сказал в свое время Ленин, а после него на все лады повторяли и размазывали разные большевистские газетные писаки... Почему вы повторяете эту бессмыслицу?

Хотя и обижаетесь вы за «всех украинцев», воспитанных на «Советской Украине», и заявляете, что «в советских школах не скрывали историю Украины», да мы хорошо знаем, что и как преподавалось в советской школе, потому что и мы сами не откуда-нибудь, а с той же Советской Украины. Даже и капельки украинской настоящей, а не поддельной истории в советских школах и не нюхали. Потому-то вы и пишете такую глупость: «Не судьба украинского народа интересовала таких «пламенных патриотов», как Скоропадские, Грушевские, Петлюры и им подобные, а судьба их имений».

Что же касается вашего утверждения, будто бы «украинский народ присоединился в 1917—1921 годах к Советской России», то это — бесстыдное большевистское шахрайство.

Гнилым большевистским духом несет от вашего неразумного письма. Ни одной свежей собственной мысли не находится в нем — сплошь тухлая и нудная комсомольская политтравма. Выпили вы из большевистской чаши большевистский яд и до сих пор им пьяны. Не может так писать украинец, только ренегат, перебежчик, самый злой враг Украины и украинского народа».

28 декабря 1944 года. Россиневич в письме своему знакомому, архитектору Гаврусевичу, заметил: «Теперь дела комитета меня мало интересуют. Я переживаю над тем катастрофическим состоянием, в котором оказалось наше движение».

Архитектор прибежал с этим письмом к гетману, и первого января 1945 года, в новогодний праздник, гетман сочинил письмо Россиневичу:

«Многоуважаемый господин полковник!

1. Прилагаю при сем копию Вашего письма г. архитектору Гаврусевичу от 28.12.44, т. к., возможно, у Вас таковой нет.

2. Прошу Вас в самый кратчайший срок дать мне исчерпывающий, хорошо продуманный, ясный, не требующий каких-либо дополнительных уточнений ответ на поставленные ниже вопросы:

а) В чем Вы видите катастрофическое состояние гетманского движения?

б) Кто «те, для которых дело нашего движения не является пустым звуком»? Прошу предоставить мне полный список этих лиц.

в) В чем проявляются поиски выхода из этого положения и в чем проектируется помощь мне?

г) В чем Вы и «те» видите «сделанные раньше ошибки»? Я верю Вам как порядочному человеку и верному гетмановцу, поэтому, пожалуйста, исполните эту мою просьбу немедленно и полностью.

Искренне Вас уважающий
Павло Скоропадский.

19 января 1945 года М. Россиневич отправил из Праги письмо гетману Скоропадскому:

«Ваша Светлость

ясновельможный господин Гетман!

Прошу любезно извинить за то, что я так задержался с ответом. Хотелось мне еще раз себя перепроверить, все обдумать, с людьми посоветоваться, подготовиться, так сказать, к политическому причастию, потому что это письмо я считаю едва ли не самым главным шагом в своей жизни. Оно принесет мне либо новый прилив веры в Идею и новые силы для дальнейшей политической работы, либо готовит мне самую горькую, общественно-политическую смерть.

В письме от 1 января 1945 г. наделяете Вы меня, Ваша Светлость, большим доверием. Прошу верить мне, что ниже я пишу так, как могу писать лишь моей самой высокой на земле Инстанции. Разумеется, в этом письме не будет ни грамма «дипломатии», «политики», «хитрости» и недоговоренности. В этом со всей искренностью заверяю Вашу Светлость.

Причины нашего, всех гетмановцев, политического заблуждения коренятся, на мой взгляд, в том, что мы поспешно отходим от тех идеологических основ, на которых гетманское движение создано и на которых единственно может существовать и развиваться дальше... Сколько раз, Ваша Светлость, изменялись наши статуты и схемы? Кто их знает, за исключением их создателей? Кто по ним живет?! Мне кажется, что переименование гетманских законов само по себе вредно. Мы не распространяли статут Союза гетмановцев-державников не только на доступной нам сейчас территории, но и — что самое главное — на Украине...

Союз гетмановцев-державников, как головная наша организация, уподобился всем тем возникающим время от времени на Украине атаманским организациям Бульбы, Бандеры, Мельника и т. д., которые заявляют: «Я — Украина!» А почему бы им не иметь отваги так заявлять? Как две капли воды, теперь схожи по сути УНО, ОУН, УНР. Бульба, УПА, гетмановцы. В чем разница? В том, что в польской и других разведках не служили, — это не самое существенное и скоро забывается.

Боюсь, Ваша Светлость, запутаться, так много в моей голове мыслей и доказательств, а поэтому сокращаюсь. Я и мои единомышленники хотим поворота назад, к Липинскому. Мы хотим, чтобы Гетман не вел непосредственно убогую современную политику. Хотим, чтобы с Бандерой и Бульбами договаривался и встречался любой из нас по Вашему поручению, потому что каждый из нас не хуже всех тех «бульб», что возникают на украинском горизонте. За пять с половиной лет, возглавляя политику, лично Ваша Светлость не добилась успехов. Их бы не было в эти годы, если бы гетманскую политику вел кто-нибудь из гетмановцев. Потому что так сложились обстоятельства. Почему же не поберечь силы Гетмана Всея Украины? Зачем разрушать легенду, которая подчеркивает оригинальность гетманского движения?!

Уже и сами мы не знаем, на кого же должна опираться украинская держава. Бродим в политической тьме, да, видно, торопясь за модой, все опаздываем.

Почему Украина должна была принять гетманскую идею, если она ничем, кроме, пожалуй, названия, — ни формой, ни содержанием, ни тактикой и методами работы — не отличается от всех других новых и конъюнктурных украинских организаций?

И что же произошло?! Делая на практике то же самое, что делают организации другие, наше движение по всем статьям общественно-политической жизни отстало от своих конкурентов. Это расхолаживает руководящие элементы, особенно на периферии, и движение мертвеет.

Я плохо знаю, как выглядит наш центр вблизи, но убежден, что все те люди полностью заслужили эти ходячие клички: вайсенбургские нигилисты, бездельники, пенсионеры, недотепы, чудаки, престарелые калеки, грязная нищета и т. д. Они только выставляют нас, гетмановцев, в смешном свете и сводят на нет все усилия Вашей Светлости.

Основоположники гетманского движения, Ваша Светлость, по-другому представляли наше движение! Другим оно и должно быть... Больно обо всем это писать, но еще стыднее обо всем слышать из чужих, даже не гетмановских, уст, Ваша Светлость!

Прошу любезно простить мне, что так долго и несвязно пишу и только теперь перехожу к ответам на конкретные вопросы Вашей Светлости.

В чем я вижу причины катастрофического состояния гетманского движения:

Управление внутренних дел гетманского движения не сумело втянуть в это движение свежих украинцев с Востока, что является первоочередным делом;

не в состоянии было разрешить конфликты, которые возникли среди гетмановцев в Берлине, Праге, Бромберге, Данциге и др.;

слабо добивалось расширения гетманского движения на самые широкие круги украинской общественности и их учреждения. Так что гетманское движение теряет, а не приобретает новых членов.

Дела прессы и пропаганды... «Українська дійсність» вызывает неудовлетворение у читателей.

Третий номер «Военно-научного альманаха» за сентябрь 1944 г. «по техническим причинам» вышел только на этих днях.

Жизнь в СГД замирает...

В центре находятся малоактивные, безынициативные люди... Слышится критика особы Вашей Светлости. Растет недовольство в рядах основоположников движения...

Это внутри нашего движения.

Еще хуже внешнее положение нашего движения.

1. Гетманский центр не смог включиться в события этой войны — значит, он политически несостоятелен.

2. Несостоятелен он еще и тем, что все дела ведет сам Гетман... Ходят целые легенды, как Ваша Светлость «добивалась председательства в комитете», что Ваша Светлость просила Бандеру и Бульбу поддержать свою кандидатуру... Мы им не верим, но знаем, что этих слухов не было бы, если бы Ваша Светлость не занималась лично политикой.

Ошибки я вижу в следующем:

в отсутствии тесной связи со свежими людьми с Украины;

в том, что в наш центр часто попадали люди случайные

или недостойные тех высоких постов, которые они занимали;

в том, что вокруг нашего центра были люди, думавшие лишь о своих интересах, зарабатывавшие даже тем, что продавали книги авторов и издательств, враждебных гетманскому движению.

Прошу верить, что мне, и я уверен, что и всем другим организованным и неорганизованным гетмановцам, очень больно обо всем этом писать. Однако я, помимо полного поворота.

к нашим идеологическим принципам и необходимой перемены людей в центре, не вижу иного выхода. На мой взгляд, гетманское движение само себя ликвидирует...

Преданный Вам
подполковник М. Россиневич.

Девятое мая... У этого дня столько лиц, сколько лиц у победителей. Его видели ликующим, палящим из всех стволов...

Была победа и такой — в Праге, на Летне, прямо на траве спали советские солдаты. Они подросли вовремя, вместе с повстанцами выбили фашистов — и теперь спали, положив под головы автоматы.

И была победа такой: в той же Праге 9 мая 1945 года повесился белогвардейский полковник — дроздовец, фанатичный враг советского строя. Он был среди тех, кому удалось ускользнуть, по определению Александра Блока, от ударов исторического молота. Но дальше в скобках поэт пророчески написал: удалось ли еще? не настигнет ли их и там история? Ведь спрятаться от нее невозможно.

Раньше или позже история настигнет и тех, кто бежал от нее еще дальше — в Западную Германию, в Америку, Австралию.

Глава пятая

ВОЛКИ В РАЮ

1

Один из блокнотов Кости Найдича был исписан наполовину. Это была все та же, очевидно, задуманная им рубрика. Заметки предварял заголовок: «Эмигрантские судьбы». Без числа, порою без указания адреса описываемых событий. Возможно, в своих поездках он записывал эмигрантские истории с чьих-то слов или переводил из газет. Возможно, Найдич сам встречался с героями своих записных книжек. А возможно, это было начало задуманной им статьи или даже книги. Но успел он, как видно, немного. Надежда Павловна сказала: в последние годы у него появились галлюцинации, мучило нервное истощение.

В начатом блокноте мы узнали о некоторых судьбах.

СУДЬБА ПЕРВАЯ

Евгении Сергеевне Т. 91 год. У нее суставный ревматизм, и она передвигается в кресле на колесиках... Она выразила желание поселиться в старческом доме.

История Евгении Сергеевны необычна. Она уроженка Владивостока, там вышла замуж, имела двух сыновей. В 1920 году Евгения Сергеевна поехала из Владивостока в Харбин, где очутились ее братья, прошедшие Ледяной поход. Через месяц она должна была вернуться во Владивосток, но к тому времени в Приморье укрепились Советская власть, и Евгения Сергеевна оказалась отрезанной от семьи. Через четыре года, когда дипломатические отношения между Китаем и СССР были установлены, Евгения Сергеевна узнала, что муж ее в Сибири, а сыновья отданы в детский дом. Прошло несколько лет, муж Евгении Сергеевны умер. О детях она не имела никаких сведений. Евгения Сергеевна работала конторщицей в управлении Китайско-Восточной железной дороги. Шли годы, братья Евгении Сергеевны тоже умерли. Началась японская оккупация, затем вторая мировая война. Евгения Сергеевна перебивалась как могла, жила впроголодь, но отказалась от репатриации в СССР.

— Все мы, горсточка русских, оставшихся в Харбине, владели жалкое существование, — рассказывает Евгения Сергеевна. — Но вот случилось чудо. Моей подруге, Соне З., удалось уехать в Бразилию, к сыну. Однажды в Сан-Паулу она пошла к зубному врачу и там, дожидаясь приема, разговорилась с каким-то русским господином. Узнав, что Соня приехала из Китая, этот господин спросил, знает ли она Евгению Сергеевну Т. «Как не знать! Это моя лучшая подруга. Мы вместе с ней горе мыкали». — «Сын вашей подруги ее разыскивает, — сказал господин. — Он живет в Нью-Йорке. Мы вместе с ним были в немецком плену. Дайте мне адрес Евгении Сергеевны, я сегодня же напишу ее сыну...» Мой младший сын, Сережа, нашел меня и выписал в Америку. Мой старший сын погиб в боях под Курском. Я прожила с Сережей 15 лет. Он умер от рака три года тому назад. Теперь я совсем одна. Я боюсь оставаться ночью одна. Вот почему для меня лучше будет поселиться в старческом приюте.

— Мы вас устроим, Евгения Сергеевна. Все будет хорошо.

Приходит смуглая и большеглазая Мэри. Мы говорим по-французски, и Мэри сообщает мне, что полюбила одинокую старушку, как родную.

— Она зябнет потому, что домохозяйка не дает достаточно отопления. Тогда я зажигаю газовую духовку и везу мадам Т. в кухню, чтобы она там согрелась.

Мы прощаемся с Евгенией Сергеевной и идем в соседний дом, принадлежащий той же хозяйке. Нас встречает полная, немного сутулая дама. Ее зовут Нина Андреевна Г. Оба дома принадлежат ей. Все комнаты сданы жильцам.

— Вы не представляете, сколько у меня забот,— говорит она,— то крыша протекает, то трубы замерзают, то стены нужно красить, то котел лопаются. И квартиранты мучают меня своими претензиями. К тому же я полуслепая, у меня ревматизм, я никуда не выхожу. Рядом со мной живет Зинаида Ивановна Д., снимает комнату. Она тоже больна. Ей 85 лет, а мне 91 год скоро исполнится. Мы никуда выйти не можем. Так и живем! Не ужасно ли это?

— Нина Андреевна! Почему вы возитесь с этими домами? Не хотите ли вы переселиться в старческий дом?

— Что вы! Здесь я сама себе хозяйка! У меня сделано завещание, все мое имущество унаследуют мои сестры.

— А где они?

— В Саратове.

— В Саратове?!

СУДЬБА ВТОРАЯ

Анне Ивановне 3. 80 с лишним лет. Хозяин дома намерен ее выселить, т. к. она держит в своей однокомнатной квартире 7 кошек и прикармливает до 40 уличных кошек, которые прыгают в ее открытое окно. По словам хозяина, венгра, Анна Ивановна больна и еле передвигает ноги. Живет она в трущобной части города.

Анна Ивановна вполне интеллигентный человек и говорит на превосходном русском языке. Она бывшая учительница, но от слабости не могла сообщить, где преподавала. Анна Ивановна худа, бледна, истощена до последней степени и еле ходит, опираясь на палку. Кошки мяукали и крались повсюду.

Анна Ивановна не произвела на меня впечатление полумной; она говорила очень слабым голосом, но вполне разумно. Но вот мы затронули «кошачий вопрос», и наша старушка заартачилась.

— Я никуда отсюда не уеду и не оставлю моих животных,— твердо заявила она.— Это мои единственные друзья.

— Кто кормит ваших кошек?

— Я сама хожу в лавку за углом.

— Но вы слабы и еле ходите!

— Миссис З. весь свой чек тратит на кошачью еду,— вступает хозяин.— Она голодает, но кормит и своих и уличных кошек.

— Анна Ивановна, сколько вы тратите на кормление своих животных?

— Не знаю. Я не веду счет деньгам.

Открываем холодильник. В нем стоит молочник и что-то неопределенное и явно несъедобное в мисочке.

— Когда вы в последний раз ели?

— Вчера вечером, в кафетерии.
— Неправда, — шепчет хозяин.
— Анна Ивановна, можно и должно жертвовать собой для ближнего. Все знают, что это самый высший подвиг. Но вы совершаете этот подвиг милосердия для кошек, бессловесных тварей, которых можно отдать в общество покровительства животных. Хотите, чтобы устроили вас в какой-нибудь старческий дом? Вы жили бы среди русских людей своего возраста, могли бы ходить в церковь...

— Я не бываю в церкви.

— Вы неверующая?

— Нет, я верующая, но только я не хожу в церковь.

— Но неужели вас не тяготит одиночество?

— Я не одинока. Со мной друзья.

Старушка делает жест в сторону кошек, которые продолжают мяукать; видимо, они не накормлены. Запах в комнате, которая забита хламом, ужасный.

— Анна Ивановна! Что бы сказали ваши родители и муж, увидев вас в таком положении? Интеллигентный человек так жить не может!

— А почему вы думаете, что я хочу жить? Я не боюсь смерти и готова умереть, когда угодно. Вот только котиков жалко. Кто о них будет заботиться?

— Хорошо, кто будет кормить ваших животных, если вы захвораете? Почему вы не разрешите отвезти их в общество покровительства животным?

— Их там отравят.

— Но вы только что сказали, что вам жалко оставлять ваших котиков и вы не знаете, что с ними станет, если вы вдруг умрете. Так или нет?

Молчание. Потупленный взгляд и выражение лица, говорящее: «Оставьте меня в покое, уйдите!»

СУДЬБА ТРЕТЬЯ

В день посещения Алексея Андреевича Тони Сузи попросил меня переводить: в госпитале лежит русский больной, только что оперированный, ни слова не знает по-английски.

Мы с Тони пошли в палату. В кресле сидел человек с молодым и приятным измученным лицом. Глаза его были закрыты. В нос вставлена резиновая кишка, кормили его глюкозой через вену. Я назвал себя и спросил, как он себя чувствует. Больной молчал.

— Сестра и доктор хотят знать, как ваше самочувствие, голубчик. Почему вы мне не отвечаете? Мы все хотим вам помочь.

Больной вздохнул и покачал головой.

— Вам трудно говорить, да?

Утвердительный кивок в ответ.

— Вам больно? Где болит? Покажите, где вам больно!

Больной провел рукой по желудку. Сестра милосердия и Тони грустно смотрели на больного. Глаз он так и не открыл и не вымолвил ни слова. Мы с Тони вышли в коридор.

— Что с ним, Тони? Кто он такой?

Оказалось, что он полгода тому назад приехал из СССР. Месяца два тому назад стал дурно себя чувствовать. Он умирает. Ему 35 лет.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ПОРТРЕТ ЗАБЫТЫХ ЛЮДЕЙ

Мне хочется поговорить о причудах старости, обычно их принято называть «маниями».

А старость ходит стороною
И подозрительно глядит...

Конечно, следует соблюдать осторожность и опасаться воров, норовящих ограбить старых людей. Но зачастую подозрительность стариков обращена на родных, друзей и знакомых.

«Меня хотят ограбить», — часто слышу я вместо приветствия. «За мной следят». «Моя соседка творит мне пакости». «Мой сосед, пуэрториканец, натравливает на меня свою полицейскую собаку». «Наши соседи нарочно включают радио среди ночи, чтобы не дать нам заснуть». «Верхние жильцы из озорства пляшут и скачут по ночам над нашей спальней». «Супер напустил к нам тараканов». «Супер нарочно гасит свет на лестнице, чтобы мы сломали себе шею». «За мной охотятся советские агенты» (мнимой жертве более 80 лет). «Меня усыпили атомными лучами и украли у меня печень для опытов Си-Ай-Эй...»

Вот что я слышу в телефон: «Меня обкрадывает Зина» (или Лена, или Катя, или Нина и т. д.). «Ваша Нина стащила у меня зеленый костюм». «Ваша Соня крадет у меня маргарин». «У меня пропал жемчуг, его, конечно, украла Шура».

Я часто получаю длинные, бессвязные письма, содержащие жалобы на врагов, на их угрозы, козни и даже преступления. В марте прошлого года к нам обратился представитель владельца дома, где жила Наталья З.; по его словам, эта женщина страдала манией преследования и четыре месяца не выходила

из своей квартиры. Она отказывалась открыть дверь своим соседкам, которые беспокоились о ее состоянии. На наш стук в дверь никто не вышел. У супера был полицейский ключ, мы открыли дверь. За ней стояли баррикады: стул, на нем ведро, полное воды, нагроможденные друг на друга пустые коробки...

— Миссис З.! Где вы?

Молчание.

Наталия З. умерла за 12 часов до нашего приезда...

Вера К.— это олицетворенный Плюшкин.

— Денег у меня много,— говорит она подругам (заявление довольно бестактное, т. к. подруги или служат, или вышли на пенсию и средств у них нет).— Но я живу экономно. Я не привыкла швырять деньгами.

По ее словам, можно прекрасно питаться на 5—7 долларов в неделю даже в наши дни астрономических цен на провизию.

— Я как-то попросила у Веры несколько таблеток буфферина,— рассказывала ее подруга.— У меня болела голова, а было воскресенье, и аптеку не открывали. Что же вы думаете? Через несколько дней Вера напомнила мне, что я должна ей четыре таблетки буфферина!..

— Опять Наташа С. прислала мне страшную гадость ко дню моего рождения. Она дарит мне безвкусную дешевку, что я ни передарить ее не могу, ни пожертвовать для церковного базара. Но хуже всего, что эта скряга сопровождает свои подарки письмами и всегда норовит сказать мне какую-нибудь гадость.

— А вы не читайте.

— Как?

— Да так! Когда я получаю письма от особ, заведомо любящих подпускать шпильки, то, увидев такое письмецо, рву его, не читая.

— Вот спасибо! Вы меня выручили!..

Одна старушка, находящаяся сейчас в инвалидном доме и впавшая в полный маразм, в свое время была тираном своих домочадцев и поучала мудрости всех знакомых.

— У меня министерский ум,— басом вещала эта старушка.— Меня сравнивали со Столыпиным. По-французски я говорю лучше, чем французы, и англичане удивляются моему оксфордскому выговору. Если бы я захотела, то стала бы миллионершей.

— Почему же вы не захотели ею стать, Анна Николаевна?

— Почему? Потому что я слишком добра. Я все свои возможности передавала другим. Мне многие архиереи говорили, что никогда не встречали лучшей христианки, чем я. Меня бог отметил, я все насквозь вижу...

В конце этих заметок была вырезка из газеты:

«Зачем мы сюда приехали?» Этот заголовок, набранный крупным шрифтом, сразу привлек мое внимание в старой, читаной-перечитаной газете. А пошел второй год — солидный возраст! Когда Гарри Табачник писал статью, я как раз наслаждалась прелестью ленинградских белых ночей.

И вот я третий месяц в далекой, такой непонятной Австралии, где все наоборот, все не так, начиная с времен года и кончая непривычным пейзажем за окном. И передо мной газета со статьей, которая заставляет задуматься.

Трудно, очень трудно порвать с прошлым. Да, я помню, как поступала в институт и устраивалась на работу. Но там было все понятно и привычно.

И вот я встречаю 1980 год далеко от Ленинграда, среди таких же бывших советских граждан, как и я. И слушаю от многих слова, те самые слова, о которых пишет Г. Табачник: «Только бы разрешили, в одной рубашке уехал бы обратно». «Здесь все плохо, здесь все не так. А там все было отлично».

Я и не согласна с Г. Табачником, который утверждает, что все мы политические эмигранты. Чтобы быть политическим эмигрантом, надо обладать хоть какими-нибудь убеждениями. А эти люди их не потеряли, у них просто их никогда не было. Ведь без убеждений проще, спокойнее. За них думали, за них решали, а они всю жизнь жили, руководствуясь лозунгом: мы только мошки, мы ждем кормежки. А здесь они смотрят на людей и повторяют друг другу: «Нет порядка, полная анархия...»

И это политические эмигранты? Да и в вопросах чисто бытовых, житейских они так же принципиальны и последовательны. Говорю им: «Видите, что проблема безработицы на Западе раздута советской пропагандой. Где эти безработные, которые мрут от голода прямо на улице? Если хочешь работать — всегда устроишься. Если работаешь, обеспечишь себе нормальную жизнь». И слышу в ответ: «Так ведь здесь пахать надо! А в СССР я не очень-то напрягался».

При такой постановке вопроса трудно перестроиться бывшему советскому человеку, да и не хотят многие перестраиваться, предпочитая жаловаться на свою жизнь, вспоминать свое приукрашенное и расцвеченное прошлое и поливать грязью страну, которая их приняла, платит им пособие, учит их языку и ждет, что они будут ее достойными гражданами. Нет, они не политические эмигранты! И такие вразумительного ответа на вопрос «Зачем мы уехали?» не дают.

Эмиграция — дело сложное. И она становится трагедией, когда человек даже сам себе не способен ответить на вопрос: «Зачем я сюда приехал?»

С. Грин
Сидней, Австралия».

Переворачиваем листок из блокнота Кости Найдича. Читаем:

«Ответить автору через газету.

1. Использовать «Эмигрантские судьбы».

2. Использовать переписку с Онуфриенко, с которым встречался еще в Берлине. Сейчас он в той самой Австралии, откуда пришло письмо в газету. Отыскал меня. Сообщил о Михайлове, которого он когда-то разыскал по письму в газету из Донбасса. Расспросить подробнее о Михайлове.

3. Использовать материалы чехословацкой печати о Сламене и Минаржике. Последнего я встречал в Западной Германии. Тогда он показался мне проходимцем из проходимцев.

4. Рассказать об отравителях из РСЕ, разъедающих душу таких, как умирающий Борис. Знал этих подлецов по прежним временам.

2

Слова, что реки: они то глубинны, то мелкие, то бурлящие, то полудышащие от бессилия, то светлые, то мутные, то размашисты и удивляющие своей «несущей работой», то на их просторах и воробью тесно, они то ласкающе теплые, то могильно леденящие. Слово бывает слепым — и от него ускользает мир, оно бывает и всевидящим, всепонимающим, всемогущим, слову такому, как говорится, рукой подать от Земли до Солнца, к материкам и движению времен, к «человекам в человечестве, в государствах, во всех изменчивостях бытия земного и владычества над людьми». Петрарка поднял глубинное слово к великому чуду разума.

Почти в полуденное время стареньким надежным «шевроле» мы пересекали юго-западные районы Канады, идя по следам дневников Кости Найдича и пытаюсь дописать последние страницы его блокнотов. Позади осталось уже немало стран и городов — и вот последние адреса. С нами работник нашего посольства. Что касается дипломата, совсем еще молодого парня, то, проработав три года в этом уголке грешницы-земли, он как-то обвыкся с капитализмом и вот сейчас на всех «прямых

и кривых» чужой дороги смотрел во все стороны в открытую, весело приговаривая: «Хелло, буржуины!»

Он — в открытую, а мы решительно не знали, куда девать свои глаза — хоть в карман их, но там они смешаются с какими-то долларами... Подумалось: «Да ты что, парень?! Чтобы гнусный капиталистический доллар коснулся зениц твоих?! Замарал их?!»

Дипломаты — люди очень наблюдательные. Сопровождавший нас посольский товарищ сразу же отомкнул нас, как «особым гипнозом» отмыкают всякий сейф:

— Друзья! Зачем же так? Вы задыхаетесь от какого-то смущения. Освободитесь! Отдайтесь власти юмора — этого несравненного лекаря, доброго властелина души.

Юмор, юмор! А что? Мы тут же вспомнили, и это было очень кстати, «дьявола смеха» Михаила Зощенко. С ним очень дружил наш старший по возрасту преданный товарищ и наставник, украинский писатель, умный, образованный, увы, ныне уже покойный. Чего только не рассказывал он о веселом громовержце! Особенно запомнился нашему другу вечер, проведенный в Ленинграде, в квартире Зощенко.

Была приятная неожиданность: друга — первейшего заводского мастерового Донбасса — решили послать в чужие, капиталистические края — «себя показать и других увидеть...». Отчаливать в заграниплавание другу предстояло как раз от невских берегов. Вот и встретились нежданный, но такой дорогой «интурист» и веселый, всегда гостеприимный «громовержец». В этот вечер «дьявол смеха» был в каком-то особом ударе, с удивительной легкостью сходили с его уст жгучие, убийственные острословия. Именно в этот вечер, быть может, взрывались лечущим и уничтожающим смехом страницы той удивительной зощенковской книги, которая так и не увидела свет. Конечно же, свет тончайшей зощенковской иронии, юмора уже сфокусировался на, прямо скажем, противопоставленной некоторым редакторам и некоторым «иже над ними» теме: «Акулы капитала и пролетарские «Мошки». В серьезном подтексте юмора «Мошки» уничтожают акул, возвышаясь как великаны мировой революции. Да, да, да. Но зачем же ты, Михаил Баткович, так легко обращаешься с темой, предназначенной для «мирового потрясения», а не для «цирковой клоунады»?

Именно в этот вечер — рассказывал потом наш друг — я открыл для себя всю дантовскую силу и совершенно необычную направленность «смеха самого дьявола». Вот уж воистину святая правда: легче слону выполнить сверхтрудную задачу — почесать собственным хоботом собственное заднее место, чем

мартышке лишиться уворованных сильно увеличивающих человеческих окуляров, через которые мир открылся ей в непостижимых смешениях и чудаковатостях...

Но, главное, самое главное. Почему наш сопровождающий друг, можно сказать, высокий гид сказал нам: «Освободитесь!», заметив, что с нами происходит неладное. Говоря о слоне и мартышке, Зощенко, пользуясь явным плагиатом, пытается нанести почти кинжальный удар «акулам капитала». Шутки в сторону — громовержец смеха на полном серьезе цитировал совершенно серьезные строчки из стиха одного нашего поэта, много лет назад побывавшего приблизительно в этих же зарубежных местах, которые сейчас мы пересекали на «шевроле». Судя по всему, поэт, делая «заявки» на дальнейшие свои заморские путешествия, изрекал:

Там даже птицы не поют,
И травы не растут...

Зощенко с нескрываемой издевкой переспросил у «поэта»:

— А как дети — родятся там, любовь между полами существует ли? Капитализм капитализмом, а куда подевали вы миллионы работяг, тяжкими трудами, потом и, бывает, кровью которых даются и сталь, и хлеб, и жилища, одежда и лакомства земные?

Поэт, не теряя присутствия духа, важно заметил:

— Поэзия — она, знаете, требует образов. образов, необходимых политике...

Между тем широкий асфальт под колесами катится, а по сторонам райская земля. Все поет, переливается красками, тянется к солнышку. Асфальт вдруг разделяется: одной полосой стремится он круто вправо, другой — влево. Свернув на эту полосу, мы через какой-нибудь километр резко затормозили машину, остановились. Несказанно радостное изумление хлынуло в наши души. Слова были излишними. Мы понимали друг друга, возбужденно переглядываясь. Кто бывал далеко от Родины, тот испытал нестерпимую тоску по ней. А перед нами, чуточку удаляясь от дороги, выросла одинокая ферма, самым видом своим наполнявшая всего тебя щемящей сладостью. Как под Полтавой, Черниговом или Киевом — белая хата с размалеванными ставнями. А под ними, перед призбой — пивныки, чернобривцы, ружья, гвоздики... Вокруг хаты, как бы образуя живую изгородь просторной усадьбы, садоchки: и вишенки в них, черносливые деревца, грушки, яблоньки, калина. А из этого живоплота кое-где проглядывали маленькими солнцами подсолнухи, тянулись к небу тополя. Где-то из разнотравья слышались

напевы перепелки, жаворонок, «взахлеб» ведя свою колоратуру, застыл над милой ему хатой. А под хатой хоронили ее хозяина...

Нас сразу же вывела из машины и позвала к себе знакомая с колыбели песня, лившаяся здесь, на канадской земле, как-то надрывно от голосов необычного хора: «Повій, вітре, на Вкраїну...»

Песня сама по себе, конечно же, не похоронная. Но сами сердца завели именно ее потому, что в ней был трепетный зов к земле, той, которую многие даже не видели, но впитали ее материнское молоко. Тот, которого хоронили под белой хатой, родился в Канаде от тех, кто эмигрировал с Черниговщины еще в царские времена. О, как мечтал он «хотя бы одним глазком» взглянуть на родную, единую, вскормившую весь родовой корень! Только и успел он создать в канадской степи уголок родины...

...Повій, вітре, на Вкраїну...

А затем переполняющее душу:

Кру, кру,
доки море перелечу,
крилонька зітру...

Над труной, обвитой красной запорожской китайкой, склонился престарелый «поминальный оратор», как его называли среди украинцев Канады. Честно скажем — оратор из него никакой. Язык у него совсем «не подвешен», как, скажем, у платного, профессионального «плакальщика». Сила, народное признание его в другом. Каждое его слово пусть не очень искусное, зато чистое, горячее, святая слезинка. Он был совсем молодым, когда судьба его забросила за океан. Всю жизнь собирался побывать на родине. Не выходило. Да и не богат он, а денег на дальнюю поездку потребуется немало. И еще боялся...

Каждый раз, когда склоняется он над труной, обвитой красной запорожской китайкой, обнимает его страх, кажется ему, что хоронит самого себя, свою несбывшуюся мечту — согреть сердце под родным солнцем, припасть устами к той, давшей душу, горсточке, которую так бы хотелось привезти на чужбину, положить на могилы своих соотечественников. Каждый, кто его слушал, думал об одном и том же, переносил свое сердце к берегам Днепра ли, Десны, Ворсклы, Днестра, Сулы, Псла — к материнской груди Украины.

В лагере перемещенных лиц собирались люди разных национальностей, разных судеб. Военнопленные, мирные жители, насильно угнанные фашистами, предатели, бежавшие от расплаты... Перемещенные лица, люди без родины.

О Советской стране в лагере либо говорили с бессильной злобой, либо помалкивали. Ворота лагеря открывались только на запад — во Францию, Канаду, США, Австралию. Онуфриенко и Михайлов выбрали Австралию...

Давно не бритые соседи рассуждали о преимуществах далекого края: «Тепло, фруктов — завались...»

— Слышь, — говорил один, крутя яркий проспект, — говорят, зверь там один есть, коала называется, знай, спит себе да ест. Вот бы нам, братцы, так.

— Зачем коала? — вставлял другой. — Мы стреляные волки и едем в рай. Что, разве плохо: волки в раю?

Над ним смеялись, но многие втайне верили, что этот облезлый, обшарпанный корабль вывезет их к обетованному берегу. Не зря же с первой страницы проспекта, врученного им перед отплытием, улыбался надменный капитан Кук. «Я открыл для британцев земной рай». Слова «для британцев» старались пропускать.

Михайлов утрюмо слушал все эти разговоры, смешки; в его душе поднимались отзвуки того безвозвратно ушедшего времени, когда, рассматривая маленькую зубчатую картинку, он мечтал о далеких землях с непонятными, красивыми названиями. Со щемящей жалостью вспомнил он вдруг мальчонку, который босиком по росистой траве, холодившей ноги, вышагивал с удочкой за отцом. Так давно и так далеко это было, что мальчик тот казался совсем незнакомым и чужим, увиденным когда-то в кино, а не воспоминанием собственной жизни.

Тому мальчишке когда-то попалась удивительная марка. Диковинное растение с крупными листьями, а под ним невиданный зверь были изображены на марке. И что-то еще написано не по-русски. Учительница на вопросы ребят ответила, что марка австралийская, а на ней изображение кенгуру.

О марке мальчишки взволнованно говорили еще несколько дней, стараясь вообразить далекие страны, по которым она проблуждала, пока добралась до Донбасса, крутили во все стороны старенький школьный глобус, собираясь бежать в неведомые края с чудными, загадочными названиями — Занзибар, Гваделупа, Тасмания...

Но вскоре о марке забыли: в самом селе начиналось такое... Мальчишки от зари до зари вертелись у околицы, выглядывая трактор. Само по себе это событие затмевало все навязанное красочной маркой. А тут еще трактор должна была вести женщина! Мальчишки видели, что даже их отцы, при всем показном безразличии, с волнением прислушиваются, не тарахтит ли машина...

Потом в жизни Ивана Николаевича, как и в любой другой, было еще столько больших и малых событий, важных и смешных происшествий, что далекий детский эпизод, казалось, совсем позабылся. И Михайлов, наверное, так и не вспомнил бы о нем, если бы не оказался на пути в ту страну, откуда много лет назад пришла поразившая воображение старобешевских ребятишек марка. Сейчас ему хотелось вспоминать о марке, о том беззаботном и беспечальном времени... Очевидно, это было подсознательным стремлением вычеркнуть из памяти все гадкое, черное, случившееся с ним затем.

Играючи, перекачивал волны океан, мелькали, сливаясь, шумные, разноязычные порты, проплывали, трубя, важные встречные лайнеры. Но все это пышное великолепие проходило стороной, не задевая чувств. Он снова переносился в родное село, виделось ему, как он, повзрослевший, постаревший, идет по главной улице, и старики узнают его и говорят: «Ванюшка-то Михайлов вернулся». Он узнает школу, в которой учился, вот там, на первом этаже, в пионерской комнате, ему повязали красный галстук. «Я, юный пионер Союза Советских Социалистических Республик...» Тогда был поздний морозный вечер. Он выбежал из школы, переполненный своими чувствами, не застегнув пальто. Концы галстука сразу же подхватил ветер, мальчишка бежал, не замечая ни мороза, ни ветра: «Мама! Меня приняли!»

Воспоминания нагоняли тоску. Разговорчивый попутчик интересовался, что с ним. «Болят вот здесь, — говорил Иван Николаевич, дотрагиваясь до груди, — понимаешь?» Сосед предлагал таблетки, советовал обратиться к доктору. Добрый человек, он просто не знал, что есть болезнь, против которой бессильны доктора и все их таблетки. Болезнь эта — ностальгия, тоска по родине.

Думалось, в Аделаиде, красивом портовом городе, продуваемом солоноватым ветром с океана, днем и ночью слушающем голос прибоя, городе, одетом в вечнозеленый наряд, уймется тоска.

Нет, не унялась. Как фальшивая позолота, сползала с города рекламная мишура. День шел за днем в изнуряющем труде.

Смена на заводе, смена дома. Собственно, дома еще не было. Его нужно было построить. Или купить и... выплачивать сорок лет. Так раньше, чем стали школьниками, младшие Михайловы стали строителями. Подрастали сыновья и дочь, родившиеся на чужой земле.

Вася, плача, приходил из школы: «Ты говорил, что учитель добрый, а он бьет палкой. Хочу в такую школу, где не бьют. Ты рассказывал...»

Толя не может найти работу. Ему двадцать лет, но его нигде не принимают, потому что ему надо платить сполна. А Вася младше, его принимают и платят неполный заработок за ту же работу. «Так не везде, правда, отец? — спрашивают они вечерами. — Ты рассказывал...»

Генка свое первое слово произносит по-русски: «Мама».

Кругом звучит английская речь, дети в школе, на улице говорят по-английски. Дома — только по-русски. Такого требования отца. Ему кажется, если порвется эта единственная нить, связывающая с родной землей, не будет спасения от гложущей тоски.

И все упорнее ищет Иван Николаевич другие нити, которые могли бы упрочить связь с родиной. В Аделаиде открылся магазин, в котором продают советские книги, газеты, кинотеатр, в котором демонстрируют советские фильмы. Всей семьей идут Михайловы в этот кинотеатр, на редкие концерты советских авторов, выписывают газету «Голос Родины», русский букварь для самой маленькой — Софочки.

Наконец удастся связаться с родными, живущими в Донбассе. В Аделаиду приходят письма со штемпелем «международное». Поинтересоваться, что пишут из СССР, приходит вся улица. Слушают, переспрашивают, сомневаются. Иван Николаевич, волнуясь, убеждает, доказывает, что сам он учился бесплатно, и лечился бесплатно, и работу выбирал по душе.

Ночами, когда спадали дневные заботы и тревоги, Михайлов чувствовал, как подступает к сердцу тоска. Чужие деревья тревожно шумели за окном, чужие звезды скрывались за тучами, грозно рокотал океан. Была пора осенних штормов. Михайлов лежал с открытыми глазами, силясь вообразить неясный шепот Кальмиуса, тополя, облитые лунным серебром, — казалось, это заглушит боль. Но только разбередил рану и вдруг как-то остро почувствовал, что гнетет его не столько непривычный пестрый мир, сколько сам уклад этой жизни, что не хватает ему не тополей, а дорогого слова «товарищ». В одну из таких ночей окончательно окрепло решение — ехать!

Когда были завершены все формальности, выяснилось, что необходимо сделать прививки. Сыворотку Михайловы купили сами. Попросили знакомого врача сделать уколы. Сделав уколы, знакомый вслух крикнул: «Вас семеро, каждый визит — один фунт и один шиллинг. Итого — семь фунтов семь шиллингов. Три визита — двадцать два фунта один шиллинг. Но, учитывая наши связи... Пожалуйста, пятнадцать фунтов».

Но и это был не последний привет. За несколько дней до отъезда к Михайловым пришли два вежливых господина в штатском с солдатской выправкой. Цель их визита выяснилась после первых же слов. Господа запугивали, угрожали. Особое внимание уделили детям.

Но Гена раскрыл свой альбомчик, достал марку с изображением Кремля.

— Разрешите подарить вам...

4

Морские дороги свели в Неаполитанском порту два судна: советское и австралийское. Один из пассажиров австралийского судна обратился к советскому капитану с необычной просьбой:

— Моя семья возвращается на Родину, в Советский Союз. У нас билеты через Лондон. Во всех портах мы искали советские суда. Вот здесь встретили. Разрешите перейти к Вам, советский корабль — советская земля...

Теплоход отходил, времени перенести багаж не оставалось, но пассажир готов был перейти и без багажа. В судовом журнале «Литвы» появилась запись о том, что на борт приняты возвращающиеся из Австралии в Советский Союз Иван Николаевич и Вера Ильинична Михайловы, их дети: Анатолий, Василий, Геннадий, Владимир, Софья.

«Здравствуйте, дорогая семья Михайловых! Нас очень радует, что Вы довольны тем, что снова оказались на родной земле, ибо у каждого скитальца, оторванного от родины, мечты одни — о родном огоньке. Очень приятно, что дети все учатся, — это их путь. Жизнь есть путешествие, и мы им всем желаем светлого пути под знаменем их родины. Иван Николаевич, Вы сейчас находитесь в стране с совершенно противоположным строем, и хотелось бы знать, какую разницу заметили Вы и Ваши дети. Пишу и обращаю внимание на Ваши фотогра-

фии: все прекрасно выглядите, желаем Вам быть всегда такими радостными.

Напишите, Иван Николаевич, сколько дней в неделю работаете и сколько часов, дают ли отпуска, как со спецодеждой для рабочих и питанием в столовой на заводе.

По получении Вашего письма на другой день встретился с Онуфриенко, сказал, что получил письмо от Вас. Он прибежал без памяти, прочел письмо и страшно расстроился, никак не может поверить, что брат Вася остался в живых. Котенко также получил письмо от Вас и от сына и, вероятно, двинет на родину. Вы их всех расстроили своими благоразумными письмами и фотографиями. Правда, Иван Николаевич, кум твой Андрей, когда прочел за твою болезнь (гастрит), то он, не понимая, что это слово означает, растарабанил по своему дурному понятию, что, мол, с тобою разделались. Мы ему объяснили, конечно, что это такое, но ты им такие слова больше не пиши, пиши, если заболеешь, что хворый, и все...»

Трудно пишутся семейные письма. У каждого накопилось столько впечатлений, так много нужно рассказать. Их пугали, что с ними не захотят разговаривать соседи, что детей не примут в школу, а взрослые не найдут работу.

Отложил ручку Иван Николаевич, задумался. Нужно так написать, чтобы человек, оставшийся в далекой, чужой стране, как будто прошел с ним рядом по улице, познакомился с соседями, с товарищами ребятишек в школе, с друзьями на заводе. Чтобы почувствовал ту незримую атмосферу коллективизма, дружбы, к которой быстро привыкаешь и не замечаешь ее.

«Учителя, ученики остаются с Геней, Володей, Соней после уроков, учат их русскому языку. Это называется на общественных началах, то есть бесплатно. Интересуетесь Вы насчет спецовки и питания в рабочей столовой...»

Оформлялись Иван Николаевич и Василий на завод химических реактивов. По условиям производства рабочим выдают здесь молоко. Начальник цеха вручил каждому талон.

— А сколько удержат за это? — спросил Василий, хотя отец и говорил ему, что удерживать ничего не будут.

— Как сколько? Бесплатно.

Василий еще не раз удивлялся, получая оплаченный больничный лист, оплаченный отпуск для сдачи экзаменов — он поступил в 10-й класс школы рабочей молодежи — и потом еще один отпуск: отдохнуть, поправить здоровье.

«Такой закон здесь для рабочего человека. Дети поняли многое, что казалось им непонятным издалека».

На рабочем собрании один из слесарей раскритиковал механика.

— Он же завтра даст тебе плохую работу! — встревожился Иван Николаевич и, увидев, что сам механик улыбнулся его словам, засмеялся со всеми.

«...Так что не бойтесь, дорогие, и не слушайте никого, возвращайтесь на Родину. Миша и Вера, вы оба имеете специальности, а если даже не имели, вас бы научили, как научили Васю. А Феликс будет учительствовать. Если там не верят, что Толя учительствует, то он высылает справку...»

Мы видели эту единственную в своем роде справку.

«Дана Михайлову Анатолию Ивановичу в том, что он действительно работает в школе-интернате № 1 г. Донецка в должности учителя английского языка. Справка дана для предъявления в Австралии».

Можно представить, как ее рассматривали там — в русской колонии, в русском клубе.

Из писем Онуфриенко домой:

«Прекрасная пора — весна, особенно на Полтавщине. Так не хватает ее здесь.

Будет здесь московский цирк, но цирк нас не очень интересует, да и билеты дорогие — нужно день работать на два билета».

«Недавно Маруся принесла котенка, теперь у нее ноги пошкрябаны так, будто она рвала ежевику в наших кустах, там, где Ворскла впадает в Днепр».

«Сейчас осень прекрасная — везде зелено, но лучше, чем на Украине, нигде нет. Есть у нас свой огородик. Представьте себе: делянка метр на метр. Я посадил по уголкам четыре куста огурцов, и уже имели больше 50 свежих зеленых огурцов. Еще и посолили немного в ведре с укропом, вишневыми листьями, хреном, перцем и чесноком, так, как солили когда-то дома. Как это ни удивительно, в Австралии соленые огурцы, черный хлеб, селедка — редкостные деликатесы».

«В этом году первое ноября выпало на воскресенье, так же, как в 1942-м, когда нас везли в Германию. Я никогда не забуду, как во дворе бывшего колхоза стояли подводы, как мы садились и ехали, думая, что уезжаем на полгода. А вышло столько лет!

За эти годы я по-новому полюбил наши родные песни. Мои любимые: «Тече річка невеличка», «Ой ти, дівчино, зарученая», «Дивлюсь я на небо», «Чорні брови, карі очі» и много других. У меня с десяток песенных сборников. Люблю и некоторые песни советских композиторов: «Рушник» Майбороды, «Марічку»

Сабадаша в исполнении Дм. Гнатюка, с которым говорил, когда он был в Сиднее.

Живем по-старому. Счастливы, что выплатили за дом. Этой радости вам не понять, ведь вы живете в других условиях...

Дети говорят по-английски, по-украински все путают: «Мама, я хочу еще одну вареник», «Я буду возле тот угла...»

Я бы просил вас не очень рассказывать о нас, о нашей жизни, потому что есть разные люди и по-разному все понимают. Оказались мы за границей не с добра — ты это хорошо знаешь. И знаешь, что было потом — в час войны и в первые годы после войны. Чувства преобладали над разумом, а когда в конце концов разум взял верх над чувствами, много чего было сделано под горячую руку — бесповоротно.

Об этом не буду много писать, об этом лучше меня написал Леонид Первомайский.

Родную землю, родных людей мы любим и желаем всем добра и спокойствия».

Увы, раскаяние позднее...

5

Этот хотя бы раскаялся. «Хитрец» же, как называли его сообщники, затаил злобу и ненависть в себе.

ИЗ АВТОБИОГРАФИИ, 1952 г.

«Я, Шкабарницкий Михаил Данилович, родился в ноябре 1922 года в г. Стрий Дрогобычской области в семье рабочих, по национальности украинец.

До 1930 г. родители чернорабочие. Отец с сентября 1939 по июль 1941 г. работал председателем сельсовета в с. Метенев Зборовского района Тернопольской области. В сентябре 1941 года отец убит украинско-немецкими националистами (бандитами)».

ИЗ СПРАВКИ ПО АРХИВНОМУ УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ № 25281 НА ШКАБАРНИЦКОГО Д.А.

«Шкабарницкий Даниил Андреевич, 1884 г. рождения, уроженец и житель с. Метенев Зборовского района Тернопольской области, украинец, с образованием 4 класса, при польской власти являлся конфиденнтом польской полиции, выдавал ей революционно настроенных лиц. С приходом в 1939 году Со-

ветской власти Шкабарницкий Д. А., обманным путем пробравшись в составе сельского комитета с. Метенев на должность заместителя председателя, проводил контрреволюционную работу по дискредитации и подрыву Советской власти, поддерживая тесные контакты с кулаками и нарушая принцип добровольности, пытался сорвать хлебозакупки у местного населения. С целью вызвать у односельчан недовольство Советской властью Шкабарницкий Д. А. от имени НКВД угрожал им арестами, раскулачиванием и выселением в Сибирь, используя свое положение заместителя председателя сельского комитета, занимался вымогательством взяток у крестьян села Метенев. За указанные выше преступления Шкабарницкий Д. А. в апреле 1940 г. был арестован и 8 марта 1941 г. Тернопольским областным судом осужден на 10 лет ИТЛ с конфискацией имущества и поражением в правах на 5 лет.

Судебная коллегия Верховного Суда УССР приговор областного суда оставила в силе».

ИЗ АВТОБИОГРАФИИ, 1982 г.

«...весной 1941 года мой отец Шкабарницкий Даниил Андреевич был осужден органами Советской власти за нарушение революционной законности. Работал он в это время заместителем или председателем сельсовета с. Метенев. В своих автобиографических данных я нигде не указывал о судимости отца, так как считал до сегодняшнего дня, что его осуждение было спровоцировано враждебными Советской власти элементами».

ИЗ АВТОБИОГРАФИИ, 1952 г.

«В сентябре 1939 года, когда Советская власть освободила Западные области Украины, я поступил на работу в органы НКВД Тернопольской области, где выполнял работу по выявлению украинских националистов до 22 июня 1941 года.

22 июня 1941 г., когда фашистская Германия вероломно напала на СССР, меня в ряды Красной Армии не призвали, я остался на территории, оккупированной фашистскими варварами. Но так как мой отец работал председателем сельсовета, а я в органах НКВД, мне пришлось скрываться от украинско-немецких бандитов и немецкого гестапо».

ИЗ СПРАВКИ

«Проверкой установлено, что Шкабарницкий в 1939—1941 гг. работал охранником Госбанка в г. Зборове, данных о службе в НКВД в архивах УКГБ и УВД не выявлено».

ИЗ АВТОБИОГРАФИИ, 1952 г.

«Осенью 1943 г. я и еще группа товарищей решили связаться с партизанами, несмотря на то, что связаться было очень трудно.

Как известно, что в 1943 г. армии сателлитов фашистской Германии разбегались, в том числе и армия Чехословакии. К нам присоединились несколько солдат Чехословацкой армии и рассказали нам, что на территории Чехословакии действуют советские и чехословацкие партизаны. Я решил совместно с чехословацкими солдатами перейти на территорию Чехословакии и присоединиться к партизанам.

В октябре м-це 1943 г. я и со мной группа товарищей присоединились к партизанскому отряду «Родина», в котором действовали советские партизаны. Командир отряда «Родина» капитан Советской Армии Горницкий, комбат Володин.

В отряде меня назначили командиром роты, где выполнял эту должность до конца войны. В 1944—1945 годах участвовал в боях с немецкими фашистами. За период пребывания в партизанском отряде я получил большой опыт партизана-разведчика, и если будет необходимость в защите Отечества применить этот боевой опыт, полученный в годы Великой Отечественной войны, я буду применять и выполнять боевые задания с честью.

В плену не был».

ИЗ СПРАВКИ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ПАРТИИ ПРИ ЦК КП УКРАИНЫ

«Сообщаем, что в «Списке партизанской бригады «Родина» под командованием Горницкого А. А.» проходит Шкабарницкий Михаил Дмитриевич (а не Данилович), 1922 года рождения, уроженец г. Львова, находился в бригаде в должности командира отделения с 10 марта 1945 года. В бригаду прибыл из плена.

Основой будущей бригады являлся партизанский отряд «Родина», сформированный 10 ноября 1944 года штабом партизанского движения при Военном Совете 4-го Украинского фрон-

та в количестве 11 человек под командованием командира отряда Горницкого А. А. В тыл противника отряд был выброшен в ночь с 21 на 22 января 1945 года в район гор. Маков (Чехословакия) и действовал до соединения с частями Красной Армии 2 мая 1945 года. За период действия в тылу противника из числа местного населения и военнопленных отряд вырос до 440 человек».

**ТРОФЕЙНАЯ НЕМЕЦКАЯ КАРТОЧКА
НА ШКАБАРНИЦКОГО МИХАИЛА, 1922 ГОДА РОЖДЕНИЯ,
СЛУЖИВШЕГО В НЕМЕЦКОЙ ДИВИЗИИ «СС-ГАЛИЧИНА»**

Призыв в стрелковую Галицкую дивизию СС, 6-й Галицкий добровольческий полк СС.

Фамилия: Шкабарницкий

имя: Михаил

родился: — 4.XI.1922

в: Стрий

профессия — слесарь-механик

вероисповедание: греко-католическое

результат осмотра: пригоден

призван: 7.9.43.

ИЗ АВТОБИОГРАФИИ, 1982 г.

«Зимой 1943 года меня и многих других насильно вывезли в Германию, в г. Эйзенах, где через неделю мне удалось бежать. Никого из лиц, которые были вывезены в Германию, я не помню. Бежал я из лагеря города Эйзенах один и прибыл во Львов до сестры примерно в марте 1943 года.

В мае или июне 1943 года в квартире у сестры меня ожидали два человека, один из них был немец, а другой украинец. Они мне заявили, что им известно о побеге с Германии и, если я не выполню их предложение вступить в формирующуюся дивизию «СС-Галичина», то пойду под трибунал.

Боясь этого, я дал согласие на вступление в эту дивизию.

Через два или три месяца, т. е. в сентябре 1943 года, меня вызвали немцы. В каком-то доме нас оформляли, выдали обмундирование немецкого образца — серо-зеленого цвета с эмблемами в виде льва и увезли на территорию Польши. В каком-то лесу нас обучали и выдали там оружие — винтовки.

Обучали нас несколько месяцев. Во время нахождения в данном батальоне приветствовали немцев «Хайль Гитлер». Обстоятельства принятия присяги, где и когда мы ее принима-

ли, я припомнить не могу, и зимой 1943—1944 года (в середине зимы, точно не помню) нас увезли во Францию в г. По. Нам ставили задачу, что вскоре будет открыт 2-й фронт и мы должны воевать.

Осенью 1944 г. нас погрузили в вагоны, привезли в Чехословакию. В Чехословакию мы приехали, уже был снег. Когда мы приехали в Чехословакию, мы с Скабинским Р. задумали побег и где-то через 8—10 дней, познакомившись с местными жителями, сбежали... В марте 1945 г. мы соединились с отрядом «Родина».

Каким образом я оказался записанным, что прибыл из плена, объяснить не могу. Откуда я пришел, об этом командование знало. Почему мое отчество «Дмитриевич», объяснить не могу.

Не помню, когда, или в 1948, или 1950 году, я исправил в характеристике, выданной партизанской бригадой, дату и вступления 3 марта 1945 года на 3 марта 1943 года. Это я сделал в связи с тем, что в это тяжелое время борьбы с бандитизмом для меня было тяжело объяснить мое вступление в дивизию «СС-Галичина» в 1943 году.

После этого я везде указывал, что присоединился в отряд «Родина» в марте 1943 года.

ИЗ АВТОБИОГРАФИИ, 1952 г.

«Я приехал в свой район — Зборовский район Тернопольской области, где я работал до 1941 года. Зборовский район направил меня на 3-месячные курсы председателей сельсоветов.

Член ВЛКСМ с 1945 года по 1950 год. Член ВКП(б) с 1948 года. В других партиях не состоял, в оппозициях и антипартийных группах не участвовал, колебаний в проведении генеральной линии партии не имел. Партийного взыскания не имею».

ИЗ ХАРАКТЕРИСТИКИ НА ШКАБАРНИЦКОГО М. Д., 1950 г.

«...с октября 1948 г. работает первым секретарем Подволочисского РК ЛКСМУ. С работой справляется недостаточно. Имеет партийное взыскание — строгий выговор с занесением в учетную карточку, вынесенное Подволочисским РК КП(б)У за притупление бдительности и необеспечение выполнения задания РК КП(б)У по проведению уборки урожая и хлебозаго-

товок в колхозе им. 30-летия ВЛКСМ. Над повышением своего идейно-теоретического уровня работает недостаточно».

Когда чекисты предъявили директору Тернопольской фабрики индтрикотаж Шкабарницкому фотокопию трофейной учетной карточки дивизии «СС-Галичина», он не просто растерялся — опешил... Что он думал в те минуты? Какие чувства владели им? Позднее раскаянье? Стремление стоять на своем? Но улики были безжалостны. Директор начал бессвязно бормотать что-то в свое оправдание, строить спасительную версию о запуганном подростке.

На фабрике он был иным: властным, жестким, грубым. Мог обматерить женщину, не гнушался взятками, поборами. Окружил себя родственниками. Раздавал квартиры.

Почему его так долго терпели? Почему он спокойно перебирался из одного руководящего кресла в другое? Секретарь райкома комсомола, председатель колхоза, начальник отдела снабжения завода, директор ресторана, директор завода...

Потому что люди, которым по долгу службы положено быть бдительными, были ротозеями, хлопали ушами. Эта карьера могла прерваться еще в 1945 году, если бы товарищи, оформлявшие дела Шкабарницкого, запросили официальные документы. Действовал ли в 1943 году в Чехословакии советский партизанский отряд «Родина»? Был ли в нем М. Д. Шкабарницкий? Это же самое можно было сделать и много раз позже, когда утверждали его на новые должности, направляя на учебу. Сделали только сейчас, когда он пришел в военкомат с просьбой выдать ему свидетельство участника Великой Отечественной войны. Здесь-то и решил сначала проверить факты, а потом уж выдавать свидетельство.

Проверка показала то, что читателю уже известно. Никакого отряда «Родина» в сорок третьем году в Чехословакии не было. Были отряды значительно ближе. Ковпаковские. Они как раз шли своим легендарным рейдом от Путивля до Карпат. И Шкабарницкий, если он так рвался в ряды мстителей, мог стать им, не забираясь в Чехословакию.

Кто хотел бороться, всегда находил такую возможность. Так, как ребята из полтавского села Кишеньки, из донбасской Дружковки, создавшие подпольную комсомольскую организацию «Ленинская искра» — побратим «Молодой гвардии», как каждый настоящий человек, для которого выбор был один — борьба.

А Шкабарницкий решил схитрить. Сначала остался в оккупации. Потом записался в чужую армию...

След предательства тянулся за ним через всю жизнь. В документах следствия и суда нет, к сожалению, анализа его деятельности на предыдущих постах — только на фабрике инд-трикотажа.

Наверное, она казалась ему собственной. Недаром же даже после разоблачения он продолжал утверждать: «Точно буду работать директором до выхода на пенсию, а после этого еще будет видно».

На этот раз «хитрец» ошибся.

6

Семь долгих лет Мариан выполнял задание своей социалистической Родины. Семь лет он провел в волчьем логове словацкой националистической эмиграции. Завоевал ее полное доверие и получил самые высокие титулы: генеральный секретарь «словацкой секции европейской федеративной партии», член совета и исполкома этой партии, председатель «центра словаков в ФРГ»...

Встретились мы с Марианом Сламенем в Праге после его возвращения из спецкомандировки. У него симпатичное, открытое лицо, хорошая улыбка. На таких парней всегда оглядываются на улице девочки. Но Мариана еще ни одна не подглядела. Дома, в Словакии, его больше всех ждала мама.

— О чем вас спросила мама, когда вы вернулись домой?

— Она не спрашивала, что я делал, потому что была уверена: ничего злого ее сын делать не мог. Была очень рада. Как все матери в такую минуту, переспрашивала о здоровье и все подливала «цибулячку»...

— Любимый суп?

— Да, соскучился я по нему. Правда, дома долго задерживаться не мог. И мама, как всегда, поняла — ждет работа. А будет свободная минута, я обязательно заеду — она это знает.

— С какой задачей вас направили за рубеж?

— Я должен был проникнуть в неприятельские словацкие эмигрантские организации, раскрывать планы их подрывной деятельности, разоблачать идеологические акции против ЧССР и других социалистических стран. Мне предстояло также разоблачить контакты словацкой сепаратистской эмиграции с чешской, венгерской, украинской и польской эмиграцией.

— Какие эпизоды, дни в разведке были для вас самыми трудными?

— Там я узнал о смерти отца. А приехать проститься с ним не мог. Самый тяжелый день. Наверное, во всей жизни...

Отец, старый коммунист, любил и ценил труд, учил этому нас. Учил дорожить трудом каждого человека, простого рабочего или ученого. Мой старший брат во время каникул работал на первых стройках молодежи. Я — на комбайнах в поле, это были, кстати, советские машины. Как понимаю сейчас, мы росли в обстановке, где главенствовали общественные интересы, а не личные. Вот и я все свободное время отдавал общественной работе — сначала в пионерской организации, позже в союзе молодежи, в союзе содействия армии. После школы пошел на завод. Работал токарем. Многим в себе я обязан рабочему коллективу. Он рекомендовал меня в партию. Учился я заочно в политехническом институте, позже перешел на стационар. Чтобы выполнить свое задание, я должен был участвовать в неприятельской деятельности сепаратистов против ЧССР и других социалистических стран. Скрепя сердце, приходилось бывать на сборищах судетских реваншистов. Они готовы на все, только бы перекроить карту Европы. С этими недобитками и спелись националисты.

— Вы видели национализм в лицо. Что для него, на ваш взгляд, характерно?

— Ненависть. Оголтелая ненависть к коммунизму, миру социализма. Приведу строки из программы так называемой «Словацкой революционной армии»: «С оружием в руках, огнем и мечом воевать против коммунизма». На одной из манифестаций перед зданием ООН в Нью-Йорке националисты из «Антибольшевистского блока народов» призывали «сбросить атомную бомбу на Кремль». А эмигрантский журнал «Словацкий независимый ежемесячник», независимый, конечно, только по названию, все еще упрекает американцев за то, что они не применили атомную бомбу в корейской войне и этим, дескать, показали Советам слабость Запада...

Националистические группировки стремятся найти общий язык, выступать, как они пишут, «единым голосом». Так называемая «Словацкая революционная армия» тесно сотрудничает с сепаратистской казачьей организацией «Око».

Известны связи словацких и украинских националистов в рамках «Антибольшевистского блока народов».

Этот блок был организован в 1946 г. в Западном Берлине по инициативе недобитых оуновцев. Они и сегодня составляют его основу.

Сразу после своего основания в АБН вошел Словацкий освободительный комитет. Организовал его бывший министр т. наз. Словацкого государства Дюрчанский, фанатичный фашист. Всю свою жизнь, до самой смерти, он активно сотрудни-

чал с украинскими националистами. Члены его группы активно участвовали в диверсиях против социалистических стран, их представительств за рубежом.

Вскоре после войны возникают «Американский комитет борьбы за свободную Россию», «Американский комитет освобождения от большевизма», организованные эмигрантами.

Все эти комитеты, как и в двадцатые годы, после Октябрьской революции, безуспешно пытались объединить разрозненные силы.

В вожди «Объединенной русской эмиграции» прочили генерала Туркула, избежавшего возмездия за все свои преступления. По утверждениям белогвардейской печати, его поддерживала Америка, и он тянулся изо всех сил, чтобы оправдать доверие новых хозяев. В «вожди», однако, он не прошел, и «правые», «солидаристы», «непредрешенные» и прочие по-прежнему дудели каждый в свою дуду.

Несколько лет назад (сентябрь 1975 г.) журнал «ВИН», издаваемый в Нью-Йорке, рассказал об акциях ЦРУ 40 — 50-х годов: диверсиях, поджогах, политических убийствах... Среди «исполнителей» — Стецько, Кашуба, Мудрик... Стецько возглавляет ныне архиреакционное буржуазно-националистическое объединение — т. наз. «заграничные части ОУН».

— Кто оплачивает АБН?

— Госдепартамент США, — продолжает М. Сламень, — в 1971 году основал специальное отделение, занимающееся национальными меньшинствами, чтобы использовать националистические элементы в своих целях. Именно это отделение создало «Федерацию этнических групп», членом которой стал АБН. Так подрывной блок получил постоянный источник финансирования.

При поддержке англичан АБН издает иллюстрированный журнал «Рефлекс», выходящий в Дании с мая 1968 года. Редактирует его англичанин Джон Грэхем. По заданию английских специальных служб он давно занимается вопросами использования украинских националистов в подрывной деятельности против СССР.

7

Жаркое солнце затопило все вокруг. Нежатся в тепле холмистые поля. Едва струится под мостом разомлевшая речушка. Тишина, покой, умиротворенность...

Взгляд задерживается на далекой вершине — похоже, над ней торчит какая-то мачта?

— Да, там установлен ретранслятор «Свободной Европы» и наблюдательный пункт НАТО,— поясняет начальник политотдела пограничного отряда имени чехословацко-советской дружбы Йозеф Котиза.

Вот куда, оказывается, забралась «РСЕ» в своих стараниях об «информированности» социалистического общества. Истинные цели «Свободной Европы», как и «Свободы», сейчас усиленно маскируются, меняются вывески. Но меняют они, эти реликты «холодной войны», приспособляясь ко времени, лишь средства воздействия. Цели остаются теми же, какими их с солдафонской прямолинейностью сформулировал однажды американский генерал Клей, говоря о «Свободной Европе»: «Главнейшая задача этой организации будет заключаться в том, чтобы путем пропаганды заставить чехов, словаков, венгров и румын тайно покидать свою страну... Если эта деятельность в указанных странах вызовет подпольное движение, то мы не удивимся. Для того, что мы делаем и будем делать, нет границ».

Да, для них границ действительно нет. Об этом свидетельствует капитан чехословацкой разведки Павел Минаржик, о котором во всей мировой печати говорилось в сообщении из Праги: «...Возвратился на родину после семилетней работы на Западе офицер чехословацкой разведки. Ему удалось проникнуть в подстрекательскую радиостанцию «Свободная Европа» и в руководство некоторых эмигрантских организаций».

Имя разведчика в сообщении не упоминалось. Это был хорошо рассчитанный удар по воротам «Свободной Европы». Как отреагируют там?

Отозвались кисло: «Часть сотрудников в отпуске, и нельзя сказать, о ком идет речь». Возможно, читатель припоминает похожую ситуацию?

За несколько лет до этой истории точно так же после выполнения специального задания в Варшаву возвратился офицер польской разведки. «РСЕ», как обычно, отказалась комментировать его возвращение, «пока наш отдел кадров не установит, кто из сотрудников исчез или не явился на работу...».

Польские товарищи облегчили задачу кадровикам ЦРУ: на следующий день имя разведчика знал уже весь мир — Анджей Чехович.

Удостоверение, выданное ему на радиостанции «Свободная Европа» 1 июля 1966 года, подписал американский офицер службы безопасности.

Перед нами фотокопия точно такого же удостоверения. Вверху — крупно по-английски: «Радио «Свободная Европа». № 25121. Дата выдачи — 1 мая 1972. Большая фотография.

С обладателем этого удостоверения, капитаном чехословацкой разведки Павлом Минаржиком мы встретились точно в назначенный час в одном из рабочих кабинетов министерства внутренних дел ЧССР. Крепкое рукопожатие, дружеская улыбка.

— Мой первый контакт с мюнхенской радиостанцией, — рассказывал П. Минаржик, — был установлен при посредничестве агента ЦРУ, бывшего руководителя чехословацкого отделения этой службы Юлиуса Фирта. Находясь в августе 1968 года в Вене, он вербовал чехословацких эмигрантов для американской шпионской службы. Доказано, что на американскую разведку Фирт работал с 1943 года. Встретив его в Вене, я знал, с кем имею дело. Фирт организовал мне встречу с тогдашним руководителем чехословацкого отделения «Свободной Европы» Ярославом Пехачеком, который предложил сотрудничать в «РСЕ».

Виза офицера американской разведки на удостоверении Чеховича, рекомендация агента американской разведки Минаржику... Чтобы было ясно, почему именно американские службы приложили здесь руку, приведем небольшую справку.

Радио «Свободная Европа» рождено в недрах госдепартамента США. Свою черную деятельность ведет с июля 1950 года на языках европейских социалистических стран. Существует на деньги американской разведки. В свое время сенатор Кейс на заседании комиссии по иностранным делам сената США заявил, что основная часть бюджетов радиостанций «Свободная Европа» и «Свобода» поступает непосредственно от ЦРУ. По самым приблизительным подсчетам, ЦРУ израсходовало на содержание этих радиостанций почти три четверти миллиарда долларов. Кто платит, тот и заказывает музыку.

— Вопросы закулисного финансирования обеих мюнхенских радиостанций вызвали в 1971—1972 годах в Соединенных Штатах острую критику в адрес ЦРУ, — говорит П. Минаржик. — В 1974 году они формально перешли в ведение Комитета по международным радиопередачам при конгрессе США. Могу со всей ответственностью заявить, что разные формальные реорганизации статута этих радиостанций являются обманом американской и мировой общественности. «Свободная Европа» и «Свобода» по-прежнему стоят на позициях «холодной

войны» и по-прежнему ЦРУ сохраняет в них свои позиции. 60 процентов американского персонала станций являются сотрудниками либо ЦРУ, либо военной разведки. При помощи своих людей ЦРУ полностью контролирует и направляет программу передач обеих станций в Мюнхене, а также их филиалов в Париже, Риме, Лондоне и Брюсселе.

— Какое место в деятельности хорошо знакомых вам подрывных радиоцентров занимают проблемы молодежи? Возможно, вы могли бы привести примеры конкретных акций, направленных против молодого поколения стран социализма?

— Проблемы молодежи, влияния, воздействия на молодежь социалистических стран занимают сегодня ведущее место в подрывной деятельности как «Свободной Европы», так и «Свободы». Чтобы не быть голословным, сразу приведу конкретный пример. Мастерят, скажем, на «Свободной Европе» новый тип вечерней программы. Какой она должна быть? Установка дана однозначная: программа должна привлекать молодых людей в возрасте до 35 лет. На что же рассчитывают подстрекатели, делая ставку на молодежь? Рассчитывают на ее политическую неискушенность, эмоциональную отзывчивость. На то, что молодежь, как полагают шефы «Свободной Европы» — американские сотрудники ЦРУ, не имеет еще такой прочной связи с традициями своей страны, как старшее поколение. Вот, так сказать, теоретическая подкладка. А вот и практика — целая серия передач, извращающих историю мировой войны, роль Советского Союза в победе над фашизмом. Отнять у молодежи стран социализма прошлое — значит отнять у социализма будущее. Вот на это замахиваются отравители эфира. Я смог познакомиться с так называемой «политической инструкцией» для радиопередач «Свободной Европы». Подписал ее директор радиостанции, а служба безопасности сопроводила грифом «Совершенно секретно». Один из разделов этой инструкции посвящен работе с молодежью социалистических стран. В нем подробно объясняются цели передач, направленных на молодежь, точнее — против молодежи, средства и способы влияния на нее. В общем, это программа усиленной атаки на сознание юношества.

Особый нажим делается на разжигание чувств эгоизма и индивидуализма, разрыва с обществом. Ставится цель возбудить в слушателях чувства национальной ограниченности, национальной кичливости, утвердить в их сознании неудовлетворенность личным положением.

Паучий, длинный дом на берегах западногерманского Изара даже в буржуазной, далекой от симпатий к социализму прессе называют «одной из последних крепостей «холодной войны». Отсюда, из Мюнхена, день и ночь на языках народов Советского Союза и других стран социализма растекается отрава лжи. Бесспорные и доказательные факты, в том числе документы, представленные польским разведчиком Анджеем Чеховичем и чехословацким — Павлом Минаржиком, изобличили подлинное лицо радиодиверсантов, прямую связь «Радио Свободы» («РС») и «Радио Свободная Европа» («РСЕ») с американской разведкой.

Под напором общественного мнения заокеанские шефы норовили откреститься от «свобод» и вообще перекрасить их фасад. Радиостанции, как было объявлено, перешли в ведение специально созданного Комитета по международному радиовещанию, подчиненного конгрессу и госдепартаменту США. Вышшие чины и комментаторы обеих станций не раз и не два публично заявляли, что американский конгресс еще в 1971 году запретил любые контакты между ЦРУ, с одной стороны, и «РС», «РСЕ» — с другой. В тех заявлениях утверждалось, что сотрудников ЦРУ среди служащих радиостанций больше нет: «Было около десяти сотрудников в начале 1971 года, да и тех уже нет — кто перешел на другую работу, кто ушел на пенсию».

Так ли?

Перед нами любопытное исследование — своеобразная энциклопедия «РС» и «РСЕ». Она подготовлена исследовательским институтом журналистики и вышла в словацком издательстве «Обзор». Здесь только факты. Краткие, но достаточно емкие характеристики. Например, справки о 18 кадровых офицерах ЦРУ и других американских разведывательных центров, которые до самого последнего времени проходили (возможно, проходят и сегодня) службу в «РС» и «РСЕ». Назовем нескольких из них.

Бакштейн Мартин Карл, зам. зав. аналитическим отделением «РСЕ». Бывший офицер авиации американской армии. В 1968—1970 годах под личиной ученого несколько раз бывал в ЧССР. Ищет контакты с антисоциалистическими элементами Чехословакии. Офицер ЦРУ.

Бойтер Альберт, советник директора «РС» по планированию и специальным проектам. Многолетний сотрудник ЦРУ. В «РС» пришел в 1955 году из отделения так называемых тай-

ных операций ЦРУ. До 1975 года заведовал «исследовательским отделом» «РС». С реакционными кругами Западной Германии создает в Мюнхене т. наз. «архив самиздата».

Деминг фон Герд, советник директора «РС» по политическим вопросам. Занимается перспективным планированием политического содержания программ «РС» и «РСЕ». Сотрудник ЦРУ. Подчинен непосредственно отделению тайных операций. Поддерживает тесные контакты с украинскими националистами в ФРГ, с редакционной эмигрантской организацией НТС, ее издательством «Посев».

Лодисен Джон, ведущий сотрудник отдела программ «РС». После окончания американской разведывательной школы в Гармиш-Партенкирхене (1967 год) работал вторым секретарем посольства США в СССР. Был уличен в шпионаже, объявлен persona non grata и выдворен из Советского Союза. Потом работал в отделении политических исследований главного штаба НАТО в Брюсселе, откуда перешел в «РС». Офицер ЦРУ.

Перри Джордж (он же — Перетаткович), зав. отделом печати и связи с общественностью. В 1964 году был послан ЦРУ в американское посольство в Москве. Ранее сотрудничал в американском информационном агентстве ЮСИА, был сотрудником журнала «Америка». Изучает общественное мнение в СССР и очень настойчиво обхаживает туристов из Советского Союза и других социалистических стран. Тесно связан с тайными службами США.

Ралис Макс, настоящее имя — Макс Исраэль, родился в СССР, представитель «РС» и «РСЕ» в штабе НАТО в Брюсселе, офицер ЦРУ. В 1966—1975 годах заведовал отделением «РС» в Париже. Выискивает с целью зондажа советских людей, посещающих западноевропейские страны. Выдает себя за профессора социологии и философии. Близок к сионистским кругам во Франции.

Редлих Роберт, зав. отделением «РС» в Париже, кадровый сотрудник ЦРУ. В «РС» — с 1957 года. Перед этим был корреспондентом американских газет в Австрии, Польше, ЧССР. Руководил шпионской школой в ФРГ, затем возглавлял шпионскую деятельность против СССР на территории Франции.

И так далее — всего восемнадцать имен, восемнадцать офицеров американских разведслужб, в основном ЦРУ. Они возглавляют агентурную сеть, вырабатывают концепции передач на социалистические страны, контролируют программы. Сами они получают приказы непосредственно из ЦРУ или американского консульства в Мюнхене. Часть из них тесно связана

с так называемым институтом армии США по изучению СССР и восточноевропейских стран в ФРГ. В действительности под этой вывеской скрывается школа военной контрразведки США. Один из предметов обучения в этом шпионском гнезде — подрывная пропаганда, или, как здесь ее называют, «техника и приемы психологической войны». Среди лекторов подвизаются сотрудники «РС» и «РСЕ» — офицеры ЦРУ. Делятся, так сказать, опытом.

Разумеется, восемнадцать офицеров разведки — лишь один этаж шпионской сети. Ниже — сотни информаторов, связанных с ЦРУ посредством «РС» и «РСЕ». Это служащие подрывных радиоцентров — эмигранты, беженцы из социалистических стран, предатели. Отрабатывая сребреники, они втираются в доверие к туристам, деятелям искусства, специалистам, спортсменам из стран социализма. Причем готовятся дифференцированно — для работы с определенной категорией людей.

Познакомимся с еще одним характерным списком из той же книжки.

Кас Л., редактор венгерской редакции «РСЕ» (использует псевдонимы Карпати Миклош и Каса Ласло). Эмигрировал из Венгрии в 1956 году. Постоянный посетитель летних студенческих лагерей на Западе, собирает там информацию. Специализируется на обработке молодых спортсменов, среди которых пытается вербовать агентов.

Шнейдер Й., зам. зав. чехословацкой редакцией «РСЕ». Эмигрировал из ЧССР в 1949 году. Многолетний агент ЦРУ. Регулярно участвует в кинофестивалях на Западе, где собирает информацию о положении в ЧССР. На кинофестивале в Венеции установил контакты с тремя чехословацкими журналистами, пытался получить от них сведения о ситуации в Чехословакии, о кадровой политике, о возможности эмиграции на Запад некоторых работников культуры.

Шульц М., редактор чехословацкой редакции «РСЕ». Агент ЦРУ. Завербован на фестивале в Монте-Карло. По поручению ЦРУ в 1969 году провел в ЧССР несколько контрреволюционных акций. Выполняет задания ЦРУ и западных центров идеологических диверсий.

Такова вторая категория сотрудников «РС» и «РСЕ». Есть еще одна — военные преступники и бывшие деятели фашистских режимов, выдачи которых давно требуют многие государства. Увы — без ответа. Через годы тянется за этими гитлеровскими прислужниками кровавый след.

Акбер — он же Акперов Исмаил Абаскули-оглы, главный редактор азербайджанской редакции «РС». В 1942 году в плену добровольно вступил в гитлеровскую армию. Окончив разведшколу, служил в специальной команде в Ставрополе в должности унтерштурмфюрера. Затем стал редактором нацистского журнала, который издавал так называемый «азербайджанский национальный комитет» в Берлине — по соседству с редакцией, в которой сотрудничал Онуфриенко. После разгрома фашизма подвизался в «Голосе Америки», с 1954 года — в «РС».

Беркутов Б. В. — он же Бернатович, инженер технического отдела «РС». Во время оккупации Красного Села в Ленинградской области перешел на службу к гитлеровцам. Участвовал в казнях советских людей и расправах над ними. Окончил фашистскую разведшколу и дважды забрасывался в тыл Красной Армии. С 1958 года — в «РС».

Глазенап И. Л., бывший капитан Советской Армии, комментатор «РС» по экономическим вопросам. Псевдоним — Игорь Ланин. В плену изменил Родине. Возглавил батальон предателей. В 1942 году окончил гитлеровскую разведшколу. Дослужился даже до начальника штаба у влазовцев.

Якуноглу, он же Джакиров Толомуш, редактор туркестанской редакции «РС». Сдавшись в плен, добровольно вступил в нацистский туркестанский национальный легион. С оружием в руках активно воевал против Советской Армии. После разгрома фашистской Германии прижился в ФРГ. Работал в «РС», пытается вербовать советских граждан, туристов.

Султан Гарип — он же Султанов Гариф Игнатьевич, редактор татаро-башкирской редакции «РС». Предатель и изменник Родины, активный организатор нацистских легионов «Идель-Урал». Выдал гестаповцам патриотическую антифашистскую группу советских военнопленных во главе с Мусой Джалилем и лично участвовал в казни патриотов. Выслужил фашистскую бронзовую медаль первой степени.

Довольно, пожалуй. Общее, что роднит их, — это ничтожество. Другие имена — Калюжный-Кабанов, Дудин-Градобоев, Вишневский-Лапонов — мало что прибавят. Каждый из них — это тип труса, вышколенного в тайных «учебных» центрах, отъявленного врага Советской власти, социализма. У него вышибли из рук автомат, и он ухватил микрофон...

68 имен называет книга — лишь малая часть радиоорды. 44 из 68 — офицеры и активные деятели ЦРУ или военной контрразведки США. Вопреки всем запретам и заявлениям, они, как видим, продолжают свое черное дело. На кого же

рассчитаны уверения, что эти станции — «инструмент мирного понимания»? Нет! Это оружие вражды, ненависти, провокации.

Еще одно свидетельство об этом, основанное на конфиденциальных документах Государственного департамента США и ЦРУ, представил бывший главный редактор русской службы радиостанции «Свобода» Олег Александрович Туманов. Более двадцати лет он работал в этом осином гнезде: был простым «ньюсрайтером» — составителем новостей, комментатором, руководил отделом новостей... В 1986 году, осознав совершенную в молодости ошибку, вернулся на Родину. Вот что говорил О. Туманов, отвечая в беседе за «круглым столом», на вопросы советских журналистов.

9

СТАРКОВ («Аргументы и факты»). Не могли бы вы рассказать о том, как используется «Радио Свобода» в проведении различных антисоветских кампаний? И что еще вы можете сказать о связях радиостанций «РС/РСЕ» с американским посольством в Москве?

ТУМАНОВ. Если говорить об антисоветской пропаганде, то вся деятельность радиостанций в принципе подчинена этому. Вы правильно подметили проведение целенаправленных кампаний. Кампании ведутся на постоянной основе. Так, с 1967 г. ведется, например, кампания «в защиту прав человека в Советском Союзе».

В свое время радиостанция получила через НТС материалы так называемого «самиздата». В то время это дело только начиналось. И НТС, кстати говоря, не скрывал, что частично «самиздатовские» материалы были подготовлены его членами.

Позднее уже само «РС» всеми правдами и неправдами, используя всевозможные каналы, иногда намеренно инспирируя эти каналы, пыталось оказывать открытое давление на советских граждан, с тем чтобы те подписывали «самиздатовские» документы. Как правило, эти «материалы» посвящены положению с правами человека в Советском Союзе.

Из еженедельной передача о правах человека в СССР превратилась в ежедневную. Между прочим, именно по просьбе радиостанции о проблеме прав человека в Советском Союзе стал говорить и президент Рейган. Даже часть его речей была подготовлена на «РС». Именно радиостанция подсказывала, что бы хотелось услышать из уст президента.

Теперь о том, что касается связи «РС/РСЕ» с посольством Соединенных Штатов в Москве. В принципе, первый из ваших

вопросов сам собой увязывается со вторым, потому что именно через посольство США в Москве вся эта «писанина» дипломатической почтой переправляется на радиостанцию. Именно для этого в посольстве США в Москве и существуют эти самые атташе по правам человека. Они встречаются с разного рода «диссидентами» и собирают необходимый материал. Кроме того, в посольстве создан особый материальный фонд, часть денег в который вносит РС. Эти средства идут на оплату услуг тех людей, в получении информации от которых заинтересована радиостанция.

Могу назвать также одного американского дипломата, который курировал советских «диссидентов» в 1984—1985 гг. Это Уоррен Зиммерман.

ПОНОМАРЕВ (ТАСС). Первым, кто откликнулся на вашу пресс-конференцию в Москве, был сотрудник «Радио Свобода» Редлих. Он, кстати, уже в который раз заявил, что РС/РСЕ никакого отношения к ЦРУ не имеют. Следом за ним разыграла наивность и эмигрантская газета «Русская мысль», которая задавала вопрос: как можно вести шпионаж, сидя у микрофона?

Как вы бы могли прокомментировать это? И простите, сразу же хотелось бы задать второй вопрос. Не могли бы вы назвать поименно сотрудников ЦРУ на РС и те отделы, которые наиболее прочно завязаны на разведку?

ТУМАНОВ. Роман (он же Роберт) Редлих — офицер по связям с зарубежными органами печати, в основном западногерманскими газетами и с «Дойче велле» (радиостанцией «Немецкая волна»). Конечно, его сразу же уволили бы с работы, если бы он сказал, что «Радио Свобода» действительно сотрудничает с ЦРУ.

Мало кто знает, что сам Роберт Редлих — кадровый сотрудник ЦРУ. В свое время он возглавлял школу военной разведки в западногерманском городе Бад-Хомбурге.

Что можно сказать о нем как о человеке? На Западе таких, как он, называют «плейбой». А как вы знаете, это занятие требует довольно больших денег. За финансовые злоупотребления его несколько лет назад чуть-чуть не уволили с радиостанции. Но, видимо, вступилось какое-то высшее начальство, может быть, начальство в Лэнгли (штаб-квартире ЦРУ), и он на радиостанции остался.

Что касается газеты «Русская мысль», то примерно 80% материалов, которые она публикует, подготовлены РС. Часть из них прошла в эфир, часть берется из исследовательского отдела радиостанции. В принципе «Русская мысль» — это придаток

радиостанции. И конечно же, она в своих публикациях всячески выгораживает радиостанцию.

Как можно заниматься шпионажем, сидя у микрофона? Не будем забывать, что у микрофона сидит лишь малая толика сотрудников радиостанции — те, которые вещают непосредственно в эфир. Может быть, действительно не все они занимаются шпионской деятельностью — это журналисты. Журналисты, скажем, другого пошиба, другого склада, специально подготовленные, но журналисты.

Но ведь, кроме этого, на радиостанции есть отделы, которые работают непосредственно на ЦРУ.

На пресс-конференции в МИДе я рассказывал о некоторых таких отделах, и в частности о так называемом «красном архиве», который существует на радиостанции. Казалось бы, что особенного? Сидят люди, делают вырезки из советской прессы, складывают их в отдельные папочки, заполняют карточки, ведут картотеку. Тем не менее весь этот материал, отобранный по определенным параметрам, дает возможность судить о многих сторонах жизни в СССР. Скажем, о развитии советской экономики, о перемещениях в советском руководстве. Весь этот материал оформляется и в виде специальных досье отправляется в Вашингтон.

Существует исследовательский отдел. Этот отдел работает более целенаправленно, по заказам. К примеру, из Вашингтона приходит инструкция: подготовить материалы о том, как исследователи на «Радио Свобода» оценивают, скажем, XXVII съезд КПСС. Еще до съезда исследовательским отделом готовились такие материалы, своего рода предсказания, что ли.

В том же исследовательском отделе существуют подотделы, например, военный подотдел. Там сидят люди, которые занимаются сбором военной информации на основе официальных источников — газеты «Красная звезда», различных военных журналов, которые доступны и которые выписывает радиостанция.

Выписывает же она практически все, что можно выписать, всю советскую периодику, которая доступна. Та же, которая недоступна, поступает через американское посольство в Москве, которое занимается сбором такой информации на местах. Когда дипломаты или корреспонденты едут, скажем, в командировку, они покупают эти газеты. Потом их пересылают на радиостанцию.

Я рассказал только о двух отделах, которые занимаются сбором такого рода информации.

Вы спрашиваете о людях? Я уже сказал о Романе, то есть о Роберте Редлихе. Это кадровый сотрудник ЦРУ.

Радиостанцию «Свобода» возглавляет доктор Васлев — кадровый офицер американской военной разведки. Еще недавно он служил в военно-воздушных силах Соединенных Штатов, где состоял в разведывательном подразделении.

Теперь возьмем непосредственно русскую службу радиостанции «Свобода». Ее возглавляет Гольской. Это кадровый американский военный разведчик, специалист по методам ведения «психологической войны». Он в чине майора. На радиостанции его можно иногда видеть в военной форме, потому что до сих пор он проходит стажировку при американской военной базе Мак-Гроу в Мюнхене, где он повышает свою квалификацию.

Ассистент директора русской службы Николай Петров — также сотрудник ЦРУ. Он осуществляет непосредственную связь радиостанции с ЦРУ, с американским генеральным консульством в Мюнхене, в котором существует специальный отдел. Некоторые секретные материалы на радиостанцию приходят именно через это генеральное консульство. И Петров занимается этими материалами и передает их по назначению.

Можно продолжить список. Одним из подразделений исследовательского отдела руководит Кит Буш. Говорят, что он приходится племянником вице-президенту Соединенных Штатов. Сотрудники из отдела Кита Буша непосредственно готовят материалы по заказам, которые спускаются из Вашингтона.

У него же в отделе работает Алан Крончер. Он в свое время выехал из Советского Союза в Израиль, а теперь работает на радиостанции. Кадровым сотрудником ЦРУ Крончера я не назову, но его несколько раз вызывали в Вашингтон, где он читал лекции о перспективах развития советской экономики на каких-то курсах в разведывательных школах Соединенных Штатов.

Рядом с ним в том же отделе работает очень тихий, скромный, совершенно незаметный человек — Анатолий Кружин. Настоящая фамилия его — Бублик. Во время войны Анатолий Кружин-Бублик был начальником личной охраны Власова. После войны американцы взяли его к себе на службу. Кружин не отбывал никакого наказания, сразу же начав специализироваться на военной тематике. Он собирает материалы о Советской Армии, регистрирует служебные перемещения советских военачальников. Его тоже периодически вызывают в Америку, в Лэнгли, где он читает лекции.

О ком еще можно сказать? Ян Пеннар, он руководит прибалтийскими редакциями. Правда, это уже «Радио Свободная

Европа». Но этот человек также непосредственно связан с американской разведкой. Я думаю, что имен достаточно.

Кстати, существует практика прямого сотрудничества радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа» с филиалами американских разведывательных школ, одна из которых расположена в Мюнхене на территории военных казарм Мак-Гроу, а другая — примерно в 100 километрах от Мюнхена, в городе Гармиш-Партенкирхен.

«Студенты» этих школ — будущие сотрудники ЦРУ, военных разведок, будущие сотрудники американского посольства в Москве. Они имеют свободный доступ на обе радиостанции, пользуются материалами, контактируют с людьми из Советского Союза, с тем чтобы, так сказать, вжиться, понять психологию советского человека, недавно приехавшего из Советского Союза.

Кроме того, некоторые сотрудники радиостанции в свою очередь посещают обе разведывательные школы и читают там лекции. Можно привести такой пример. Главный военный комментатор радиостанции Предтечевский постоянно выезжает в Гармиш и в Мак-Гроу с лекциями о положении в Советской Армии, подбирает специальные материалы. Часть этих материалов идет в эфир на волнах радиостанции.

Я уже сказал, что подготовку в этих школах проходят и будущие сотрудники американского посольства. Я знал, в частности, чету Гленнов, которые прослушали примерно шестимесячный курс в Гармише — их готовили к дипломатической работе в Советском Союзе. Джеймс Гленн стал, насколько я знаю, атташе по правам человека при американском посольстве в Москве.

Гленнов я, повторяю, хорошо знал, несколько раз встречал их на «РС». Джеймс в основном интересовался положением инакомыслящих в Советском Союзе. Кстати, он часто шутил, что стал первым неевреем на посту атташе по правам человека. До и после него эту должность почему-то занимали американцы еврейского происхождения.

ПОНОМАРЕВ. Скажите, пожалуйста, что это за хитрое формирование такое — бюро Парты, о котором вы упоминали на пресс-конференции? Не могли бы вы подробнее рассказать об этом?

ТУМАНОВ. Да, я упустил из виду, это действительно очень важно. В Париже, на бульваре Сен-Жермен, 193, располагается так называемый отдел по исследованию аудитории. По крайней мере, так он называется официально. Работает здесь всего несколько человек. Это главный отдел, он имеет свои подотделы во многих городах Западной Европы, в частности в Вене,

Зальцбурге, Копенгагене, Риме, а также в Соединенных Штатах Америки.

Чем же конкретно занимается этот отдел? Возглавляют его Джин Парта, кадровый американский разведчик, и Чарлз Адлен, тоже кадровый американский разведчик, хотя и прикрывается тем, что окончил Оксфорд.

Из Советского Союза в Израиль в последние годы выехало немало граждан в целях «воссоединения семей». Не все они направляются прямо в Израиль, некоторые едут в Соединенные Штаты. В таком случае эти люди оседают на какое-то время либо в Вене, либо в Риме и являются источником информации, необходимой для радиостанции. Бюро интересуется качеством передач, какие передачи пользуются успехом, какие, может быть, стоит прекратить.

Я видел эти опросники: параллельно задаются и другие вопросы, которые в принципе никоим образом не должны интересовать радиостанцию. Это вопросы военного характера, в частности вопросы о развитии сети дорог в Советском Союзе, что тоже входит в военную область. Между прочим, опрашиваются не только эмигранты, но и делегации, отдельные туристы, приезжающие из Советского Союза. Все, кто работает у Парты, великолепно говорят по-русски. Они могут подойти к этим советским гражданам и, используя свое знание языка, постараться войти в доверие. Словом, существуют самые различные методы, как получить интересующую бюро информацию. Пусть это будет даже минимум информации. Но, сведенная воедино, так сказать, кусочек к кусочку, как в мозаике, она может дать определенную картину о некоторых событиях в Советском Союзе.

Могу еще добавить, что бюро Парты оснащено специальным компьютером, информация суммируется по определенным параметрам, в частности интересующим различные американские военные службы.

Генералы «холодной войны» держат оборону в последних крепостях. В Баварии, например, принят документ, в котором прямо говорится, что «персональное ослабление обеих радиостанций могло бы означать подготовку к ликвидации этой основы свободного потока информации в коммунистический блок».

Характер этой информации известен. В сути своей она остается, по словам генерала Клея в 1952 году, «безжалостной, ничем не сдерживаемой психологической войной, дабы разрушать коммунистические режимы».

Таковыми примерно могли бы быть последние страницы блокнота Кости Найдича.

А что же сам Костя Найдич? В тяжкий последний свой час он, словами Льва Толстого, мог бы сквозь свой сон, крик сказать: все в этот мир приходит, чтобы уйти, дав жизнь другому. Может, жизнь, а может, муку.

Может быть, он покоится на кладбище, где мы слышали поминальную речь при отпевании очередного эмигранта. На обратном пути мы снова завернули на это же кладбище.

Бродили меж могил. Что врать — в иные минуты что-то, бывает, потянет твои нахоженные ножки к «миру иному», где можно присесть и поразмыслить над вечными началами и вечными концами.

Мы присели у свежего дубового креста, надпись на котором была исповедью, последним самоотпущением грехов, заблуждений.

Говорят: кто перед вечным уходом в ночь очистил душу свою, тому легче спится. Может, это Костя сам заранее заготовил бьющее в самое сердце прощальное:

Чужина — могила, чужина — труна,
 Душа на чужині — мов чайка тужна,
 Літає і квилить в сльозах без гнізда:
 Навік його змила безжальна вода.

А на другой стороне креста — надпись на русском языке. Надпись предельно проста, исчерпывающая: «Прошу не считать, что я лежу рядом с этой белогвардейской рванью. Пока глаза мои видели, пока дышал — я всегда был там, в родном Киеве, на Владимирской горке, на моей Голгофе, под сенью креста Святославича. Незвестный».

Это у Шиллера, кажется, сказано: мир и велик, и тесен... Видим — к смертному одиночеству «неизвестного» подходит какая-то женщина. Обменялись какими-то словами, да и слова-то не шли: все и так ясно...

Спросили: вы, надо полагать, знаете, кто же этот неизвестный?

В ответ — мучительное молчание, а затем слезы росой на могилку:

— И муж, и не муж. Гонимые судьбой, мы оказались здесь. Отпевал, отпевал других Захарыч, а вот и сам представился. Один он теперь там, а я тут одна-одинешенька. Никого и ничего нет. Ни языка, ни дела в руках, ни средств. Есть только жуткая старость. Дали мне комнатку монастырскую. Тружусь то на огороде в монастыре, то вот здесь, на кладбище.

Она повела нас по тропинке между могил, принявших многих своих с разной судьбой.

Кладбищенская полынч чужбины нестерпимо давит могилами.

Идем среди могилок, а она о своем:

— Тяжко помырав Захарыч. Тужыла и вылась биля нього чайкою з пидбытыми крылами, вкраденым життям. Поховала й посяла на горбыку земли травку ривненьку, шовковисту, зелену-зелену, як та, що росте пид сонцем України. А тепер дистала прыготувала й высаджу для нього улюблени барвиночки, чорнобрывци... Иноди, важко зитхаючы, обпикшы душу джином, прымовляв вин: «У стороні рідній одна чорнобрива не долюбила, в чужій стороні зустрів іншу рідну карооку... Доле моя, доле!»

Она так жалобно, трогательно просила:

— Зайдить хоть на хвильку, дайте моему серцю радисть зустрічи з домом, якого никола вже не побачу...

Зашли.

— В оций убогий монастырський хатынці все як дома: чарочка вишнєвки, пырижечкы з яблукамы, а з-пид образив промовляе до мене засушений и перевезенный через океан пид сердцем у шовковому мишечку хрещатый барвинок и любы-сток...

Молчание.

— А вот посмотрите! — продолжает она. — Это его, тоже привезенная с родины, простенькая тетрадочка. Все бумаги в Прагу отправил, а эту тетрадку оставил. Его рукой были в ней исписаны лишь несколько первых страниц.

Вчитываемся в кричащие строки — и у нас стынет кровь. Почерк тот же, то же отчаяние: «Лето мое, лето короткое, отплясавшее, отплакавшее!»

И уже как стресс, галлюцинация:

«Боже мой праведный, помоги же мне. Почему уроды-черти пляшут на моей голове, побелевшей от пережитого?! Уйми их, боже! Они отплясывают на моей голове, опьянев от моей крови. Ее уже мало, мало осталось — и я слабею. Хоть малость продли мое лето, дай побыть на родной Владимирской, на моей Голгофе, помолиться на святых седых берегах Днепра!»

Вся моя прошлая жизнь, все мое прошлое — это тени, призраки на стене, переплетение, уродство. Куски жизни... Неудавшейся? Вера ведь меня разыскала, звала: приезжай хоть помираться дома.

Поздно. Дудки! Чужбина высосала мою кровь, пускай чужбина и подавится моими костями...

Листок, оторвавшийся от кроны...

Напишите на моей могиле: «Прошу не считать, что я лежу рядом с этой белогвардейской рванью...» И еще — стихи моего друга.

Я — неизвестный, без роду и племени.
Я любил барвинок, а вдыхал запах полыни.
Полынь чужбины...
Я пришел умирать в это зловонное убежище.
Как жил — так и...
Мне сейчас хорошо. Мне так хорошо, как никогда.
Меня называли медведем. Медведи приходят
умирать в смердющее пристанище.
Мне так хорошо. Как в детстве, когда я засыпал,
вдыхая липовый аромат, уткнувшись головой
в колени матери, в Маринском парке под звуки
военного духового оркестра.
Но почему же медные трубы играют траурные
мелодии?
Да это же меня отпевают...
Прости меня, мать...»

Строчек немного, а длиной они во всю его жизнь — страдальческую, в хождениях по заблуждениям, мукам, но с душой чистой перед самым богом, если он только есть. А люди?

Среди них найдутся черти, отплясывающие там, где чужая боль, чужое горе.

Не стал Захарыч Константином Захаровичем. Не стал.

Жизнь бесконечна, хотя для каждого она, говоря пушкинскими словами, и быстротекущая. Бесконечны и опыты ее. Нам не приходилось заглядывать еще во многие, многие тетрадки — в косую линейку, в клетку и иные, оставленные теми, кто потерял Родину, кто покоится сейчас на кладбищах Детройта, Калифорнии, Балтимора, Вашингтона, Северной Каролины, Дакоты, Монреаля, Торонто, Лондона, Манчестера, Парижа, Сан-Пауло. По всему миру разбросаны кладбища безродно ушедших... Заглядывай не заглядывай, читай не читай, а в каждой строчке — огромная книга о печалях, трагедии людей, испивших по разным причинам на чужбине полынную чашу мучительного умирания.

В каждой могиле — своя тайна горькой жизни, есть, однако, и одна общая, главная «тайна»: кто теряет родину, тот теряет и себя, свое гражданское и человеческое продолжение, кто теряет любовь и верность, для того все в мире пусто, бессмысленно — вроде бы есть земля и небо, дороги, улицы, дома, а идти некуда и незачем...

Тоскесловне
к бонату

Выходило так, что житейские дороги в один и тот же год приводили нас (то ли вдвоем, то ли порознь) в разные точки планеты, и нередко в точки, расположенные по обеим сторонам океана: скажем, американский континент и наш приполярный край.

Так было и в тот раз, когда мы завершали работу над этой книгой. Далеко от дома, в международном порту Гандер, затерявшемся в Атлантическом океане, где мы ждали погоду и рейсовый самолет на Москву, встретили земляка, который и сообщил: одному, мол, из вас предстоит новая командировка, теперь уже в другой конец океана, к давним знакомым — строителям Сибири; другому (мы знали об этом раньше) — в самый центр Европы, в Прагу.

Мы летели над бесконечными водами Атлантики, и думалось о многом. Вспоминались дискуссии по проблемам сотрудничества между народами в одном из комитетов Генеральной Ассамблеи ООН.

— Вы обратили внимание, — сказала молодая учительница из Африки, — что герб, который мы видим перед собой в зале пленарных заседаний, главном зале ООН, что этот герб голубой? Вам не кажется, что он похож на кабину огромного космического корабля? Посмотрите: стены идут ввысь конусообразно, а окна напоминают иллюминаторы, за которыми бушует беспокойный мир...

И если продолжить эту мысль, то можно представить, что пять миллиардов землян вроде бы собрались в одном корабле.

Помните размышления Экзюпери? Летая над землей, французский летчик, знаменитый писатель и великий мечта-

тель часто думал о несовершенстве мира, мира, уносимого одной и той же планетой, где все — команда одного корабля.

Увы, люди на корабле-планете пока что в разных классах.

Каким он будет, этот завтрашний день корабля-планеты?

Мы задавали этот вопрос и по ту сторону океана людям, пытающимся понять сложности этого беспокойного мира; мы беседовали об этом с теми, кто по разным причинам потерял связь с прародительским корнем; мы спрашивали об этом наших соотечественников, строящих на топких сибирских болотах новые города.

Какой же он, человек наших дней, какие они, наши современники, которых разделяют океаны?

Трудно ответить однозначно на эти вопросы. В поисках ответа и рождался замысел нашей книги.

А книга эта была задумана давно. Из огромного материала, из множества блокнотов, исписанных за многие годы в самолетах, поездах, на житейских перекрестках, в архивной тиши и «в лихорадке будней» мы отобрали лишь самую малость.

В наших судьбах много общего. Мы из поколения детей войны, которая забрала отцов. У нас растут сыновья и появляются внуки. Мы хотим, чтобы они были счастливее нас. Чтобы не знали ужасов разрушительного смерча. Чтобы жили спокойно. Любили и уважали добрых людей, ненавидели подлецов, приспособленцев и предателей в любых ипостасях. Честно смотрели людям в глаза.

А люди на земле сеют и жнут, варят сталь, возводят дома под небом отчего дома.

Хорошо, когда работа у человека сладкая.

Всякая жизнь заканчивается там, где стынет сердце, где глаз не видит пути, где уже не слышен зов любви, человеческих желаний, где в могильном холоде мир теряет тепло вечно манящего света и опустошает душу, где бессмысленность бытия приходит как конец.

В современном мире с его сложностями, идеологическими, политическими, социальными взрывами противостояний очень хотелось бы увидеть торжество человеческого разума, которое, конечно же, приведет каждого в счастливый домашний очаг, где дети, семья, Родина встают высшим смыслом жизни.

ЗЕМЛЯ У НАС ОДНА

Размышление-монолог, исповедь в письмах и еще о том, кто есть кто

Итак, вылет на Крайний Север, где у сибирского озера Ханто рождается новый город. Накануне довелось побывать на научной сессии. Ученые с мировым именем говорили о необходимости всесторонней разработки концепций развитого социалистического общества.

Характерная деталь: каких бы аспектов ни касались ученые (научно-техническая революция, совершенствование хозяйственного механизма, развитие социально-классовых и национальных отношений), они неизменно говорили о воспитании нового человека: его нравственном здоровье, социальном оптимизме, духовном богатстве, глубокой идейной убежденности — этих важнейших гранях нашего образа жизни.

О человеке и его месте в жизни.

Просто о счастье.

1. НАРТЫ, ОСТАВЛЕННЫЕ У ОЗЕРА

Монолог водителя

Путь в Ноябрьский неблизкий. И часто приходится застревать в Сургуте, ожидая попутный вертолет и поглядывая в серое клочковатое небо. Но вот наконец и нам повезло. После многочасовой непогоды небесная твердь вдруг прояснилась — и вахтенные вертолеты один за другим начали отправляться в рейс. На диспетчерском пункте, расположившемся неподалеку от городского аэродрома, коротко разъяснили: всем, кто держит путь в Ноябрьский, собраться у площадки вертодрома, перегрузить из КраАЗа в вертолет прибывшее некомплектное оборудование и вместе с контейнерами можно отправляться в полет.

Нас было шестеро: представитель домостроительного комбината — заспанный парень, коротавший всю ночь на диспетчерском пункте; учитель — чистенький, в модном галстуке и широкополой шляпе, собиравшийся проводить свой отпуск в гостях у брата-геолога (с этими двумя мы вместе обивали пороги диспетчерской), хрупкая девушка в джинсах и пестром дождевике, а также сухощавый парень с хитровой улыбкой и тонким гоголевским профилем.

Из кабины вертолета вышел пилот. И надо же такое: встреча, как в кино. Неужели он самый? Женя. Где-то в начале

60-х годов встретились мы в Березове: он, по окончании авиационного училища, только начинал работу на Севере, летал к Ледовитому океану; мы же приехали сюда специальными корреспондентами газет.

Тогда здесь только начиналась промышленная добыча нефти, и вертолеты очень нужны были в этих краях: они поднимали на борт геологов, доставляли продовольствие, прокладывали воздушные мосты к промысловикам. А сейчас их роль возросла стократ.

Мы здорово помотались тогда с Евгением Ивановичем по Сибири. От Усть-Балыка тянули нефтепровод: спешили побывать у строителей. Геологоразведчики открывали новые месторождения: тоже интересно попасть в самые горячие точки.

А теперь, на вертодроме в Сургуте, Евгений Иванович, подставляя и свое плечо под ящик с оборудованием, роняет:

— Как видите, многое изменилось с тех пор. Да и сам Сургут какой стал! Помните эти запыленные улицы, маленькие домишки? А теперь — город, с улиц которого прямо начинаются дальние рейсы к вышкам, самый современный.

Да, не узнать теперь Сургута. Бывший купеческий городишко стал крупным молодежным городом, где перекрещивается много сибирских дорог.

Евгений Иванович продолжает серьезно:

— А вот дух тех шестидесятых годов, когда поднималась целина, когда началось освоение Сибири, остался тот же: если надо — плечо свое каждый подставит. Здесь у нас нет места белоручкам.

Смотришь на учителя и улыбаешься: галстук сбился набок, рукав модного пиджака испачкан. Кряхтит модный усач, а, ничего не поделаешь, грузит. Как все.

И еще одна встреча, тут же, у трапа. Прибежал наш давний знакомый по Киеву — Валерий. Бывший комсомольский работник, затем секретарь парткома одного из строительных трестов, он был избран в свои тридцать с небольшим лет парторгом строительно-монтажного поезда в Ноябрьском. Валерий Дмитриевич возвращался из Свердловска. Дело у него было неотложное: строители Ноябрьского включились в соревнование по принципу «рабочей эстафеты». Это значит, что все, кто участвует в технологической цепочке — от поставщиков панелей до железнодорожников, — берут на себя обязательство: не подвести. А вот свердловские железнодорожники немножко замешкались — и парторгу срочно пришлось отправляться туда.

От Сургута летим на север к Ноябрьскому, где обосновались нефтяники и газовики. С небольшой высоты видишь озеро (их в Тюменской области 450 тысяч!), бесконечные топи, тайга, через которую пролегли желтые ленты трасс к нефтяным и газовым вышкам. Просто диву даешься: неужели среди этих болотных узоров может вырасти город, где негде, кажется, и ногой ступить?

— Здорово! — перехватив взгляд, кричит сидящий рядом сухощавый парень. — А вот и наше озеро Ханто. Видите — кусок суши. Это наш город. Выбрали место удачно. А вон по тем дорогам-ниткам утюжим грузовиками...

Брать интервью на лету трудно: шум мотора, ветер усилился — вертолет швыряет из стороны в сторону. В этих краях буквально на глазах рождается город нефтяников, геологов, газостроителей. Размах — небывалый и в нашей, и в мировой практике. На Тюменскую область приходится большая часть прироста нефтедобычи в стране, и самым перспективным регионом будет здесь Ноябрьский.

Уже когда мы сидели в маленьком автобусике, то увязавшем в рыжеватой жиже, то вырывающемся на бетонку, Валерий Дмитриевич пообещал:

— А с тем разговорчивым попутчиком и девчонкой в модных джинсах где-нибудь встретимся на пяточке в Ноябрьском. Тут тяжело разминуться.

— У нас как в деревне, — добавил Евгений Иванович. И они оказались правы.

...Евгений Иванович с сожалением посмотрел на небо: просвета не было. Сорокаградусная жара сменилась резким похолоданием: три градуса. Так что вылет на буровую откладывается.

— Впрочем, — вспомнил белобрысый парень, комсорг геологоразведочной экспедиции, — на буровую повезет трубы своим грузовиком водитель-ас. Геннадием его зовут. Парень молчаливый, но мастер своего дела. Рейс не из легких. Дороги развезло. Кое-где бетонка осела. — И добавил: — Да, вместе с ним едет Ефим, профорг автохозяйства экспедиции. Друзья они с Геннадием, напарники. Ну, а вам обоим местечко в кабине найдется. Так что решайте.

И коротко рассказал о Ефиме: приехал он из Харькова на время, а задержался надолго. Семью перевез. Остряк. Балагур. С ним не соскучишься. Душа коллектива. А главное — совету секретарей комсомольских организаций помогает здорово. Организовать вечер отдыха, достать новую книгу или заманить лектора — лучше Ефима никто не справится.

Евгений Иванович хитро улыбнулся:

— Ефим уже ждет. Это тот сухощавый парень, который с нами летел из Сургута. Был там тоже по общественным делам. Только это не совпадение: запасной вариант подготовили, на случай нелетной погоды.

В кабине просторно, тепло. Магнитофонные записи самые модные: Высоцкий поет про лошадей над обрывом, Пугачева новые песни Паулса исполняет.

— А почему бы и нам не иметь того, что имеет Большая земля? — спрашивает Ефим и сам же отвечает: — Наш молодежный клуб подготовил две дискотеки — современной советской и зарубежной эстрады. Вот Геннадий подтвердит: любят туда ходить наши ребята.

Мы едем уже который час. Грузовик буксует, окна забивает мошкара, снова немного потеплело — и тучи комаров словно с неба свалились.

Тихонько льется музыка (ах, лето! — поет уже свою песню Алла Пугачева), и Ефим, улыбаясь, говорит:

— Это же надо: где-то бабье лето, люди загорают на юге, отдыхают у моря, влюбляются, ухаживают. Вот будет в следующем году отпуск, если жены нас отпустят — махнем с Геннадием на ЮБК. Ну, ладно. Это я так, в шутку, конечно.

Вот вы интересуетесь людьми, приехавшими сюда, их судьбами, их, значит, жизнью. Хотите, расскажу об одном нашем водителе? — спрашивает Ефим. — Кстати, он недавно из отпуска вернулся, всей семьей ездили на родину, в белорусские пущи. Сам он из-под Раубичей. Знаете, недалеко от Хатыни. Там все его старшие братья, дед, бабка погибли во время войны. Отец был военным, мать перед войной поехала к нему на новое место службы — Дальний Восток, а детишки со стариками... Он единственный у родителей остался. Можете себе представить, как они ходили вокруг него: это не ешь, этого нельзя, ножки не промочи... Да, так вот окончил он техникум, отслужил армию, пошел на работу по направлению, на минский завод. И, можете себе представить, дорос до помощника начальника участка. Поступил заочно в автодорожный институт.

— Опять колдобина, — обронил молчавший до этого Геннадий, белобрысый парень с голубыми глазами. Он резко затормозил и обратился к рассказчику: — Я выйду, машину осматрю, а ты, Фима, лучше бы о себе рассказал, чем о других балабонить. А то заладил: Минск, Раубичи...

— А что про себя рассказывать? Жизнь, как и искусство,

построена на противоречиях. То ровная дорога, то колдобины. Понимаете?

Вот про колдобины. Вы думаете, тот мой товарищ сюда приехал за булочкой с маслом? А вот и ошибаетесь. Скажете, за романтикой приехал? И да, и нет. Что скрывать! Приводят на Север и житейские неурядицы. Знаю я еще одного человека из нашего коллектива. На службе у него не ладилось. Язык подвел. Хохмач он. — Он почему-то вздохнул. — Не зло, конечно, но любил пошутить. А люди всякие бывают. Не упомяну уже, кто сказал: людей, у которых нет чувства юмора, надо по темечку тюкать. Но это жестоко, конечно.

Да, так вот я об одном нашем водителе рассказывал. Не знаю, что у него там в Минске вышло, рассказывал, правда, что дружки подвели. Может, допекали его за то, что он, наоборот, больше отмалчивался. А быть может, и другое. Одни в свободное время в рюмку заглядывают, другие — ловеласничают. А мой товарищ — человек разносторонний, не хотел закисать, рационализаторством занялся. Кое-кто карманы его начал проверять. Вроде бы он не свои мозги сушил и не своим горбом заработал то, что причиталось. У нас ведь пока принцип: каждому — по труду, а не за красивые глаза, по-научному социальной справедливостью называется. Правильно я говорю? Случается и такое, что если у тебя все хорошо, то у друзей соперников печень отвисает. Нечасто такое бывает, но бывает.

Одним словом, плюнул он на все — и на Север подался. И, скажу я вам, то, что здесь встретил и увидел, — превзошло, как пишут иногда в газетах, все его ожидания. Хотя настоящие друзья предупреждали: «Смотри, мол, Север — это не Рио-де-Жанейро».

В кабину возвратился Геннадий, начал потихоньку выкручивать, молча прислушиваясь к тому, о чем говорил его товарищ.

— Понимаете, свежий человек у нас главное усекает, — продолжал свой монолог Ефим, — с одной стороны, люди здесь больше всего дорожат обретенной чистотой человеческих отношений; с другой — все они единомышленники-коллективисты.

Не мне вам говорить, что в коллективе человек раскрывает все свои способности. Коллектив и помогает каждому найти себя.

На Большой земле человек, как это сказать, немножко пресыщенный. Его даже Кобзоном не удивишь. А здесь местный художник Гриша сам сочиняет слова и музыку и сам исполняет песни на гитаре — так он же здешний кумир.

А вы приходите в наши самостоятельные клубы по интересам — любителей книги, ценителей музыки или киноманов. Знатоки!

Или вот ту же теорию возьмите. Слушая недавно лекцию о новой исторической общности — советском народе, об интернационализации нашего общества. Хорошо говорил лектор, грамотно. А мы эту интернационализацию каждый день на себе чувствуем: здесь у нас в Ноябрьском встретишь людей из всех республик: русские, украинцы, латыши, белорусы. У нас в автохозяйстве такой закон неписаный: приглашаешь на свой день рождения — готовь национальное блюдо. У тебя, скажем, галушки, а у тебя — пельмени...

Сами понимаете, галушки и пельмени — это не главное. Но все-таки.

Конечно, приятно, что нас пленяет романтика Севера. Но если бы передовику еще дали талон на приобретение машины или подарка, когда человек едет на Большую землю, думаю, было бы очень даже неплохо.

Или вот, скажем, мы говорили о гармоничном развитии личности, о том, что надо утончать эмоциональную чувствительность человека через музыку, книги, кино. Я знаю: совет секретарей комсомольских организаций старается как может — создал комсорг дорстроевцев отличный вокально-инструментальный ансамбль — организовали его концерты во многих трестах и управлениях; была у жилстроевцев добровольная народная дружина — ее опыт распространили.

И вы посмотрите: ни одного «бича» в Ноябрьском не встретишь, а их балки только на картинах в музее молодежного клуба и увидишь. Между прочим, когда-то «Комсомольская правда» хлестко написала о «бичевозе», который ходил до Сургута и обратно. Рейды совет проводил, посты организовал — и нет теперь «бичевоза», а есть нормальный пассажирский поезд. Верите, хоть пока еще один комплект постельных принадлежностей делят на двоих пассажиров, но иногда даже подают горячий чай с сахаром.

Да, так вот, значит, о гармоничном развитии личности. Хотят наши ребята знать, что делается не только у нас, на Крайнем Севере, но и на Большой земле, и еще дальше — в мире. На лекторов у нас голод. В нашем автохозяйстве мы даже форму поощрения лекторам придумали: пока он лекцию читает — наш художник на полях самого модного накомарника цветными буквами пишет: Ивану Ивановичу Сидорову — привет из Сибири. Может, там, дома, в Москве или Киеве, наши

гости об этом расскажут, так кто-то еще и приедет за «сибирским приветом».

Знаете, я вот долго размышлял над таким делом. Ну, хорошо. Создали в Ноябрьском совет секретарей комсомольских организаций, сделали немало. Но сколько еще проблем! И заметьте: все имеет отношение к гармоничному развитию личности. Бытие определяет сознание. Правильно я говорю?

Теперь давайте разберемся по существу. Вот я знаю — Евгений Иванович в баньку вас приглашал. И знаю куда — к жилстроевцам. Потому что их управляющий — любитель банного дела и толк в нем знает. И вообще этот Дед-Мороз в Ноябрьском популярный: столовая в его хозяйстве самая лучшая, помидоры первыми появляются там в продаже в орсе и т. д.

Думаю, если хорошенько поискать баньки и столовые «на уровне мировых стандартов», то есть они и в других трестах и организациях. А таких организаций в Ноябрьском 120! Город растет: есть учителя, медики, милиционеры, служащие сберкассы, да мало еще кто!

Вот и помаракуем. Читал я, что в каком-то городе, кажется, в том же ЮБК, совет директоров создали. Многое этот совет для города делает.

А мы что — хуже? Собрались бы наши хозяйственные руководители, да комсомольский совет пригласили, да партийно-профсоюзный актив. Разве нельзя договориться: кто клуб взялся бы построить, кто поликлинику, а кто городскую баню с такой сауной, как у Деда-Мороза? Да мало ли еще чего найдется! Понимаю, дело это не такое простое. Но кто-то же должен запустить ежа под черепок. Выступал недавно перед комсомольцами председатель нашего поссовета, о будущем Ноябрьского рассказывал. У нас, говорит, уже десятки тысяч людей, скоро получим статус города, он станет одним из важных новых центров Западносибирского комплекса.

Спрашивается в задачке: почему бы нашему поссовету не проявить в этом деле инициативу?..

Ну, вот, кажись, и приехали. Да, хотел вам о своей жизни тоже рассказать, а вышло все про город да про дела. А, между прочим, забыл сказать, что хоть комаров да мошек здесь и много, а места все же красивые. Город наш растет у самого озера Ханто. Знаете, как переводится Ханто с местного на русский? Нарты, оставленные у озера.

Вот и товарищ мой, к примеру. Учился в школе, техникуме. Служил на флоте. Думал, в Минске надолго якорь бросил. А вышло, что прикипел к этому самому Ханто. И оставил тут

нарты со всем своим скарбом. Кажется, надолго причалил. Как и я. Как и многие.

А что касается моего товарища, то человек он настоящей рабочей закваски, без двойного дна, с обнаженной душой и сердцем. И знает он: друзья здесь его не подведут — будь он в хвале или в хуле, пеший или на белом коне. Ждали мы его из отпуска, три дня подряд на станцию выезжали, соскучились, а он ждал летной погоды в Сургуте. Было, Гена, это?

— Было, — подал наконец снова голос водитель и перебросил сигарету из одного уголка рта в другой (может быть, от этого рыжеватые усы совсем закоптились никотином и местами стали серо-буро-малиновыми).

— Вы, конечно, любите Гоголя, Николая Васильевича, — сказал напоследок Ефим. — И какой же русский не любит быстрой езды? Все это со школьной скамьи помнят. А все ли знают о лестнице, про которую писал Николай Васильевич? Есть еще у нас такие — карабкаются по ней вверх, все вверх: карьеру делают. Инфаркты получают, insulty, ручки-ножки у них отнимаются, а все к верхним перекладинам тянутся. Ей-богу, не завидую. На здоровье им. У нас тут своя лестница: духовная. Та, о которой в моральном кодексе записано. Вот и судите сами: кто на верхней ступеньке?.. А без Харькова не могу по-прежнему. Красивый город. В отпуск обязательно туда всей семьей поедem. Отдохнем — и обратно.

Да, Гоголя я люблю безумно. Помните, он сказал: надеюсь, что мое имя после моей смерти будет счастливее меня. И вот здесь я с классиком не согласен. Конечно, мы работаем вглубь, на вечность. Думаю, что и при жизни надо быть счастливыми. Почему бы нет?..

Евгений Иванович пригласил домой, как земляков, на чашку чаю.

— Придет и Ефим, с которым вы к буровикам ездили, — сказал он.

— А вы его хорошо знаете?

— Зимой познакомились. В нашем вагончике от сильных морозов трубы прорвало. Так нас забрал к себе на постой Ефим.

Оказывается, до этого случая они и знакомы-то не были. Просто Ефим случайно услышал, что у человека беда — пригнал КраЗ к вагончику — и дело с концом. Так и жили две семьи вместе, пока новые дома не построили. «Я же стесняю

вас», — заикнулся как-то постоялец. «Зато потом, когда разедемся, очень уж просторно покажется», — отшутился Ефим.

А на прощанье Евгений Иванович доверительно сообщил:

— Ефим новый накомарник приготовил: привет из Сибири...

Не знаем: способен ли кто-нибудь из наших бывших или нынешних друзей в Москве или Киеве взять семьи на постой, если бы вдруг от мороза лопнули трубы в наших квартирах.

2. СЕ ЧЕЛОВЕК!..

Письма Лены к землякам из Марьиной рощи

До отъезда из Ноябрьского оставалось совсем мало дней. А ту девчонку, в модных джинсах, попутчицу из Сургута, так и не довелось пока встретить. То у них, транспортных строителей железных дорог, где работает Лена (так ее звали), запарка, то она с комсомольским активом студенческий стройотряд встречала, а то, говорят, подалась на буровую с коллективом художественной самодеятельности, где она стихи читает. И свои, и чужие. А то снова улетела в Сургут за новыми книгами для библиотеки.

Но встреча все же состоялась. В молодежном клубе, накануне нашего отъезда. Мы с лектором из Киева, читавшим популярную здесь лекцию о любви и браке, закончили отвечать на многочисленные вопросы — и нас плотным кольцом окружили ребята. У многих напоследок была просьба: бросить в Москве письма. Отсюда ведь они идут на Большую землю по полмесяца, а о телефонной связи пока и говорить не приходится. А там же, на Большой земле, ждут вестей.

И вот, когда портфели наши разбухли от писем до невозможности, протиснулась к нам та самая девчонка Лена.

— Может, отберете самые главные? — спрашиваем у нее.

— А они все главные. Тут вся моя жизнь, — не то в шутку, не то всерьез ответила она.

Разговорились. Москвичка. Родом из Марьиной рощи. Училась в пединституте. А как сюда попала? Нет-нет, не с отрядом корчагинцев приехала. То целая история. Может быть, для других и не интересная. Но жизнь ее круто пошла в другую сторону.

— Не знаю, сумею ли все объяснить вам, — сказала Лена и вдруг предложила: — Давайте, я кое-что почитаю из этих писем. Они, сами понимаете, сугубо личные. Но, быть может, и не только личные.

Так мы и условились: с ее разрешения пересказать выбранные места из трех писем, опустив сугубо личные подробности. Пересказываем, дорогой читатель, их по памяти, так, как их запомнили, с комментариями автора.

Из письма родителям.

...Была этим летом в Москве. Проездом всей своей семьей, на юг в отпуск ездили. Потопталась возле нашего дома в Марьиной роще и возвратилась в гостиницу. Добро, хоть никого из знакомых не встретила.

А зайти духу не хватило. Боялась: что скажу в свое оправдание? Много уж вам неприятностей причинила за свой недолгий век.

Не знаю, кто из нас виноват? Но сколько себя помню — везде слышала: этого нельзя, туда не ходи, с этим не дружи. А мне хотелось самостоятельности.

Теперь только понимаю — сколько огорчений принесла вам, когда в свои шестнадцать ушла «в гражданский брак». А как я жила с Виктором — только мне известно. Гордость не позволяла все рассказать и вернуться домой.

И в строительный, как помните, наотрез отказалась идти: не хотела попадать туда по папиной протекции. Потому и оказалась в педагогическом. Хоть и «тройки» получала на экзаменах, стипендии не давали, а была по-своему счастлива: ничем, мол, вам не обязана.

Я вам никогда не рассказывала о своей семейной жизни. Теперь только понимаю: кошмар это был сплошной. Сделал он меня своей рабой, подавил все во мне. Вот так я и жила — минутный «кайф» ловила, время через соломинку цедила, не думала о будущем, пустота была полная: сигарета в зубах, коктейльчик в кафе «Север», танцульки, ну, на лекции иногда ходила.

Ушла бы я от Виктора давно, да к вам боялась вернуться, а жить одной — негде да и не на что.

Плыву по течению.

А тут случай подвернулся. Сидим мы с Таней, подружкой, моей однокурсницей, тоже из нашей Марьиной рощи, на скамеечке у фонтана на ВДНХ. Не упомяну уже — на какую-то выставку не попали. Я сигарету покуриваю.

Парень подсел к нам.

— А колечки выпускать умеешь? — спрашивает.

— Умею.

— Ну и дура набитая! Зачем себя этой дрянью травишь?

И как-то непонятно втянул он нас в разговор. О каком-то мифическом Усть-Балыкском месторождении нефти рассказывал, о том, что они, геологоразведчики, в случае удачи так и пишут начальству в телеграммах: «Скважина лупит по всем правилам...»

Сам он в Москве завершал какие-то свои дела и собирался снова на Крайний Север, на озеро Ханто, куда, как он сказал, высаживается большой десант и где будет город.

И обратился ко мне: ну что, говорит, у тебя за душой, кроме лица смазливого? Чувствую, и в институте едва-едва у тебя. Вот и выходит, Лена, «зелень» ты сплошная: нет у тебя ни биографии, ни дела стоящего впереди. Хочешь сделать жизнь? Проверить себя? Самостоятельности хочешь? Помогу купить билет до Сургута, а дальше как-нибудь доберешься.

И ушла я с ним — московским корчагинцем Сережкой с улицы Станиславского.

Вот такая моя история...

А строителем я все же стала: папе ведь так хотелось.

В нашем СМП наше подразделение называется — транспортные строители железных дорог. Папа знает, что это значит: впереди геодезисты с теодолитами, а мы за ними уже на болота наступаем.

Знаете, жили мы поначалу в бочке, как и многие здесь (мы с Сережкой сразу же расписались; к черту, сказал он, эти модные дурацкие гражданские браки!). Не в маленькой, а в большой бочке, с окном и дверью, утепленной снаружи и сверху, живем. «Жаль, — шутил Сережка, — что в ней ходить только по прямой линии можно».

Может, из-за этой бочки я иногда не против пофилософствовать? Нет, просто, наверное, мудрее стала.

Помню, папа с первого класса меня готовил в свой строительный институт и все повторял: по Марксу, человеку для жизни необходимы пища, одежда, жилище. Готовься к благородному делу, дочка, города строить.

Вот я и строю теперь. А тут, на Севере, человеку особенно жилье и пища нужны. Не поешь вовремя, не обогреешься в тепле — ох как худо! Как инженер, папа любит всегда точности, краткости и определенности, этого он и от своих студентов требует.

Так вот, я буду предельно точной и краткой. Посмотрите по карте: где дорога от Сургута до Уренгоя? Так вот, между ними был пикет. А теперь он стал станцией Ноябрьская. Как-то в местной газете я прочитала, что один из проектировщиков московского Гипрогора — разработчик нашего будущего города

у озера Ханто, на макете написал: «В 1985 году — 50 тысяч, к 1990-му — 70 тысяч. До встречи в 1990-м в кафе «Сибирячка!»»

Ну, а если серьезно — каким станет наш город?

Железная дорога разделит его на две зоны: промышленную и жилую, а они свяжутся подземными переходами. В первой разместятся базы, мастерские, а в жилой части — пяти- и девятиэтажки в северном исполнении. Ну и, конечно, в каждом микрорайоне — магазины, детские садики, аптеки и т. д.

Это все в будущем. Не буду писать ни про 40-градусный мороз зимой, ни про комаров да гнус летом. Этого добра хватает. Да и без меня об этом много понаписано.

Комментарий Лены.

Вы, наверное, в газетах и журналах читаете: тюменские клады раскрывают свои тайны. Богатство их несметное. И люди, пробивающиеся к этимкладам, сказочные.

Правильно. Все это в государственном масштабе.

А я про себя скажу. Моя соседка — Ольга Николаевна, наша наставница, воспитавшая четверых детей и настрадавшаяся со своим бывшим мужем, любившим в рюмку заглядывать, про нас с Сергеем говорит: «Не надо и клада, если в семье ладно».

Это я уже специально для мамы написала. Действительно, в семье у меня все хорошо. Сын растет. Здоров.

А если снега навалит — ничего страшного. Давно прошли те времена, когда приходилось жаться в тесных палатках, а питаться в своих котлопунктах.

С первых дней к нам вовремя доставляли мясо, лук, рыбу, крупы всякие. Правда, с овощами туговато было. Даже летом. А вот теперь и тут полный порядок: между нашим городом и Большой землей наладили, как его назвали у нас на Севере, «витаминный воздушный мост»; свежие овощи и фрукты постоянно к нам поступают авиарейсами.

А с приходом зимы — в нашем микрорайоне снежный городок появится. И мы с сынишкой пойдем смотреть на всякие сказочные фигуры. А Сергей обязательно голову Черномора вылепит. Вот вам и еще одно преимущество наших северных снежных мест.

И последнее. Город растет. Детишек все больше. Молодежь в основном у нас. Ясли и садики появляются. Уговарива-

ют меня воспитательницей пойти. Подумаю. Педагогический институт все-таки хочу закончить. Заочно.

Из письма к бывшему мужу.

...Ты все, Виктор, твердил о раскованности, о том, что жить надо так, как бог на душу положит. И гражданский брак придумал. Модно, мол, сейчас многие так живут. Да и брак этот нужен был тебе ради твоего же удовольствия. Удобно: никаких обязательств.

Зачем я тебе была нужна? Приятно, наверное, было тебе, закоренелому холостяку, своим друзьям показать меня: смотрите, какая телочка, волоокая, тихая да покорная.

А когда мы вместе оставались — я по часам засекала: десять минут чистого времени в сутки ты говорил со мной. Пригладь, приготовь, подмети. У тебя, видишь ли, свои важные литературные дела: диспуты, новые стихи друзей. А ты, дуреха, помалкивай.

Правда, любви к поэзии я только и научилась от тебя. И за то спасибо.

Господи, а как ты перепугался, когда я заговорила о ребенке. Помнишь? Нет, не для семьи я создан, буду я возиться с колыской. И все в том же духе. И закатил такую истерику, что и вспомнить страшно.

Ты и письмо мне написал не потому, что обо мне вспомнил. А, наверное, для своей очередной проблемной статьи; пытаешься, говоришь, разобраться в психологии современного молодого человека.

Помню, еще в институте профессор наш цитировал одного современного зарубежного классика: человечество делает головокружительные успехи в области НТР. Была эпоха пара и газа, не прошло и ста лет — наступила эпоха расщепления атома, еще меньше времени — эпоха проникновения в космос. А вот люди остались теми же, что и две тысячи лет назад: те же слова шепчут влюбленные под луной. Больше того, многие из нынешних разучились шептать эти слова. Как и ты.

Вот и я могла быть такой же.

И еще напиши, что здесь, на Севере, началась моя *гражданская* биография, а не *гражданский* брак. Ну, уже об активной жизненной позиции, надеюсь, ты сам допишешь.

И в статье еще можешь привести стихи, которые мне очень нравятся и которые я читаю в концертах. Это из «Тризн» Шевченко:

Без малодушной укоризны
Пройти мытарства трудной жизни,
Измерить пропасти страстей,
Понять на деле жизнь людей.
Прочесть все черные страницы,
Все незаконные дела...
И сохранить полет орла
И сердце чистой голубицы!
Се человек!..

Человеком я стала, Виктор, понимаешь, человеком! И не пиши мне, ради бога, больше. Не пиши.

Из письма подруге Тане.

...Долго я тебе собиралась написать, Танюша. Длинное-длинное письмо. И нежное. А потом все надеялась, что встретимся в Москве. А ты тоже в отпуск укатила, когда я приехала.

Молодец ты, Танюшка, институт уже окончила, и в аспирантуру, верю, поступишь. У тебя всегда все хорошо получалось. Помню, как ты радовалась, когда твоего Петьку на стационар перевели. Тебе и здесь повезло: ты ему сразу двойню родила.

А я была в Москве, пришла к вашему дому возле улицы Станиславского, куда ты к Петьке переехала, а дома-то уже и нет. На том месте новый строят. Позвонила твоей маме — говорит, ты в Пицунде отдыхаешь.

Как я по Москве соскучилась! И в мой любимый театр Маяковского попала, и в Третьяковку смоталась, и даже в музей восточного искусства, что на улице Обуха, побывала. Москва есть Москва! Далеко мы от всего этого, ой как далеко — больше четырех тысяч километров по воздуху.

А когда органнйй концерт в зале консерватории слушала, думала, совсем обалдею. Сажу в зале и думаю: а что же у меня хорошего-то в жизни было? Бетховена исполняют, а я только и слышу удары сердца.

Не знаю, почему у меня все так получилось, да только не могла я ценить в свой московский период жизни всего того, что имела. То ли родители проглядели меня? То ли сама я слишком увлеклась компашками? Ты как-то сразу отошла от нас.

Не обязательно, конечно, уезжать из Москвы на Крайний Север, чтобы найти себя и чтобы стать человеком. Для меня

же Север стал не просто спасательным кругом. Здесь я нашла все: семью, друзей, счастье.

Помнишь, в институте наш профессор-старикашка проводил свои социологические исследования странным методом: в коридоре, на лекции или просто в лифте он вдруг спрашивал студента: «Скажите, коллега, что такое счастье?» Спросил однажды он вот так и меня. Застал врасплох. И знаешь, что я ответила.

«Счастье, — говорю, — это когда ни о чем не думаешь. Когда ничего не болит. Когда хорошо оттого, что я просто с вами, профессор, разговариваю».

«Оригинально, весьма оригинально, — сказал он и добавил: — Скучноваты у вас, уважаемая, понятия. А счастье кучное. Но ничего — это пройдет».

И, как видишь, прошло.

Но расскажу по порядку.

Улетела я тогда с Сережкой, как ты помнишь, в чем стояла. Лечу в неизвестную мне Тюмень, и, может быть, впервые в жизни жалко-жалко себя стало. Вот тогда первый раз и задумалась: что же хорошего у меня-то в жизни было? И очень мало припомнилось. Один раз я, кажется, счастлива была, когда мы с тобой на турбазе на Кавказе вдвоем отдыхали. Твой папа путевки нам тогда купил. Качели, смех с утра до вечера. Счастливы были.

А еще?

Вспомнила, как под Звенигородом у бабушки в селе гостила, когда она еще жива была. Вышли ранним утром мы с ней на покос. Я иду впереди, роса обжигает голени, траву разгребая руками, а бабушка косой: вжик-вжик. Красота. Трава синяя-синяя. От шалфея. Блаженные, голубые минуты. Увы, их было так мало.

А еще вспомнила, как на той же турбазе я в маске рыбу под водой поймала.

Вот и все. А остальное — в каком-то тумане...

Прилетели в Тюмень ночью — и я, кажется, сразу поняла, что попала в совершенно иной мир. Молодежи битком набито: как раз студенческие отряды собирались со всех концов на свой трудовой семестр. Песни, шутки, счастливые лица. А на куртках адреса: Дагестанский медицинский, Казанский университет, Киевский автодорожный. И москвичей полно, конечно. Смотрю — возле аэропорта гусеничный вездеход стоит, а в его кабине двое: он и она. С гитарой, песенки напевают.

Все мне интересно. Рассматриваю, раздумываю. На окошке справочного бюро записка приклеена: «Василий, приходи в го-

стиницу «Восток». Заработал деньги. Шабаш. Возвращаюсь домой. Купил машину. Обмываю третий день. Жду от 9 до 6 вечера в номере. Каждый вечер — в ресторане. Витек».

Это я уже позже поняла: любители «длинного рубля» тоже едут на Север. Только им труднее всех приходится. Не такой уж длинный этот рубль, как поначалу кажется. Заработать его надо. И в условиях нелегких. Не случайно, наверное, тут и поясные коэффициенты, и всевозможные надбавки. Недавно вот западные немцы о наших краях фильм снимали, к нам приехали и говорят: нет, не напрасно тут платят больше.

Но я, кажется, немножко отвлеклась. Сажу в аэропорту и слушаю: Нижневартовск, Уренгой, Салехард. К аэропорту то и дело красные «икарусы» подъезжают и увозят с собой таких веселых, счастливых ребят, которых нечасто и увидишь.

И опять же я нашего институтского профессора вспомнила. Про его кибернетическую модель, о которой он на лекциях рассказывал. Не знаю — помнишь ли? Создали ученые кибернетическую модель современного молодого человека и сравнили, чем он отличается от тех, кто был молодым тридцать лет назад. Оказалось, современные молодые люди красивее, ухоженнее стали, лучше одеваются, больше знают. Но черствые душой, слишком деловые. Так говорил старикашка.

И тут я поняла: не все учла кибернетическая модель...

Что долго рассказывать? Прилетели мы на место. Сережка неделю отпуска взял. Я этой недели никогда не забуду. Счастливая была по-настоящему. Ходили в лес. Прошлогоднюю бруснику (очень вкусная!), голубику собирали, а сморчков вообще девать было некуда. Была грибная пора и после, но этих сморчков никогда не забуду. Есть тут в наших местах Светлое озеро, так вот там мы и провели эту неделю. Болота вокруг. Я Сережке на носок сапога прыгала, чтобы в трясины не угораздить. Но и по пояс провалилась, и у костра сушилась, и кулеш варила.

Да что это я тебе про всякую дребедень?

Совсем ведь не о том сказать хотела.

Понимаешь, Танюшка, что здесь главное? Чувства обострены, обнажены, человек виден как на ладони. И, мне кажется, нет пустоты. Пустоты во всем.

Видишь, как я рассуждаю теперь. Как солидный человек, уже кое-что повидавший. Улыбаешься?

А осталась я такой же миниатюрной, если не сказать больше.

И, что кривить душой, скучаю по Москве. Хотя знаю, мой дом здесь, на Севере. Сама понимаешь, я ведь девчонка без

претензий, из Марьиной рощи родом. А твой отец всегда любил повторять: в Марьиной роще люди попроще...

Комментарий Лены.

В одном письме всего-то и не опишешь. Вот разговор о том же счастье. Прибыли к нам недавно новые девчонки, сразу после школы. Некоторые на волю вырвались от папенок да маменек.

Наш совет секретарей комсомольских организаций рейд провел: чем занимаются по вечерам новички, как к новой жизни приобщаются, чем свой досуг в общежитиях заполняют.

Зашли мы в одну из комнат пятиэтажки: четыре девчонки проживают. Дым от сигарет. Хоть топор вешай. Магнитофон включен — блатные песенки. На столе бутылка «грушек-яблочек» (так бывшие «бичи» дешевое вино называли). На танцы девчонки готовятся.

Одну из них наш комсорг уже видел на танцплощадке, мягко говоря, раскованной. В этот раз он был неумолим: напишем родителям, как вы себя тут ведете, на ударных стройках, — и баста. А то и отправим плацкартным вагоном восвояси. А, надо сказать, наказание это страшное: отчислить из коллектива. У нас даже шутят: если в давние времена в Сибирь отправляли, то сейчас, как наказание, — билет туда, откуда ты приехал.

Так вот. «Не надо, — говорю, — никаких писем. Оставьте меня с ними».

И поговорили по душам. Я включила магнитофон:

— Пусть записывает. О своей жизни расскажу. О том, как я счастье понимаю.

А потом предложила: останьтесь сами, хотите чай, хотите кофе, приготовьте и расскажите каждая о себе, запишите на пленку. Пусть с этого и начнется история вашей трудовой биографии.

Наверное, помогло. Мои подшефные девчонки сейчас в совете общежития, а одна даже группкомсоргом стала.

Да, вот я об органном концерте написала, что в Москве слушала. Здорово. Очаровательно. И зал известному органисту долго аплодировал. Столица.

А вот теперь еще об одном концерте расскажу. Приезжает в наш поселок молодежный фольклорный ансамбль. Аппаратура у ребят тяжелая, ребята обливаются потом, а их руководитель, спасаясь от комаров, натянул на себя футляр от контраба-

са: шутники посчитали — 120 кг комаров на одном квадратном километре.

Концерт проходил в тесном зале столовой на промбазе. Народу — битком. А люди все идут и идут. Возле меня примостился на скамеечке Павлик (парню лет шестнадцать, его все в поселке Павлом Валериевичем называют). Он приехал в гости к отцу, здешнему инженеру. Парень категоричен, максималист, как и многие молодые.

— Ну и песни! «Купалинка», «Выйду я на реченьку». Один человек их может спеть, а я насчитал семнадцать артистов.

— Да ты в глаза зрителей посмотри. Видишь ты у кого-нибудь пустоту?

Начался концерт. Ведущая объявляет: «Купалинка» исполняется в честь комсорга отделстроя Иры; «Зозуленьку» мы посвящаем комсомольско-молодежной бригаде, которая за сутки смонтировала больше трехсот кубометров конструкций — это четырнадцать железнодорожных вагонов; а потом называли еще имена. И так весь концерт. И все на «бис».

Присмирел Павлик.

Через несколько дней встречаю паренька возле промбазы, гаечный ключ держит. Оказывается, поступил в бригаду жестянщиков, там делают совки, лопаты, оборудуют вентиляцию в столовой, той самой, где был концерт. Улыбается паренек: «Может, и для меня когда-нибудь песню споют. Вот и стараюсь. — А потом добавил: — окончу школу и буду поступать в летное училище, хочу на Севере вертолетчиком работать».

И я его поняла. Поступит и приедет сюда. Понимаете, человеку нужен праздник души. И счастлив тот, кто ощутит его.

А я не жалею, что приехала сюда. Хотите, еще прочитаю стихи, которые мне нравятся? Андрей Дементьев написал. В «Юности» напечатали.

Не жалейте своей доброты и участия,
Если даже за все вам — усмешка в ответ.
Кто-то в гении выбился,
Кто-то в начальство...
Не жалейте, что вам не досталось их бед...

Никогда, никогда ни о чем не жалейте.
Ни потерянных дней, ни сторовшей любви.
Пусть другой гениально играет на флейте.
Но еще гениальнее слушали вы.

Слушали Лену и старались ничего не забыть. Впрочем, может быть, и упустили что-то. Но для читателя выбрали главное. Правда, из письма Лены к Виктору, ее бывшему мужу, кое-что опустили. Было там много подробностей сугубо личных.

3. ВОЛЧЬЯ ВЫСОТА

Как пишется новейшая история

Тесная комнатка. Маленький столик. На стене график дежурств дружинников. Командир их отряда Валерий, с пышной шевелюрой, чуть тронутой сединой, с усами и бородой, делает в журнале последнюю запись: дежурство прошло спокойно, происшествий в городе не было.

Много рассказывали об этом бригадире монтажников, человеку в высшей степени справедливым, не одному помогшем найти свою дорогу в жизни. Бессменный вожак дружинников. А еще: первый в Ноябрьском экскурсовод. Естественно, на общественных началах.

Так мы и условились с Валерием Федоровичем: завтра воскресенье, он уже договорился в управлении — «газик» нам выделяют, часиков в шесть утра и отправимся.

— Вы в первой пятиэтажке остановились? — спрашивает Валерий. — Значит, нам по пути. Хочу перед сном заглянуть к своим ребятам, они там на монтаже дома, соревнуются с соседней бригадой.

И начал рассказывать не о своей бригаде, а о соседней: как они учились у нее гнать стены, когда чуть ли не ежедневно снег валил. Только успели очистить этажи, снова метель. И опять берись за лопату, а не за монтаж. Стыки заделывать на таком холоде — дело непростое. Вот тогда в соседней бригаде и родилось новшество: соорудили самодельную «пушку» для прогрева стыков. Повозились немало, но дело пошло. Попробовали во всех бригадах. Получилось неплохо.

А что же бригада самого Валерия Федоровича? Да ничего особенного, говорит, трудимся, как все. Начали по-новому делать крепления для установки панелей: деревянные подпорки соединяли крестовиной-хомутом. Изобретение не всемирного значения, но что поделаешь, когда не было нормального крепления — струбцин. Подвели снабженцы. И такое бывает. Может быть, это интересно? Первыми злобинский метод применили, перешли на полный хозрасчет. Впрочем, опыт у них уже был, еще там, на Украине, где в одной же бригаде работали с ним ребята. А когда начали отбирать кадры сюда, на Север, Валерий Федорович первым подал заявление. Сразу и не отпустило начальство. Но удалось уговорить...

Почему потянуло в эти места?

Отвечает в шутку:

— Знаете, как говорят на Востоке: в двадцать лет мужчина тянется к прекрасному полу, в тридцать — вкус вина понимает, в сорок — к путешествиям, а в пятьдесят — к мудрости.

И продолжает развивать свою мысль: мол, как раз для путешествия и созрел. Хотя слышна в его голосе грустинка: рано начал путешествовать, когда ребенком потерял во время войны родителей. Детдома, ремесленное училище, армия, шахты Донбасса и, наконец, Днепропетровск, строительный комбинат. И каждый отпуск — поездки по стране. Если честно: все надеялся, что найдет родителей, братишку, сестру.

Вот и недавно вернулся из Ленинграда: путевкой туда премировали...

Выходим из душноватой комнатки. На улице сразу обдало ветерком, налетел рой мошкар. Валерий Федорович улыбается: вот преимущество бородачей — летом от мошкары лицо спасают, зимой — от мороза, ну и модно, конечно.

Рассказывают, что управляющий трестом — ярый противник бороды, аргументы у него всякие: не за границей живем, где хиппаков полно, бани к вашим услугам. Правда, скидку делает тем, кто еще на Большой земле бороду отрастил, и документ требует: семейную фотографию. Как-то и Валерий Федорович пообещал показать свою семейную фотографию: жена, двое детишек и бородатый папа.

Проходим по небольшому деревянному полусогнутому мостику, отделанному, надо сказать, с изяществом.

— Трясина здесь, — поясняет Валерий Федорович, — чуть брызнет дождик — и воды по колено. Вот мы и соорудили мостик. Конечно, это не ленинградский мостик, но перила что надо: не по красоте, так по прочности.

И снова заходит разговор о городе на Неве: это город! Где только не побывал Валерий Федорович: по рекам и каналам Ленинграда поездил, Исаакиевский собор, Петродворец увидел... Поехал на Волково кладбище, Литераторским мосткам поклонился.

— Вот какая несправедливость, — ведет он свой рассказ дальше о поездке, — увидел я на Волковом кладбище целые гранитные утесы с фамилиями околоточных надзирателей, их жен, всяких унтеров отставных. А поехал на Пескаревку — тысячи безымянных, тех самых, что в песне поется: непростых советских людей. И только год на могилах. Положил я букет у цифры 1942. Говорят, в этом году и моих родителей не стало.

Дальше идем молча. Впереди на небольшом косогоре костер высветил фигуры ребят в робах.

— А вот и наша бригада. Третья смена, — греются по очереди, весь вечер ситничек моросил.

Валерий Федорович первым подходит к сухощавому, низенького роста парню.

— И ты к нам на огонек зашел. Ну, что из дому слышно, земляк? Как дети?

— Да вот радовался вчера: в столовой суп с маркой попался, лавровым листом, значит, — отвечает парень. — Письмо должно быть скоро, а его все нет. Домой идти не хочется.

— А ты кончай, Василь, свои семейные страдания. Перевози семью. Тогда и на душе будет спокойнее. — Бригадир подсел к костру: — Ну, что нового, ребята?

— Приходил сегодня в дежурку парень, тебя разыскивал, — сказал звеньевой. — Принюхивается, говорит. Приехал сюда с Ровенщины на «разведку».

— Хорошо. Люди нужны нам.

— Хорошо-то хорошо, — почесал затылок звеньевой, — да что-то не понравился этот хитрый ровенский мужичок со своим нюхиванием.

— Ты мое отношение к новичкам знаешь, — рассудительно обронил Валерий Федорович, — строительная бригада на Севере — это не школа космонавтов, куда отбирают самых-самых. Пусть приходит, а дальше уже наша с тобой забота.

Бригадир взглянул на часы.

— Кончай перекур. Да и нам пора. — Он посмотрел на звеньевого: — А ты приструни Сергея, пусть дурака не валяет, вижу по почерку — это он на кране мелом накалякал: «Не стой над душой», «Не бери тяжелого в руки, а дурного в голову».

— Так это же ради шутки. Парень-то что надо оказался...

У самого подъезда пятиэтажки спрашиваем у Валерия Федоровича о том парне, земляке, что письмо ждет не дождется. Оказывается, знает он его давно, вместе в Донбассе в горно-промышленном училище были. И вот снова встретились здесь, в Ноябрьском. Семья парня живет где-то на Буковине, а сам он на время приехал, подзаработать. В первую получку триста рублей своей Варе отправил. Новый костюм себе здесь купил, прибежал к Валерию Федоровичу: посмотри, говорит, какграничный, а на тобольской фабрике сработан, за сороковку взял, а выглядит на все сто карбованцев. Радует. А тут письмо из дому от жены: чем же ты там питаешься, муженек, если нам сразу три сотни отправил? Ну, а дальше: не обрадую тебя, Васенька, наша младшенькая, Любочка, заболела, мучаюсь я одна. Вот он и переживает, мечется: детей, жену любит.

— Скажу я вам,— говорит на прощанье Валерий Федорович,— плохо без семьи. Не знаю, как там в высших сферах думают, а мне не по душе вахтенный метод освоения здешних краев. Когда человека по воздуху за тысячи километров туда-сюда перебрасывают. По-моему, надо сразу обживать места так, как у нашего озера Ханто. Прочно. На века. Чтоб жизнь была как у людей. Ну, а о нашем городе, как и условились, завтра...

В шесть утра в Ноябрьском заступает на вахту первая смена. Встретились, как и договаривались, у того самого мостика, с деревянными фигурными перилами. Пока ждали «газик», мимо нас пробежал трусцой своеобразный тандем — удивительно похожих по комплекции два спортсмена в тренировочной форме.

— Все, как на Большой земле, как в обжитом городе,— начал свой рассказ о городе Валерий Федорович,— разница только в том, что я знаю, кто это по утрам вес сгоняет. Главный инженер и заместитель управляющего. Хорошие специалисты и, как видите, любители спорта. Ага, Федор уже на месте.

Федор — это водитель автобазы, один из первых десантников, вызвавшийся поехать с нами в этот воскресный день.

И только тут обращаешь внимание, что неподалеку от мостика буквально за несколько дней вырос целый городок. Когда мы приехали сюда — не было ни этой утрамбованной площадки, где стоял «газик», ни эстрады, ни скамеек, ни красочных щитов с диаграммами, лозунгами, транспарантами. Это — уголок наглядной агитации, оборудованный комсомольцами на общественных началах.

— Конечно, опыта у меня как экскурсовода мало,— улыбнулся Валерий Федорович.— Не то, что в Ленинграде я слушал. Вот где класс! Маршрут первый, маршрут второй, маршрут третий и т. д. А у нас пока один маршрут: начнем с этого вот уголка, проедем на Волчью высоту, на город оттуда глянем, а потом проедем по нашему проспекту, ну и вообще поговорим о Ноябрьском.

Так и договорились.

Записываем в блокноты все о Ноябрьском, как его видит строитель и новосел нового сибирского города — города, которого еще и на карте нет.

— Итак, вы, конечно, знаете, что около двадцати лет осваиваются подземные кладовые Западной Сибири. За это время здесь создана главная топливно-энергетическая база страны. И уже сейчас наше народное хозяйство получает отсюда каж-

дую вторую тонну нефти и каждый третий кубометр природного газа.

Обратите внимание на этот стенд со словами, прозвучавшими с трибуны Двадцать шестого съезда партии: «Месторождения Западносибирского региона уникальны. Наиболее крупное из них — Уренгойское — отличается такими гигантскими запасами, что на протяжении многих лет может обеспечивать как внутренние потребности страны, так и экспорт, в том числе и в капиталистические страны. Добычу газа и нефти в Западной Сибири, их транспортировку в европейскую часть страны предстоит сделать важнейшими звеньями энергетической программы одиннадцатой, да и двенадцатой пятилеток».

Важная роль в развитии этого сурового края принадлежит строителям, создающим города и поселки вокруг промыслов, прокладывающим новые трассы. Взгляните на карту: целые города выросли вокруг промыслов — Сургут, Нефтеюганск, Надым, Нижневартовск, Новый Уренгой. Растет на месте вековой тайги, болот и озер и наш Ноябрьский.

А теперь немножко истории. Когда я возвращался из Ленинграда, сделал остановку в Тюмени, зашел в музей. И любопытную деталь обнаружил. Эмблема здешних мест описывалась так: «В золотом поле черно-бурая лисица — в знак изобильной ловли оных в сем округе».

Не знаю, придумали ли уже эмблему нашего города, но на ней обязательно будет и нефтяная вышка, и язык газового пламени, и подъемный кран с панелями. Надо ли оставлять лисицу в эмблеме — не знаю (важно, чтобы она да и все живое здесь сохранилось), а вот убежден: лес в эмблеме сохранить надо. И не только в эмблеме. Вырубить лес и на пустыре построить поселок — ума много не надо. В письме потомкам в двадцать первый век мы такой наказ дали: «Раскрывайте кладовые Севера, но и цените его нетронутую природу».

Вот мы сейчас приближаемся к Волчьей высоте — двадцатипятиметровой возвышенности, на ней будут не отдельные деревья, а вырастим настоящий парк с выходом на озеро Ханто...

Отсюда как на ладони виден наш будущий город, раскинувшийся на сухой песчаной гряде у озера. Вот посмотрите: в зелень вековой тайги хорошо вписываются желто-красные домики, ажурный деревянный забор, а за ним немного поодаль первые пятиэтажки. Они очень красивы на фоне холмистой местности, покрытой редколесьем. Впрочем, отсюда видно еще дальше нашего города да и всей Сибири. Отсюда вид-

ны Москва, Ленинград, Киев, Минск. Да что говорить, виден весь Советский Союз, помогающий обживать Сибирь.

А как все у нас начиналось — пусть вам Федор расскажет, он у нас живая реликвия, первопроходец, можно сказать.

Рассказывает Федор обстоятельно, неторопливо, свежи еще в памяти детали, яркие впечатления. Приехал в Тюменскую область с первым десантом строителей. Всего десять человек. Вокруг тайга. За день смонтировали деревянный щитовой домик.

Потом прибыл первый эшелон. Весь день допоздна разгружали вагоны. Рядом с рабочими трудились руководители, инженерно-технические работники. А вскоре Федор на новом мощном самосвале вывозил грунт из первого котлована...

— Это уже наша новейшая история, — снова продолжает рассказ Валерий Федорович. Как-то одна газета о нашем городе примерно так написала: «Сделаем мысленное путешествие по улицам Ноябрьского, среди вековых сосен. Мы можем зайти в поликлиники, в аптеки, в магазины, столовые. Идет пар из форточек окон бань, прачечных, возле стационарной хлебопекарни вкусно пахнет свежей выпечкой. А есть еще сборные щитовые домики, котельные, складские помещения, помещения администрации, мастерские, кузница, лесопильный цех, а на окраине — вертодром...»

Как легко все и просто, возможно, подумает читатель. А мне другое вспоминается. Наше первое открытое рабочее собрание, которое записало в своем решении: принять к сведению заявление управляющего, что все постройки соцкультбыта будут сооружены из местных лесоматериалов.

Создали бригаду заготовщиков леса. Дожди пошли, ненастье, а потом морозы ударили: почти до пятидесяти градусов. Кинулись: электропил, ножовок, топоров не хватает. Живем в лесотундре, а древесины нет. Да если бы снабженцы даже и доставили вовремя инструмент, и то заготавливать лес в наших широтах — дело нелегкое.

И вот я о чем думаю. Вы на встрече в молодежном клубе говорили, что недавно из Канады приехали, материалы для политического романа собирали, на севере этой страны побывали, рассказывали о сотрудничестве между нашими странами. Я однажды там, на Большой земле, слушал одного лектора об этой стране. Правильно он говорил: в природно-географическом, хозяйственном отношении наши страны похожи. У нас большая часть территории лежит на севере — и у них. У нас много полезных ископаемых — и у них. У нас леса много —

и у них. Спрашивается, а почему бы нам больше не обменяться хозяйственным опытом, технологией?

Вот меня, рабочего человека, здорово заинтересовало, как они тот же лес заготавливают. Слышал я, что в Канаде вместо механической пилы используют ножницы. Не видели? Сконструировали они такой себе лесозаготовительный комбайн со стрелой, в конце которой пристроены ножницы. Эти ножницы срезают дерево у основания, затем распрямляют его (срезают ветки и листья), а потом режут дерево на бруски и укладывают их. И все это делает один человек — оператор. Ножницы не так часто ломаются, да и дело идет быстрее. А разве у нас нет хорошего металла? Или специалисты у нас слабее? Не думаю. Но кто-то же должен этим заняться. Городов нам еще столько надо построить на Севере!

Думаю, и те же канадцы могли бы у нас поучиться. Возьмем нашу технологию строительства зданий в условиях вечной мерзлоты. Мы их строим не на грунте, а на сваях, на опорах. Потому что на грунте строить опасно: вечная мерзлота растает — и здание рухнет.

Да мало ли чему могут у нас поучиться канадцы: нашей технологии закладки труб большого диаметра или освоению Северного морского пути. Земля-то у нас одна...

Но мы, кажется, отвлеклись. Вернемся в наш Ноябрьский. Вон видите вдали большое серое пятно? Это Мелкое Болото. Незамерзающее. С него наш первый проспект начинается, куда мы сейчас и поедem. Так вот на месте того болота будет огромная центральная площадь.

Слушали Валерия Коваленко — и вспоминалась встреча в Канаде с Михайлом Колянкивским, писателем и искусствоведам, который проживает близ Ниагарского водопада, в местечке Ниагара-Фолс. Написал он книжку, в которой есть и строки о всяких отщепенцах, националистах и антисоветчиках, кричащих на весь мир о «советской военной угрозе», о том, что надо применять эмбарго на поставку заказанного Советским Союзом оборудования, о том, что наша страна, мол, проявляет заинтересованность нефтью на Ближнем Востоке, поскольку своей, мол, у Советов маловато. Так вот, сравнивает Колянкивский таких крикунов с квакшами, которые что есть мочи кричат в своем болоте и думают, что их слышит весь мир.

Говорим об этом Валерию Федоровичу. А он комментирует это по-своему:

— Вот-вот. Побольше бы присылали к нам людей, повидавших мир, толковых лекторов. Чтобы наши ребята послуша-

ли и могли кое-что сравнить да и значимость своего труда понять. Государственными людьми себя почувствовать.

А что касается болотных крикунов, всевозможных заокеанских политиканов-самодуров и всяких там «санкций», то вся его бригада подписалась, как и тысячи строителей из Западной Сибири, под гневными словами протеста, обращенного к тем, кто намерен и дальше нагнетать напряженность на планете. Узнали ребята из газет о том, что президент США объявил об «экономических санкциях» в отношении Советского Союза, и еще раз убедились, насколько ненадежный партнер Соединенные Штаты.

Рабочий размышляет: неужели Рейган, бросивший вызов нашей стране, всерьез рассчитывает нанести удар, в том числе и по экономике Западной Сибири? Ну, ладно, были прекращены поставки землеройных машин, которые должны работать здесь, в Приполярье. Так это же не конец света. А сибирский ответ его коллектива один: «Даешь 300 кубометров конструкций в сутки!» Вдвое больше. А американцы пусть подсчитывают убытки от своих «санкций».

Подъезжаем к Мелкому Болоту. Отсюда начинается проспект, пока что единственный. В полном смысле проспектом его, правда, условно можно назвать. Домá у него только с одной стороны (да еще какие — первые пятиэтажки в этих краях, а значит, высотные по здешним понятиям), но другую сторону улицы занимает вековая тайга. И нет пока тут четных и нечетных домов, все подряд пронумерованы. Зато таблички красочные: проспект Муравленко — это в честь известного в этих краях нефтеразработчика, его же именем назвали и ближайшее большое месторождение нефти.

И вот что поведал дальше Валерий Федорович. У этого самого Мелкого Болота какой-то залетный любитель легкой жизни балок построил: на двух длинных полозьях из труб большую деревянную будку соорудил. Собиралась там веселая компания, бражничали и выходили на то место, где теперь проспект. Какой-то остряк окрестил это место Дунькенштрассе.

Было и такое. А теперь оглянитесь вокруг — светло на нашем проспекте, уютно, парочки прогуливаются, слышите: в том вон доме гармошка заливается.

Опять же хорошо, да не совсем. Ну, послушаешь гармошку, в шашки-шахматы сыграешь, по проспекту пройдешь. Кино в клубе посмотришь. А молодежь-то сейчас образованная, запросы большие. Ей хороший концерт подавай, живое общение с тем же лектором, интересным человеком. «Признаюсь по се-

крету: приехал недавно к нам в гости молодежный ансамбль из Днепропетровска. Замучили мы их: и те просят, и эти приглашают. А мне просто повезло — земляка встретил. Ударник в оркестре со мной в Днепропетровске в одном доме жил. Я и не узнал его, а он подходит и говорит: «Валерий Федорович, неужели не помните, как вы нас, дворовых ребят, к танку водили, в футбол играть учили? Я вашу бороду надолго запомнил».

Так вот ребята из ансамбля (по знакомству, конечно) приехали в дежурку бригады и до утра играли-пели для нас. Это был концерт! Так это же нам просто повезло.

Вот я и говорю. Присылает к нам ЦК комсомола агитационно-художественные бригады из Москвы, Киева, но мало-вато.

Есть у меня предложение такое. Ветку железной дороги проложили уже от Сургута до Уренгоя. И к нашей станции Ханто хоть и односторонняя, но ветка тянется, с разминками на полустанках. Почему, спрашивается, не оборудовать один или два стационарных вагона для таких шефских бригад? Приезжали тут к нам из управления культуры Тюменского облисполкома, обещали провентилировать этот вопрос в верхах.

Ну, уж коль мы оказались у Мелкого Болота — расскажу, как мы последнего «бича» из него вытащили. Это, конечно, не достопримечательность, но все же наша история.

Так вот. Однажды прибегают в штаб ДНД девчонки с проспекта: так, мол, и так, снова на болоте «бичи» завелись. Мое дежурство было. Прихожу я вон в тот балок, что под толем, огонек в окне светится. Захожу и вижу: сидит за столом один парень, грязный, заросший. На столе бутылка и огрызок соленого огурца.

— Откуда, соколик? — спрашиваю.

— Садись, начальник, — отвечает, — это вот витамины, — показывает на огурец, — а это жизнь, — кивает на бутылку. — стакан шмурдяка хошь? За мою пропащую душу. Все равно быть мне подснежником. — Это в здешних краях когда-то давно замерзшего гулену так называли.

— А ну собирай свои монатки, охламон, — говорю ему. — И -- в баню. А там видно будет.

Привел я его в бригаду. Ребята загудели: знаем такого, он уже все управления обошел, а недавно такое отчебучил. Рая, продавщица из магазина, рассказала: привезли «Черный маг», так он денег не пожалел, взял да и выдудлил — в Ноябрьском закон-то сухой. А спекулянтов, продававших водку по 15 рублей за бутылку, давно к порядку призывали.

Стали судить да рядить: как быть? Вот тогда я и сказал: «Наша бригада — не школа космонавтов».

Спросите, что с тем парнем стало? Сергеем его зовут. А ничего. Вкалывает. Но вчера его не было. Отправили на Большую землю. В командировку. За семенами для будущей оранжереи.

Это в том же Тюменском краеведческом музее прочитал я в «Тобольских губернских ведомостях» заметку столетней давности. Любопытная заметка, примерно такого содержания: в оранжерее, находящейся у памятника Ермаку, продаются редиска, салат, лук, шпинат, щавель и разная зелень, корни для стола, а также летние цветы по самой умеренной цене; а в непродолжительном времени, мол, будут и свежие огурцы; обращаться должно к такому-то унтер-офицеру.

Приехал домой, ребятам о заметке рассказал. Подумали: а почему и нам не оборудовать оранжерею? Это при наших-то возможностях. А наш бывший «подснежник» больше всех старается.

Честно говоря, меня порою удивляет, как у нас тут любят дожидаться манны с небес, все вверх поглядывают: когда же спецрейсы помидорчики и огурчики подбросят?

А стоит немножко только мозгами пошевелить. Я это не только о Ноябрьском говорю. Бывал я и в том же Тобольске, и в Сургуте, и в Тюмени — не то что зимой, летом не так-то просто свежие помидоры увидеть.

Ну, вот и закончилась наша экскурсия. Понравилось? С новичками я, правда, начинаю ее с Волчьей высоты. Отсюда сподручнее всего о городе рассказывать. И еще я им говорю, что здесь и сейчас еще по ночам волчья стая рыщет. Так что им придется обживать эти места по-настоящему, прочно, облагораживать их. И штурмовать высоту, и жить в юном городе у озера Ханто, где утверждается высший принцип нашего морального кодекса: человек человеку — друг, товарищ и брат.

Рядом, в своем «газике», водитель связывался с кем-то по рации:

— «Каштан-2», я — «Каштан-1». Скоро начинаете рыбалку? Ну и мы мигом. Прихватим сала и картошки — и едем к вам на подмогу.

Валерий Федорович улыбнулся:

— Рыбалка у нас... Отакенные лещи! Красота. — И, вспомнив о чем-то, добавил с грустинкой в голосе: — А вот каштаны у нас пока что только позывные. Настоящие, пожалуй, не приживутся...

4. СИБИРСКАЯ ЛИХОРАДКА

Научная информация на Большую землю

Василий — это парень огромного роста, косая сажень в плечах. На Житомирщине, откуда он родом, о таких говорят: гарный хлопец — такому под стать горы ворочать. А дел у Василия и впрямь неупрочот. Должность у него хлопотная: комсорг строительно-монтажного поезда.

Близилась полночь, а в тесной, маленькой комнатке, которую он делит вместе с товарищем, было светло. Белые ночи в разгаре. Василию предстояла «серьезная» работа: составить информацию для отправки на Большую землю, в ЦК комсомола. Запросили сведения о том, что сделано комсомольцами на строительстве поселка Ханто. С тех пор, как сюда, в Приобье, на пятачок суши среди болотистой лесотундры, высадился первый десант.

Что греха таить, хотелось комсоргу составить бумагу позначительней, повесомее. Он открыл свой блокнот в малиновом переплете, полистал страницы, улыбулся. Вспомнил, как готовили самый первый молодежный диспут: «Как ты понимаешь социалистический образ жизни». С Большой земли прислали литературу. Помнится, он тогда полистал выпущенную научную книгу на эту тему. Выписал фразу: «Духовная культура выступает мощным фактором развития и совершенствования советского образа жизни. Однако путь от формирования внутренней потребности человека в культуре до реализации его многообразной духовной деятельности в социально значимых культурных формах сложен и нелегок. Успешное движение по этому пути зависит от разнообразных факторов и в первую очередь от уровня, характера и качества функционирования духовных ценностей в обществе».

Думал тогда с этой мудреной фразы прямо и начать свое выступление. А вышло, как говорят, совсем наоборот. От теории сразу пришлось переходить, что называется, к практике. Первое слово взяла маляр из Отделстроя, маленькая, щуплая, она поправила очки на переносице и так со стопкой книжек и вышла на трибуну.

— Ну хорошо, дело мы делаем неплохо, — начала девушка без всяких обиняков, — первый пятиэтажный дом-красавец сдали, производственную базу построили, деревянные щитовые домики растут как грибы. А вдумайтесь, какие дела нам еще предстоит совершить: построить целый город для нефтяни-

ков. Шутка ли? И на заработки не жалуемся: 400—500 рублей в месяц. Да только ли в этом дело?

И начала дальше развивать свою мысль. Так, мол, и так, когда я ехала сюда, то прочитала в одной книжке: на Западе, говоря об освоении нефтегазовых месторождений Тюмени, не прочь провести параллель с Клондайком. Дескать, это уже было — золотая лихорадка. Нет, есть, как говорят у нас в Одессе, и большая разница. Безусловно, там и здесь люди шли за большой ценностью. Золото или нефть — не в этом суть. Там и здесь — суровые природные условия.

Но во имя чего это делается? Или с целью чисто экономической, хищнической — выхватить золото, а там хоть трава не расти. Или с другой — дать стране нефть и одновременно поставить на службу народу богатый край, построить город, дорогу, аэропорт, завод. Ради этого и работаем мы здесь.

Она показала одну из книжек: Джек Лондон, рассказы. — Товарищам своим после работы читаю, — пояснила. — Конечно, и во времена Лондона были люди, для которых главным на Севере было не золото, не обогащение, они больше всего дорожили обретенной здесь чистотой человеческих отношений. Но все же большинство американцев гнала на Север золотая лихорадка, и она не могла не разжигать низменных инстинктов. Меня же пленяет лондоновская мечта — «мир за горизонтом».

С этого и начался диспут. В одном были все согласны: принципиально разные социальные цели обусловили разное поведение людей, разные методы освоения Севера. В Клондайке действовали законы хищника. Здесь совсем иные задачи — коммунистическое преобразование огромной территории. Решение экономических задач увязано с социальным. Вот эта гуманистическая направленность — главное, что отличает освоение тюменского Севера от другого, внешне похожего явления.

Тюменский Север осваивает советский человек — человек коммунистического мировоззрения с высокими идеалами. Труд для него — не способ обогащения, а жизненная необходимость, смысл бытия на земле он видит в плодотворном труде, труде, как говорил поэт, который перерастает в красоту, становится категорией эстетической. И еще: чтобы жизнь на Севере во всех отношениях была полноценной.

А для этого ой как много еще надо.

— Вот за теми же рассказами Джека Лондона пришлось в очереди месяц стоять. Да и то сказать: на двух строителей пока что приходится по одной книге. А посмотрите, что на само-

деятельном танцевальном пятачке происходит. Прямо «ураганами» и «татрами» парни со смены подъезжают, в накомарниках, да еще такие залихватские кренделя по ягельнику выделывают. Вот бы нам танцплощадку оборудовать. Да чтобы не хуже, как на Большой земле.

Мастер-наставник отделочников поддержала:

— И за клуб пора бы взяться. А то заселили два подъезда наши девчонки в новой пятиэтажке — туда те же «ураганы» и «татры» колоннами зачастили. Негде молодежи собраться.

И говорили комсомольцы до поздней ночи: и то надо, и это нельзя упустить; в грубых робах и валенках на два номера больше надоело ходить на работу — значит, перед управляющим надо поставить вопрос ребром, а не поможет — в центр, в министерство поехать; батареек к транзисторам купить негде — орс и профсоюз расшевелить надо; есть еще в поселке любители «острых» зрелищ: дворового Бобики на кошек, которых берегут здесь, как зеницу ока, натравливают — пора бы и бригаду дружинников организовать...

Словом, отложил в сторону Василий свою теоретическую часть выступления и объявил, что вместе с объединенным комитетом профсоюза разработаны условия конкурса на лучшего певца, чтеца, танцора. Поощрения такие-то. Что комитет комсомола призывает всех комсомольцев выйти на субботник по благоустройству вахтового жилого поселка. Что начнет хозспособом молодежь строить свой клуб: две стены уже есть — из двух вагончиков.

...Было уже далеко за полночь. Листал Василий свой малиновый блокнот. Так о чем же написать в информации о проделанной работе?

Вспомнил комсорг, как несколько лет тому назад (Василий тогда был командиром студенческого отряда) на семинаре в Тюменском обкоме партийный секретарь призывал собравшихся настойчиво искать новые формы организационной, идейно-политической работы, которые способствуют быстрому сплочиванию людей, создают атмосферу деловитости, творческого поиска, взаимопонимания, строгой дисциплины — всего того, что делает трудовой коллектив большой силой.

Партийный секретарь убедительно развивал свою мысль: в области постоянно создаются новые бригады, участки, управления. Но одно дело — учредить производственную единицу, другое — создать сплоченный, способный решать сложные задачи, трудовой коллектив.

В обычных условиях коллектив формируется годами, постепенно вырабатывая свои нормы поведения, воспитания пе-

редовиков производства, активистов, создавая свой микроклимат. Так в коллективе утверждаются и свои традиции.

На новостройках процесс становления трудового коллектива значительно ускоряется. Такое ускорение просто необходимо ради дела.

Все правильно. Этот опыт пригодился комсоргу. И вот теперь он старался для своей информации выбрать события поярче, позначительней.

А в памяти всплывали вроде бы вещи до обидного обыкновенные.

Ну что это за события?

Приехал к ним на гастроли фольклорный вокально-инструментальный ансамбль «Днепряне», поселили их, как самых дорогих гостей, в пятиэтажке. Клуб трещит от народа. А артисты опаздывают. Оказывается, прямо конфуз получился. Василий одел всех девчат — участниц ансамбля в рабочие фуфайки, чтобы не простудились. А накомарники-«энцефалитки» выдать забыли. Артисток окружили всеобщей заботой. Вышли они из подъезда — заместитель управляющего заботливо наливал на ладонь каждой артистке по капле лавандового масла, чтобы лица смазывали: и благоухает это масло, и комаров отпугивает. Но возле последнего подъезда начальник Отделстроя всю бригаду «Днепрян» завернул на побелку стен: он думал, что прибыла новая группа, новички-то каждый день прибывают. А артисты согласились: такой порядок здесь, подумали, наверное, воскресник на стройке...

Нет, это совсем уж не главное.

Вот разве что о напарнице той же девушки из Отделстроя рассказать? Но не напишешь же о том, что ей довелось в прямом смысле испытать, что такое сибирская лихорадка. Вернее, медики называют ее точнее — дальневосточная лихорадка. Не убереглась девчонка, все без накомарников на танцы ходила, вот и заболелал этой самой лихорадкой. Что тогда в комитете комсомола творилось? Не закрывались двери. В больницу не пускают. А ребята свои услуги предлагают: может, кровь надо для переливания или дежурство у постели больной? Успокоили их, шестнадцать врачей в больнице, справятся.

А оклемалась девчонка после болезни, спросили: куда хочет на отдых поехать?

— На юг, — отвечает, — в Тобольск.

Поехала на первый в Тюменской области курорт «Тараскуль», где лечат сапропелем и минеральной водой. Возвратилась, рассказала в бригаде, как отдыхала. Послушали ее товарищи и сразу в комитет комсомола: плохо мы еще знаем наш

Тюменский край, вот послушайте, какие туристические маршруты — по родным местам легендарного советского разведчика, Героя Советского Союза Николая Кузнецова; Сибирский тракт, видевший все поколения революционеров; а Тюменский край и писатели XIX века: Достоевский, Чернышевский, Короленко, Станюкович!

Теперь по этим маршрутам посылают самых лучших.

И действительно, вот если бы можно было в этой самой справке рассказать о Сибири все, что знал о ней Василий. А исходил он ее вдоль и поперек. Немало трудовых семестров провел бывший студент автодорожного института на стройках Сибири. Салехард, Нижневартовск, Мегион, Тюмень. Боец студенческого отряда, командир, начальник штаба.

Может, начать с истории? С чего? С покорения Сибири Ермаком? Может, с Сибирского татарского ханства? Или с Робинзона Крузо, который бывал в сибирских краях? Вернее, не Робинзон, а Александр Селькирк, с которого Даниэль Дефо писал своего героя.

Но это уже из другой области.

И на бумагу легли скупые строки информации:

«Сдан в эксплуатацию пятиэтажный дом, в котором два подъезда заселены нашими ребятами. Заканчивается монтаж еще четырех домов.

Продолжается строительство производственной базы.

Построены два общежития, аптека, детский сад, амбулатория, школа, магазины «Универсам» и «Овощи».

Комсорг перешел к следующему: «Комсомолыцы поезда приняли участие в первой Первомайской демонстрации. Колонну оформили красочно — знамя поезда, эмблема, транспаранты, лозунги, ветки сосны и багульника (кроме этого, ничего здесь больше не растет). Колонна была одной из лучших.

Проведен субботник. Заработанные деньги — 5200 рублей — перечислили в фонд оказания помощи детям Вьетнама, Кампучии, Чили, Анголы.

В клубе работают кружки художественной самодеятельности, библиотека. Демонстрируются художественные фильмы.

Для молодежи построена спортплощадка со стадионом. Прошли товарищеские встречи по футболу между подразделениями поезда и организациями поселка.

Вокруг танцплощадки — деревья вверх корнями высотой в три метра. Рядом установлены поменьше корни, возле которых из пней — сиденья. Красиво!

Оборудование дискотеки получили. Спасибо».

Знал Василий, сколько сил и энергии вложили в подготовку программ дискотек мастер-наставник со своими девчонками, подумал: надо было бы разгрузить кое-кого немного, не все еще хорошо акклиматизировались. Вспомнил и о том случае с лихорадкой, который закончился благополучно. И дописал в информации: «Несчастливых случаев нет. Настроение, дисциплина, трудовой накал в коллективе высокие».

Снова в мыслях вернулся к диспуту и добавил в конце о постановочных вопросах: «Прошу сообщить, в какой стадии находится сбор художественной литературы для строителей поезда».

За окном послышался гомон. Домой возвращались ребята из ночной смены.

Вряд ли думал комсорг, что он закончил очередную научную информацию об освоении Сибири, по которой обществоведы будут обобщать исторический опыт всестороннего совершенствования развитого социализма.

5. О РАЦИО, ЭМОЦИОНАЛЬНОМ МИРЕ И ОДНОСТОРОННЕМ «ТЫКАНЬЕ»

Учитель и ученики

— Как-то на занятиях рассказал я слушателям о том, что на Украине учрежден Шевченковский праздник, который будет отмечаться ежегодно, — говорит Александр Андреевич, пропагандист. — Разговор пошел шире — о стихах, о поэзии, и не только шевченковской. И что вы думаете? Слушатели кружка меня просто поразили. Судите сами. Поднимается Галина (мастером работает) и рассуждает примерно так: «Творчество Пушкина в силу существовавших при его жизни условий было доступно в основном дворянству. Но его гений, революционное отношение к действительности сделали Пушкина общенародным поэтом. А в наше время творчество Пушкина стало достоянием всего многонационального советского общества. Мы сегодня глубже понимаем и чувствуем стихи Пушкина и Шевченко, чем многие их современники. Почему? Да потому, что воспринимаем их с позиций нашего времени, с учетом всего того, чего достигли с тех пор общественная мысль и мировое искусство».

«Откуда, — спрашиваю, — такие познания у тебя, Галина?»

«А вы же сами мне книжку дали почитать, — отвечает. — Из тех, что шефы прислали. Это так пишет ученый Русановский. Но я с ним согласна».

Александр Андреевич еще раз убедился: нелегко сейчас пропагандисту. Ничем теперь своих слушателей не удивишь.

Мы ведем разговор в красном уголке, куда слушатели собирались на занятия. Александр Андреевич — пропагандист с большим стажем: институт, служба в армии, преподаватель научного коммунизма. Уже и виски густо припорошила седины, а он по-юношески увлечен своим любимым делом. Да и то сказать: ежедневно приходится держать руку на пульсе времени.

Обсудили на занятиях интересные размышления академика Виталия Русановского о роли культурного наследия в воспитании юношества. Прямо с занятий кружка пошла Галина в школу, где учится ее дочка Анжела. И обратилась к преподавателям: действительно, в школьных курсах мало уделяют внимания эстетическому воспитанию. Здесь внимание сосредоточено на радио, хотя именно в школе должен формироваться также эмоциональный мир подростка. Часто говорят о том, что подросток воспитывается на положительных примерах. Считается: если школьник прочитал «Овод» Войнич, то у него зародилось желание быть таким же мужественным, стойким, непоколебимым, каким был Артур. Ну а, скажем, прочел «Дон-Кихота»? Пойдет ли он бороться с мельницами? Ясно, что нет. Здесь важно другое: почувствует ли он тонкий юмор Сервантеса, поймет ли, почему это произведение пережило века. Или, к примеру «Дон-Жуан». Как добиться того, чтобы читатель искренне сопереживал действительную трагедию героя? Ведь с точки зрения некоторых педагогов, чтение «Дон-Жуана», будь то Байрона, Пушкина или Леси Украинки, может лишь утвердить читающего во мнении, что адюльтер украшает мужчину.

Другой слушатель кружка — Григорий, увлекающийся живописью, архитектурой, музыкой, литературой. Неплохую библиотечку привез он из Киева по живописи, отлично рисует, пишет стихи, музыку к песням, сам исполняет их на гитаре. А какие чудеса он может сотворить из обыкновенной лесной коряги или сучка! Многим раздарил своих лесовиков да сказочных гномов. Так вот его взволновал другой аспект отношения к культурному наследию прошлого — эстетический, о котором говорил на сессии ученый из Киева. На одном из занятий Григорий прочитал реферат. О чем? А вот о чем.

Спору нет, социологический аспект обязательно сопровождает знакомство с родной и мировой литературой. Однако он не должен вытеснять аспект эстетический, что, к сожалению, пока еще характерно в тех же школьных программах. Вот Гри-

горий и подготовил реферат о том, какие художники жили во времена Пушкина. Какие направления развивались в архитектуре, живописи того времени? В чем их своеобразие? Связаны ли они с литературными направлениями?

Готовят в кружке рефераты так, чтобы наряду с хорошим знанием первоисточников, рекомендованной литературы слушатель раскрыл проблемы, над решением которых трудится партийная и комсомольская организации, предложил интересные формы соревнования.

И вспомнилось Александру Андреевичу одно занятие, которое в этом смысле стало, можно сказать, этапным. Пригласили тогда на «огонек» парторга, управляющего, а главного инженера попросили подготовить реферат.

С высокой трибуны Двадцать шестого съезда партии было заявлено: тюменцы начинают соревнование за достижение в текущей пятилетке суточной добычи одного миллиона тонн нефти и миллиарда кубометров газа с конденсатом.

— Будет жилье — будет нефть и газ, — с этой фразы начал свое выступление главный инженер. — Все мы — участники большой стройки, поэтому и к делам своим должны подходить с высокой мерой ответственности. Вести коллективный поиск резервов. Вырабатывать непримиримость к тому, что тормозит дело, мешает формированию нового человека.

Внимательно выслушали мнение каждого. Управляющий по своему обыкновению тоже говорил прямо, без обиняков. У него подход ко всему партийный. Да и то сказать: хорошую жизненную школу прошел этот человек донбасской закваски. Прямой, решительный, открытый. Познакомились мы с ним давно, еще в конце пятидесятых годов в Донбассе, когда молодой инженер строил шахты в Макеевке. Потом стал управляющим трестом, партийным секретарем, а до поездки сюда, на озеро Ханто, руководил крупным строительным комбинатом в Полтаве. Главная черта его характера — уважительное отношение к людям. Случается, оступится кто-то или незаслуженно ославят его (и такое бывает) — не спешит управляющий гнать его в шею, как это иногда делают ретивые администраторы. Разберется. Поможет. И еще — никогда не станет «тыкать» встречному-поперечному. Ох уж это одностороннее «тыканье»! Он однажды распекал такого зарвавшегося выскочку из управления: «Сейчас в армии седой, заслуженный генерал обращается к новобранцу на «вы». Прошло то время, когда брали горлом. Интеллигентность нужна и уважительность».

Приехал он на Север, собрал управленцев и начал с главного: чтобы наша ударная стройка не отличалась от остальных

только табличкой; перво-наперво план, конечно, порядок во всем, четкая организация труда, бытовые условия людей. Не надбавки людям нужны, а условия, да еще моральная удовлетворенность.

Засиделись тогда в кружке допоздна. Выслушали каждого: и автомобилиста, и монтажиста, и инженера. И посмотрели, что может сделать каждый на своем месте, чтобы с самого начала повести решительную борьбу с бесхозяйственностью, за усиление режима экономии, улучшение использования материалов.

Быть может, тогда и родилась на стройке внутренняя «Малая эстафета»: соревнование по всей технологической цепочке — от разгрузки вагонов до сдачи домов «под ключ».

Плывут лета, как вода. Так говорят на Полтавщине, откуда родом Александр Андреевич.

— А тут каждый день впору целому месяцу, а месяц — году, — улыбается он. — По размаху дел. Вот и сейчас готовлюсь к занятию.

В красный уголок собирались слушатели — кто со смены, кто после отдыха. Комсорт отделстроевцев Ира пришла прямо с собрания, настроение приподнятое. И сразу с новостями к Александру Андреевичу: важный вопрос решали — создание комсомольско-молодежного управления из восьми бригад. Большинство рабочих поезда молодежь. Вот и надо, чтобы они во всем задавали тон. А мы постараемся, чтобы комсомольско-молодежный коллектив во всем стал образцовым, откроем там школу передового опыта, будем учить других, как по-хозяйски относиться ко всему, что у нас есть.

— Вот и хорошо, — поддержал девушку Александр Андреевич, — значит, следующий реферат твой. Так и назовем: «Бережливость — черта коммунистическая». С этого и начнем изучать черты зрелого социализма.

Поезд давно отправился от новой таежной станции Ноябрьская. За окном мелькали палаточные городки студентов; вырастали и уходили вдаль линии электропередач; рыжие пятна болот сменялись густым травостоем, белоствольными берегами да темными ельниками.

По радио шла литературная передача. Сибирский прозаик размышлял о путях литературы, об отражении в ней преобразований в этих краях. Потом самодеятельные приполярные артисты читали стихи своих и московских поэтов. В эфире зазвучали строки:

Никогда ни о чем не жалейте вдогонку,
Если то, что случилось, нельзя изменить.
Как записку из прошлого, грусть свою скомкав,
С этим прошлым порвите непрочную нить.

Почему-то показалось, что это читает Лена: такой же звонкий, с акающим московским акцентом голос. Да ведь и она любит эти стихи Андрея Дементьева. А может быть, это была и не она.

Никогда не жалейте о том, что случилось.
Иль о том что случиться не может уже.
Лишь бы озеро вашей души не мутилось
Да надежды, как птицы, парили в душе...

Перестукивали на стыках рельсов колеса. А мы словно видели перед собою миниатюрную девушку. И ее большую мечту о счастье. О празднике души. И еще вспомнились люди, с которыми повстречались в городе близ озера Ханто. А вода там такая светлая-светлая, что отражается в ней, как в зеркале, вся Волчья высота. Озеро, в котором отражают светлые души взшедших на эту высоту людей.

Стучат колеса.

А где-то, на 63-й параллели, между двумя северными автономными округами — Ямало-Ненецким и Ханты-Мансийским — остался позади совсем юный приполярный город.

Небольшой город на огромной земле.

«НАСЛЕДСТВО» ГОСПОДИНА ГАУПТМАНА

Размышления во время и после поездки в центр Европы

1

Случилось так, что во время работы над политическим романом «Полынь чужбины» у нас возникла необходимость снова побывать в Чехословакии: надо было еще и еще раз пересмотреть эмигрантские архивы, пройти по следам героев книги — Прага, Хеб, Соколово, Карловы Вары, пограничные районы ЧССР.

Перед самой поездкой в Чехословакию один из авторов, находясь в Нью-Йорке, записал в свои американские тетрадки беседу с одним из бывших судетских немцев, так сказать, злобно-классическим эмигрантом, которого пригрела Америка. Встреча произошла совершенно случайно, в кулуарах очеред-

ной сессии Генеральной Ассамблеи ООН (подробно о ней рассказано в книге «Свобода для волка»). Однако эта случайная встреча имела непосредственное отношение к нашему предполагаемому путешествию по Чехословакии для сбора материалов об эмиграции.

Думается, стоило бы напомнить о ней и о том, что было потом — во время и после поездки в центр Европы.

Итак, с одним из сотрудников Секретариата ООН, киевлянином, который уже несколько лет провел в Америке, мы любовались замечательными произведениями искусства разных стран, присланными в подарок штаб-квартире Организации Объединенных Наций. В одном из холлов — скульптура бога Посейдона, найденная археологами на земле древней Эллады; на стене, слева от центрального входа, — самый большой в мире ковер ручной работы «Мир», подаренный народом Бельгии; а справа — два панно кисти бразильского художника К. Портинари «Война и мир»... Живописные полотна, древние скульптуры, уникальные фарфоровые вазы.

Уже был первый час ночи, и Анатолий (так звали сотрудника Секретариата ООН) предложил подняться на второй этаж в салон для делегатов.

— Подкрепимся чашечкой кофе, а заодно и там продолжим нашу экскурсию, — сказал он.

В кафетерии, где витали клубы едкого табачного дыма, справа, до самого потолка, расположился огромный ковер с изображением «Китайской стены».

К столику, дымя трубкой, направлялся высокий, подтянутый старикан — вылитый пират сэр Фрэнсис Дрейк, открывший благословенное место в Америке — мыс Новый Авалон.

Молча сел, отхлебнул горячий напиток.

— А вон там, в парке, — продолжая разговор, кивнул Анатолий в сторону окна, за которым при свете прожекторов виднелась всемирно известная скульптура Вучетича «Перекуем мечи на орала», — ньюйоркцы любят прогуляться по вечерам. И безопасно, и нигде не увидишь такого обилия цветов... Может, еще по чашечке кофе? Не то от заседаний, не то от дыма голова раскалывается...

— Э-э, молодой человек, — обронил вдруг «Фрэнсис Дрейк», — в ваши-то годы жаловаться на головные боли... Я, наверное, в два раза старше вас, если не больше. И пережил многое. Но главное — спокойствие плюс гимнастика. Тогда будете в мои годы здоровым. — Он полез в боковой карман пиджака и раскрыл какой-то документ: — Это паспорт. Вот читайте: Гауптман, год рождения 1899... А вы когда родились?

На паспорте, кажется, был оттиснут орел — печально известный символ...

— Возраст у меня, как у Иисуса Христа, — пошутил Анатолий и уже серьезно добавил: — Перевалило за тридцать три, родился во время смертельной схватки народов с фашизмом, когда и была создана наша ООН. Потому, наверное, и служу ее цели: избавить грядущие поколения от всяких войн, наподобие той, что развязали фашисты...

И тут господин Гауптман буквально взорвался:

— Что вы знаете о войне! Мальчишка! Вы только попадаетесь на удочку коммунистической пропаганды! А знаете, сколько нас, немцев, пострадало в войне?

— Простите, герр Гауптман. А сами-то вы на чьей стороне были тогда?

— Ни на чьей! — отрезал он. — Да, я был нацистом. Но я выполнял приказ и шел под пули. Я не должен отвечать за других. — Гауптман посмотрел в упор холодными, стеклянными глазами: — Вы, наверное, коммунисты?

— Точно. Коммунисты.

— Вся ваша коммунистическая пропаганда ложь, ложь, ложь! — Ему явно не хватало дипломатического хладнокровия. — Давно пора прекратить разговоры о вашей, как вы там говорите, Великой Отечественной. Кто пострадал? Вы или я? У меня забрали все — землю, дом в Карлсбаде, и я вынужден околачиваться здесь...

Этот разговор с престарелым нацистом в Нью-Йорке не раз всплывал в памяти, когда мы в Чехословакии (точнее — в Западночешской области) пошли, так сказать, по следам герра Гауптмана.

Скажем сразу: помнят там до сих пор черные дела и гитлеровцев, и гейнленовцев.

Фашисты терроризировали край. На чешской земле чехам запрещали говорить по-чешски. Немецких коммунистов гейнленовцы похищали и через границу передавали гестапо. Одна провокация сменяла другую. Вскоре гитлеровцы, которым мюнхенское предательство развязало руки, прирезали Судеты к рейху. Западные союзники, как они сами тогда писали, не собирались ради чехов «пожертвовать хотя бы одним солдатом». От помощи Советского Союза буржуазная Чехословакия сама отказалась. И этим поставила крест на своей государственной и национальной независимости. Через полгода гитлеровцы «проглотили» то, что оставалось от страны.

После разгрома фашизма этот исконно чешский край — в соответствии с Потсдамским соглашением — был возвращен

Чехословакии, а коллаборационисты, фашистские пособники, выселены.

Есть у пограничников такое профессиональное выражение — «напряженная граница». Так вот, эта граница никогда не была спокойной. Через нее пытались и пытаются прорваться диверсанты и агенты. Над ней были проведены бандитские операции «Просперо» и «Вето», в ходе которых западные спецслужбы забросили в Чехословакию армады воздушных шаров с миллионами листовок. Через эту границу и сегодня пытаются провезти эмигрантскую и реваншистскую литературу, порнографию, контрабанду.

Командир КПП майор Карел Жит показал целый склад: эмигрантские журналы, реваншистские газеты, клерикальные издания...

— За год мы задерживаем более двух с половиной тысяч печатных материалов, на полтора-два миллиона крон контрабанды.

В обычных конвертах, обычным путем из-за границы идут довольно странные письма. Одно из них в двух экземплярах, на чешском и немецком языках, отправил некий Карл Дитц — Д 8000, Мюнхен-60. Ответ, как сообщила разноязычная надпись на конверте, был заранее оплачен.

Само письмо представляет собой типографский бланк («формуляр В») с разными вариантами послания. Варианты берут в расчет возраст отправителя письма.

«Я был вынужден (мои родители были вынуждены) в 1945 году покинуть наш дом».

Слова «я был вынужден» в этом письме вычеркнуты. На свободной строке вписан адрес.

Далее опять идет типографский текст: «При этом я должен был оставить дома все свое имущество. Главное: мебель, музыкальные инструменты, домашний инструмент, оборудование мастерской». Вычеркнув из стандартки все, кроме мебели, Карл Дитц сообщил, что мебель досталась ему по наследству от родных — Карла и Марии Дитц. И Национальный комитет обязан, дескать, беречь оставленное имущество, уведомить, в каком состоянии оно находится и как он, Карл Дитц, может своим добром воспользоваться.

Такого рода письма зачастили в города Западной Чехии. И не только письма. Иной «наследник», приехав в Чехословакию как турист (а западногерманских туристов здесь считают на сотни тысяч), набирается наглости заявиться в чужой дом собственной персоной. Чтобы обойти хозяйство, посмотреть, как содержится «его дом», пообещать, что «скоро вернется на-

совсем». И хотя настоящие хозяева все чаще указывают незваным гостям на дверь, визиты не прекращаются. «Наследники» пытаются, как они пишут сами, «утвердить правовые требования на родину (читай: на земли Польши, Чехословакии, Советского Союза) и ее возвращение».

Очередная реваншистская акция открыто рекламируется как «новые усилия по обеспечению германской собственности на Востоке». Когда же представители общественности Западной Германии указали «профессиональным изгнанникам» на противозаконность их действий, те незамедлительно сослались на специальное решение конституционного суда ФРГ от 7 июля 1975 года, согласно которому (цитируем дословно) «бывшие немецкие территории, находящиеся под управлением Польши, ЧССР и Советского Союза, сохраняют статус оккупированных областей, а так называемые восточные договоры, подписанные в 1970 году, не ликвидируют суверенитета Германии на этих территориях».

Таковы аппетиты «наследников».

Какое же наследство они оставили в чешском пограничье? Совершим небольшой экскурс в близкое прошлое.

В редакции хебской районной газеты «Граничар» ее редактор Вацлав Кроупа предложил перелистать подшивку сорок пятого года: открыта первая школа на чешском языке, организована ячейка Союза дружбы с СССР, найдена еще одна братская могила советских военнопленных...

Даже сейчас, десятилетия спустя, нельзя без содрогания читать свидетельства очевидцев: «На полосатом тряпье сохранились большие буквы «R». «Значит, это наши солдаты, томящиеся в фашистском плену. Имен их никто никогда не узнает. Трупы обозначают цифрами: первый, пятый, восьмой...» «Я видел много смертей, — пишет один из членов следственной комиссии. — Но сейчас не могу удержать слезы, не могу найти слова, которыми мог бы рассказать об этих варварских убийствах. Черепа пленных расколоты каким-то тяжелым предметом. Вскоре мы находим его: четырех-пятикилограммовый слиток железа...»

От крайних домов одного из пограничных сел буквально десятков шагов до братских могил. Что знают о них в селе? «Нас поразило отношение жителей к трагедии, разыгравшейся буквально у них на глазах, — отмечают авторы отчета. — Никто ничего не помнил, никто ничего не видел, никто ничего не слышал. Верим! Что стоила чья-то жизнь для гитлеровских прислужников, тем более жизнь военнопленного, да еще русского».

Память...

Чехословацкий антифашист, хроникер села Гай Хебского района Властимил Скала, страстно интересующийся историей, показал нам найденный в архиве снимок девушки из соседней деревни Палич по имени Эмма Бруцкер, у которой на груди висела дощечка: «Я — курва, я снюхалась со славянином». Ее гоняли по окрестным селам фашиствующие молодчики, пока не замордовали до смерти. Интересно, не помнит ли герр Гауптман этой фамилии?

— А что вы помните?! Мальчишки! — зеленел тогда в Нью-Йорке от ярости престарелый наци Гауптман.

Что мы помним?

Для нас, например, кадры из «Неизвестной войны», которая демонстрировалась и там, в Америке, и здесь, в центре Европы, не просто исторический фильм. Не в кино, а наяву мы, дети войны, видели, как фашистские головорезы выполняли и у нас, в Донбассе, садистский приказ Гитлера: не жалеть ни женщину, ни ребенка. Пепелища, смрадные дымы над копрами, тела, сброшенные в глубокие шахтные шурфы... Мы помним застывший ужас в глазах матерей, стариков, когда фашисты пускали пулеметные очереди по мальчишеским головам, выглядывающим из укрытия. Не вы ли это были, герр Гауптман, — такой высокий и подтянутый, в черных перчатках и со стеклом в руках?

И если бы герр Гауптман посмотрел «Неизвестную войну» по девятому каналу в Америке, может, кое-что и вспомнил бы. Да, господин Гауптман, мы видели в Карловых Варах на кладбище могилу, на памятнике был портрет кайзеровского офицера с такими же, как у вас, усами и с такой же, как у вас, фамилией. Возможно, это ваш близкий родич, получивший ордена за карательные акции против парижских коммунаров. Но мы видели и братскую могилу замученных советских солдат, фамилии которых до сих пор не удалось установить, и чехословацкий патриот, шахтер Зденек Павлик двадцать лет разыскивает их имена. В его картотеке три с половиной тысячи имен...

Мы смотрели в кинозале музея Лидице — деревне, уничтоженной дотла фашистами, — снятые гитлеровцами кадры, от которых стыла кровь. Рядом сидел кубинец Виктор Суарес, сын героя штурма казармы Монкада, спортсмен, приехавший в Чехословакию на соревнования. Он сказал: «Этого нельзя никогда забывать».

Там, в Лидице, на месте пепелища вырос шиповник, огромные плоды которого, кажется, набухли кровью.

Мы идем по улице имени 10 июня 1942 года (дата, когда свершилась лидицкая трагедия). Здесь живет Мария Ярошева, председатель Комитета чехословацких женщин. Она давно могла бы переехать в Прагу. Но держат ее эти места не только тем, что она родом отсюда.

— Это святое место,— говорит она.— Я встречаю здесь женщин из разных стран, которые приезжают к нам в гости. Смотрите, на том месте, где пролилась кровь невинных лидицких детей и женщин, поднялся розарий. А женщины умеют тонко чувствовать красоту жизни. Я уверена: стоит один раз побывать здесь — и каждая наша подруга, в каком бы уголке планеты она ни жила, всегда будет пламенно бороться за мир и счастье на земле. Тут не надо слов, тут говорит само сердце.

И каждый год в Лидице идут необычные посылки: из многих уголков мира женщины присылают новые сорта роз, которые прорастают алым цветом на месте пролитой крови...

Однажды в Праге мы ранним утром поднялись на Градчану, чтобы полюбоваться оттуда городом-красавцем, сверкающим золотыми куполами под лучами восходящего солнца. Наша добрая спутница, пражанка, милая Магда Ролиnkова, влюбленная в Прагу и вызвавшаяся добровольно сопровождать нас по родному городу, глядя вдаль, задумчиво говорила:

— Злата Прага, как и Рим, на семи холмах. И красоты ее ни в сказках сказать, ни пером описать. Посмотрите на чудо рук человеческих: Карлов мост, соединяющий берега Влтавы; на корпуса Карлова университета; на нашу центральную площадь с Орлом и памятником Яну Гусу. Я уже не говорю о знаменитом кабачке «У чаши», где Гашек писал своего «Швейка» и куда стремится попасть каждый турист, дожидаясь часами своей очереди, чтобы получить шутовское звание «доцент швейкологии». Но всего этого не было бы, если бы не те советские парни, которые отдали свои жизни в борьбе с фашизмом...

Мы видели в Освенциме и Майданеке, господин Гауптман, газовые печи, в которых фашисты сжигали ни в чем не повинных людей, видели виселицы, горы детской обуви, человеческих волос, очков, костылей, аккуратно собиравшихся убийцами. И слышали, как ребята из ФРГ и Америки говорили экскурсоводу: «Это все коммунистическая пропаганда. Когда эти коммунисты успели все понастроить, создать такой камуфляж?»

Камуфляж ли?

Вернемся в музей Лидице, где хранят память о жителях этого села и где немало документов свидетельствуют о чудовищных зверствах фашистов.

«Жизнь на Востоке лишена всякой ценности», — читаем циничное высказывание Геринга.

Переходим от стенда к стенду — и видим, как на примере Лидице осуществлялся этот кровавый постулат.

Перелистаем же несколько страниц недавней истории. ...10 июня 1942 года прибыл Карл Герман Франк проинспектировать горящую Лидице с такой же непринужденностью, с какой сержант идет инспектировать казармы. Он принял рапорт о казнях и с удовлетворением отдал приказ: «Продолжайте работать». После войны, давая на суде показания, он сказал, что хотя и видел какое-то количество мертвых, лежащих на земле, и заметил холмики из свежей глины, но так как в поселке в этот момент произошло несколько взрывов, «то по этой причине и не пошел в глубь деревни и никаких других впечатлений вспомнить не могу». На следующий вопрос он ответил: «Судьбой женщин и детей я не интересовался ни тогда, ни позднее, так как в этом не было необходимости».

Другой начальник из части СС не утруждал себя объяснениями и высказался куда лаконичнее: «Мы уничтожили каждого, кто был пойман».

Прокурор. Вы хотите этим сказать, что наши жертвы легко мирились со своей судьбой?

Блобел (*начальник эйнзацгруппе*¹). Да. С этими восточными народами всегда так бывает. Жизнь для них не имеет такой ценности, как для нас.

Прокурор. Иначе говоря, они спокойно шли на смерть?

Блобел. Нет, они знали, на что идут, но мирились со своей судьбой. Это-то как раз и странно у этих восточных народов.

Прокурор. Разве не было для вас удобнее устроить все так, чтобы никакого сопротивления и не было?

Блобел. Все шло спокойно. Я должен сказать, что наши люди, которые осуществляли смертные казни, больше страдали от нервного истощения, чем те, которые были расстреляны.

Прокурор. Словом, вы жалели больше убийц, чем убитых?

Блобел. Мы должны были заботиться о своих людях.

Прокурор. И вы их жалели?

Блобел. Да, наши люди психически очень страдали...

Редакция зарубежных передач Пражского радио обратилась как-то к своим слушателям с просьбой ответить на вопрос, в чем они видят значение Лидице для современности. Со всего

¹ Особые части, истребившие сотни тысяч людей.

мира пришли ответы. Более пятисот человек отозвалось из Испании, несколько сот из арабских стран, из-за океана.

Значительно меньше ответов пришло из ФРГ, где и сегодня живут многие из убийц...

Познакомимся с ответами поближе.

«Завет Лидице напоминает: надо всеми силами бороться против войны и фашизма,— пишет молодой слушатель Ф. Кессл из Грейфинга у Мюнхена.—.Прошное не должно повториться». Это голос тех, кто не дал себя оболванить реваншистской пропагандой. К сожалению, их немного. Вот примечательное письмо Г. Паулерберга: «Я убежден, что очень мало моих сограждан вообще слышали название Лидице. Еще меньше тех, кто знает, где Лидице находится. И уж совсем мало задумываются над значением Лидицкой трагедии».

Анализ, увы, точен. Определенные круги в ФРГ были рады стереть название Лидице из памяти людей. Они устраняют любое напоминание о Лидице. Поэтому среди писем немало и таких, авторы которых пишут, что не могут ответить на анкету, потому что о Лидице ничего не знают.

Обращаясь с анкетой, чехословацкие журналисты также просили слушателей сообщить, названа ли где-нибудь в ФРГ улица или площадь в память о сожженной фашистами деревни Лидице.

Из городка Рейнштеттена отвечает В. Гейпель: «Вряд ли в ФРГ могла бы быть названа улица, площадь, школа именем Лидице. И если бы даже кто-то захотел это сделать, что сказали бы судетские немцы? Нет, это бы плохо кончилось».

И еще один голос — голос человека, который прошел адские круги фашистских концлагерей. «Казармы, улицы, площади в ФРГ носят имена старых преступников,— пишет Э. Баншбах.— Но название Лидице вы не найдете нигде. Убийцам ведь нельзя напоминать их прошлое! Палачи Лидице и других городов и сел у нас разгуливают на свободе, в нашем добропорядочном государстве они чувствуют себя героями, заняли теплые местечки, считаются добрыми христианами. Словом, немцы — порядочные граждане, все, что о них говорят, — ложь. Лидице — это ложь, Орадур — это ложь...»

А между тем в ФРГ проживают тысячи эсэсовских палачей, не только не подвергаясь судебным преследованиям, но и получая высокие пенсии из фонда социального страхования.

Это относится, например, к бывшему эсэсовскому надсмотрщику концлагеря Бухенвальд Вольфгангу Отто, который был соучастником расправы над вождем немецкого рабочего класса Эрнстом Тельманом. Несмотря на неоднократные

требования юридических органов ГДР и вдовы Э. Тельмана Розы Тельман, западногерманские власти упорно отказываются начать судебное расследование против В. Отто.

«Процесс в Кельне, в результате которого были приговорены к различным срокам тюремного заключения К. Лишка, Г. Хаген и Э. Гайнрихсон, зверствовавшие в годы войны в оккупированном фашистами Париже, не только не решил проблему справедливого наказания нацистских военных преступников за совершенные ими злодеяния, но и не прекратил позорную практику «вознаграждения» бывших эсэсовских палачей», — говорится в заявлении президиума Объединения лиц, преследовавшихся при нацизме.

2

Слов нет, книги, средства массовой информации при достижениях современной техники, развитии международного туризма и контактов могут сделать многое для того, чтобы все люди нашей планеты поняли: надо помнить уроки прошлого, нельзя быть равнодушными, мир надо отстаивать.

«Пришло время вспомнить один из самых страшных дней в немецкой истории, — пишет «Франкфуртер рундшау». — Сорок лет назад началась самая кровавая война, которую когда-либо знало человечество. Нет недостатка в призывах и обращениях... Все они звучат одинаково: никогда больше! Да и кто, кроме сумасшедших, хочет третьей мировой войны?.. Сложнее, однако, переходить от общего к частному. Даже в одном и том же лагере мнения несхожи».

Ссылаясь на публикации небезызвестного Ф. И. Штрауса, «Франкфуртер рундшау» продолжает: «Никакой пользы не принесут попытки противопоставить ошибки, глупости и человеческие слабости кого бы то ни было преступной воле тогдашнего германского руководства. Это было бы сравнением несравнимого. Этот метод не нов... Каждый десятый немец винит другие страны во второй мировой войне. С точки зрения статистики, это немного и потому не дает особых поводов для волнений. Но если бы это меньшинство получило место и голос в центральных органах власти нашего государства, это перестало бы быть мелочью».

Иная концепция положена в передовую статью «Франкфуртер альгемайне»: «Вторая мировая война принадлежит прошлому и все более отдаляется от нас. То, что последствия ее ощущаются и по сей день, не делает ее современностью, а ставит в ряд исторических событий, подобно французской революции или падению Рима...»

Перед нами недавно вышедшая в Кельне книга профессора Высшей технической школы в Дармштадте Герхарда Каде «Ложь об угрозе. По поводу легенды об «опасности с Востока» (Кельн, 1979, с. 294).

«Какую роль играет в действительности ложь об угрозе? Как получается, что, несмотря на квалифицированные опровержения, она способна столь упорно удерживаться и всегда находится на службе тех, кто с ее помощью творит свои темные дела? — спрашивает автор и отвечает: — Несомненно, многие используемые еще сегодня средства психологической войны, такие, как слухи, пропагандистская ложь, травля, запугивание, клевета, дискредитация, манипуляции, диверсии, коррупция, шпионаж и саботаж, обрели после развала антигитлеровской коалиции специфическое значение в рамках общей стратегии «холодной войны». Несомненно также, что ложь об угрозе в употребляемой ныне форме возникла, когда было ликвидировано военное превосходство государств НАТО и в общей стратегии НАТО «сдерживание» было заменено «устрашением». Однако сама по себе ложь об угрозе имеет более длительную традицию. Исторически она связана непосредственно с возникновением первого социалистического государства».

Дать полный перечень постоянно повторяющегося утверждения о советской угрозе сегодня почти невозможно. Вот лишь некоторые высказывания, показывающие, что «ложь об угрозе — это постоянный конек западных средств массовой информации». Западногерманская печать публиковала, в частности, статьи под такими заголовками: «Советские военно-воздушные силы — сильное военное орудие. Никакой надежной обороны у НАТО» (газета «Форвертс», 14.X.1955), «Угроза со стороны красного флота» («Форвертс», 5.VII.1957), «Глобальная угроза свободе» (газета «Тагесшпигель», 23.IV.1961), «Нарушенный баланс сил. Военное давление Советского Союза растет» (газета «Рейнишер меркур», 21.V.1971), «Москва берет НАТО в клещи» (газета «Вельт», 12.VIII.1971), «Продвижение к Рейну в три дня» (журнал «Штерн», 29.VIII.1971), «СССР — агрессивная держава» (газета «Мюнхнер меркур», 11.I.1972), «Достаточно ли сила Запада?» (журнал «Шпигель», 1976, № 34). «Беспокойство в связи с темпами вооружения Варшавского пакта» (газета «Франкфуртер альгемайне», 1.IX.1978), «Хейг: Советы планируют агрессию» (газета «Килер нахрихтен», 14.X.1978) и т. п.

Как только надо начать новый этап гонки вооружений, подчеркивает Г. Каде, на свет вытаскивается сказка о советском превосходстве, чтобы как раз в период постоянного роста всемирного движения за мир вызвать лояльное отношение людей к этой гонке.

Здесь, в центре Европы, нам довелось услышать историю Глена Рогрера, агента военной контрразведки США, рассказанную им самим.

И прозвучала она как печальное наследие «холодной войны», наследие зла.

Итак, в один прекрасный день из разведгруппы № 513 американской армии, расположенной в ФРГ, исчез сотрудник — Глен Р. Роггер. В его послужном формуляре значилось семнадцать лет работы в военной контрразведке. Имя Роггера стало сенсацией. Вот лишь один из множества откликов печати.

Западноберлинская газета «Телеграф»: «Американской тайной службе нанесен тяжелый удар. Шпион США — агент Востока. Бегство американского разведчика в Чехословакию, по мнению военных кругов США, отбросило американскую военную разведку в Европе на пять—десять лет назад. Роггер знал имена сотен западных агентов и связных. Но не только. Он знал и места в «железном занавесе», через которые эти агенты проникали».

Газеты писали, что Роггер в Чехословакии. Но здесь его в ту пору не было. Прошло время, пока он сам выбрал эту страну. И еще понадобилось время, чтобы можно было наконец рассказать эту историю.

Он стремительно вошел в кабинет, где его ожидали, извинился за опоздание — дольше, чем предполагалось, затянулась важная встреча.

— Пожалуйста, сначала немного о себе.

Роггер щелкает зажигалкой, глубоко затягивается.

— После второй мировой войны — воевал я в Европе, в контрразведке — вернулся домой. С работой не повезло. Стал одним из тысяч безработных, каких в Америке было много тогда и еще больше сейчас. Выбора не было, как и крыши над головой. И в Лос-Анджелесе я открыл двери пункта по набору добровольцев в армию. Учитывая фронтовую службу, мне предложили пойти в школу военной контрразведки. Я согласился.

Было нас в группе тридцать парней. Почти все с такой же судьбой. Каждый старался выбраться наверх по спинам других и топил других в ложке воды, только бы выслужиться перед инструктором, который будет писать характеристику. Нас окружала атмосфера зависти и подозрительности — ведь из каждой группы десять процентов полагалось отсеять.

После школы началась моя служба в военной контрразведке США — сначала в Австрии, потом в США, Франции, Западной Германии — в так называемом чешском отделении. Здесь нашей главной целью были операции против Чехословакии — сбор информации военного, экономического, политического характера, диверсии и саботаж, вербовка агентуры. До начала 60-х годов все операции строились, как правило, на нелегальном переходе границы. Позже, с ростом туризма, торговли, контактов все шире начали использоваться легальные каналы, в особенности связи судетских немцев.

Мне приходилось читать о многих фактах экономических диверсий в годы «холодной войны», например, о том, как, по сведениям, полученным от военных атташе, агенты американской разведки загоняли в Австрии в тупик вагоны с грузами для социалистических стран.

— Что бы вы хотели сказать в связи с этим?

— Экономические диверсии продолжаются — это надо сказать прежде всего. Только с ростом индустриальной мощи стран социализма, с развитием мировой торговли они приобретают новый характер. Используя самые разные средства, разведки США, ФРГ и других западных стран стремятся подорвать репутацию изделий с марками социалистических стран. Ведется настойчивая «антиреклама», которая должна создавать у общественности негативное представление о качестве изделий, сделанных «на Востоке». И таким образом повлиять на возможных торговых партнеров в западных странах. Были, к примеру, попытки вызвать недоверие к советским «Жигулям», кубинскому сахару... Мне известен, например, такой факт. На английском судне с грузом кубинского сахара для Европы был выведен из строя двигатель. Судно стало на ремонт. В порту во время ремонта мои бывшие коллеги дали к сахару добавки. Для здоровья вроде бы безвредные, но сахар с ними стал несладким.

Это одна сторона. Вторая — попытки всучить социалистическим странам под видом последнего слова техники старую технологию, устаревающее оборудование. По сути, это продолжение в других условиях экономической блокады, которой капитал пытался удушить Советскую Россию.

Сигарета почти догорела. Рогер гасит ее и тут же закуривает другую.

— После Австрии, кстати, американская разведка весьма учитывает стратегическое положение этой страны и всемерно

его использует, я работал в контрразведке в Чикаго, учился в языковой школе ЦРУ и затем был направлен в Нюрнберг.

Здесь я проверял чехословацких эмигрантов, которые хотели сотрудничать с американской разведкой. Присмотревшись к этим людям, я понял: большинство из них поверило сказкам о счетах в западных банках, о роскошной жизни в США. Это один из самых удачных крючков нашей разведки... А потом пускается в ход версия, что агент — двойник, и счет аннулируется.

Под вывеской одного исследовательского бюро американская разведка укрыла в ФРГ службу перлюстрации писем и подслушивания телефонных разговоров с социалистическими странами. Для этой цели еще в 1964 году были завербованы 16 тысяч почтовых работников ФРГ. Эта паучья сеть была раскинута так, что рано или поздно она захватывала каждого, кто звонил или писал из Федеративной республики на Восток и обратно, каждого, кто выезжал из ФРГ в социалистические страны по служебным делам или как турист и кто приезжал сюда.

Отделения этой службы были разбросаны по всей Западной Германии. Под невинными вывесками, скажем, отдела посольства по выдаче виз, находились они и в соцстранах. (В Праге — на Штепанской улице.) Просьбы о визе шли отсюда прямым путем в управление разведки командования американских вооруженных сил в Европе, а затем — соответствующим службам ФРГ. Недели и месяцы, которые требовались для получения визы, уходили на то, чтобы сотрудники разведслужб успели обработать нужных людей.

Все письма, все посылки из ЧССР, адресованные в ФРГ, попадали согласно тайному соглашению между США и ФРГ в глубоко законспирированное цензурное отделение при главпочтамте в Нюрнберге. По договору с ФРГ письма нельзя было задерживать более шести часов. Переснятую корреспонденцию пересылали нам. Часто с просьбой проследить за адресатом или подслушать телефонный разговор, который мог вызвать интерес. Все международные телефонные разговоры между ФРГ и ЧССР шли через Нюрнберг и в любую минуту по просьбе разведки могли быть записаны.

— Молодые люди иногда с легкой насмешкой относятся к напоминаниям о политической бдительности, считают ее уже чем-то необязательным. Что бы вы сказали об этом, исходя из своей практики?

— Понимаю, хорошо понимаю, о чем идет речь. Вроде бы каждый знает: не надо говорить лишнего, хвалиться тем, что

знаешь нечто неизвестное другим... И все-таки об этом забывают. Но именно в расчете на чью-то болтливость идет агент в кафе или пивной бар в интересующем его районе. Надеясь на чью-то беспечность, перебирает макулатуру и просеивает мусор. Выписывает со станков и машин на международных ярмарках заводские номера — эксперты сумеют по ним и другим сопоставленным данным рассчитать мощность завода. В общую мозаику подбирается каждая мелочь.

В мирное время людям свойственно благодушие. Теряется чувство близкой опасности. Но о ней забывать нельзя. Поверьте мне.

В Нюрнберге мне пришлось работать с одной из спецгрупп, разбросанных по всему свету. Они специально готовятся для подрывных действий в странах социализма. Среди их сотрудников много националистов — польских, украинских, чешских, словацких, венгерских... Из чешских и словацких националистов в глубокой тайне формировались отряды, предназначенные для участия в операции, тогда еще безымянной. В 1968-м ее лирично называли «Пражской весной». И многие мои нюрнбергские знакомые выглядывали эту весну и торопили ее из окон одного посольства близ Малостранской площади. Пражане хорошо знают, что речь идет об американском посольстве.

— ЦРУ приложило руку к чехословацким событиям...

— Оно сыграло в них главную роль. Так же, как и в путче 1948 года, в контрреволюционных выступлениях во многих других странах сейчас. Специально обученные, подготовленные к действиям во «вражеском тылу» диверсанты под видом туристов в 1968 году буквально заволокли Чехословакию. Многие из них я знаю в лицо.

Однажды мне поручили допросить на детекторе лжи молодого беженца из ЧССР. Его считали чехословацким разведчиком. Когда парня вывели из подвала, я ужаснулся его виду. Лицо выглядело одним кровавым пятном, кожа на запястьях содрана — значит, подвешивали за руки. Однако на мой вопрос, где его так отделали, он не ответил. Я видел его глаза. В них заледенел страх.

— Так понимали в «свободном мире» права человека...

— И так понимают. Я с удивлением и негодованием слежу за открытой вашингтонской администрацией кампанией в защиту прав человека в социалистических странах. Знаете, у американцев есть хорошая поговорка: не бросай камни, если

живешь в стеклянном доме. Мой дом — Америка, дом насилия. Насилие стало частью американского образа жизни. Мне кажется, что средний американец его как бы не замечает. Не потому, что привык, а потому, что чувствует свою беспомощность, свое бессилие перед ним. За двести лет существования США потеряли от насилия больше граждан, чем во всех войнах, которые вела страна.

Было время, когда я, как миллионы моих соотечественников, верил, что моя родина — Соединенные Штаты — колыбель, маяк и страж свободы, демократии и благополучия всего человечества. И форму сотрудника американской разведки я надел с убеждением, что иду служить идеям мира, демократии и свободы. Но эти иллюзии постепенно таяли. И — исчезли.

Я не мог и не хотел больше быть одним из молчаливых, тихих американцев, не мог больше дышать воздухом насилия и ненависти. К своему решению я пришел не за одну ночь. Ведь это не то, что сбросить пиджак. — Рогер резко разбрасывает полы и чуть тише продолжает: — Это годы раздумий и одно — бесповоротное — решение.

Я попытался найти свое место на стороне миллионов простых людей в мире социализма. В мире, который защищает народы от грозящей им еще более страшной, истребительной войны. Мое решение не было легким. Помогло то, чему учил отец: у человека должна быть отвага жить и действовать по своим убеждениям.

— Почему вы выбрали Чехословакию?

— Почему? Однозначно не ответишь. Чем больше я узнавал эту страну в центре Европы, ее историю, ее язык, тем больше я любил ее. И именно ей, социалистической Чехословакии, я считал своей обязанностью отдать долги. Здесь я мог принести больше всего пользы миру социализма. Хотел бы воспользоваться этим случаем и поблагодарить чехословацкий народ. Он дал мне возможность узнать преимущества социализма и жить при социализме.

— Какими вам, участнику войны с фашизмом, хотелось бы видеть советско-американские отношения?

— Я — американец и в сердце никогда не перестал им быть. На будущее своей страны я смотрю с оптимизмом. Вижу это будущее в мире и дружбе с Советским Союзом, со странами социалистического содружества, принадлежностью к которому я горжусь.

Лидице — это ложь... Освенцим — это ложь... Орадур — это ложь...

Так считает герр Гауптман.

Но один ли он так считает?

Вы, герр Гауптман, и ваши «соратники» по кровавым зверствам в годы второй мировой войны все чаще оправдываетесь: виноват, мол, один Гитлер, мы за него не в ответе. И шлете депеши в Карловы Вары, в Хеб из Мюнхена, Нью-Йорка, Вены: у нас, мол, в Чехословакии осталось наследство, мы еще вернемся за ним.

Знаете, как вас называют там?

Наследники зла. А еще у нас, славян, есть народная песня, которая звучит примерно так:

Пожди, милый, не вмирай,
Киселика дожидай...

И здесь, в центре Европы, наследники зла нет-нет да и поднимут голову.

В Австрии все более заметно активизируются силы, являющиеся в идейном и политическом отношении преемниками фашизма и выступающие с реваншистскими, пангерманскими лозунгами. Участились провокационные выступления всякого рода неонацистских организаций и групп. Ареной скандальных вылазок членов неонацистской организации «Новые правые» становился Венский университет. Неонацисты надругались над памятью узников нацизма в Гузене — бывшем филиале концлагеря Маутхаузен. К австрийскому радио и телевидению все больше широкий доступ получают «ветераны» нацизма. Наконец, проводятся встречи бывших эсэсовцев, слеты «землячества судетских немцев» с участием нескольких тысяч членов этого реваншистского союза.

Профессор Венского университета, активная антифашистка Эрика Вайнцирль, как пишет газета «Арбайтер цайтунг», выступая на сессии Института имени Реннера, посвященной теме фашизма, подчеркнула, что в 60-е годы она верила, будто неонацизм медленно отомрет, чем больше лет будет проходить после краха «третьего рейха». Но сейчас в неонацистские группы входят двадцатилетние: молодые люди, родители которых еще не были взрослыми людьми в гитлеровские времена.

Как особенно позорный факт она характеризовала то, что «третий рейх» изображается в газетах, книгах и фильмах как безобидное явление.

С неофашизмом надо решительно бороться. Тревожные вести идут не только из Австрии, но и из других концов Европы. Журнал «Квик», сообщая о «гитлеровской волне» в Великобритании, поместил снимки: английские неонацисты в мундирах вермахта проводят «военные учения» в предместье Лондона; рядом — молодой английский фанатик, изуродовавший себя нацистской эмблемой. Невероятно, что все это открыто происходит в стране, которая немало пострадала от фашистской Германии.

Реваншисты уверены в безнаказанности — и не без оснований. Так, «временная администрация германского Востока» — одна из нацистских организаций, окопавшаяся в ФРГ, беспрепятственно распространяла листовки, прославляющие Гитлера и оправдывающие развязанную им захватническую войну. В 1977 году она «от имени своих доверителей» заявила о «правах» на целый ряд «земельных угодий, лесных массивов и зданий» на территории Польши, ЧССР и Советского Союза. Хотя подобные подстрекательские выходки получили широкую огласку, официальный Бонн делает вид, будто ему ничего не известно...

Да, и за океаном, в Америке, неймется фашистам. Говорят, немало нацистов окопалось в Нью-Йорке. Еще Маяковский писал, что в Нью-Йорке проживает много немцев, сейчас же их, особенно в районе Йорквилля, стало больше, они «завоевывают все новые улицы». Неужели это за счет бежавших сюда военных преступников?

Реваншистов можно увидеть не только в районе 86-й и 85-й улиц, скажем, в баре «Гейдельберг», где они во время своих сборищ-фестивалей со значками «Поцелуй меня, я — немец» потягивают баварское пиво и презят о своем часе «пик».

Когда один из нас во время тридцать третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН заглянул туда, его соседом оказался какой-то полупьяный Вольдемар — «а ля Гитлер» с узенькой челочкой и вздернутыми усиками. В баре пахло крепким табаком, винными испарениями, разговор заглушали бравурные марши. Завсегдатаев этого бара можно нередко увидеть в роскошных салонах, где они покупают портреты фюрера, или расположенном в богатом квартале известном книжном магазине «Барнз энд Нобл», торгующем книгами «История войск СС», а в разделе «Эротика мира» — изданием «Сексуальные аспекты жизни Гитлера».

Бредовые идеи ефрейтора, похоже, не дают покоя иным государственным деятелям. Во время приема, который устроил на дому для делегатов сессии Генеральной Ассамблеи ООН

один из дипломатов европейской капиталистической страны, его дочь Кэт показывала гостям книги отца. Постпред Болгарии Янков заметил первым: среди прочих книг были «Майн кампф», биография Гитлера, выпущенные здесь, в Нью-Йорке.

Полупьяный же Вольдемар из нью-йоркской пивной, приставая к посетителям, хвастался, что его врачеванию цены нет: он-де за несколько сеансов полностью излечивает импотенцию.

Сотрудник Секретариата ООН, о котором мы упоминали в начале заметок, не выдержал тогда:

— Ну чего распетушился? Сам-то ведь давно импотент политический.

Но дискутировать в этой компании — далеко не безопасно. Дело прошлое, но расплачиваться пришлось досрочно, а на улице, пока добрались до ожидавшей машины, придерживались полицейских советов: когда поздно идете по улице, осмотритесь, не идут ли за вами; если заметили что-то неладное, перейдите на другую сторону улицы. Правда, кричать и бежать, как советуют в инструкции, не пришлось, но стоявший за углом наш «шевроле» был очень кстати.

В метро, автобусах многих городов Америки можно увидеть изображение свастики. Нацисты снова поднимают голову. Они ободрены новым взрывом антикоммунистической пропаганды в США. Потому-то и чувствуют себя все вольготнее и действуют наглее.

Вместе с тем Соединенные Штаты захлестнула волна антисемитизма. Такого взрыва страна не знала по крайней мере двадцать лет, отмечает газета «Нью-Йорк пост». В 1979 году было зарегистрировано свыше 130 антисемитских выступлений: нападения на евреев, убийства, разные акты вандализма, осквернение еврейских кладбищ.

Во всей кампании антисемитизма лидирует Нью-Йорк. Полиция города даже выделила специальный телефонный номер для сообщения о крупных антисемитских и других действиях с «расовой мотивировкой».

Так называемые «мелкие» инциденты статистика просто не учитывает, а полиция не обращает на них внимания.

Ненависть к евреям, констатирует газета «Ньюсдей», живет и процветает в США, и в Вашингтоне прекрасно знают об этом. А ведь только в одном Нью-Йорке проживает свыше 2 миллионов евреев. По данным министерства юстиции США, только за первые шесть месяцев 1979 года количество случаев «вандализма с расовой мотивировкой» увеличилось в пять раз в сравнении с таким же периодом предыдущего года. Хулиганские действия включают рисование свастики и антиеврей-

ских лозунгов на домах и стенах общественных зданий, подбрасывание зажигательных бомб, выбивание стекол в окнах и переворачивание надгробных камней и другие формы осквернения кладбищ.

Как известно, официальные власти США, на щадя живота своего, разглагольствуют о мнимых «нарушениях» прав человека за рубежом и не замечают того, что происходит в их собственной стране.

Но есть и другая Америка. Как предостережение новой угрозе, которую несет коричневая чума, стал спектакль, поставленный через тридцать пять лет после войны в одном из внебродвейских театров Нью-Йорка — «Театре Четыре». Спектакль идет по пьесе «Дневник Анны Франк», написанной Франсис Гудрич и Альбертом Хаккетом, в маленьком, но неизменно переполненном зале, потрясая зрителей.

Дневник своей младшей дочери Анны Отто Франк нашел уже после войны, когда он, чудом не погибший в Освенциме, вернулся в Голландию. В толстой ученической тетрадке по-детски непосредственно Анна описала трагедию двух еврейских семей, вынужденных два года скрываться от фашистов на чердаке склада в Амстердаме. В 1947 году дневник был опубликован в Голландии, вскоре судьба тринадцатилетней девочки потрясла читателей других стран, в том числе Советского Союза. Анны давно не было в живых: она погибла в нацистском концлагере Берген-Бельзен.

Но современному рецензенту из «Нью-Йорк таймс» Анна кажется «испорченным ребенком». А критик из «Виллидж войс» вообще считает «смехотворной» финальную реплику дочери: «Вопреки всему я твердо верю, что человек добр». Поражительная по цинизму реакция! Этим, с позволения сказать, «рецензентам» отвечают со страниц «Дейли уорлд» известный театральный критик Роберт Лауэри. «Вера в людскую доброту и щедрость, — пишет он, — главная мысль дневника Анны Франк. Сам дневник — это торжество жизни, нормальной жизни, прожитой в чудовищно ненормальных условиях и пожертвованной с твердой убежденностью в благородстве человека».

Перефразируя известные слова Авиценны, можно сказать, что эта тринадцатилетняя девочка «постигла значение человека», оказавшись на несколько голов выше некоторых продажных писак.

И вот сегодня по улицам Америки вышагивают молодчики, не таясь, выпятив нацепленные на грудь свастики. Вскармливаемые определенными кругами США, американские наци дожидаются своего дня, когда вместе с единомышленниками из ку-клукс-клана и «общества Джона Берча» смогут перейти к открытым действиям против новых семей Франк.

Кое-кто не против предать забвению вторую мировую войну, забыть ее уроки, не вспоминать о коричневой чуме, грозившей уничтожить человеческую цивилизацию. Но даже бывшие вояки вермахта, как, например, Рудольф Зульцман, признают, что за ложь в пропаганде и за искажение истины народы заплатили слишком дорогой ценой, чтобы снова браться за них в будущем.

Немало развелось и таких «теоретиков», которые тщатся затушевать истинные причины возникновения нацизма, второй мировой войны.

А третьи просто считают (как, например, написала в своем письме в газету «Голос Родины» жительница Франции Н. Крепс): войну нужно забыть, перестать о ней писать. Нет, господа, мы никогда не забудем неисчислимые жертвы, понесенные советским народом во второй мировой войне во имя спасения цивилизации от фашистских мракобесов. Отечественная война для нас не просто история, а зримая, осязаемая часть бытия.

— Было холодное зимнее утро. Мать хлопотала у печи, пекла хлеб. Вдруг — резкий удар в дверь, такой, что даже засов отлетел. В хату ворвались несколько вооруженных людей. Сразу кинулись к матери и приказали ей одеваться. Мать одевалась и смотрела печальными глазами на нас, детей. Мне в то время было восемь лет и до сих пор я не знаю, где мама.

— Когда в село вошли советские танкисты, Илья Танасович Самагала пригласил их остановиться у него дома. Позже бандеровцы выследили его и убили.

— Мы не должны забывать прошлого ради памяти погибших, ради счастья сегодняшнего. Пусть будут навсегда прокляты народом националисты, фашистские прихвостни. Их кровавые преступления напоминают нам о том, что необходимо быть бдительными, решительно пресекать любые проявления национализма.

Эти свидетельства, полные боли и горечи, не проходящей с годами, эти выстраданные наказания мы записали в селах Тернопольской области. Село Соснов Теремовлянского района... Говорит на сходе колхозник Богдан Иосифович Черный — это у него бандеровцы отняли мать. Поднимается Петр Максимович Рудык — его в пять лет оставили без отца, Семен Григорьевич Боднарук — у него, подростка, на глазах застрелили маму... Села Кривче, Горошева, Буглов, Шишковцы — повсюду в памя-

ти людей живы преступления фашистских пособников, пытавшихся террором утвердить свою «самостийную» власть.

После освобождения западных областей Украины от фашистской оккупации преступники предстали перед судом. Однако в то время не все удалось установить. Откроем датированный пятым июля 1944 года документ — «Акт расследования злодеяний, совершенных немецко-фашистскими захватчиками на территории г. Вишневец и Вишневецкого района». Составила акт Чрезвычайная Государственная Комиссия по расследованию фашистских злодеяний.

В августе 1942 года в г. Вишневец, говорится в документе, происходило массовое уничтожение еврейского населения: «В первый день погрома было расстреляно в овраге за городом свыше 2500 человек, в последующие дни продолжались систематические расстрелы и избиения и в конце концов к ноябрю месяцу 1942 года гетто перестало существовать, так как заключенные в нем были полностью уничтожены».

Из гетто людей выводили и вывозили машинами за город к оврагам, где заранее были приготовлены ямы. Недалеко от ям всем жертвам приказывали раздеться догола. Сопротивляющихся избивали, отбирали ценные вещи. Предатели рассортировывали их, связывали в узлы одежду и на подводах увозили ее для реализации.

Раздевшихся людей гнали в ямы по 5—6 человек, заставляли ложиться и расстреливали. Следующая партия ложилась на трупы расстрелянных. Так заполнялась одна яма за другой. Женщины, раздетые, шли в яму с детьми на руках. Женщина ложилась, прикрывая телом ребенка. Жертву расстреливали, ребенка же закапывали живым».

Так было расстреляно около шести тысяч человек — евреи, украинцы, поляки. Советские активисты, коммунисты и комсомольцы.

В том же 1944 году были произведены частичные раскопки. Из одной общей могилы извлекли 367 трупов: женщин, мужчин, детей.

Комиссия поименно назвала виновных в злодеяниях:

1. Вигальк, комендант.
2. Курнот, зам. коменданта.
3. Штайгер, комендант (гетто).
4. Фон Дабек — комиссар.
5. Битнер — жандарм.
6. Якс — комиссар.
7. Май — жандарм.
8. Баль — жандарм.

1. Островский Яков Георгиевич из Вишневец.
2. Волошин Алексей Дмитриевич из Вишневец.

Вскоре после освобождения Тернопольской области группа вишневецких полицаев была арестована. Островского допрашивал А. Н. Сабуров, прославленный партизанский командир, — в это время он возглавлял управление НКВД Дрогобычской области, которое временно находилось в поселке Вишневец.

Из протокола допроса, 1944 г.

«— Чем вы решили искупить свою вину?

— Хочу быть честным гражданином Советского Союза. Хочу пойти в армию и оправдать себя. Еще хочу сказать, что вы меня не знаете. Но я хочу вам сказать, что я все время был честным человеком. При немецкой власти меня сломили, но сегодня я решил снова стать порядочным человеком, потому что меня мучает совесть.

— Когда здесь происходили расстрелы?

— Начались расстрелы в 1941 году в июле месяце, как только вошли немцы. Расстреливали людей во рву. Потом расстреливали уже в 1942 году в июле — августе и сентябре месяцах.

— Вы лично участвовали в расстреле?

— В первом расстреле я не участвовал. А потом под угрозой расстрела вынужден был стрелять.

— Скажите, много людей вы расстреляли?

— Нет, немного — человек 25—30. Потом я болел и три месяца из-за сыпного тифа не вставал с постели».

Сыпным тифом он заболел, присвоив одежду расстрелянных: брюки, два костюма, пиджак...

«— Повторите, пожалуйста, сколько времени вы прятались от немцев, когда они вошли сюда в 1941 году?

— Недели три я прятался...

— Вы говорите — три недели? Это точно?

— Да, точно.

— А я имею сведения, что как только немецкая разведка появилась недалеко от Вишневца, вы вышли ей навстречу и там разговаривали с немцами. Так это или не так?

— С первого дня я действительно пошел навстречу немецкой разведке...

— А вчера вы говорили, что вы целый месяц скрывались от немцев... Вот и получается, что вы даете нечестные сведе-

ния... Вы водили вашу полицию на расстрел населения? Потом после расстрела шли обратно с песнями? Был такой факт?

— Да, был такой факт.

— Значит, после расстрела было так весело, что даже разные песни пели?

— Должно быть, было весело, потому что была нагайка.

— Сколько лично вы сами расстреляли?

— Человек 30... Когда немцы утомились расстреливать, мне дали винтовку и сказали расстреливать. Тогда допустили к расстрелу меня и еще одного человека из Вишневец по фамилии Соцкий Хома.

— В августе месяце 1942 года до приезда гестапо вы расстреливали евреев?

— Я был больной и никого не расстреливал.

— Теперь послушайте показания: «В августе месяце 1942 года до приезда гестапо Островский расстреливал евреев». Что вы можете теперь сказать?

— Теперь я вспомнил, был такой случай...

Прошло всего два месяца, и Островский вновь «забыл», сколько людей он расстрелял:

«Я убил лично сам 5 человек евреев, — говорил на суде, — в обвинительном заключении написано, что я убил 40 человек, это неверно».

А спустя еще несколько дней начал отрицать все подряд:

«Показания отрицаю, евреев я никуда не конвоировал, никогда их не убивал, и таких случаев, чтобы я конвоировал, а затем шли и пели песни, не было. Показания отрицаю. Участия в расстрелах я не принимал, евреев не расстреливал и там совсем не был, где происходили расстрелы».

Доказать его личное участие в расстрелах в то время следствие и суд не смогли. Учитывая это, Военная коллегия Верховного суда СССР 31 января 1945 г. отменила приговор военного трибунала и направила дело на новое рассмотрение со стадии судебного следствия.

23 июня 1945 года Островский был приговорен к 20 годам лишения свободы. Тогда же были осуждены другие полицейские из Вишневец — Соцкий и Шаповал. Отбыв наказание, Островский и Шаповал вернулись в Вишневец, а Соцкий поселился в Абакане, где его никто не знал. Женился на вдове погибшего солдата. Получил солидную пенсию — 120 рублей. Был даже награжден медалью «Ветеран труда». В Вишневец его родственники распустили слух, что он повесился, не выдержав измены жены.

Значит, кому-то было выгодно, чтобы о его существовании забыли?

Да. Точно так же, как нам всем было необходимо знать о нем, о них всю правду. Но поиск истины был не прост.

19 июля 1982 года старый приговор был отменен «с возвращением дела на дополнительное расследование по вновь открывшимся обстоятельствам».

На крутом откосе над дорогой Тернополь — Вишневек стоит скромный обелиск с красной звездой. Здесь перезахоронены останки жертв массовых расстрелов.

Долгие годы их могилы были неизвестны. Где-то за оврагом, говорили в городке, где-то в поле...

А то поле уже десятки раз перепахали. И над оврагом выросла густая посадка. Пробираешься сквозь нее, отклоняя сушняк, и вдруг видишь неровную, изрытую просеку. Пни, груды вывороченной земли, ямы...

Свидетели советовали искать здесь, но в этом месте поиск результата не дал... Тогда заложили скважины в разных местах. Чекистам помогали колхозники, рабочие. И только последние из 300 скважин вскрыли захоронения.

Потом в областном управлении КГБ нам показали кадры, снятые на этом поле. Их нельзя смотреть без содрогания: горы черепов, кости...

После освобождения предатели заматали следы. Одни признавались лишь в малой части преступлений. Другие утверждали, что, кроме службы в полиции, куда их якобы загнали силой, за ними грехов нет. Нашлись и такие, кто, отбыв наказание, продолжали чернить все советское, грозить. Тот же Островский, несостоявшийся наследник колбасной фирмы, подвыпив, рассуждал: «Эх, если бы американцы сбросили нам оружие, все коммунисты висели бы теперь на веревках!»

Правда, тут же он сам себя и осаживал: «Раньше для порядка достаточно было убить нескольких активистов, а теперь и половиной населения не обойдешься, настолько все заражены коммунизмом».

Когда Платон Викторович Жила слышал такие реплики, он никогда не молчал. У него, коммуниста, фронтовика, бывшего Берлин, свой счет к врагу. Его брат Павел и сестра Ирина погибли в фашистской неволе. Тетку вместе с мужем, советским служащим, бандеровцы заживо сожгли в пылающем здании Вишневецкого замка.

Вернулся солдат домой и понял, что война не окончена. В бою с бандеровской «бандой», обученной и вооруженной фа-

шистами, погиб его дядя — Василий Иванович Жила. Платон Жила стал бойцом истребительного батальона.

Вместе с Платоном Викторовичем Жилой чекистам помогали десятки и сотни вишневичан.

Свидетели видели, как полицаи, развлекаясь, стреляли сквозь щели забора по узникам гетто. Как издевались над людьми, не щадя даже детей. Как сбросили в шлюз женщину с новорожденным.

Среди тех, кого в августе сорок второго года поставили над страшной ямой, была маленькая девочка Фейга Айзенберг. Полицейская пуля миновала ее. Она упала рядом с сестрой и братом. Услышала слова полица: «Потом мы их сахарком присыпем». Так убийцы называли дезинфицирующий порошок.

Ночью Фейга выбралась из могилы. Настоящие люди, рискуя своей жизнью, скрывали ее от фашистов, называя своей доней — дочерью. Она дождалась прихода Советской Армии. Другое украинское село, передавая из хаты в хату, прятало Андриюшу Розенберга, убежавшего из гетто, сына фронтовика.

После войны они переехали в другие места, мало кто верил, что их удастся найти. Но их нашли. И они тоже обвиняли убийц.

— Я помню Соцкого, Островского и Шаповала, — говорила Ф. Айзенберг. — Они стреляли в нас. Меня спасла мама, прикрыв собой.

— Я видел, как Шаповал бросал детей в кузов, разбивая им головы, — сказал на суде П. Жила.

— Свидетель говорит неправду, — возразил Шаповал. — Там машины так стояли, что он не мог меня узнать...

— Обвиняемый Шаповал, откуда вам известно, как стояли машины? До сих пор вы утверждали, что ничего подобного даже не видели? — спросил прокурор.

— У меня склероз, — юлит Шаповал и всхлипывает.

На суде он жалок. Сидит, сгорбившись, приставив к уху ладошку. И только колючий взгляд напоминает, каким был этот «шущман» в 1942-м. Да еще легкость, с которой звучат в его объяснениях слова из жаргона карателей: «акция», «экстрема» — так они называли между собой массовое уничтожение людей.

Сразу после оккупации Вишневец Иван Шаповал вступил в полицию, нацепил «трезубец» — символ националистов. Тогда он чувствовал себя хозяином, цинично отвечал женщинам, пришедшим узнать о судьбе своих близких: «Готовьте им ящики». Учился на фашистских полицейских курсах в Кременце.

— Чему учились? — спрашивает прокурор. Шаповал старательно избегает слова «стрелять».

— Нам не доверяли, давали всего по пять патронов.

У полицаев были советские винтовки. Это доказано свидетелями, документами. Во вскрытых могилах нашлись гильзы от патронов к этим винтовкам. Гильзы стали вещественным доказательством участия полицаев в расстрелах. Свидетели подтвердили их личное участие в пытках и расстрелах.

Яков Островский был заместителем коменданта Вишневецкой районной полиции. Свои называли его «главным забойщиком». Уточним: «забойщиком» людей. По его собственному признанию, он старался создать в гетто ад. Там даже заколотили колодец. Люди пили из луж.

Говорят, в самом очерствелом сердце пробуждаются хотя бы капельки добра, когда оно встречает обездоленного, несчастного ребенка. Эти выродки ненавидели даже детей. Островский избил мальчишек, подобранных на улице рваную обувь. Соцкий ударил сапогом в лицо восьмилетнюю Анну Зимович, дочку красноармейца, за то, что она подобрала разбитую куклу, выброшенную кем-то на улицу.

Ефимий Соцкий, по прозвищу «Данилка Купленный», коммунистов люто ненавидел.

Свидетельствует А. Ф. Дудниченко. На всю жизнь врезалась в память безжалостная, жестокая расправа с безоружным человеком.

— Летом 1942 года, месяца не помню, в дневное время я шел по улице, которая сейчас называется Дольная. Вдруг за спиной я услышал одиночный выстрел. Когда обернулся, то увидел, что на проезжей части улицы лежит неподвижно человек, а около него с винтовкой в руке стоит полицейский Соцкий Ефимий. Других лиц здесь не было. Когда полицейский ушел, я подошел к лежащему человеку и увидел, что он мертв. В голове была большая пробоина. Похоже, что Соцкий выстрелил в него разрывной пулей. Как я потом узнал, это был человек по фамилии Берестовский, который пытался убежать от фашистов, ведущих его на казнь».

Полон зал Тернопольского клуба ветеранов. Рядом с молодежью сидят убежденные седины люди. Украинцы, русские, белорусы, евреи...

Когда Шаповала приговорили к высшей мере наказания (его напарников судили раньше), переполненный зал обрушился аплодисментами. Нет, наверное, в западноукраинских областях семьи, которую обошел бы фашистский, оуновский террор.

Мы попросили своих случайных соседей по залу сказать, что привело их на процесс. И слышали то же, что и на сельских сходках, с которых начали эти заметки: «Бандеровцы казнили отца», «фашисты замучили сестру-пионерку», «брат пропал без вести в немецкой неволе», «деда замучили бандеровцы»...

Дед Гали Наконечной был председателем колхоза, депутатом народных Сборов, принявших решение о воссоединении западноукраинских земель с Украинской ССР. Бандиты убили его. Другому депутату после казни приколотли записку на грудь: «Больше не будешь присоединять».

— Просчитались бандиты, злейшие враги украинского народа, — сказала Галя. — Союз Советских Социалистических Республик нерушим. И мы никогда не забудем войну, не забудем погибших...

Не забудем мы, современники, не забудут грядущие поколения. Это надо нам, живым, это надо нашим детям и внукам. Сотни красных пионерских галстуков прикреплены к почерневшим от пожарищ войны прутьям Бреста, галстуков, трепещущих на ветру, как поминальные огоньки на могилах павших героев. На одном из них надпись: «Моему дедушке — герою Бреста. Аня, ученица 6-го класса из Волгограда». Мы видели и надпись на красном галстуке: «От пионерского отряда «Дружба» из Гомеля», который был прикреплен к обугленному дереву, некогда зеленевшему у входа сожженной дотла школы чехословацкого села Лидице.

Помнить надо живым. И помнить призыв Юлиуса Фучика: «Люди, будьте бдительны!»

В той же Америке, предостерегает член палаты представителей Окастас Хокинс на страницах еженедельника «Мичиган кроникл», новый фашизм, замаскированный под старомодный американизм и проповедующий расизм, имеет сторонников во всех сферах американской жизни. Но, что еще более важно, продолжает Хокинс, неофашисты проповедуют «врожденное неравенство» людей: мол, национальные меньшинства, небелые и тому подобные категории людей находятся на самой низшей ступени, а потому белые должны верховодить всеми. И далее автор добавляет, что эта философия, по сути дела, не нова; она претворялась в жизнь в фашистской Италии при Муссолини, в фашистской Испании при Франко и в нацистской Германии при Гитлере. Сегодня многие правозащитнические группы, действующие в Соединенных Штатах, называют себя «национал-социалистическими», тем самым сознательно подчеркивая свои духовные связи с гитлеровским фашизмом.

Всего в США около сотни таких организаций. Наиболее влиятельные из них — «Американская нацистская партия», «Национал-социалистическая партия Америки», «Национал-социалистическая партия белых рабочих», «Объединенная партия белых». Они координируют свою деятельность, проникают в крупные политические партии, в сферу лоббистов, конгрессменов, бизнесменов, вербуют сторонников в недрах ЦРУ и ФБР.

Потому-то так своевременен и актуален выход в свет в США работы Пальмиро Тольятти «Лекция о фашизме» с предисловием, написанным Генеральным секретарем Компартии США Гэсом Холлом, который сопоставляет выводы автора книги о нацизме с современной деятельностью Америки.

Нацизм и фашизм вчера.

Неонацизм и неофашизм сегодня.

Он меняет свое обличье, приспосабливается к новой обстановке. Черная тень фашизма вчерашнего напоминает о себе не только пивной на одной из стрит в Америке. Она напоминает о себе взрывами подложенных фашистскими террористами бомб, политическими провокациями неонацистов, мутным потоком литературных и кинематографических «документов», прославляющих фашизм, гитлеровскую войну, нацистские зверства, модернизированными расистскими теориями, практикой геноцида...

О том, что опасность неофашизма действительно реальна, свидетельствует хотя бы заявление сотрудника Комиссии ООН по правам человека Х. С. Круса, подчеркнувшего, что «в последнее время в различных районах мира дают знать о своем существовании влиятельные силы, которые поддерживают, распространяют и в ряде случаев воплощают на практике идеологию, во многих аспектах близкую той, которая была характерна для нацизма».

Настоящий переполох в Западной Германии, как сообщил журнал «Ньюсуик», вызвало сообщение о том, что США намерены передать ей контроль над Берлинским центром документации, где под американским наблюдением с 1946 года хранится примерно 30 миллионов нацистских документов.

Вашингтон не видит больше никакой необходимости содержать этот центр, пишет журнал, и ведутся переговоры о передаче его западным немцам, которые, по-видимому, колеблются, не спешат с этим делом. Причина: как полагают, в этом центре находится много «взрывоопасных» материалов,

которые, могли бы — будь они опубликованы — вызвать сумятицу в Западной Германии, разоблачив какое-то число ее граждан как нацистских военных преступников.

Помнится, во время путешествия по центру Европы председатель Карловарского комитета Союза чехословацко-советской дружбы Станислав Давидек, могучий великан с прокуренными усами, знакомил нас со своим районом. Он только что вернулся из Свердловской области, с которой соревнуется Западночешская область. Дорога то ныряла в густые рощи, то снова выводила «шкоду» Станислава Давидека на степное раздолье.

— В нашем районе трудятся замечательные люди, — рассказывал Давидек, — и, как водится у добрых друзей, мы часто ездим к вам, а ваши товарищи приезжают к нам. У нас много общих дел — и в хозяйствовании, и в культурном обмене. Я и сам не раз бывал на Украине — в Киеве, Ужгороде.

И Станислав Давидек рассказал, что хозяйству села Быхов на Тепле, куда мы держим путь, помогли закарпатские рыбководы — и теперь здесь тоже разводят новую породу форели, а карловарские лесоводы делятся своими «секретами» с украинскими коллегами.

Сегодня мы снова вспоминаем встречи с чехословацким шахтером Зденеком Павликом, для которого поиск имен павших в борьбе за освобождение его родины советских солдат стал делом жизни.

— Я не люблю в общем-то громких слов, — говорил Зденек, — но думаю так: перед всеми павшими в борьбе с фашизмом чувствую себя в вечном долгу. Они погибли ради нас. Известно ведь, какую судьбу готовили нам гитлеровцы.

Да, известно. Чехословакия, утверждал Гитлер, выступая перед высшими генералами вермахта 28 мая 1938 года, должна исчезнуть с карты Европы. Зловещий посев той весны взошел очень скоро: мюнхенский сговор, предательство правящей буржуазии, свастика над страной.

Дорога к возрождению, к национальной и государственной независимости шла через Бузулук и Соколов, через муки Панкраца и отвагу Словацкого национального восстания, через омытую общей кровью Дуклу, шла с танками Рыбалко и Лелюшенко, освобождавшими Прагу.

— Не будь Советского Союза, Советской Армии, — убежденно говорит Зденек Павлик, рабочий человек, — от моей родины остались бы одни руины. Я всегда об этом помню. И детям завещаю помнить.

Надо ли сегодня помнить обо всем этом?

Надо.

Глубоко символично, что голоса дружбы сынов и дочерей разных народов прозвучали здесь, в самом центре Европы, — в городе Соколов.

Город, давший имя фестивалю политической песни, близкий сосед знаменитого курорта Карловы Вары. От популярных источников до Соколова всего два десятка километров. Только что машина шла мимо сплошного ряда пансионатов, гостиниц, санаториев. И вот уже за окном индустриальный пейзаж: на макушку террикона взбирается вагонетка, дымят трубы электростанции, тянутся закопченные заводские корпуса...

Соколов лежит на самом западе республики, в том углу, где сходятся границы Чехословакии, ГДР и ФРГ. Окрестные названия напоминают о древней славянской истории края: Соколов, Ходов, Краслице, Локет... Там, где река Огрже круто меняет русло, давным-давно поставили Локетский замок. Его называли «ключом к королевству Чешскому». Старые названия дошли через века, хотя не раз их пытались стереть с карты и из памяти. «Лес, река, города и села изменить свои славянские имена не хотят», — писал когда-то чешский поэт Ян Коллар. Охотников переименовать на свой лад исконные имена, увы, немало находилось и позже.

В Соколове — его родословная, кстати заметить, уходит в XIII век, в средневековые копи — в городском музее есть любопытная карта. Издана она была в Мюнхене года три-четыре назад. По существу же, это слепок навсегда ушедшего времени, наглая попытка повернуть вспять историю, воскресить 1938 год, когда фашистские солдаты сбивали таблички у чешских городов и сел и ставили свои.

Совсем рядом проходит здесь граница с ФРГ.

— Всмотритесь теперь в ту опушку, — советует пограничник, передавая бинокль и показывая налево. — Там под деревьями укрыт бункер американской армии.

Так же тихо вокруг — только птицы слышны. Так же ласкова речушка. Только смотришь вокруг уже другими глазами. По ту сторону мостика не просто другая страна. Там, за флагами ФРГ и Баварии, другой мир.

Черта, у которой стоит пограничный столб с гербом Чехословацкой Социалистической Республики, — самая западная граница социализма. За спиной часового на фасаде контрольно-пропускного пункта лозунг: «Защищаем рубежи социализма». Да, старое понятие границы наполнилось новым смыслом. Оберегая свои пределы, Чехословакия обороняет и границы

социализма. А рубежи социализма надежно защищают Чехословакию.

Каждая эпоха оставляет свои символы интернациональной солидарности. Партизану, борцу Словацкого национального восстания, и сегодня слышится гул советского самолета, спешившего на помощь повстанцам. Сегодня самолет стал живым памятником. Как и танк в Праге, первый советский танк, прорвавшийся на помощь восставшей столице. Площадь, на которой он стоит, город назвал именем Советских танкистов. Чуть поодаль, на Кларове, там, где булыжная дорога крутым серпантинном взбирается вверх к величавому утесу Града, открывая внизу островерхие, зеленые крыши, мосты через Влтаву, — там, справа от дороги, поднялся копер «Метростава» — новый символ нашей дружбы.

О копрах, вписанных в пражское утро, о партизанской беззаветной дружбе, о Гавроше и Щорсе, о непокоренных чилийских патриотах во весь голос пел Соколов. Эмблема фестиваля — гитара, из которой вырастает рука, сжатая в кулак.

Но представьте себе, что вот эта гитара
Для фашистов страшна, словно совесть земли.
В сентябре на допрос взяли Виктора Хару
И гитару его на допрос повели.
Чтоб бежать он не смог, его крепко связали.
Чтобы жить он не мог, расстреляли в ночи.
Чтоб играть он не мог, ему руки сломали,
И у песен, ребята, есть свои палачи.
С голубых Кордильер открываются дали.
Океанские ветры звенят, как струна.
А гитару его сапогами ломали.
И гитара поэта бывает страшна.
Так играйте, друзья, бейте в ваши гитары,
Воскрешайте шеренги великих имен,
Чтобы в ваших руках руки Виктора Хары
Продолжали бы песню грядущих времен.

Песню Сергея Никитина в Соколов привезли воронежские студенты. И как трепетно слушал их переполненный Дворец спорта, как скандировал вместе с нашими ребятами последние строки:

Чтобы в ваших руках руки Виктора Хары
Продолжали бы песню грядущих времен.

Молодежь разных стран — Советского Союза и Кубы, ФРГ и Бельгии, Чехословакии и Анголы, Болгарии и ГДР, Чили и Португалии — снова и снова утверждает свою солидарность в борьбе за мир, за разрядку международной напряженности,

против фашизма и империализма. Песня летит к границам навстречу ядовитым волнам, и, верится, она сильнее их.

Дети разных народов,
Мы мечтою о мире живем...

Стремительно меняются ритмы, языки, костюмы, темы... Музыка переносит с континента на континент, от забот и радостей человека к тревогам человечества. Слушаешь эту разноразличную исповедь и думаешь, как точно сказано о песне — душа народа, как окрыляет и объединяет песня.

Нам вспоминается одно из писем Юлиуса Фучика своей Густе. Отправил он его осенью 1932 года из армии.

«Любопытный эпизод произошел вчера днем в нашей комнате. Ефрейтор (тот самый человек, которому вменили в обязанность неотступно следить за мной) вступил со мной в спор о немецком гимне. Потом мы заговорили о гимнах вообще, и он позволил себе шутку: «Вы, наверное, охотнее поете русский, чем наш». Я согласился с ним с видимой охотой. Тогда он полюбозыблился: «А какой у русских гимн?» И я запел по-русски «Интернационал». Не особенно громко. Но все-таки это услышал один немец, который стоял, склонившись над своим чемоданчиком. Он вдруг выпрямился и запел вместе со мной «Интернационал» по-немецки. А тут присоединились и два словака, а потом еще один чех. И прежде чем мы успели спеть первую строфу, как уже все парни (кроме одного) стояли посреди комнаты, руки по швам — и «Интернационал» сотрясал стены казармы.

Такая случайность, а кончилось ведь дело настоящей демонстрацией».

Десять лет спустя в оккупированной Праге, когда гестаповцы выследили Фучика и бросили в тюрьму Панкрац, выстоять ему помогла песня. Откройте «Репортаж с петлей на шее», прочитайте эти строки:

«Камера № 267 поет. Всю жизнь я пел песни и не знаю, с какой стати расставаться мне с песней сейчас, перед самым концом, когда жизнь ощущается особенно остро».

И дальше:

«Сегодня Первое мая 1943 года... Девять часов. Сейчас часы на кремлевской башне бьют десять, и на Красной площади начинается парад. Отец, мы с вами. Там сейчас поют «Интернационал», он раздастся во всем мире, пусть зазвучит он и в нашей камере. Мы поем. Одна революционная песня следует за другой, мы не хотим быть одиночками, да мы и не одиноки, мы

вместе с теми, кто сейчас свободно поет на воле, с теми, кто ведет бой, как и мы...

Товарищи в тюрьмах,
В застенках холодных,
Вы с нами, вы с нами,
Хоть нет вас в колоннах...»

Строфу из песни Юлиус написал по-русски: «Товарищи в тюрьмах, в застенках холодных...» — в Чили, Парагвае, ЮАР, во всех фашистских застенках, вы с нами, вы с нами, хоть нет вас в колоннах. Пусть до вас, как до Юлека, донесется из Москвы «Интернационал».

Донесется...

По первым тактам песни, с которой вышли на сцену студенты Воронежского университета, зал узнал близкую каждому чеху и словаку мелодию — «Лидице предостерегает».

Никогда больше
Пусть розы не перестанут цвести.
Никто из нас не хочет больше воевать.
Мертвые молчат и скорбят.
Лидице предостерегает:
Никогда больше.

Ведь ужасы войны нельзя смыть.
В каждом из нас то имя всегда будет жить.
И в рисунках детей, когда они розы рисуют.
Лидице предостерегает,
Лидице предостерегает.

Предостерегает Орадур, Ковентри, Равенсбрюк, Хатынь, Варшава...

Предостерегают рвы смерти на советской земле, руины городов, кровь миллионов...

Небо над планетой чистое.

Люди, будьте бдительны!

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛЫНЬ ЧУЖБИНЫ	3
Пролог	5
Глава первая. Взгляд с той стороны	7
Глава вторая. Лишившись корня, все умирает...	92
Глава третья. Желто-голубая папка с крестом и трезубцем	129
Глава четвертая. Черная папка с крестом и свастикой	169
Глава пятая. Волки в раю	233
ПОСЛЕСЛОВИЕ К РОМАНУ	275
Земля у нас одна	279
«Наследство» господина Гауптмана	316

В. Андриянов, А. Москаленко.

А 65 Полынь чужбины.— М.: Правда, 1987.— 352 с.

Авторы романа — известные советские публицисты — на широком историческом материале, который охватывает события после 1917 года, прослеживают судьбы эмигрантов, в свое время выехавших из нашей страны; разоблачают попытки западных спецслужб использовать их в подрывной деятельности против СССР. События происходят в Советском Союзе, США и Канаде, в Чехословакии и Болгарии, во Франции и других странах Европы; в произведении впервые широко использованы документы и дневниковые материалы из советских и зарубежных архивов.

А $\frac{4502010000-1507}{080(02)-87}$ 1507—87

ББК 66.3(0)

Виктор Иванович АНДРИЯНОВ
Анатолий Захарович МОСКАЛЕНКО

ПОЛЫНЬ ЧУЖБИНЫ

Политический роман

Редактор

В. Т. Фомичев

Оформление художника

А. В. Еремина

Художественный редактор

В. В. Масленников

Технический редактор

Т. Б. Слизун

ИБ 1507

Сдано в набор 04.01.87. Подписано к печати 22.05.87. Формат 60 x 84¹/₁₆.

Бумага книжн.-журн. Гарнитура «Гарамонд». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 20,46. Усл. кр.-отг. 20,93. Уч.-изд. л. 21,86.

Тираж 700 000 экз. (3-й завод: 500 001—700 000).

Заказ 1153. Цена 70 коп.

Набор и фотоформы изготовлены в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда».

125865. ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Отпечатано в типографии издательства ЦК Компартии Латвии,
226081, Рига, ул. Баласта дамбис, 3.

70 коп.

7. X. 1928
Glasna
přijata
nebo
nebo

nebo
nebo
nebo
nebo
nebo

1927
1928
1927
1927
1927

1927
1928
1927
1927
1927

Виктор Андреевич
Анатолий Москаленко